

ТВОРЕНІЯ
СВЯТЫХЪ ОТЦЕВЪ,

ВЪ РУССКОМЪ ПЕРЕВОДЪ,

ИЗДАЕМЫЯ

ПРИ

МОСКОВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ.

—❧—
Томъ сорокъ первый.
—❧—

Б-3
Гн. 83
г. Г.

№ 1858.

ТВОРЕНІЯ

СВЯТАГО ГРИГОРІЯ НИССКАГО.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ.

МОСКВА.

ГИПОГРАФІЯ В. ГОТЬЕ.

1863

ПОСЛАШЕ

ИЖЕ ВО СВЯТЫХЪ ОТЦА НАШЕГО ГРИГО-
РИЯ, ЕПИСКОПА НИССКАГО.

КЪ БРАТУ ЕГО, НЕГРУ, ЕПИСКОПУ СЕВАСПІЙСКОМУ.

Едва не надолго улучивъ свободное время, по возвращеніи изъ Арменіи, могъ я заняться врачеваніемъ тѣла и собрать записки, по совѣту твоего благоразумія составленныя на Евномія, чтобы трудъ мой принялъ наконецъ видъ связнаго слова, а слово сдѣлалось уже книгой. Но писано у меня не противъ обонхъ Евноміевыхъ книгъ: потому что не имѣлъ я столько свободнаго времени: ссудившій меня этою еретическою книгою, но великой нерасчетливости, скоро вытребовалъ себѣ книгу назадъ, и не далъ ни списать ее, ни заняться ею на досугѣ. Пользовавшись ею семнадцать только дней, не имѣлъ я и возможности сдѣ-

латъ, чтобы въ такое короткое время стало меня на обѣ книги.

А какъ многіе, имѣя сколько вибудь ревности объ истинѣ, по распространившемся, не знаю какъ, слуху, что трудился я надъ опроверженіемъ хульника, не однократно приступали ко мнѣ; то заблагоразсудилось мнѣ прежде всего твое благоразуміе употребить совѣтникомъ въ семъ дѣлѣ, надобно ли вѣрять оное слуху многихъ. или придумать что-либо иное. Въ недоумѣніе же приводитъ меня слѣдующее: Евноміево слово получилъ я тотчасъ по успешнѣи святаго Василія, когда сердце кипѣло еще отъ любви, и сильно болѣло объ общей уtratѣ церкви, у Евномія же не то одно написано, что, по видимому, служить къ подтвержденію его ученія, но въ большой части книги видна тщательность, съ какою трудился онъ слагать злорѣчивыя нападенія на отца нашего. По этому, возмущенный оскорбительными Евноміевыми выраженіями, и я высказалъ по мѣстамъ нѣкоторое раздраженіе и воспламененіе сердца на сего писателя. Поелику же многіе, можетъ быть, инаго о насъ мнѣнія, а именно, что, по ученію онаго святаго, навывнувъ, сколько можно, скромности въ нравѣ, способны мы быть терпѣливыми къ дерзкимъ противъ насъ до безчинія: то убоялся я, чтобы за написанное мною о противникѣ читатели не почли меня, какъ легко раздражающагося

злословіемъ оскорбляющихъ, какимъ-то новичкомъ: развѣ, можетъ быть, признать меня таковымъ воспренятствуетъ то, что приведенъ я въ гнѣвъ сказаннымъ не противъ меня самаго, но противъ отца. Ибо въ такихъ случаяхъ соблюдающій скромность неизвинительнѣе, можетъ быть, раздражающагося.

Если же первая часть слова покажется нѣсколько непохожею на состязаніе; то разсуждаю, что осмотрительный судія одобритъ такую бережливость въ словѣ. Ибо не должно было, какъ хорошее мнѣніе о великомъ, подрывасное хулами противника, оставлять незащищеннымъ, такъ и цѣлое слово наполнять защищеніемъ, и здѣсь и тамъ заводя о немъ споръ. Сверхъ того для разсуждающаго со всею точностію и это составляетъ часть состязаній. Ибо такъ какъ слово противника имѣетъ въ виду двѣ отдѣльныя цѣли. и насъ оклеветать и осудить здоровое ученіе; то по сему и наше слово должно быть направлено противъ того и другаго. Но для ясности, и чтобы не прерывать связи въ изслѣдованіяхъ о догматѣ вставками, содержащими въ себѣ опроверженіе клеветы противника, по необходимости произведеніе сіе раздѣливъ на двѣ части, въ началѣ занялись мы оправданіемъ себя отъ взводимаго на насъ, а послѣ сего, по мѣрѣ силъ, вступили въ споръ съ сказаннымъ противъ догмата. Заключаетъ же въ

себѣ слово не только опроверженіе еретическихъ предположеній. но также ученіе и изложеніе нашихъ догматовъ. Ибо постыднымъ для себя и вовсе не благороднымъ почли мы, когда враги не скрываютъ того, что ни съ чѣмъ не сообразно, не имѣть намъ смѣлости высказать истину.

ПОСЛАНИЕ

ПЕТРА СЕВАСТІЙСКАГО БЪ БРАТУ ЕГО
СВЯТОМУ ГРИГОРИО ШСССКОМУ.

Богочестивому брату Григорию Петръ желаетъ о Господѣ радоваться.

Прочитавъ письмо твоего преподобія, и въ словѣхъ противъ ересь примѣтивъ ревность объ истинѣ и о святомъ нашемъ отцѣ, призналъ я слово сіе дѣломъ не твоей силы, но силы Благоустроившаго, чтобы въ ученіяхъ Его глаголала истина. Но какъ утверждаю, что за-щиту истины всего лучше восписать самому Духу истины; такъ кажется мнѣ, что и усиліе возставать противъ здоровой вѣры должно при-своить не Евномію, но самому отцу жи. И сей *человѣкоубійца искони* (Іоан. 8, 44.), говорив-шій въ Евноміѣ, какъ видно, тщательно из-ощрилъ на себя мечъ. Ибо еслибы не восталъ онъ съ такою дерзостію на истину, то никто не подвигъ бы тебя на защиту догматовъ

благочестія. Посему запинаяй прелюдрыя въ коварствѣ ихъ (1 Кор. 3, 19.), чтобы наипаче обличилась гнилость и несостоятельность ихъ учений, дозволилъ имъ и возставать противъ истины, и въ пустомъ этомъ словоплетеніи поучаться тщетнымъ (Пс. 2, 1.).

Итакъ, поелику начавшій благое дѣло и совершить оное; то не ослабѣвай и ты, служа силѣ Духа, и не въ половину окажи себя доблестнымъ въ борьбѣ съ вооружающимися противъ славы Христовой, но подражай истинному отцу твоему, который, подобно ревнителю Финеесу, однимъ ударомъ обличенія вмѣстѣ съ учителемъ пронзилъ и ученика. Такъ и ты словесною дланію вонзи съ силою духовный мечъ въ обѣ еретическія книги, чтобы змій, по сокрушеніи главы его, не приводилъ неопытныхъ въ страхъ трепещущимъ еще хвостомъ. Ибо если, по низложеніи первыхъ частей сочиненія, окончаніе оставлено будетъ неизслѣдованнымъ, многіе останутся при той мысли, что оно имѣетъ еще нѣкую силу противъ истины.

Оказывающееся же въ словѣ раздраженіе для душевныхъ чувствилищъ замѣняетъ приправу соли. Ибо какъ, по словамъ Іова, *не съестся хлѣбъ безъ соли* (Іов. 6, 6.); такъ слово, неприправленное таинственными Божиими реченіями, было бы не поразительно, и не возбуждало бы пожеланія.

Посему дерзай. чтобы стать добрымъ примѣромъ для будущихъ поколѣній, научая, какъ благопризнительнымъ дѣтямъ надлежитъ вести себя передъ добрыми отцами. Ибо, если бы оказалъ ты такое раченіе противъ осмѣливающихся подрывать доброе мнѣніе о святомъ, когда продолжалъ онъ еще земную жизнь, то неизбѣжалъ бы, можетъ быть, клеветы. что оказываешься какимъ-то льстецомъ. Но теперь душевную искренность и дѣйствительность того благорасположенія, какое имѣешь къ приведенному тебя во свѣтъ духовнымъ рожденіемъ, ясно показываютъ и рачительность о почившемъ, и негодованіе на враговъ его. Будь здоровъ.

ОПРОВЕРЖЕНІЕ ЕВНОМІА.

КНИГА ПЕРВАЯ.

СОДЕРЖАНІЕ ПЕРВАГО СЛОВА.

1.) Предисловіе о томъ, что бесполезно пытаться оказывать благодѣяніе не приемиющимъ пользы.

2.) О томъ, что справедливо приступили мы къ опроверженію, скорбѣ о братѣ, подвергнутомъ осужденію.

3.) О томъ, что, въ Евноміевой книжѣ не усматривая ничего важнаго по силѣ ученія, по праву осмѣлились мы на опроверженіе.

4.) О томъ, что многопустословія и празничества допустилъ Евномій, не очень заботясь о существенномъ.

5.) О томъ, что не хорошо поступилъ Евномій, въ сочиненіяхъ своихъ осмѣявъ епископовъ: арменскаго Евстаѳія и галатійскаго Василія.

6.) Припоминаніе о начальникѣ нечестія Аэтіѣ и объ Евноміѣ, съ краткими свѣдѣніями о родѣ и о занятіяхъ сихъ мужей.

7.) О томъ, что Евноміи обличаетъ самъ себя, сдѣлавъ признаніе, въ чемъ его не обвиняли.

8.) О томъ, что упреки, какіе Евноміи дѣлаетъ Василию, какъ оказывается изъ дѣлъ, гораздо приличнѣе сдѣлать ему самому.

9.) О томъ, что, обвиняя Василія, будто бы не стоялъ за ученіе во время состязаній, Евноміи самъ оказывается не свободнымъ отъ обвиненія въ этомъ.

10.) О томъ, что все оскорбительныя реченія, какія Евноміи употребилъ о Василии, на самомъ дѣлѣ изобличаются въ лживости.

11.) О томъ, что Евноміи безъ стыда воспользовался лжеумствованіемъ, построеннымъ на словѣ: награда, и доказываетъ, будто бы по нашему признанію былъ онъ судимъ, а не какъ не обвиняемый составилъ апологію (а).

12.) О томъ, что напрасно укоряетъ за робость показавшаго столько мужества въ состязаніяхъ предъ царемъ и предъ ипѣрхами.

13.) Напоминаніе о томъ, что сказано имъ догматическаго, и раздѣльныя возраженія на сказанное.

(а) Въ греческомъ читается: *την βρολογίαν*; но, судя по содержанию самой главы, читать должно: *την ἀπολογία*.

14.) О томъ, что худо поступилъ Евномій, когда, говоря о спасительномъ догматѣ, не именуетъ Отца и Сына и Святаго Духа, какъ предано, но употребилъ инья имена по собственному изволенію.

15.) О томъ, что худо поступилъ, объ одной сущности Отца сказавъ, что она въ самомъ собственномъ смыслѣ такъ называется и есть высшая, и тѣмъ въ тайнѣ наводя на мысль, будто бы сущность Сына и Духа не въ собственномъ смыслѣ такъ называется и ниже сущности Отца.

16.) Изслѣдованіе означаемого словомъ: подчиненіе, поколику Евномій говоритъ, что естество Духа подчинено сущности Отца и Сына; и на семъ изслѣдованіи основанное доказательство, что Духъ Святыи равночиненъ, а не подчиненъ Отцу и Сыну.

17.) Изслѣдованіе дѣйствованій, какія сообразны съ естествомъ, и, по словамъ Евномія, слѣдуютъ за сущностію Отца и Сына.

18.) О томъ, что несогласно съ разумомъ поступаетъ Евномій, раздѣляя догматъ на множество сущностей, и не представляя никакого доказательства, что это дѣйствительно такъ.

19.) О томъ, что, сущность Божию называя простою, Евномій допускаетъ простоту только въ имени.

20.) О томъ, что худо онъ поступаетъ, измышляя нѣкое предшествующее существо-

ванію Единороднаго дѣйствованіе, которымъ производится уполтасть Христова.

21.) О томъ, что хула евноміанъ хуже іудейскаго заблужденія.

22.) О томъ, что въ ученіи о Божіей сущности не надлежитъ употреблять реченій: большее и меньшее; и вмѣстѣ съ симъ точное изложеніе церковныхъ догматовъ.

23.) О томъ, что ученіе вѣры не незасвидѣтельствовано, какъ огражденное свидѣтельствами Писанія.

24.) О томъ, что Евномій пустословитъ, въ догматахъ благочестія ухищренно толкуя о величинахъ и разностяхъ дѣлъ и дѣйствованій.

25.) О томъ, что Евномій, доказывая, будто какимъ-то разстояніемъ времени Отець старше Сына, вынужденъ будетъ и Отца назвать безначальнымъ.

26.) О томъ, что и твари не приличествуетъ такой образъ воззрѣнія, какой будто бы, какъ вынуждаютъ къ тому евноміане, долженъ имѣть мѣсто въ разсужденіи Отца и Сына: напротивъ того надлежитъ особо уопределять себѣ Сына со Отцемъ, о твари же признать, что она возымѣла начало съ определеннаго времени.

27.) О томъ, что напрасно предполагалъ Евномій, будто тѣже дѣйствованія свершаются и тѣже дѣла, и будто различіе дѣлъ доказываетъ, что и дѣйствованія различны.

28.) О томъ, что напрасно предполагалъ, будто бы въ согласіи естествовъ можетъ состояться ненарушимая связь.

29.) О томъ, что напрасно думалъ недоумѣніе о дѣйствованіяхъ разрѣшать сущностями, и на оборотъ.

30.) О томъ, что ни одно Божіе слово не повелѣваетъ касаться подобныхъ вопросовъ; при этомъ доказывается суетность любомудрствованія о семъ.

31.) О томъ, что къ вѣдѣнію тождества по сущности достаточно познанія изъ дѣлъ Промысла.

32.) О томъ, что невразумительно утверждаемое сказавшимъ, будто бы образъ рожденія слѣдуетъ образу унодобленія.

33.) О томъ, что напрасно утверждаетъ Евноміи, будто бы естественнымъ достоинствомъ раждающаго показывается образъ рожденія.

34.) Напоминаніе о томъ, что сказано Евноміемъ въ оужденіе слова: Единосущный, и споръ о сказанномъ.

35.) Доказательство того, что ученіе апопеевъ клонится къ манихейству.

36.) Еще краткое мимоходомъ напоминаніе о церковномъ догматѣ.

37.) Защищеніе сказаннаго блаженнымъ Василіемъ, а оуждаемаго Евноміемъ, именно, когда отецъ нашъ говоритъ, что наименованія:

Отець и Нерожденный могут означать одно и тоже понятие.

38.) Опроверженіе лжеумудрственнымъ умозаключеній, составленныхъ Евноміемъ изъ многихъ епихиремъ.

39.) Отвѣтъ на предлагаемый имъ вопросъ: раждается ли Сущій?

40.) О томъ, что Евномій, обличенный блаженнымъ Васи́емъ, безстыдно усиливается стоять за себя.

41.) О томъ, что слѣдующее не одно и тоже съ тѣмъ, за чѣмъ слѣдуетъ.

42.) Истолкованіе значенія слова: нерожденный, и умопредставленіе о присносущемъ.

1. Желать всѣмъ благодѣтельствовать и всякому человѣку въ цѣломъ мірѣ, кто бы онъ ни былъ, безъ разбора расточать свою милость, равно какъ и на неспѣльно больныхъ тратить запасъ многихъ врачевствъ, кажется мнѣ, есть дѣло не возможное и не свободное отъ осужденія многими: потому что, не смотря на полезную цѣль, не доставляетъ ничего достойнаго тщательныхъ усилій: ни выгоды принимающимъ пособіе, ни похвалы раздающимъ его щедро. Напротивъ того подобное сему дѣлается часто поводомъ къ худшему: ибо какъ больные и близкіе уже къ смерти сильно

дѣйствующими врачевствами легко приводятся въ конечное разстройство; такъ звѣронравныя и неразумныя, будучи облагодѣтельствованы, отъ несбереженія бисеровъ, какъ говоритъ нѣгдѣ евангельское слово (Матѹ. 7, 6. , дѣлаются худшими. Посему, кажется мнѣ, хорошо при раздаянїи даровъ, какъ предрекло Божїе слово, отличать неимѣющее цѣны отъ драгоцѣннаго. чтобы благодати щедролюбца не опечалилъ поправнїй бисеръ и безчувственностїю къ прекрасному поругавнїй благодѣяніе.

2. Пришло же мнѣ на мысль сказать это, когда представилъ себѣ щедро сообщавнаго всѣмъ собственныя свои доброты, разумїю челоувѣка Божїя, эти уста благочестїя Василїя, который отъ избытка духовныхъ сокровищъ и въ злохудожныя души безъ разбора изливалъ благодать премудрости, даже и въ непризнательнаго къ старавшимся сдѣлать ему какое либо добро Евномїя. Ибо послѣднїй по чрезмѣрности душевнаго недуга, отъ котораго изнемогалъ въ дѣлѣ вѣры. жалкимъ казался для всѣхъ принадлежащихъ къ церкви. И кто сколько не сострадателенъ, чтобы не сжалятся надъ погибающимъ? Василїя же единственно подвигло принять на себя врачеванїе то, что онъ одинъ въ прензбыткѣ челоувѣколюбїя отважился цѣлить и трудно больныхъ, и вотъ въ скорби о погибели мужа, по

естественной ему сострадательности къ бѣдствующимъ, какъ нѣкое противоядіе вреднымъ отравамъ, составилъ онъ слово въ опроверженіе ереси, имѣя цѣлю чрезъ это сдѣлать чело-вѣка снова здоровымъ и возвратить Церкви.

3. А онъ, какъ пораженный помѣшательствомъ ума, противится врачующему. объявляетъ ему войну, борется, и усиливающагося изъять его изъ бездны нечестія почитаетъ врагомъ. И не просто, не случайно, не по временамъ впадаетъ въ такое безуміе, но воздвигаетъ письменный памятникъ желчнаго своего состоянія. И на долгое время, на какое только хотѣлъ, улучивъ себѣ досугъ, во все продолженіе онаго породилъ книгу, носившеся съ нею дольше, нежели великорослые и тяжеловѣсные звѣри съ своимъ плодомъ; и чревать былъ угрозами, въ тайнѣ еще возвращая свой плодъ, и поздно уже и то съ трудомъ произвелъ на свѣтъ нѣкій недоносокъ и выкидышъ, который всѣ участвующие въ томъ же разномыслии откармливаютъ млекою. А мы, по пророческому ублаженію, въ которомъ сказано: *ближенъ, иже иметъ и разбьетъ младенцы твоя о камень* (Псал. 136, 9. , положили это младенческое словесное произведеніе, какъ одно изъ чадъ вавилонскихъ, когда бы дошло и до нашихъ рукъ, взять и ударить о камень (*камень же бѣ Христосъ* 1 Кор. 10, 4.), то есть, слово истины), только бы снизошла и на насъ сила, укрѣпляющая

неможное по молитвамъ въ немощи тѣла совершившаго силу свою.

Если бы и нынѣ еще плотскими очами взирала на человѣческую жизнь богоподобная и святая оная душа, и высокія ея уста, по данной имъ изъ начала въ удѣлъ благодати, издавали непреоборимый опыи гласъ; то дошелъ ли бы кто до толстой самоувѣренности, чтобы отважиться и сказать что-нибудь о семъ же предметѣ, когда всякаго слова и всякаго гласа громозвучиѣ божественная оная труба? Послику же всецѣло вознесся къ Богу сей и прежде малымъ ибкнмъ и тѣни подобнымъ останкомъ тѣла касавиійся земли, а большею частию воснаравниій къ Богу, нынѣ же и эту тѣнь тѣла отложивиій и оставивиій здѣшнему міру: между тѣмъ имели жужжать вокругъ сотовъ слова, и портятъ медъ: то пусть никто не обвинитъ въ смѣлости меня, возставшаго на защиту безмодвствующаъ устъ. Ибо, не какъ преимущественно предъ другими сознавиій въ себѣ ибкую силу слова, принялъ я на себя этотъ трудъ; но не менѣе всякаго другаго въ точности зная, что въ церкви многія тысячи украшающаея дарованіемъ премудрости. Однако же послику, сказываю это, достояніе преставившагося, и по писаннымъ и по естественнымъ законамъ, болѣе нежели всякому другому, принадлежитъ мнѣ; то посему сверхъ инаго я же присвоваю себѣ и наслѣдіе слова.

хотя причисляюсь къ послѣднимъ изъ составляющихъ Церковь Божию, но не уступаю въ силахъ отторгшемуся отъ Церкви и перешедшему на сторону сопротивныхъ, потому что въ здоровомъ тѣлѣ и самый малый членъ, по согласію его съ цѣлымъ, сильнѣе члена поврежденнаго и отсѣченнаго. Хотя послѣдній будетъ больше, а первый меньше.

4. Но по причинѣ этихъ словъ никто да не подумаетъ о мнѣ, будто бы велерѣчу, какъ напрасно величающійся силою большею той, какая у меня есть. Ибо не вопреки приличію, но какому-то дѣтскому любочестію вступаю въ дѣло съ симъ человѣкомъ для состязанія на словахъ, или для показанія своей добротѣ и добротѣ. Что имѣть въ большемъ колѣнѣ безполезно и ни къ чему не служить, въ томъ съ готовностію уступаемъ желающимъ побѣды. А что Евномій много упражнялся въ словѣ, догадываюсь, кромѣ прочаго, смотря и на самое сіе занятіе догматомъ, особенно же на то, сколько трудился онъ надъ сложеніемъ настоящаго сочиненія, заключая и изъ того, что на произведеніе сіе потрачена не малая часть жизни писателя, а также и изъ того, что любители его со всею чрезмѣрностію восхищаются этимъ трудомъ. И нѣтъ ничего невѣроятнаго, что трудившійся столько олимпіадъ изготавилъ нѣчто большее, чѣмъ набросавшіе кое-что наскоро. А такую усид-

Г. Иусск. Ч. Г.

чивую обработку словъ показываютъ больше мелочная тщательность о наружномъ складѣ словосочиненія. какое-то излишество и суетность въ заботливости о подобномъ тому. Ибо изъ готоваго запаса, взятаго изъ какихъ-то книгъ, набравъ груду словъ, въ числѣ которыхъ немногія понятны, тщательно склавъ въ какую-то неизмѣрную кучу изреченій, произвелъ многотрудное оное твореніе, которое хвалятъ и съ удивленіемъ принимаютъ ученики обмана, можетъ быть, но слѣпотѣ, пріятствующей видѣть полезное. лишеныя способности отличить все прекрасное отъ неподобнаго тому; осмѣиваютъ же и вмѣniają ни во что оное тѣ, у кого сердечное зрѣніе не омрачено сквѣрною невѣріа. Ибо кто не въ правѣ посмѣяться, видя, что по общанію предметомъ тщанія должна служить истина догматовъ, между тѣмъ самое тщаніе безъ всякаго усилія обращено на отыскиваніе малоприличныхъ реченій и прикрасъ? И помогутъ ли сколько нибудь къ большому, какъ онъ думаетъ, обличенію сказаннаго и къ подтвержденію истины искомаго, какое - то странное примышленіе прикрасъ въ словѣ, имѣющее видъ новости и особенности словосочиненіе, изысканная оскорбительность рѣчи, и опять оскорбительная изысканность, не какимъ либо соревнованіемъ предшествовавшему вызванная на трудъ? Ибо никому не отыскать.

кого изъ пріобрѣтшихъ извѣстность по словесности имѣя предъ очами, могъ бы онъ и самъ пуститься на это, подобно какому-то зрѣлищному чудодѣю. соотвѣтственными, равносложными, подобозвучными, подобооканчивающимися реченіями, какъ бы бряцалами, въ мѣрныхъ выраженіяхъ рзыгрывая рѣчь. Таковы, сверхъ многого другаго, и въ предисловіи у Евновія роскошные эти переливы звуковъ, нѣжныя припѣвы, которые, по моему мнѣнію, и произноситъ онъ, можетъ быть, не съ снокойною наружностію, а напротивъ того выговариваетъ, притопывая ногою, и съ пріятностію прищелкивая вмѣстѣ въ ладъ пальцами, и сказываетъ, что при этомъ ни въ чемъ болѣе нѣтъ нужды, ни въ другихъ словахъ, ни въ новыхъ трудахъ.

Итакъ, уступивъ ему преимущество въ этомъ и въ подобномъ сему и право упоеваться побѣдою, добровольно отложу въ сторону всякое о семъ стараніе, какъ приличное однимъ имѣющимъ въ виду честолюбіе, если только вообще услаждаться такими сочиненіями—удовлетворяетъ какому либо честолюбію; потому что и истинный служитель слова Павелъ, украшаясь одною истиною, какъ самъ почиталъ постыднымъ прикрашивать слово такими пестротами, такъ и насъ обучилъ имѣть въ виду одну только истину, прекрасно и надлежащимъ образомъ узаконяя сіе. И кто

украшенъ лѣпотою истины, тому какая надобность въ изысканности прикрасъ къ довершенію красоты поддѣльной и ухищренной? Въ комъ нѣтъ истины, тѣмъ, можетъ быть, полезно поддѣлывать ложь пріятностію реченій, вмѣсто какой-то краски уногребля такую изысканность въ слоги сочиненія. Въ такомъ случаѣ вѣроятнымъ и достойнымъ одобренія для слушающихъ сдѣлается обманъ расцвѣченный и не узнаваемый подъ такими прикрасами слова. Когда же ищетъ кто истины чистой безъ примѣси всякаго обманчиваго покрова; тогда самъ собою просіяваетъ въ словахъ красота.

Но приступая уже къ изслѣдованію сказаннаго Евноміемъ, затрудняюсь, по видимому, какъ шій земледѣлецъ въ безвѣтріе, не имѣя способа, какъ отдѣлить мѣхъ плодъ отъ мякны. Въ этой же кучѣ словъ линаго и положиаго на мякнну столько, что недалеко бываешь отъ мысли—во всемъ сказанномъ у Евномія вовсе не признать ни одного основательнаго ни дѣла, ни понятія. Ибо перебирать по порядку все имъ написанное признаю пустымъ занятіемъ, а вмѣстѣ труднымъ и несообразнымъ съ нашею цѣлію. Не столько же у насъ досуга, чтобы въ правѣ мы были заниматься дѣломъ пустымъ; и искусному дѣлтелю прилично, думаю, тратить силу не на пустое, а на то, надъ чѣмъ трудъ имѣеть несомнѣнный плодъ.

Посему умалчиваю о томъ, какъ Евномій прямо во вступленіи, величая себя защитникомъ истины, нападаетъ на противниковъ съ укоризною въ невѣрїи, говоря, что въ нихъ поселена какая-то постоянная и нестремимая ненависть. и какъ гордится онъ тѣмъ самымъ, за что недавно осужденъ (хотя не выставляетъ на видъ какихъ либо обвиненій, а говорить, что былъ у нихъ какой-то судъ о чемъ-то сомнительномъ. и что какое-то законное право на дерзкихъ не по праву налагаетъ необходимость вести себя цѣломудренно, выражаетъ же это собственными словами, индійскимъ онымъ складомъ, именно такъ: «дерзкихъ не по праву вынудило стать цѣломудренными законное право,» которое Евномій наименовалъ «воспрещеніемъ» возставшимъ, не знаю, что разумѣя подъ симъ воспрещеніемъ);— все сіе и подобное сему, какъ пустую кучу словъ, не ведущихъ ни къ чему полезному, миую въ словѣ. Если же дѣлается что въ какую либо защиту еретическаго мудрованія: то признаю приличнымъ обратить на это наибольшее вниманіе. Такъ возстунилъ и негодкователь божественныхъ догматовъ въ сочиненіи своемъ. Когда многое могло служить къ расширенію слова бо. держась законовъ необходимости, отсылаетъ оубо большую часть содержания, изъ всего сказаннаго въ книгѣ нечестія избравъ, что было главнаго въ хулѣ.

Если же кто требуетъ, чтобы послѣдовательно по порядку Евноміева сочиненія ведено было и наше; то пусть скажетъ выгоду отъ этого. Чтò большаго приобрѣтется слушателями. если разрѣшу тайный смыслъ надписанія, эту загадку, каковую, подобно сфинксу въ трагедіи, предлагаеть намъ Евноміи вдругъ въ самомъ вступленіи, а для сего буду разбирать небывалую эту аналогію аналогіи, и множество пустыхъ о семъ толковъ, и длинный рассказъ о сонныхъ грезахъ. Ибо, думаю, достаточно досадить читателямъ и въ Евноміевой только книгѣ сохранившаяся тонкость и пустота новости въ надписаніи сочиненія, а вмѣстѣ и обременительность рассказовъ о своихъ дѣлахъ. Ибо какихъ не описываетъ трудовъ и подвиговъ своихъ, пронесшихся по всей сушѣ и морю, и провозглашенныхъ въ цѣлой вселенной! И если снова писать объ этомъ и, какъ естественно, съ присовокупленіемъ обличеній жи. отъ которыхъ увеличится сочиненіе: то окажется ли кто столько твердымъ и крѣпкимъ, какъ адамантъ, чтобы не почувствовать отвращенія отъ неумѣстности труда? Если даже бубвально перевищу восторженную эту исторію, кто былъ при Евксинскомъ Поитѣ опечалившій его прежде сходствомъ имени. какова была его жизнь, какія занятія, какъ по слодству въ нравѣ разошелся съ этимъ Армянскимъ, на чемъ потомъ согла-

сились и помирились они между собою. такъ
 что Евномій вступилъ въ единомысліе съ не-
 одолимымъ онымъ и пресловутымъ (ибо сими
 чествуетъ его похвалами) учителемъ его Аэті-
 емъ; за тѣмъ какое было ухищреніе, и какія
 козни противъ него, по которымъ человека
 сего представили въ судъ. вмѣняя ему въ
 вину, что его хвалятъ: и онъ выше другихъ:
 если буду пересказывать все это: то, подобно
 навлекающимъ на себя глазную болѣзнь дол-
 гимъ обращеніемъ съ заболѣвшими прежде
 ихъ, не покажусь ли и я самъ поднавшимъ
 недугу рачительности о пустомъ, иля по слѣ-
 дамъ суетловія и изслѣдывая въ подробности,
 о какихъ говоритъ Евномій рабахъ, отпущен-
 ныхъ на волю, о какомъ союзѣ посвященныхъ
 въ тайвы. о какомъ оюлченіи невольниковъ,
 что значать вошедшіе въ рѣчь Монтіи, Галлъ,
 Домеціанъ, живые свидѣтели, гнѣвающійся
 царь, и нѣкоторые изъ посланныхъ въ изгна-
 ніе? Ибо что будетъ пустѣе этихъ разсказовъ
 для намѣревающагося не простою изложить
 исторію, но обличить оспоривающаго догматъ
 ереси? Гораздо же наче въ большой еще мѣрѣ
 бесполезны будутъ историческія на это поясне-
 нія. Ибо думаю, что и самъ сочинитель не проч-
 тетъ ихъ, задремавъ, хотя отцами и обладаетъ
 нѣкая естественная нѣжность къ происшед-
 шимъ отъ нихъ; ибо тамъ объясняются, конечно,
 дѣянія, высоко превозносятся словомъ стра-

данія, и исторія перёдѣлывается въ напыщенную трагедію.

5. Но чтобы самымъ отказомъ, продолженнымъ болѣе надлежащаго, не тратить времени на бесполезное, и какъ тотъ, кто гонитъ коня по грязи, и самъ отъ того исполняется неприятели, такъ и мнѣ, поведа слово по порядку принимаемаго изъ Евноміева писанія, не загрязнить всего сочиненія: почитаю приличнымъ весь таковой соръ въ Евноміевомъ писаніи, сколько будетъ возможно, оставить позади себя, сдѣлавъ высокій и быстрый скачекъ словомъ. Ибо достаточная выгода—скорое устраненіе неприятностей; тогда слово поспѣшитъ къ концу исторіи, и горечь ихъ реченій не сообщится и моему перу. Ибо пусть Евноміевымъ только устами прилично будетъ іереевъ Божіихъ называть подобными сему именами: щитоносцами, жезлоносцами, коньеносцами, которые страшють домытывающихся, не позволяютъ утаиться скрывающемуся.» И все иное писать на сѣдны іереевъ не стыдится Евномій. Какъ въ училищахъ свѣтской словесности для упражненія въ развязности языка и ума предлагается отрокамъ содержаніе, за что нападать на какое либо непоименованное лице; такъ точно и этотъ писатель выступаетъ противъ упомянутыхъ іереевъ, и нападать на нихъ даетъ свободу злобчивому языку, и, умолчавъ о худыхъ дѣлахъ,

уготовляетъ имъ негодованіемъ изbleванную смѣсь оскорбленій, отъ себя вымышляя всякія укоризны, и въ злословіи своемъ сложивъ вмѣстѣ несоединимыя наименованія: «чечевицею питающійся воинъ, отвратительный святой, поблѣднѣвшій отъ поста, но по жестокости дышущій убійствомъ,» и много подобныхъ сему насмѣшекъ. Какъ иный разгорячается на языческихъ торжествахъ, и въ избыткѣ безстыдства безъ личины предается буйству: такъ Евномій, никакой завѣсой не прикрывая своей горечи, яснымъ и безстыжимъ голосомъ произноситъ, какъ съ колесницы. Потомъ признается, что раздражаетъ его: они, говоритъ, приложили стараніе, чтобы немногіе вдалились въ обманъ нашъ; и негодуетъ на то, что евноміане не имѣютъ права жить вездѣ, гдѣ бы хотѣлось, но, по повелѣнію державствовавшего тогда, мѣстомъ ихъ жительства стала Фригія, чтобы не многіе терпѣли вредъ отъ дурнаго сообщества. И объ этомъ, гнѣваясь на сіе, пишетъ: «велика была тяжесть подвиговъ, невыносимы скорби, мужества требовало претерпѣніе страданій, когда родину замѣнила для нихъ Фригія.» Подлинно такъ! Ибо случившееся не послужило въ укоръ уроженцу Олгисирія (б), не повлекло за собою

(б) Каппадокійскаго селенія, въ которомъ родился Евномій.

упадка отцевской чести, не оскорбляло достоинство рода: такъ что тотъ именитый и пресловутый Прискъ, отецъ сего отца Евномія, едва ли бы самъ не избралъ того, на чтò теперь негодуешь Евномій. Отъ отца у него славныя и замѣчательныя сказанія о родѣ: мельница, кожаная одежда, служительское содержаніе, и прочее наследіе Ханаана. И при этомъ нужно было порицать содѣйствовавшихъ имъ переселенію! Согласенъ съ этимъ и я, что подлинно достойны ихъ упрековъ содѣлавшіеся для нихъ виновниками этого, если только вообще есть, или были, какіе виновники: потому что свѣдѣнія о прежней жизни, помяренныя этимъ, умаляютъ память людей почтенныхъ, и не позволяютъ полюбовываться о томъ, чтò старше настоящаго, въ какомъ достоинствѣ сначала всгунили въ дѣло тотъ и другій, какіи уставъ для жизни принявъ отъ отцевъ, чтò изъ приличнаго людямъ свободнымъ, въ большей или меньшей мѣрѣ, сознавъ въ себѣ, пришли потомъ въ такую извѣстность и именитость, что знаютъ ихъ и цари, какъ Евномій величается теперь въ своемъ сочиненіи, и всѣ выснія начальства ради ихъ пришли въ движеніе, и въ большей части вселенной разносится о нихъ молва.

6. Ужели дѣйствительно нанесена этимъ весьма великая обида или самому этому писателю, или его защитнику и наставнику въ

подобной жизни, Аэтію, которому, какъ мнѣ кажется, сореуновалъ Евномій, имѣя въ виду не столько увлекательность догматовъ, но гораздо болѣе довольство и выгоды жизни? Говорю же это, не по догадкамъ какимъ либо заключая, но собственными ушами слышавъ отъ знавшихъ въ точности: ибо объ Аэтіи этомъ слышалъ я рассказы Аѳанасія, епископа галатійскаго, такого мужа, который ничего не предпочелъ бы истинѣ, да и во свидѣтельство большей части сообщаемаго имъ показывалъ письмо Георгія лаодикійскаго. Сказывалъ же онъ, что Аэтіи не съ юнаго возраста вдался въ догматическія нечѣности, но въ послѣдствіи времени пововведеніе сіе обратилъ въ жизненный промыселъ. Ибо, оставивъ уже обработываніе виноградника, при которомъ прислуживалъ (а какъ, не почитаю нужнымъ говорить о томъ, чтобы не показалось, будто бы веду разсказъ злославно), сначала дѣлается онъ ковачемъ, занимается этимъ съ огнемъ неразлучнымъ кузнечнымъ рукоисломъ, съ короткимъ молотомъ сидитъ у малой наковальни въ волосяномъ налэшѣ среди нечистотъ, и этою работою съ трудомъ добываетъ необходимое для жизни. Ибо могла ли быть какая либо значительная плата починивающему изломанныя вещи, за дѣлывающему скважины, расколачивающему ударами олово, изъ свнца отливающему под-

донки котловъ? Но отъ этого ремесла постигшая его нѣкая бѣда дѣлается причиною перемѣны въ жизни. Въ одно время у жены вонна взявъ какую то золотую вещь, служившую украшеніемъ шеи или руки, чтобы исправить сдѣланное на ней ударомъ поврежденіе, умышленно обмануль эту женщину: золотую вещь взялъ себѣ, а ей отдалъ мѣдную, той же величины съ золотою и сходную по наружности отъ одинаковаго на поверхности цвѣта; потому что мѣдь покрылъ золотомъ. И женщина приведена была въ обманъ видимостію: потому что Аэтіи силенъ былъ въ своемъ дѣлѣ, и хитростями своего ремесла могъ обманывать пользовавшихся его работою; но со временемъ, когда позолота съ мѣди сошла, открыла подмѣну золота. Потомъ тать приведенъ въ судъ, нѣсколько вопновъ по родству и соплемениности приниши въ гнѣвъ. Аэтіи, за дерзкій этотъ поступокъ претерпѣвъ все, что справедливо было потерѣть обманщику и татю, съ клятвою отказался продолжать ремесло: какъ будто не произволеніемъ, но родомъ занятій произведено въ немъ пожеланіе татьбы. Послѣ сего вступаетъ въ товарищество къ какому-то обманщику врачу, чтобы не во все оставаться безъ необходимаго пропитанія и подъ предлогомъ врачеванія посѣщать темные дома и какихъ-то отверженныхъ людей. Потому чрезъ нѣсколько времени, поелику при-

думанное средство послужило Аэтію въ прибыль, и какой-то Армянинъ, котораго, какъ варвара, легко было обмануть, убѣжденъ слушаться его какъ врача, и часто давалъ ему денегъ; Аэтіи почелъ уже низкимъ работать другимъ въ дѣлѣ искусства, но пожелалъ самъ быть и именоваться врачомъ. Съ этого времени принималъ онъ участіе въ собраніяхъ врачей, и сходясь съ состязующимися на словопреніяхъ, сталъ однимъ изъ крикуновъ. И стремительною слова заслуживъ уваженіе, сдѣлался предметомъ немалого искательства для тѣхъ, которые безстыдныхъ языкомъ занимаютъ для состязаній своихъ.

Вкуснѣе отъ этого становился у него кусокъ, однако же не признавалъ Аэтіи, что должно ему остаться въ этомъ родѣ жизни, напротивъ того началъ понемногу послѣ кузнечнаго промысла кидать и врачебный. Когда же богоборецъ Аріи сталъ носѣвать лукавыя эти сѣмсна плевель, плодомъ которыхъ были догматы аномеевъ; тогда врачебныя училища огласились шумомъ объ этомъ вопросѣ. Посему занявшись такими разысканіями, и изъ Аристотелевыхъ уроковъ замѣтивъ нѣкій способъ умозаключеній, Аэтіи содѣлался именитымъ, новостію изобрѣтеній превзойдя отца ереси Арія, лучше же сказать, какъ вырази́вший связь Аріевыхъ положеній, почтенъ человекомъ тонкаго ума, открывающимъ со-

кровенное, потому что утверждалъ, что сотворенное и происшедшее изъ ничего не подобно Сотворшему и произведшему изъ ничего.

Посему, какъ скоро любящій новости слухъ страждущихъ тою же болѣзнію пощекоталъ онъ таковыми рѣчами, узнаеть о пововеденіи семъ Теофилъ Влсмидъ, и какъ у него еще прежде была какая-то связь съ Галломъ, то Азтій введенъ имъ во дворець. И какъ въ это время Галлъ отважился на злый умыселъ противъ впаиха Домеціана и Мовтія, то всѣ сообщицики въ скверномъ дѣлѣ по справедливости участвовали въ паденіи Галловомъ; но Азтій избѣгаетъ наказанія, даже не признанъ заслуживающимъ потерпѣть что либо худое съ совиновниками злаго умысла. Сверхъ того, поелику Аѳанасій великій царскою властію былъ удаленъ изъ церкви александрійской и Георгій Тарвастинитъ терзалъ этотъ народъ: Азтій — снова Александріецъ, не уступающій ни одному изъ тѣхъ, которыхъ кормилъ и снабжалъ хлѣбомъ этотъ Каппадокіяннинъ, потому что Азтій не пренебрегалъ лестію, а Георгій радъ былъ этому, издавна будучи плѣсень извращеніемъ догмата, и охотно готовъ служить находкою для Азтія.

Посему не укрывается это и отъ истиннаго Азтіева соревнователя, отъ сего Евномія, который отъ отца своего по естеству, человѣка прекраснаго по всему иному, кромѣ того, что

содѣлался отцемъ такого отца, научился пре-
 провожденію жизни благонамѣренному и за-
 конному, но тягостному по бѣдности и ис-
 полненному тысячей трудовъ (отецъ Евно-
 міевъ былъ какой-то земледѣлецъ, согбен-
 ный надъ плугомъ, прилагавшій много тру-
 довъ надъ небольшимъ участкомъ земли, въ
 зимнее же время, когда была свобода отъ земля-
 ныхъ работъ, искусно выводилъ дѣтямъ бук-
 вы и склады, и платою за это добывалъ себѣ
 потребное для жизни). Почему, видя такое по-
 ложеніе отца своего, разстается съ плугомъ,
 съ мотыкою и со всеѣми рабочими отцовскими
 орудіями, чтобы и самому не бѣдствовать въ
 подобныхъ трудахъ, и сперва дѣлается учени-
 комъ Пруниковой мудрости. Обучившись скоро-
 писи, снала жилъ, какъ полагаю, у кого-то
 изъ сродниковъ, въ плату за письменную
 услугу получая пропитаніе. Потомъ, обучая
 дѣтѣй доставлявшаго ему пропитаніе, но не-
 много начинаетъ ощущать въ себѣ желаніе
 сдѣлаться риторомъ. Умалчиваю о томъ, что не-
 посредственно за сѣмъ слѣдовало, о жизни его
 на родинѣ, о томъ, въ какихъ занятіяхъ и съ
 кѣмъ найденъ онъ въ Константинополѣ. Послѣ
 же этого, какъ говорятъ, занимался онъ при-
 готовленіемъ шерстяныхъ плащей и поясовъ.

Поелику Евномій видѣлъ, что все это мало-
 важно, и что приобретаемое рачительностію
 объ этомъ не стѣитъ и пожеланія; то оста-

вивъ прочіе промыслы, предпочель всему одного только Аэтія, не безъ разума, какъ думаю, но сообразно съ своею цѣлію избравъ этотъ путь въ жизни. Ибо съ того времени, какъ сталъ причастнымъ нескazanной оной мудрости, все произрастаетъ у него безъ по-сѣва и безъ воздѣланія; потому что свѣдушь въ томъ, о чемъ прилагаетъ стараніе, и при-обрѣлъ свѣдѣніе, какъ наипаче можетъ при-влекать на свою сторону людей болѣе страст-ныхъ. Такъ какъ человѣчество по болыпей части всего скорѣе уловляется сластолюбіемъ, и къ этой страсти велика склонность есте-ства, которое съ готовностію отъ суровыхъ занятій ниспадаетъ въ иѣгу сластолюбія: то, чтобы, какъ можно, болынее число своихъ сообщниковъ подвергнуть одной съ собою болѣзни въ разсужденіи догматовъ, для сего именно дѣлается угодникомъ тайноводстве-мыхъ имъ, отстраняя неудобства и трудности добродѣтели, какъ мало убѣждающія къ при-нятію тайны. А чему учать въ сокровенно-сти, что провозглашаютъ явно и приводятъ въ ясность въ слѣдствіе обмана пріявшіе эту скверну, это неизрекаемое тайноводство, и чему научаются у досточестнаго священно-истолкователя таинствъ, о способѣ крещеній, объ извинительности естества и о всемъ по-добномъ; ежели есть у кого досугъ дознать сіе въ точности, пусть спрашиваютъ у тѣхъ,

для кого не составляет вины произнести устами что-либо неприличное. А мы умолчимъ о семъ; потому что непозволительно даже обвинителямъ упоминать о подобномъ, если они научились и въ словѣ чтить чистоту, а не чернить свое писаніе самыми точными разсказами, даже когда сказуется въ нихъ и правда.

Но почему приводилъ я на память сказанное? Потому что, какъ Аэтію источникомъ нечестія послужило Аристотелево искусство извращать истину, такъ и усовершенствовавшемуся его ученику дана тѣмъ же возможность наравнѣ съ учителемъ богато жить простотою обманутыхъ. Чѣмъ же столько обидѣли его Василий съ Евксинскаго Понта или Евстаѳій изъ Арменіи, о которыхъ у него тянется длинная вставка историческаго разсказа? Чѣмъ помѣшали ему достигнуть цѣли жизни? Не на болѣе ли паче высотѣ поддержали новую ихъ славу? Ибо откуда у нихъ извѣстность и столь великая именитость? Не отъ оныхъ ли мужей, если только говорятъ о нихъ правду обвинитель? Ибо то самое, что пріобрѣтшіе славу, какъ свидѣтельствуешь сочинитель, признали достойными себѣ противниками не имѣвшихъ вовсе извѣстности, естественно послужило поводомъ высоко о себѣ думать сямъ, вступившимъ въ борьбу съ мужами, предпочтительно предъ другими, имѣющими преимущество. А отъ сего

произошло то, что низость и безызвѣстность прежней жизни остаются въ тѣни; и съ этого времени приобрѣтають извѣстность тѣмъ, чего имѣющимъ умъ напротивъ было бы должно бѣгать. Ибо никто изъ благомыслящихъ не пожелаетъ, чтобы за худое дѣло почли его великимъ: но для подобныхъ симъ людей это кажется самымъ крайнимъ предѣломъ благополучія. Такъ рассказываютъ объ одномъ изъ несчастныхъ и ничтожныхъ жителей Асін, что пожелалъ сдѣлаться именитымъ у Ефесеевъ. Какого либо великаго и славнаго дѣла и на умъ ему не приходило, да и не могло придти; но онъ дѣлается замѣчательнымъ болѣе, нежели приобрѣтшіе извѣстность дѣлами самыми великими, придумавъ Ефесеямъ въ высшей мѣрѣ причинить утрату. Было у нихъ одно общественное зданіе, обращавшее на себя взоры великолѣпнѣмъ всякаго рода и многоцѣвностію; этотъ же человѣкъ, великое сіе произведеніе уничтоживъ огнемъ, подвергнутый суду за дерзость, признался въ душевной своей страсти, — а именно, что признавая важнымъ быть извѣстнымъ у многихъ, придумалъ это, чтобы по великости зла памятно съ нимъ было и имя отважившагося на злое дѣло. Такое же средство къ приобрѣтенію извѣстности и у Евномія съ Азтіемъ, исключая развѣ то, что есть разность въ великости зла; ибо причиняють вредъ не строені-

ямъ не одушевленнымъ, но самому живому зданію церкви, внося какъ бы какій огонь, извращеніе догмата. Но слово о догматѣ отложу до своего времени.

7. Теперь же рассмотримъ, какою справедливостію водится Евномій, въ предисловіи жалующійся, будто бы причиною ненависти къ нему невѣрныхъ служитъ его справедливость; ибо, можетъ быть, не неумѣстно изъ сказаннаго о некасающемся догмата дознавъ, какъ онъ держится истины, сямъ указаніемъ воспользоваться при разсмотрѣніи того, что говорится о догматахъ. Сказано: *справедливъ въ малъ, и во мнозъ спренъ есть: и несправедливъ въ малъ, и во мнозъ неспраденъ есть* (Лук. 16. 10.). Намѣреваясь писать апологию апологій, сочиненіе не бывалое и необычайное по написанію и содержанію, говорить онъ, что причина таковой странности произошла не отъ инаго чего, но отъ возражавшаго на его прежнее сочиненіе, потому что, хотя сочиненію тому имя было: апологія; но получивъ замѣчаніе отъ учителя нашего, что апологія прилична однимъ обвиняемымъ, а если кто пишетъ самъ по себѣ добровольно, то сочиненіе есть нѣчто иное, а не апологія, онъ не противорѣчитъ, что по очевидной несообразности не должно составлять апологій, если не предшествуетъ обвиненіе, но говоритъ, что, какъ обвиненный въ весьма важномъ, онъ

сталъ оправдываться отъ взведеннаго на него осужденія. Но сколько въ этомъ жи, яснымъ. Думаю, сѣлается изъ того самаго, что скажемъ. Жалуется Евномій, что много несносныхъ золъ потерпѣлъ отъ осудившихъ его; и это можно дознать изъ того самаго, что написано имъ.

Посему какъ же потерпѣлъ онъ это, если оправдался въ винахъ? Ибо если апологіею пользовался къ избѣжанію обвиненій; то, безъ сомнѣнія, плачевное это положеніе ложно, и придумано напрасно. Если же потерпѣлъ то, что сказалъ: то, конечно, потерпѣлъ, не оправдавшись; ибо всякой апологіи цѣль та, чтобы не допустить властныхъ въ приговорѣ обмануться клеветою. Развѣ вознамѣрится сказать, что представилъ онъ апологію въ судъ, но не могъ склонить къ себѣ участвовавшихъ въ судѣ, и побѣжденъ противниками? Напротивъ того ничего такого не сказалъ въ судѣ, и не могъ сказать. Почему же? Самъ признается въ сочиненіи, что не захотѣлъ имѣть дѣла съ враждебными и неприязненными судіями. «Признаемся,» говоритъ, «что осуждены мы, когда безмолвствовали, а на мѣсто судей допущены люди злые и лукавые». Здѣсь въ сильномъ, какъ думаю, волненіи, и иное имѣя въ помыслѣ, не замѣтилъ вмѣсто прикрасы введеннаго въ рѣчь солецизма, весьма смѣло поддѣлавшись подъ атгическій складъ, въ реченіи:

допущены (*ἐισφραδάντων*) (в), такъ какъ употребленіе онаго иное у преуспѣвшихъ въ словѣ, извѣстное знакомымъ съ риторическими правилами, а иное придумано новымъ аттическимъ острякомъ. Впрочемъ это нимаю не идетъ къ нашей цѣли.

Но, поступивъ нѣсколько далѣе, присовокупляетъ онъ слѣдующее: «если по тому, что не воспользовался я судіями обвинителями, думаетъ онъ уничтожить это названіе: апологія: то крайне обманываестя по простодушію.» Когда же и предъ кѣмъ оправдался этотъ остроумный мужъ, отвергнувшій судей по причинѣ вражды, а на судѣ, какъ самъ подтверждаетъ, безмолвствовавшій? Посмотрите на этого сильнаго поборника истины, какъ онъ, чрезъ нѣсколько времени перемѣнившись, передается на сторону лжи, и чувствуя истину словами, противится ей въ дѣлахъ. Но пріятно то, что изнемогаетъ въ силахъ и при самой защитѣ лжи. Ибо какимъ образомъ одинъ и тотъ же и справедливо оправдывался въ взведенномъ обвиненіи, и благоразумно также безмолвствовалъ, потому что судъ производили враги? И изъ того самаго сочиненія, которое

(в) Глаголь *εἰσφραδάνω* въ аттическомъ нарѣчій употребляется вмѣсто глагола *εἰσφραδίζω*, имѣющаго многія значенія и въ числѣ оныхъ два слѣдующія: выпускаю и глотаю. Въ слѣдствіе же сего сказанное Евноміемъ можно разумѣть или: допущены на мѣсто судей, или: заѣли мѣсто судей.

назвалъ апологією, ясно оказывается, что во-
 все не было составляемо надъ нимъ суда.
 Предисловіе сочиненія обращено не къ опре-
 дѣленнымъ судьямъ, но къ какимъ-то неопредѣ-
 леннымъ людямъ, которые и въ то время
 были, и въ послѣдствіи будутъ, предъ кото-
 рыми (въ чемъ и самъ я согласенъ) нужна
 ему большая апологія, но не подобная теисеръ
 написанной и требующей другой еще аполо-
 гіи въ защиту себя, но какая нибудь общая
 и разумная, которая могла бы убѣдить слу-
 шателей; потому что написалъ сіе тотъ, кто
 собралъ себѣ судилище изъ людей, которыхъ
 не было въ присутствіи, а можетъ быть, и
 не раждалось, и оправдывался предъ тѣми,
 которые не существуютъ, и упрашивалъ тѣхъ,
 которые не родились, чтобы всѣмъ множест-
 вомъ не отличили жи отъ истины, когда
 большею частію привязаны будутъ къ луч-
 шему. Ибо дѣйствительно къ таковымъ, въ
 отеческихъ чреслахъ еще находящимся суді-
 ямъ, прилично обращаться съ подобною апо-
 логією, и думать, будто бы говорить правду,
 потому что одинъ рѣшился идти вопреки мнѣ-
 нію всѣхъ, и ошибочное представленіе души
 своей почитать достовѣрнѣйшимъ въ цѣлой
 вселенной прославляющихъ имя Христово.

— Пусть же, если угодно, пишеть новую апо-
 логію и этой второй апологій: потому что те-
 перешняя есть не исправленіе погрѣшности,

а паче заготовленіе новыхъ обвиненій. Кто не знаетъ, что всякая правильная апологія имѣетъ въ виду опроверженіе взведеннаго обвиненія? Напримѣръ, обвиняемый въ воровствѣ, или въ убійствѣ, или въ другомъ какомъ преступленіи или вообще отрицается отъ поступка сего, или вину худаго дѣла слагаетъ на другаго, или, если не можетъ ни того ни другаго сдѣлать, проситъ снисхожденія и милости властныхъ въ приговорѣ. А здѣсь въ сочиненіи нѣтъ ни отрицанія вины, ни сложенія на другихъ: не прибѣгаетъ Евномій къ милости, не обѣщается вести себя лучше на будущее время, а напротивъ того тщательно собранными доводами усиливаетъ ту самую вину, за которую осуждается. Ибо представляемое на него, какъ говоритъ онъ, есть обвиненіе въ нечестіи, не вину неопредѣленную взводящее, но показывающее самый родъ нечестія: апологія же, не отрицая вины, но подтверждая обвиненіе, доказываетъ, что должно нечестивовать. Пока догматы благочестія не приведены еще быми въ извѣстность, можетъ быть, менѣе опасно было бы отважиться на нововведеніе. Но когда во всѣхъ благочестивыхъ душахъ твердо ученіе богослова: тогда возглашающій противное признанному вообще всѣми оправдывается ли въ томъ за что его обвиняють, или паче навлекаетъ на себя гнѣвъ слушателей и дѣлается

злѣйшимъ обвинителемъ самаго себя? Я утверждаю послѣднее. Посему, если, по словамъ сочинителя, имѣются или слушатели приведеннаго имъ въ оправданіе, или обвинители его дерзкихъ нападеній на благочестіе, пусть скажетъ самъ, или какъ будутъ поносить его обвинители, или какой приговоръ произнесутъ о немъ судіи, когда апологіею подтверждается его погрѣшительность.

8. Но не знаю, какъ удался я отъ связи рѣчи по причинѣ нестрогаго соблюденія послѣдовательности. Ибо не то подлежитъ теперь изслѣдованію, какъ надлежало оправдываться, но то, оправдался ли вообще Евномій. Возвратимся же къ предположенному, а именно, что онъ явно уловляется собственными словами слѣдующимъ образомъ: въ негодованіи говоритъ ложь, что былъ онъ судимъ и имѣлъ незаконныхъ судей, что, влачимый по сушѣ и морю, злострадалъ отъ солнечнаго зноя и отъ пыли. Потомъ, снова прикрывая эту ложь, по пословицѣ, выбиваетъ гвоздь гвоздемъ, другою ложью покрывая прежнюю. Ибо тогда какъ всѣ съ нимъ увѣрены, что не промолвилъ въ судилищѣ ни одного слова, говоритъ, что уклонился отъ судилища враговъ, и осужденъ безмолвный. Кто бы могъ больше сего обличить себя въ противорѣчій и истинѣ и себѣ самому? Когда обвиняютъ его за надписаніе сочиненія, пред-

ставляетъ необходимость оправданія передъ судомъ. Когда обличаютъ, что ничего не было сказано передъ судьями, отрицаетъ, что былъ судъ, и не признаетъ судей. Посмотрите на этого сильнаго поборника истины, какъ твердо противостоитъ онъ лжи? А потомъ самъ будучи таковъ, великаго Василя осмѣливается именовать лукавымъ, злонаправнымъ, лжецомъ; и еще сверхъ того — дерзкимъ, невѣждою, самозванцемъ, не посвященнымъ въ вѣдѣніе божественнаго; присовокупляетъ же къ списку злорѣчій помѣшательство ума, безуміе, и тысячи подобныхъ ругательствъ, примѣшивая ихъ въ разныхъ мѣстахъ цѣлаго своего сочиненія, какъ бы думая, что желчи его достаточно будетъ, чтобы преоборотъ свидѣтельство всѣхъ людей, которые дивятся имени великаго, какъ единаго изъ древнихъ святыхъ. И Евномій думаетъ, что неуязвимоу насмѣшками можно повредить однимъ злорѣчiemъ. Не столько низко солнце, чтобы могъ достать бросающій въ него камнями или чѣмъ другимъ. Брошенное опять возвращается на бросившаго, и цѣль остается выше бросаемаго. Если кто станетъ клеветать на солнце, что оно не свѣтло: то свѣтъ лучей не помрачится отъ насмѣшекъ. Солнце и осмѣиваемое останется солнцемъ, а у злословящаго лучи его, что не свѣтлы, изоблится слѣнота чувства зрѣнія. И если всѣхъ своихъ слушателей и читате-

лей пожелаетъ, подобно этой апологiи, всего болѣе убѣдить въ этомъ, чтобы не соглашались съ общими всѣхъ мнѣніями о солнцѣ, и, отдавая преимущество большинству, дозволенного опытомъ многихъ не предпочитали собственному предположенію: то напрасно будетъ суетловить передъ видящими дѣло.

Посему кто благорасположенъ къ Евномію, тотъ пусть убѣдитъ его положить узду на уста себѣ, не предаваться безчинству въ словѣ, не *противу рожну прати* (Дѣян. 9, 5), не отзываться дерзко о досточтимомъ имени, но, и на память только приводя великаго Василія, исполняться благоговѣнія и страха въ душѣ. Ибо что ему будетъ и выгоды отъ этого безмѣрнаго самохвальства, когда Василій такимъ почитается у всѣхъ, какимъ возвѣщаютъ его жизнь, слово, и общее свидѣтельство о немъ вселенной? Предпріемлющій же отзываться о немъ худо выказываетъ свой нравъ, и именно то, что, какъ говоритъ нѣгдѣ Евангеліе, неспособенъ *добро глаголати* будучи лукавъ, но глаголетъ *отъ избытка сердца*, и износитъ *отъ лукаваго сокровища* (Матѣ. 12, 34. 35.). А что высказанное Евноміемъ есть голословное злословіе, несогласующееся съ истинною дѣлѣ, обличеніемъ этому служить то самое, что имъ написано.

9. Упомянуль Евномій о какомъ-то мѣстѣ, въ которомъ, по словамъ его, состоялся споръ

о догматахъ, но мѣста не поименовалъ, и не обозначилъ какимъ либо знакомымъ признакомъ, такъ что слушатель въ необходимости ошибочно гадать о неизвѣстномъ. Въ этомъ мѣстѣ, говоритъ Евномій, составилось собраніе изъ лицъ, отовсюду созванныхъ: и какъ юноша цвѣтетъ въ словѣ, представляя взорамъ самый ходъ дѣла. Потомъ, говоритъ, что какимъ-то судіямъ (не называя и ихъ по именамъ) предстояло рѣшительное окончаніе дѣла, подавалъ же свой доносъ и бывший въ присутствіи нашъ наставникъ и отецъ. Но поелику превосходство на судѣ отдано противникамъ, то онъ бѣжалъ оттуда, оставивъ свое мѣсто, погнался за какимъ то дымомъ отечества. И Евномій нещадно чернитъ Василія въ изображеніи рѣбости, какъ желающему можно дознать изъ самой книги: ибо у меня нѣтъ досужнаго времени все изbleванное его досугомъ вносить въ мое сочиненіе. А для чего упомянулъ я о сказанномъ. къ тому и перейду.

Какое это безыменное мѣсто, въ которомъ производится изслѣдованіе догматическаго ученія? Какой случай вызываетъ на состязаніе доблестныхъ? Какіе это люди, побуждавшіе себя и сушею и моремъ поспѣшать къ общенію въ трудахъ? О какомъ говоритъ мірѣ, занятъ послѣдствіями, и ожидающемъ судебного приговора? Или кто распорядитель сихъ состязаній? Или пусть хотя и дозволить себѣ

умолчать это, чтобы, по обычаю, принятому у дѣтей въ училищахъ, ухитриться въ подобныхъ вымыслахъ придать слову какой-то вѣсъ и величіе, однакоже пусть скажетъ то одно: кто неодолимый этотъ борецъ, съ которымъ вступить въ состязаніе, по словамъ его, убоится нашъ учитель? Ибо если и это выдуманно: то пусть опять будетъ признанъ побѣдигелемъ и возьметъ верхъ въ суетловіи; мы же умолкнемъ. Въ борьбѣ безъ всякой пользы съ тѣнью истинная побѣда—добровольно отказываться отъ такой побѣды. Если же Евномій говоритъ о томъ, что происходило въ Константинополѣ, разумѣетъ оное сборище, воспаляется въ словѣ своемъ тамошними плачевными событіями, и себя именуетъ великимъ и непреоборимымъ борцемъ; то примемъ обвиненіе, а именно, что, присутствуя тамъ во время состязаній, не вступали мы въ борьбу съ состязующимися.

Посему укоряющій Василія въ робости пусть покажетъ, выходилъ ли на средину самъ онъ? Промолвилъ ли какое слово въ защиту своего благочестія? Продлилъ ли съ отвагою рѣчь? Славно ли боролся съ противниками? Но нечего сказать ему, развѣ будетъ явно противорѣчить себѣ самому. Ибо признался, что въ безмолвіи принялъ произнесенный судіями приговоръ. Посему если должно было говорить во время состязаній (сіе узаконяетъ теперь въ своемъ сочиненіи): то почему осуж-

дается тогда, пребывая въ безмолвіи? Если же хорошо поступилъ, предпочетни спокойствіе при судіяхъ: то по какому жребію—его безмолвствующаго хвалить, а намъ спокойствіе наше обращать въ оужденіе? Можетъ ли кто придумать что болѣе несправедливое этой несообразности, если, когда двое писали сочиненіе послѣ состязаній, одинъ изъ нихъ о себѣ скажетъ, что защитился во время, хотя и много опущено имъ времени, а написавшаго возраженіе на защитительное его сочиненіе станетъ порицать какъ опоздавшаго, потому что много прошло времени отъ состязаній? Или, можетъ быть, возраженію должно было имѣть въ виду то слово, которое будетъ сказано въ послѣдствіи? Ибо этого, кажется, не достаетъ въ обвиненіи. Почему же, зная напередъ, что будетъ писать, во время того суда, необличилъ? Ибо, что не на судѣ составилъ сію апологію, явствуетъ изъ собственнаго призначія его; припомню опять самыя слова: «признаемся, говоримъ, что безмолвствуя осуждены мы,» и присовокупляетъ причину: «потому что, сказано далѣе, лукавые люди получили право судить,» или лучше сказать, какъ выражается самъ онъ, «допущены на мѣсто судей.» А что еще подтверждаетъ о написаніи апологіи въ надлежащее время, явствуетъ сіе изъ другихъ сказанныхъ имъ словъ; буквально же читается сіе такъ: «но

что не выдумавъ отъ себя, а будучи вынужденъ посредниками, въ надлежащее время и надлежащимъ образомъ привести я, говоритъ онъ, къ написанію апологіи, стало это явнымъ и изъ самыхъ дѣлъ и изъ его словъ.» Посему что скажетъ безъ труда извращающій рѣчь во всѣ стороны? Не то ли, что не должно было молчать во время состязаній? Итакъ почему Евномій во время самыхъ состязаній былъ безгласенъ? Но у него апологія благовременна и послѣ состязаній? Почему же у Василія борьба съ тѣмъ, что сказано Евноміемъ, безвременна?

Но всего болѣе, кажется, вѣрно слово неподобнаго, что подъ видомъ апологіи, Евномій, въ какую угодно ему было связность, привелъ свои догматы. А истинный соревнователь Финееса, истребляющій мечемъ слова всякаго, кто соблудилъ, отступивъ отъ Господа, извлекъ вражующій душу, губительный для нечестія, ножъ. — разумѣю опроверженіе хулы. Если же упорствуетъ и не принимаетъ врачеванія Евномій, умертвившій душу свою отступничествомъ: то вина на избравшемъ злое; сіе подтверждаетъ и слово виѣшнихъ мудрецовъ. Вотъ каковъ Евномій и передъ истинною и передъ нами! По древнему закону, позволяющему за причиненную обиду отмщать равнымъ, и намъ, правда, было бы можно нещадно заметать его укоризнами и съ великимъ удобствомъ щедро расточить злословіе на

оскорбившаго: потому что, если онъ такъ обиденъ былъ на оскорбленіе и оужденіе не представившаго даже и случая какого либо къ поруганію; то естественно найдтись многимъ подобнымъ рѣчамъ у желающихъ осмѣять его честную жизнь. Но поелику ученикомъ истины изначала научены мы изучать Евангеліе: то и не требуемъ въ замѣнъ ока за око, зуба за зубъ, зная, что худыи поступокъ уничтожается обыкновенно поступкомъ противоположнымъ: и что либо сказанное или сдѣланное зло не доидеть до крайности, если что нибудь полезное, преникнувъ въ среду, разсѣчетъ непрерывный рядъ золь. А посему рядъ злословій и оскорбленій въ дальнѣйшемъ своемъ продолженіи останавливается долготерпѣніемъ. Если же кто будетъ отмщать обидою за обиду, злорѣіемъ за злорѣіе; то, конечно, увеличитъ несообразность, питая ее подобнымъ.

10. Посему, оставивъ все сказанное въ срединѣ книги, какъ оскорбленіе, насмѣшку, злорѣіе, колкость, поспѣшу словомъ къ изслѣдованію догмата. Если же кто скажетъ, что уклоняюсь отъ злословія по нецкусству отплатить подобнымъ: то пусть посмотритъ на себя самага, —какая у него склонность къ худшему, которая безъ всякаго усилія сама собою поползновенна на грѣхъ. Ибо сдѣлаться худымъ—зависитъ отъ одного произволенія, и часто для совершенія грѣха достаточно хотѣ-

нія. Гораздо же болѣе удобства къ прегрѣшеніямъ языка; потому что прочіе грѣхи для совершенія своего требуютъ и времени, и зачатія, и вѣшняго содѣйствія; а сподручность слова доставляетъ всю возможность согрѣшить. Доказательствомъ сего служитъ то самое Евноміево сочиненіе, которое у насъ въ рукахъ. Разсмотрѣвшій его не поверланство найдетъ наклонность грѣшить на словахъ, подражаніе чему, конечно, весьма легко. хотя бы кто и вовсе не заботился объ искусствѣ хулить. Ибо на что трудиться въ составленіи оскорбительныхъ словъ? Можно воспользоваться противъ обидчика его же реченіями: потому что въ этой исполненной укоризнъ части сочиненія Евноміи собралъ всѣ лжи и хулы, составленныя по бывшимъ у него образцамъ, и нѣтъ такой нечѣстности, которая не была бы написана. напримѣръ: «человѣкъ опасный, спорливый, врагъ истины, софистъ, обманщикъ, противорѣчащій мнѣніямъ и свѣдѣніямъ многихъ, не стыдящійся обличенія дѣлами, не уважающій ни страха, внушаемаго законами, ни укоризны отъ людей, не умѣющій отличить правду отъ хушренія». Къ сему Евноміи присовокупяетъ «безстыдство и готовность къ злословію; потомъ называетъ нерадивымъ, исполненнымъ борющихся между собою предположеній, совмѣщающимъ въ рѣчи несомвѣстимое, борющимся съ собственными своими словами и

произносящимъ противорѣчія». Потомъ, желая о Василія наговорить много худаго, и будучи не въ состояннн душевную горечь излить въ новыхъ оскорбительныхъ реченiяхъ, послику нечего больше сказать, возвращается часто къ одному и тому же, и, сказавъ однажды, къ тому же дѣлаетъ еще оборотъ и въ третiй и въ четвертiй разъ, или еще и болѣе, какъ будто на поприщѣ какомъ, туда и обратно давая ходъ слову, въ тѣхъ же оскорбительныхъ выраженiяхъ съ тѣмъ же пустословіемъ злорѣчiи обращается взадъ и впередъ, повторяя тоже. И потому не приводимся уже въ негодование безстыдствомъ его оскорбленiй; въ пресыщенiи сказаннымъ раздраженiе прекращается. Иный скорѣе почувствуетъ омерзене. нежели придетъ въ гнѣвъ; такъ низко, лишены всякой прiятности и площадны сн насмѣлки, нисколько не отличающiяся отъ шутокъ какой либо пьяной старухи, которая бормочетъ сквозь зубы.

Итакъ что же? Должно ли перебирать все по одиначкѣ и со всею тщательностию оправдываться во всемъ оскорбительно выраженномъ, доказывая, что не таковъ тотъ, о комъ сіе сочинено? Но въ такомъ случаѣ и мы окажемся оскорбляющими сего, подобно свѣтлу, возсiявшаго нашему роду, съ усердiемъ доказывая въ словѣ, что онъ не дѣлалъ зла и не заслуживалъ осужденiя. Напротивъ того помню

божественный этот гласъ, какъ пророчески изрекъ онъ объ Евноміи то мѣсто изъ пророчества, гдѣ пророкъ унодобляетъ его безстыднымъ женамъ, которыя собственный свой позоръ слагаютъ на цѣломудренныхъ (Іер. 3, 3.). Ибо кого врагомъ истины провозглашаютъ Евноміевы слова? Кого выставляютъ противорѣчащимъ мнѣнію многихъ? Кто проситъ читающихъ его сочиненіе не смотрѣть на множество свидѣтелей, не обращать вниманія на древность, не спѣшить согласіемъ на достовѣрность признаваемаго совершеннымъ? Уже ли одному и тому же свойственно и это написать, и утверждать сказанное прежде, какъ домогаться, чтобы слушатели слѣдовали его нововведеніямъ, такъ опять хулить другихъ за то, что идутъ напротивъ общимъ понятіямъ? А сіе—«не стыдиться обличенія дѣлами и людской укоризны.» и что еще подобнаго сему перечисляетъ Евномій, предоставляю произволению слушателей разсмотрѣть, о комъ справедливо это сказать, о томъ ли, кто себѣ самому и ближнимъ равно поставляетъ въ законъ цѣломудріе, благоприличіе и всякую душевную и тѣлесную чистоту, при самомъ строгомъ воздержаніи, или о томъ, кто повелѣваетъ не препятствовать естеству, достигать угоднаго ему исполненіемъ тѣлесныхъ желаній, не противиться удовольствіямъ, не судить строго о таковой житейской рачительно-

сти, потому что никакого вреда не дѣлается душѣ отъ такого образа жизни, и человѣку для совершенства достаточно еретической только вѣры. Если же Евномій отрицаетъ, что такъ у нихъ учать: то и я и каждый изъ благомыслящихъ желали бы, чтобы въ таковыхъ его отрицаніяхъ была правда. Но найдти себѣ мѣсто такому отрицанію не дозволяютъ истинные его ученики, или падетъ самое главное его положеніе, и разорится скнія ради сего иначе утвердившихся на догматѣ его. А кто безстыденъ, не уважаетъ человѣческой укоризны, угодно ли видѣть это изъ дѣлъ юности, или изъ дѣлъ послѣдующей за тѣмъ жизни? Въ томъ и другомъ случаѣ найдешь, что укорь въ безстыдствѣ падетъ на него самаго; ибо не одно и тоже свидѣлствуютъ о каждомъ изъ нихъ и юность и слѣдующая за нею жизнь.

Пусть сочинитель этотъ приведетъ себѣ на память, какъ жилъ онъ на родинѣ во время юности и въ Константинополѣ, и пусть услышитъ отъ знающихъ, что имъ извѣстно о томъ, на кого онъ клеветаетъ. Если же пожелаетъ кто обозрѣть послѣдующія занятія: то пусть самъ скажетъ, кто достоинъ наименованія безстыднымъ? Тотъ ли, кто до священства щедро расточилъ отеческое имущество бѣднымъ, а иначе во время голода, когда сдѣлался настоятелемъ въ церкви, священствуя

еще въ санѣ пресвитера, и послѣ сего не пощадилъ остатковъ, такъ что и онъ могъ похвалиться съ Апостоломъ: *ниже туже хлѣбъ ядохъ* (2 Сол. 3. 8.)? Или тотъ, кто защиту догмата обратилъ въ предлогъ къ доходамъ, самозванно вторгается въ домы, отвратительнаго недуга не прикрываетъ своимъ поведениемъ, нерасчитываетъ, что у здоровыхъ естественное бываетъ отвращеніе отъ таковыхъ людей, и что по древнему закону, по причинѣ близости въ значеніи недуговъ, и его изгнали бы изъ стана живущихъ?

Еще же опрометчивымъ обидчикомъ и во всякомъ случаѣ лжецомъ именуется Василій у того, кто великодушно съ кротостію обучаетъ противниковъ; ибо такъ въ сочиненіи своемъ услаждается рѣчами о себѣ, кто не оставилъ ни одного случая излить весь избытокъ горечи, гдѣ только могъ это сдѣлать. И такъ чѣмъ же и какими поступками обличаетъ Василія въ обидѣ и опрометчивости? «Тѣмъ, говоритъ, что меня, Каппадокіянина, назвалъ Галатомъ, а потомъ имѣющимъ жительство на рубежѣ отечественныхъ странъ, въ какомъ-то безыменномъ краю Корніаспінъ». Если и назвалъ не урожденцемъ Олтиспринъ, а Галатомъ (но только докажетъ ли, что прибавлено это названіе? ибо въ нашихъ спискахъ нѣтъ сего приложенія; допустимъ однако безъ спора, что и это сказано): неужели за сіе одно Ва-

силій называется опрометчивымъ, обидчикомъ, и всѣми укориженными именами? А не разумѣть того мудрецъ, что обвиненіе отъ клеветника въ маловажномъ доставляетъ обвиняемому великую защиту и свидѣтельство о правотѣ? Ибо предпринявшій обвинить не сталь бы щадить важнѣйшаго и упражнять злобу свою маловажнымъ, о чемъ дѣйствительно говорить онъ много, возвышая и преувеличивая неправду, съ важностію любомудрствуя о лжи, признавая ее равною нелѣпностію, идетъ ли дѣло о важномъ, или о маловажномъ. Ибо подобно отцамъ своей ереси. разумѣю книжниковъ и фарисеевъ, умѣть тщательно *оцѣлсдать комары*, и нещадно пожирать горбатаго *вельбуда* (Матѳ. 23. 24.), навьюченнаго тяжелою пошею лукавства. И, можетъ быть, не неумѣстно было бы сказать ему, чтобы пощадилъ отъ такого законоположенія живущихъ въ нашемъ гражданскомъ обществѣ, и не давалъ повелѣнія почитать за ничто различеніе осужденія во лжи по малости и значительности дѣла. Ибо не одинаково грѣшати и Павель. допуская ложь и очищаясь по іудейски благовременно съ пользою для введенныхъ въ обманъ, и Иуда во время предательства, принявъ на себя видъ друга и защитника. Солгалъ и Иосифъ, человеколюбиво шутя надъ братьями, и клянясь въ этомъ Фараоновымъ здравіемъ (Быт. 42. 16.); солгали и братья

противъ него, по зависти умысливъ ему сперва смерть, а потомъ рабство. Можно сказать много и другихъ подобныхъ примѣровъ. Лжетъ Сарра, устыдясь своего смѣха; лжетъ и змій, внушая такую мысль, что человѣкъ преслушаніемъ перейдетъ въ естество Божіе. Великая разность во лжи потому, чего она касается; невозможно и сказать какова она, будешь ли судить по древнимъ повѣствованіямъ, или по вышѣшней жизни. Посему и мы, по общему приговору о людяхъ, какіи устами пророка изрекъ Духъ Святыи. а именно: *всякъ человекъ ложь* (Ис. 115, 2.),—соглашаемся, что и человѣкъ Божій вовлеченъ былъ въ ложь, случайно употребивъ названіе сопредѣльной страны, или по незнанію мѣстнаго именованія, или по необращенію на то вниманія. Но солгалъ и Евномій, и какая же это ложь? Извращеніе самой истины; говоритъ, будто бы вѣчно Сущаго когда-то не было; утверждаетъ, что истинно именуемый Сыномъ называется такъ лжеименно; о Творцѣ вселенной выражается, что Онъ тварь и созданіе; Господа всяческихъ называетъ рабомъ; по естеству имѣющаго начальство сопричисляетъ къ естеству рабственному. Мала ли эта разность во лжи? Такова ли, чтобы кому либо почестъ за ничто солгать, по видимому, такъ или иначе?

11. Но смотрите, какую прилагаетъ попечительность объ истинѣ въ доказательствѣ, дру-

гихъ укоряющій даже за софистическій образъ рѣчи. Учитель нашъ въ словѣ къ Евномію сказалъ, что во время переворота въ дѣлахъ въ награду за нечестіе приобрѣлъ онъ Кизикъ. Посему чтѣже дѣлаетъ обличающій софистовъ? Привязывается немедленно къ слову: награда, и говоритъ, будто бы по нашему признанію «онъ защитился, одержалъ верхъ апологіею, и приобрѣлъ побѣдную награду состязаніями;» и слагаетъ умозаключеніе, выводя слѣдствіе, по его мнѣнію, изъ безпрекословныхъ положеній. Перескажемъ же буквально, что собственно имъ написано: «если награда, говоритъ онъ, есть признакъ и конецъ побѣды; а на побѣду указываетъ судебное производство; судебное же производство вмѣстѣ съ собою вводитъ, конечно, мысль объ обвиненіи; то допускающій награду необходимо долженъ признать, что была и апологія.» Чтѣ же скажемъ на это? Не будемъ спорить, что состязался онъ, что сіе лукавое состязаніе нечестія было весьма сильно и упорно, и не въ малой мѣрѣ своими усиліями противъ истины превзошелъ и превысилъ онъ подобныхъ ему; но не надъ противниками одержалъ онъ побѣду; въ сравненіи же съ тѣми, которые по нечестію вмѣстѣ съ нимъ стремились въ заблужденіе, опередилъ всѣхъ преизобиліемъ лжи, и такимъ образомъ за преизбытокъ зла получилъ въ награду Кизикъ. Какъ преимуществующій предъ всѣми

подобно ему вступавшими въ борьбу съ истиною, во время побѣды, одержанной хулою, удостоенъ громкаго и знаменитаго провозглашенія, и въ награду за нелѣпное ученіе законоположившими такъ при состязаніи избранъ ему Кизисъ. И что въ означенномъ смыслѣ признано сіе нами, доказываетъ наше сочиненіе, въ которомъ сказано, что Кизикъ сдѣлался для него наградою нечестія, а не какимъ либо успѣшнымъ слѣдствіемъ апологіи. Посему чтоже общаго въ сказанномъ нами съ этимъ дѣтскимъ сплетеніемъ софизмовъ, будто бы за это какъ состоялось надъ нимъ судебное слѣдствіе, такъ приготовлена имъ апологія? Подобное сему походить на то, какъ если бы кто, на пиру больше другихъ выпивъ перабавленнаго вина, и за это пившими вмѣстѣ съ нимъ удостоенный какой либо чести, побѣду сію на пиру обратилъ въ доказательство, что судимъ былъ на судилищѣ и въ судѣ одержалъ верхъ. Потому что таковъи можетъ подражая ему, составить умозаключеніе: если награда есть признакъ и конецъ побѣды; на побѣду же указываетъ производство суда: а производство суда вводитъ съ собою, конечно, мысль объ обвиненіи: то я одержалъ побѣду надъ судомъ. потому что, упиваясь, былъ утѣчанъ на состязаніи въ томъ, что больше выпьетъ.

Но такимъ образомъ хвалящемуся, конечно,

кто-нибудь скажетъ, что иначе ведутся состязанія въ судилищѣ, и иной способъ пренія на пиршествахъ: и побѣдившій на чашахъ, въ слѣдствіе таковой побѣды не имѣетъ никакого преимущества предъ своими противниками въ судилищахъ, хотя онъ и красуется цвѣточными вѣнками. Посему и кто превзошелъ подобныхъ себѣ словомъ нечестія, въ прибрѣтенной за нечестіе наградѣ не представляетъ еще свидѣтельства, что побѣдилъ и въ судѣ. Поэтому какую же пользу доставляетъ произнесенному защищенію наше свидѣтельство, что онъ беретъ верхъ въ нечестіи? Ибо, еслибы, оправдавшись предъ судіями и одолѣвъ противниковъ, потомъ уже принялъ возданную въ Кизикѣ почесть: то сказанное нами благовременно было бы обратитъ противъ насъ. Если же непрестанно свидѣтельствуется въ словѣ, что, избѣгая неприязненности властныхъ произнести приговоръ, въ безмолвіи принимаетъ назначенное ему наказаніе. Не соглашаясь судъ о подвигѣ предоставить врагамъ; то для чего обольщаетъ самъ, себя, и слово: награда употребилъ въ свидѣтельство что оправдался? Не выразишь чудный сеі мужъ значеніе слова: награда, а именно, что Кизикъ отданъ ему, какъ нѣкое отличіе и признаніе доблести по превосходству въ нечестіи. Но посліку принимаетъ награду по желанію, и какъ побѣдннй

дарь: то пусть приметъ и то, что соединено съ симъ понятіемъ, а именно, что своею побѣдою приобрѣлъ онъ превосходство въ нечестіи. Ибо если нашимъ оружіемъ укрѣпляется противъ насъ; то справедливость требуетъ воспользоваться или тѣмъ и другимъ, или ни тѣмъ, ни другимъ.

12. Таковъ онъ въ нашихъ дѣлахъ; но не окажется ли, хотя сколько нибудь держащимся истины въ прочемъ, что сказано у него оскорбительнаго? Въ этомъ описаніи Василія робкимъ, несмѣлымъ, уклоняющимся отъ трудовъ болѣе упорныхъ, въ изображеніи его всеми подобными сему чертами, когда Евномій тщательно собираетъ признаки робости, скрытную хижину, надежно запертую дверь, смятеніе отъ страха, производимое входящими; и голосъ, и взглядъ, и черты лица, и все тому подобное, чѣмъ выражается недугъ робости. Но если бы Евномій и не былъ обличенъ солгавшимъ въ чемъ либо другомъ; то достаточно было бы и сего одного, чтобы обличить образъ его дѣйствія. Ибо кто не знаетъ, какъ въ то самое время, когда царь Валентъ возставалъ на церкви Господни, великій оный подвижникъ великодушною рѣшимостію превозмогъ столь затруднительное положеніе дѣлъ, сталъ выше устрашающаго, превознесшись мыслию надъ всемъ, что устроилось къ его устрашенію? Кто изъ обитателей востока, кто изъ

населяющихъ самые края нашей вселенной не зналъ борьбы его за истину съ преобладающими? Кто не приходилъ въ ужасъ, взирая на сопротивника? Это былъ не какой либо человѣкъ обыкновенный, не поддѣльными хитросмеленіями приобрѣлъ онъ силу побѣждать, и взять надъ нимъ верхъ было небезславно, и быть имъ побѣждену—не безвредно; но хотя подъ своимъ правленіемъ имѣлъ тогда всю римскую державу, однако же, гордясь столь великимъ царствомъ, послушался клеветы на наше ученіе Евдоксія, епископа германікійскаго, который обманомъ привлекъ его къ себѣ. А сподобниками въ своемъ желаніи имѣлъ онъ всѣхъ людей сановитыхъ, всѣхъ служащихъ при немъ и завѣдывающихъ дѣлами, изъ которыхъ иные склонились на сіе добровольно, по сходству въ мысляхъ, а многіе изъ страха предъ державною властію съ готовностію дѣлали, что ей было угодно, и жестокостію къ держащимся вѣры доказывали усердіе къ нему, когда бѣгства, описи имѣнія, изгнанія, угрозы, взысканія, опасности, содержаніе подъ стражею, узилища, бичеванія, и что еще страшнѣе сего, все приводимо было въ дѣйствіе противъ несогласяющихся съ желаніемъ царя; когда оказавшимся въ дому Божіемъ благочестивыми было тяжелѣе, нежели уличеннымъ въ самыхъ преступныхъ винахъ.

Но подробное описаніе всего этого по-

требовало бы какого либо большого сочинения, многого времени и труда особаго рода. Съ другой стороны, поелику тогдашнія бѣдствія извѣстны всѣмъ: то ничего не прибавится настоящему слову точнымъ изложеніемъ сихъ несчастій въ письменахъ. Въ повѣствованіи о нихъ есть и другая невыгода: излагающему по порядку исторію сихъ горестныхъ событій необходимо сдѣлать нѣкое упоминаніе и объ учиненномъ съ нашей стороны. Ибо если въ сихъ борьбахъ за благочестіе и сдѣлано нами что-либо такое, что при повѣствованіи можетъ возбудить соревнованіе: то мудрость повелѣваетъ предоставить сіе ближнимъ, по сказанному: *ди гласитъ мя и сарацинъ, а не твоя уста* (Притч. 27, 2). Сего то не уразумѣвъ, проникнуціи во все и большую часть своего сочинения зная велерѣчьемъ о себѣ.

Поэтому все сему подобное отлагая въ сторону, въ точности изісжу дѣла боязливости нашего учителя. Прегнвостояи ему, какъ сопротивникъ самъ царь; а прислуживалъ стремленіямъ царя начавъ вующій по всемъ царствѣ и соудій гвудіенми тако вому пожеланію слушани въ оруджюгце царя. Для то нѣшаго цыгга ия ч показаньства въ подвижннхъ неноко. ебрмн о убѣленія присоветуни къ этому и самое время. Къ

(1) То есть Еввоци

кое же тогда было время? Царь отправился изъ Константинополя на востокъ, перевозносья мысленно недавними своими успѣхами надъ варварами и не предполагая, чтобы стало что-либо противиться его желаніямъ. Предшествовалъ же ему въ этомъ пути упархъ, вмѣсто какого либо инаго необходимаго для начальства дѣлающей такое распоряженіе, что бы ни одному держащемуся вѣры не позволялось оставаться на своемъ мѣстѣ, но всѣ таковыя отвсюду были изгоняемы, а на мѣсто ихъ вводимы были какіе либо другіе самозваные, къ оскорбленію божественнаго домостроительства. Посему, когда съ такимъ рѣшеніемъ, подобно какой-то грозной тучѣ, державная власть двинулась изъ Пропонтиды противъ церкви, и внезапно Вѣннія опустѣла, а Галатія съ большимъ удобствомъ увлечена, и всѣ на пути уступали имъ въ образѣ мыслей, а по порядку и наша уже страна подверглась этой бѣдѣ: что дѣлаетъ тогда великій Василій. этотъ, какъ говоритъ Евномій, боязливый, не смѣлый, робьющий страшнаго, ввѣряющій спасеніе свое скрытой лижнѣ? Приведенъ ли въ ужасъ постигшимъ бѣдствіемъ? Страданіе ли постигнутыхъ имъ прежде пріемлетъ себя въ совѣтника для собственной своей безопасности? Соглашается ли съ совѣтующимъ уступить не на долго стремительности зла, и не повергать себя въ очевидную опасность

сношеніемъ съ людьми, пріобыкшими къ кровопролитію? Или всякое превосходство словъ, всякая высота мыслей и реченій изобличить себя въ томъ, что она ниже дѣйствительности? Какъ изобразить кто словомъ столь великое презрѣніе страхованій? Какъ представить кто взору эту новую борьбу, о которой справедливо можетъ вѣрный сказать, что ведутъ ее не люди и не съ людьми, но что добродѣтель и дерзновеніе христіанина противоборствуютъ въ ней убійственному владычеству.

Предваривъ прибытіе царя, призвалъ Василія къ себѣ впархъ, начальственную власть, и безъ того страшную по величію оной, еще болѣе страшною сдѣлавъ жестокостію наказаній, послѣ тѣхъ плачевныхъ опытовъ, какіе совершилъ въ Виѣниніи. Когда съ обычною легкостію безъ труда покорены были Галаты, впархъ думалъ, что и у насъ встрѣтитъ готовность на все, что ему угодно. Предначаіемъ же строгости въ дѣлахъ служила рѣчь, смѣшанная вмѣстѣ изъ угрозъ и обѣщаній. Впархъ говорилъ, что Василій, если будетъ покоренъ, продолжитъ пользоваться и честію отъ царя и начальствомъ въ церкви, а если воспротивится, потеритъ все, чего похочетъ раздраженная душа, къ власти присовокупивъ и силу. Таковы были ихъ поступки.

А нашъ столько далекъ былъ отъ того, что бы придти въ какой либо ужасъ отъ видима-

го, или сказаннаго, что, подобно нѣкому врачу, или доброму совѣтнику, призванному исправить ошибки, приказывалъ имъ раскаяться въ томъ, на что отваживались, и впредь прекратить убійство рабовъ Господнихъ; потому что пекущимся объ одномъ царствіи Божіемъ и о безсмертной державѣ могутъ они не болѣе какъ только примыслить что-либо; но не въ силахъ сдѣлать зло, не въ состояніи изобрѣсти ничего такого, что, будучи сказано или сдѣлано, опечалило бы христіанина. Опись имѣнія, говорилъ онъ, не коснется полагающаго все стяжанія въ одной вѣрѣ: изгнаніе не устрашитъ съ одинаковымъ расположеніемъ обходящаго всю землю, и взирающаго на всякую страну, по кратковременности жительства, какъ на чуждую, и поелику вся тварь сослужебна, — на всякой градъ, какъ на свой. Подвергнуться же ударамъ, или трудамъ, или смерти, когда нужно то будетъ за истину, — не возбудитъ страха и въ женщинахъ; но для всехъ христіанъ есть высшій предѣлъ блаженства въ чаяніи онаго претерпѣть что-либо невыносимое. Одно только печалитъ, присовокупилъ онъ, что одна въ природѣ смерть, и не находитъ онъ никакого способа, чтобы можно было многими смертями подвизаться за истину.

Поелику же Василій въ этомъ случаѣ поставилъ себя выше оныхъ угрозъ, и всю над-

мѣнность онаго властительства презрѣлъ, какъ ничто; то какъ на зрѣлищѣ съ перемѣною лицъ вмѣсто однихъ являються внезапно другія; такъ и здѣсь горечь угрозъ преобразилась въ ласкательство, грозный дотошъ и ужа-сающій своею гордынею учархъ, перемѣнилъ рѣчь на скромную и снисходительную, гово-рить: «а ты не почитай маловажнымъ, что ве-ликій царь вступаетъ въ среду твоего народа, напротивъ того согласишься именоваться и его учителемъ, и не противься изволенію его. Угод-но же ему, чтобы сіе послѣдовало по исключе-ніи изъ письменнаго изложенія вѣры одной ма-лости, реченія: единосущный.» Но учитель от-вѣчаетъ опять: царю стать членомъ церкви— это весьма важно: ибо, говоритъ онъ, великое дѣло—спасеніе души, не потому, что это царь, но потому что вообще онъ человѣкъ. Но, чтобы въ изложеніи вѣры сдѣлать исклю-ченіе, или прибавленіе, столько далека онъ отъ сего, что не можетъ измѣнить даже по-рядка въ написанномъ. Вотъ что этотъ роб-кій, малодушный, приходившій въ ужасъ при скрипѣ двери, изрекъ словомъ столько высо-кому чиномъ, и сказанное подтвердилъ дѣ-лами! Такъ остановилъ и отвратилъ онъ со-бою, какъ бы потокъ какой разливающейся по владѣніямъ, испроверженіе церковей; одинъ возымѣвъ достаточную силу противъ удара золь, и подобно какой-то великой и не поко-

лебимой скалѣ въ морѣ, вмѣсто многихъ и огромныхъ волнъ сокрушивъ собою приращеніе бѣдствій.

Но симъ не кончилась его борьба. Напротивъ того еще предпринимаетъ сдѣлать опытъ самъ царь, негодуя, что въ первое нападеніе дѣло кончилось не въ его удовольствіе. Посему какъ нѣкогда ассирійскій царь въ Іерусалимѣ разореніе израильскаго храма велѣлъ произвести повару Навузардану, такъ и этотъ нѣкому Димосену, приставленному къ приготовленію яствъ, и главному повару, какъ безстыднѣйшему другихъ, поручивъ сію службу, думалъ, что одержитъ верхъ во всякомъ предпріятіи. Посему такъ какъ изъ всего дѣлаетъ онъ смѣсь, и какій-то богоборецъ изъ Илирика, съ посланіемъ въ рукахъ, собираетъ на это всѣхъ вельможъ, и Модестъ снова воспламеняется гнѣвомъ съ сильнѣйшею прежняго стремительностію; то всѣ подвиглись гнѣвомъ царевымъ, негодуя вмѣстѣ съ огорченнымъ царемъ, и угождая раздраженію власти, и всѣ поражаются грозой ожидаемаго. Ибо опять этотъ внархъ; опять сильнѣйшія прежнихъ востанія страхованій, прибавленія угрозъ, чувствительнѣйшее раздраженіе, плачевное зрѣлище судилища, глашатаи, докладчики, жезлоносцы, загородки, занавѣсы, все, чѣмъ легко приводятся въ ужасъ мысли и у самыхъ приготовленныхъ. И снова подвижникъ

Вожій во вторичной борьбѣ, и превосходитъ славу, приобрѣтенную въ предшествовавшей. Если потребуешь доказательствъ, то смотри на самыя дѣла. Было ли въ церквахъ какое мѣсто не разоренное тогдашнимъ переворотомъ? Осталось ли какое племя не испытаннымъ еретическаго востанія? Кто изъ уважаемыхъ въ церквахъ не былъ отвлеченъ отъ трудовъ? Какой народъ избѣжалъ такого насилія? Возмемъ ли всю Сирію, средорѣчіе даже до варварскихъ предѣловъ, Финикію, Палестину, Аравію, Египеть и Ливійскія племена до самаго конца извѣстной намъ вселенной, и всѣхъ обитающихъ тамъ, понтійцевъ, еликійцевъ, ливійцевъ, ливанцевъ, пнеидіанъ, памфилянъ, карійцевъ, жителей Геллеспонта, островитянъ до самой Пропонгиды; и всѣхъ населяющихъ Фракію, куда только простиралась Фракія, и окрестныя племена до самаго Истра (д); что изъ всего этого осталось въ своемъ видѣ, исключая развѣ то одно, что прежде еще одержимо было таковымъ зломъ? Но изъ всѣхъ народовъ одинъ кашпадокійскій не ощутилъ общаго оубдствія церквей; его спасъ отъ искушеній великій нашъ защитникъ.

Таковы послѣдствія робости нашего учителя! Таковы дѣла приходившаго въ ужасъ

отъ трудовъ болѣе тяжкихъ! Не у жалкихъ старухъ снискалъ онъ себѣ славу. не о томъ старался, чтобъ обмануть женщинъ, легко доступныхъ всякому обману. не почиталъ за великое возбудить къ себѣ удивленіе въ людяхъ предосудительныхъ и развратныхъ; но дѣлами доказалъ душевную крѣпость, постоянство, мужество и благородство въ образѣ мыслей. Его заслуги—спасеніе всего отечества, миръ нашей церкви, образецъ всего добраго для живущихъ добродѣтельно. низложеніе противниковъ, защита вѣры, огражденіе немощныхъ, поддержка усердныхъ. — все, что признается у насъ лучшимъ. При сихъ только повѣствованіяхъ и слухъ и зрѣніе приводятся въ согласіе дѣлами. Ибо здѣсь одно и тоже. и словомъ повѣствовать о томъ, что прекрасно. и на дѣлѣ показывать свидѣтельствуемое словами, а въ томъ и другомъ достовѣрнымъ дѣлать одно другимъ, наявь видимымъ, а дѣла повѣствуемымъ.

13. Но не знаю, какъ на столько удалилось слово отъ предположеннаго, обращаясь къ каждой хуль, высказанной клеветникомъ. Впрочемъ Евномію немалая выгода—это замечаніе слова на подобныхъ предметахъ; обличеніе людскихъ неправдъ преняется слову поступить къ существеннѣйшему. Какъ судно что за убійство бесполезно преслѣдовать за метчивость въ словахъ: потому что обличен-

наго убійства достаточно къ произнесенію смертнаго приговора, хотя убійца не обличается съ тѣмъ вмѣстѣ ни въ какой опрометчивости словъ; такъ, кажется мнѣ, хорошо будетъ въ обличеніи Евномія представить только его нечестіе, а злословіе противъ насъ отложить въ сторону. Ибо явно, что, съ обнаруженіемъ злomyслия въ важнѣйшемъ и существенномъ, обличается вмѣстѣ и все прочее, какъ возможное для него, хотя и не будемъ съ точностію говорить о всемъ подробно. Итакъ главное, къ чему стремится онъ и въ прежнемъ своемъ словѣ, и въ томъ, которое разбираемъ теперь, есть хула на догматы благочестія; все же стараніе прилагасть совершенно извратить, изгнать, уничтожить благочестивыя понятія о единомъ Богѣ и о Святомъ Духѣ. Посему, чтобы умствованія его о догматахъ истины оказались наиболѣе живыми и несостоятельными, сперва предложу буквально сказанное о нихъ Евноміемъ, а потомъ, возвратясь опять къ сказанному, изслѣдую каждое изреченіе отдѣльно.

«Все наше догматическое ученіе ограничивается превысшею и въ самомъ собственномъ смыслѣ такъ называсмою сущностію, еще тою, которая отъ нея существуетъ, послѣ же нея первенствуетъ надъ всѣми иными, наконецъ третіею, которая не состоитъ въ одномъ ряду ни съ одною изъ поменованныхъ, но под-

чишена одной, какъ причинѣ, а другой, какъ дѣйствованію, которымъ пришла въ бытіе; безъ сомнѣнія же для восполненія всего ученія берутся вмѣстѣ и дѣйствования послѣдующія за сущностями и сродныя имъ именованія. Еще же поелику каждая изъ сихъ сущностей; отдѣльно взятая проста, и въ собственномъ своемъ достоинствѣ и есть, и умопредставляется, совершенно одна, а дѣйствования опредѣляются дѣлами, и дѣла измѣряются дѣйствованиями дѣйствующихъ; то по всей необходимости за каждою изъ сущностей послѣдующія дѣйствования одни меньше, другія больше, одни состоятъ въ первомъ, другія во второмъ ряду, и вообще говоря, доходятъ до такой разности, до какой могутъ доходить дѣла; потому что не позволительно назвать однимъ и тѣмъ же дѣйствованіемъ, которымъ сотворилъ ангеловъ, или звѣзды, или небо, или человѣка; но сколько одни дѣла превосходятъ и досточестнѣе другихъ, столько и дѣйствованіе выше другаго дѣйствования, какъ скажетъ пный благочестиво разсуждающій; такъ какъ однѣ и тѣже дѣйствования производятъ тождество въ дѣлахъ, а разныя дѣла указываютъ и на разность дѣйствованій. Поелику же сіе дѣйствительно такъ, и взаимнымъ отношеніемъ одного къ другому соблюдается непремѣнная связь; то производящимъ изслѣдованіе въ сродномъ вѣщамъ порядкѣ надле-

жизнь не смѣшивать всего вмѣстѣ, усиливаясь снѣть это: и если поднять будетъ споръ о сущности, то изъ первыхъ и непосредственно принадлежащихъ сущностямъ дѣйствованій производить удостовѣреніе въ доказываемомъ и разрѣшеніе спорнаго: а при разрѣшеніи сомнѣнія о дѣйствованияхъ изъ сущностей самымъ приличнымъ и для всѣхъ полезнымъ почитать поступленіе отъ первыхъ ко вторымъ.»

14. Итакъ вотъ хитросплетеніе хумы! Истинный же Богъ назнѣ. Сынъ истиннаго Бога, водительствомъ Святаго Духа да направитъ слово къ истинѣ. Будемъ опять повторять сказанное по порядку. Евномій говоритъ, что «догматическое его ученіе ограничивается превысней и въ самомъ собственномъ смыслѣ такъ называемою сущностію, еще тою, которая отъ нея существуетъ, послѣ же нея первенствуетъ надъ всѣми иными, наконецъ третию, которая не состоитъ въ одномъ ряду ни съ одною изъ поименованныхъ, но подчинена одной, какъ причинѣ, а другой—какъ дѣйствованію.» Итакъ первое злоухищреніе въ книгѣ есть слѣдующее: Евномій, общая изложитъ намъ таинственный догматъ, какъ бы цесаряясъ евлгеліескія реченія, не употреблеетъ тѣхъ именораній, въ которыхъ Господь предавъ намъ таинство сіе въ тайноводствѣ вѣры, и шротвъ того, умелчавъ имя Отца и Сына и Святаго Духа вмѣсто Отца именуеть

какую-то превысшую и въ самомъ собственномъ смыслѣ именуемую такъ сущность, вмѣсто Сына — сущность, которая отъ первой существуетъ, послѣ же нея первенствуетъ надъ иными, а вмѣсто Святаго Духа сущность, которая не состоитъ въ одномъ ряду ни съ одною изъ поименованныхъ. Но если и такъ выразиться сообразнѣе было съ дѣломъ; то Истина, безъ сомнѣнія, не затруднилась бы въ изобрѣтеніи сихъ словъ; не затруднилась бы, конечно, и пріявшіе потомъ на себя проповѣдь таинства, и *исперва савовидцы и слуги бывшии Словесе* (Лук. 1, 2.), а послѣ нихъ цѣлую вселенную наполнившіе евангельскими догматами, и опять послѣ сего по времени въ востававшія недоумѣнія о догматѣ разбѣравшіе на общемъ соборѣ, записанныя преданія которыхъ всегда сохраняются въ церквахъ. Если бы такъ надлежало выражаться, то не было бы у нихъ и упоминанія объ Отцѣ и Сынѣ и Святомъ Духѣ. Если совершенно благочестиво или безопасно реченія вѣры замѣнить этою новизною; то значить, что повѣжды, неоглашенные въ таинствахъ, слышавшіе именованій, какъ выражается Евномій, сродныхъ, были всѣ тѣ, которые и не умѣли и не хотѣли собственными свои понятія сдѣлать предпочтительнѣйшими именованій, преданныхъ намъ въ Божественномъ словѣ?

15. Но всѣмъ, думаю, явн. причина этого

составленія новыхъ именъ. Ибо всякій чело-
вѣкъ, услышавъ названіе Отца и Сына, тот-
часъ изъ самыхъ именъ познастъ свойствен-
ное имъ и естественное одного къ другому
отношеніе: потому что изъ сихъ названій само
собою разъяняется средство естества. Посему,
чтобы не было сіе разумѣемо объ Отцѣ и
единородномъ Сынѣ, скрадываетъ чрезъ это
у слушателей то понятіе взаимнаго свойства,
которое съ именами само собою входитъ въ
мысль; и, отложивъ въ сторону реченія бого-
духовенства, въ изложеніи догмата пользуется
реченіями придуманными ко вреду истины.

Но прекрасно говоритъ Евноміи слѣдующее:
въ семь заключается догматическое ученіе не
вселенской, но нашей церкви. Всякому же,
у кого есть умъ, легко разумѣть нечестіе ска-
заннаго. Но, можетъ быть, не неблаговремен-
но будетъ подробно изслѣдовать въ словѣ, съ
какимъ намѣреніемъ одной сущности Отца
Евноміи приписываетъ, что она есть превыс-
шая и въ самомъ собственномъ смыслѣ такъ
именуемая, ни Сыну, ни Святому Духу не доз-
воля быть высшею и собственно такъ назы-
ваемою сущностію. Ибо думаю, что въ этомъ
видно стараніе совершенно отрицать по сущ-
ности Единороднаго и Духа, и Евноміи та-
кимъ униженнымъ словосоставленіемъ не-
примѣтно вѣдѣть къ сему имени, что суще-
ствуютъ Они только по видимому и по имени,

истинное же исповѣданіе Ихъ ипостаси тако-
вымъ построеніемъ рѣчи отвергаетъ; а что
таковъ оборотъ рѣчи, безъ труда примѣтитъ,
кто не на долго остановится на Евноміевомъ
словѣ. Кто признаетъ, что Единородный и
Духъ Святыи истинно существуютъ по соб-
ственной Своей ипостаси, тому не свойственно
много толковать о признаніи именъ, которы-
ми, думаетъ онъ, должно чествовать сущаго
надъ всѣми Бога; ибо крайнюю означало бы
простоту, соглашаться въ дѣлѣ, и привязчиво
спорить о словахъ. А теперь объ одной сущ-
ности Отца засвидѣтельствовать; что она вы-
сочайшая и въ самомъ собственномъ смыслѣ
такъ именуемая, умолчаніемъ о прочихъ при-
водитъ къ заключенію, что они не въ соб-
ственномъ смыслѣ существуютъ. Ибо какъ
сказать, что существуетъ истинно, о чемъ не
засвидѣтельствовано, что существуетъ въ соб-
ственномъ смыслѣ? О чемъ не признано, что
оно наименовано въ собственномъ смыслѣ,
тому необходимо придать противоположное
именованіе; и что не въ собственномъ смы-
слѣ, то, безъ сомнѣнія, недѣйствительно та-
ково. Посему утверждаемое о чемъ либо, что
существуетъ не въ собственномъ смыслѣ, дѣ-
лается доказательствомъ совершеннаго несущ-
ествованія; сіе то, вѣроятно, имѣя въ виду,
Евномій вводитъ эти новыя именования въ
своемъ догматѣ. Ибо никто, конечно, не ска-

жетъ, что Евномій по недоразумѣнію вналъ въ необдуманное предположеніе, и выснимъ опредѣляетъ мѣсто, находящееся вверху, и Отцу какъ бы отдѣляетъ высокую какую-то стражбу, а Сына помѣщаетъ въ мѣстахъ низменныхъ. Ибо не найдется такого ребенка по уму, чтобы въ разсужденіи духовнаго и безплотнаго естества представлялъ себѣ разность по мѣсту: потому что тѣламъ свойственно положеніе на мѣстѣ: а духовное и невещественное по естеству признается далекимъ отъ понятія о мѣстѣ. Посему, какая же причина сущности одного Отца называться превысшею? Ибо не легко кому либо представить, будто бы по какому-то невѣжеству въ эти мысли вовлеченъ былъ тотъ, кто во многомъ, чѣмъ высказываетъ себя, принимаетъ видъ мудреца, и, какъ выражаетъ Божественное Писаніе, мудрится *излише* (Еккл. 7, 17.).

Но не скажетъ онъ, будтобы наименованіе высшею показываетъ въ сущности превосходство силы, или благости, или другаго чего подобнаго; ибо всякому (не говоримъ о хвальному превосходству мудрости) извѣстно и то, что не имѣетъ недостатка въ совершенной благости и силѣ и во всемъ подобномъ вностахъ Единороднаго и Святаго Духа; потому что всякое благо, поклону не допускаетъ оно противоположнаго, не имѣетъ предѣла благости, ограничивается же обыкновенно

одними противоположностями, какъ можно это видѣть въ отдѣльно взятыхъ примѣрахъ: силѣ конецъ, какъ скоро мѣсто ея заступаетъ немощь; жизнь ограничивается смертію; свѣту предѣлъ—тма; и кратко сказать всякое отдѣльно взятое благо прекращается противоположнымъ ему. Поэтому если Евномій предполагаетъ, что естество Единороднаго и Духа удобопреверратно въ худшее; то справедливо умаляетъ понятіе о благодати Ихъ, такъ какъ могутъ Они быть увлечены и противоположнымъ. А если божественное и неизмѣняемое естество не допускаетъ до Себя ни чего худшаго (а сіе признается самыми врагами); то, безъ сомнѣнія, умопредставляется Оно неопредѣлимымъ въ разсужденіи добра; а неопредѣлимое есть одно и тоже съ безпредѣльнымъ. Въ безпредѣльномъ же и неопредѣлимомъ представлять увеличеніе и уменьшеніе — крайне неразумно. Ибо какъ сохранится понятіе безпредѣльности, если о безпредѣльномъ будемъ утверждать, что оно бываетъ больше и меньше? Больше познаемъ изъ взаимнаго сравненія предѣловъ; а у чего нѣтъ предѣловъ, въ томъ какъ возможетъ кто представить избытокъ? Или Евномій, представляя себѣ не это, а нѣкое преимущество по времени, понятіе большаго придаетъ тому, чтò старше по древности, и по сей причинѣ одну сущность Отца называетъ превысшею? Итакъ пусть скажетъ

Евноміи, чѣмъ измѣрилъ это большее въ жизни Отца, когда не представляется никакого временнаго разстоянія прежде вносташи Единороднаго?

Но если бы и было это разстояніе (пусть сказано будетъ сіе пока предположительно), сущность, по времени предшествующая той, которая пришла въ бытіе послѣ, какое преимущество имѣеть въ бытіи (разумѣю относительно къ самому понятію бытія), чтобы одну именовать превысшею и въ собственномъ смыслѣ такъ именуемою, а о другой утверждать, что она не такова? Ибо у предшествовавшей въ сравненіи съ младшею, хотя время жизни больше, сущность однакоже отъ этого ни больше ни меньше. Болѣе же яснымъ содѣлается это изъ примѣровъ. Въ отношеніи къ сущности меньше ли Авраама имѣлъ чрезъ четырнадцать родовъ явившіися на свѣтъ Давидъ? Измѣнилось ли сколько нибудь въ немъ челоуѣчество? Меньше ли былъ челоуѣкомъ Давидъ, потому что по времени жилъ позднѣе Авраама? И кто столько тупоуменъ, чтобы могъ сказать это? Ибо понятіе сущности, нимало неизмѣняемое съ продолженіемъ времени, въ отношеніи къ обонмъ одно. И никто не скажетъ, что одинъ въ большей мѣрѣ челоуѣкъ, потому что предшествовалъ по времени, а другой меньше причастенъ челоуѣческаго естества, потому что вступилъ въ жизнь послѣ

другихъ, какъ будто или растрчено естество предшественниками, или время истощило его силу въ жившихъ прежде. Ибо не времени принадлежитъ опредѣлять каждому мѣру естества; напротивъ того естество пребываетъ само по себѣ, соблюдая себя посредствомъ появляющихся вновѣ; а время течетъ собственнымъ своимъ чередомъ, или содержитъ въ себѣ, или минуя, естество постоянное, непреложное, пребывающее въ собственныхъ своихъ предѣлахъ. Посему и тогда не докажутъ, что у одного отца въ собственномъ смыслѣ превышая мѣра сущности, если бы было допущено, что по времени имѣетъ Онъ больше, какъ предположило слово; а безъ всякой разности въ старшинствѣ времени какъ представить кто либо подобное иѣчто о ествѣ предвѣчномъ? Поселику всякое измѣряемое разстояніе открывается въ томъ, что ниже естества Божія; то какое остается основаніе у предприемлющихъ довременную и нестижимую сущность различать по разности понятій: выше и ниже?

Но никакого нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что защитою іудейскаго догмата служить утверждаемое сими, доказывающими существованіе единой сущности Отца (которой одной рѣшительно приписываютъ они бытіе въ собственномъ смыслѣ), а сущность Сына и Духа полагающими въ числѣ не существующихъ: по-

тому что всему не въ собственномъ смыслѣ сущему приписывается бытіе только на словахъ, по обычному неправильному словоупотребленію: какъ и человѣкомъ называется не уподобительно показываемый въ изображеніи; напротивъ того въ собственномъ смыслѣ называемый симъ именемъ есть не подобіе человѣка, но первообразъ подобія. А изображеніе по имени только человѣкъ, и не можетъ по этому въ собственномъ смыслѣ называться тѣмъ, чѣмъ называется; такъ какъ по естеству оно не то, чѣмъ именуется. Такъ и здѣсь, если сущность одного Отца называется въ собственномъ смыслѣ а сущность Сына и Духа не въ собственномъ; что означается симъ? Не явно ли это отрицаніе спасительной проповѣди? Итакъ пусть бѣгутъ опять отъ церкви въ іудейскія синагоги, не уступая Сыну бытія въ собственномъ смыслѣ, и тѣмъ доказывая, что вовсе не имѣетъ Онъ бытія; потому что недѣйствительное одно и тоже съ несуществующимъ.

А поелику Евномію хотѣлось бы въ подобныхъ вещахъ быть мудрымъ и презираеть онъ тѣхъ, которые предпочитаютъ писать безъ логической строгости: то пусть скажетъ намъ презрѣннымъ: въ какой мудрости почерпнулъ онъ познаніе о большемъ и меньшемъ относительно къ сущности? Какая причина установила такую разность, что какая нибудь

сущность больше другой сущности, по самому, разумѣю, значенію сего слова: сущность? Ибо пусть не представляетъ намъ тѣхъ различій въ качествахъ, или въ отличительныхъ свойствахъ, какія по закону мышленія понимаемъ какъ принадлежности сущности, составляющія нѣчто иное съ подлежащимъ. Ибо не различіи испареній, или цвѣтовъ, или тяжести, или силы, или достоинства, или поведенія и нрава, или чего либо иного усматриваемаго въ тѣлѣ и душѣ, предлагается теперь изслѣдовать; но разумѣю самое подлежащее, чему въ собственномъ смыслѣ придается наименованіе: сущность; о семъ спрашивается: точно ли какая либо сущность имѣетъ съ другою различіе въ большей мѣрѣ бытія? Но донинѣ еще не слышали мы, чтобы изъ двухъ существъ, признаваемыхъ имѣющими бытіе, пока оба существуютъ, въ одномъ бытіе было въ большей, а въ другомъ въ меньшей мѣрѣ; потому что и то и другое равно имѣетъ бытіе, пока пребываетъ тѣмъ, что оно есть, и, по сказанному, нѣтъ причины къ предпочтительнѣйшему, или продолжительнѣйшему бытію въ чемъ либо одномъ.

Посему, если вовсе не позволяетъ Евномій представлять себѣ Единороднаго имѣющимъ сущность (ибо на это, кажется, попользуется тайно рѣчь его): то не приписывающій Ему бытія въ собственномъ смыслѣ, пусть, раз-

суждая о Немъ, не уступаетъ Ему и меньшаго
 Если же Сына, какъ ни есть, состоящаго въ
 бытіи, исповѣдуетъ силою самосущею (объ
 этомъ не было у насъ еще спора); то почему
 опять отъсмететь данное, доказывая, что Тотъ,
 чье бытіе онъ исповѣдалъ, имѣеть бытіе не
 въ собственномъ смыслѣ? А это значитъ тоже,
 какъ было сказано, что и вовсе не быть.
 Какъ не возможно быть чловѣкомъ тому, къ
 кому совершенно неприможимо соответствен-
 ное сему имени понятіе; и у кого недостатокъ
 отличительныхъ свойствъ, у того отъсметется
 цѣлое понятіе сущности; такъ и о каждой
 вещи, о которой засвидѣтельствовано, что
 имѣеть бытіе несовершенно и не въ собствен-
 номъ смыслѣ, частное признаніе бытія не за-
 ключаетъ въ себѣ никакого доказательства о
 бытіи вполнѣ; напротивъ того указаніе
 на бытіе несовершенно доказываетъ всецѣ-
 лое несуществованіе подлежащаго. Посему,
 если здравомысленъ, то пусть обратится къ
 благочестивому разумѣнію, изъяснивъ изъ догмата
 понятіе о меньшей и не собственно такъ на-
 зываемой сущности Единороднаго и Святаго
 Духа. Если же рѣшился непремѣнно нечество-
 вать (и не знаю, почему же ему хочется Творцу
 своему, Богу и благодѣтелю воздать хулою);
 то да потерпитъ наказаніе за мнѣніе о своей
 учености, будто бы значить онъ нѣчто, по
 невѣжеству подчинивъ одну сущность другой.

утверждая, что, по неоткрытому еще закону, одна сущность выше, другая ниже, свидѣтельствуя, что одна въ собственномъ смыслѣ, а другая не въ собственномъ такъ называется. Ибо и изъ философствовавшихъ внѣ вѣры не знали мы ниодного, кто предавался бы сему бреду; потому что такое мудрованіе не согласно ни съ богодухновенными изреченіями, ни съ общими понятіями.

Посему цѣль измышленія сихъ именованій достаточно, думаю, объяснена сказаннымъ, и именно, что реченія сіи предварительно полагаютъ Евномій какъ бы въ убѣжище и въ основаніе всего своего злаго умысла касательно догмата, чтобы, приготавливая умъ, представлять себѣ одну только въ самомъ собственномъ и рыщемъ смыслѣ сущность, безъ труда рѣшить о другихъ, какъ объ умопредставляемыхъ въ смыслѣ низшемъ и не собственномъ. Наипаче же показываетъ это въ послѣдующемъ, гдѣ, излагая свои мнѣнія о Сынѣ и о Святомъ Духѣ, не употребляетъ сихъ реченій, чтобы, какъ сказалъ я прежде, сими наименованіями невольно не показать свойства въ ихъ естествѣ; но дѣлаетъ безыменное о нихъ упоминаніе сей поучающей, что «отъ сродныхъ именъ и реченій должно возводить разумѣніе слушающихъ.» Но какое имя сроднѣе употребленнаго самою истинною? Евномій же учитъ вопреки Евангелію, именуя не Сына,

Гр. Иисск. Ч. 1.

по Сущность отъ высшей происходящую и послѣ оной предъ всѣми существами первенствующую. а что говорится это къ извращенію благочестиваго понятія объ Единородномъ, еще болѣе обнаружится сіе изъ остающаго Евноміева разсужденія. Но послѣку въ сказанномъ у него, по видимому, соблюдается средина, такъ что и не утверждающіи о Христѣ ничего нечестиваго могъ бы употребить иногда сіи реченія; то по сей причинѣ и я не коснусь теперь ученія о Господѣ, чтобы сберечь мѣсто опроверженію самыхъ явныхъ на Него хуленій; но по мѣрѣ силъ моихъ изслѣдную ученіе Евномія о Святомъ Духѣ, потому что явную и ничѣмъ не прикрытую произносить о Немъ хулу, говоря, что Духъ не равночестенъ Отцу и Сыну, но подчиненъ Тому и Другому.

16. Посему вникнемъ сперва, какое значеніе слова: подчиненіе, и въ какихъ случаяхъ божественное Писаніе употребляетъ такое реченіе. Почтивъ человѣка тѣмъ, что созданъ по образу Сотворившаго, Создатель Богъ подчинилъ ему всякое неразумное естество, какъ воскликнулъ великій Давидъ, изображая благодать сію въ пѣснопѣніяхъ. Ибо говоритъ: *вся покорилъ подѣ позы его* (Пса. 8, 7.), и поименно упоминаетъ о подчиненныхъ. Но въ Божественномъ Писаніи еще и иное означается словомъ подчиненіе; ибо Давидъ же, причину усилъховъ

своихъ во браняхъ воспеуя Богу всяческихъ, говоритъ: *покорн люди полъ, и языки подъ полъ наша* (Пса. 46, 4.), и еще: *покорисый люди подъ ля* (Пс. 17, 48.). И въ божественныхъ Писаніяхъ часто можно находить слово сіе означающимъ владычество надъ сопротивными. Ибо изреченіе Апостола о будущемъ напоследокъ подчиненіи всѣхъ людей Единородному и чрезъ Него Отцу (1 Кор. 15, 28.), гдѣ онъ въ глубинѣ премудрости говоритъ что самъ *годатай Бога и чловьковъ* (1 Тим. 2, 5.) подчинится Отцу (симъ подчиненіемъ Отцу Сына, содѣлавшагося причастнымъ чловѣчеству, давая разумѣть покорность всѣхъ людей), какъ требующее большаго и много труднѣйшаго изслѣдованія, оставлю на время. Но въ мѣстахъ ясныхъ, по которымъ гдѣтъ никакаго сомнѣнія о значеніи слова: подчиненіе, въ какомъ смыслѣ утверждается, что сущность Духа подчинена сущности Сына и Отца? Въ томъ ли, въ какомъ Сынъ подчиняется Отцу, по разумѣнію Апостола? Но поэтому Духъ поставляется въ единомъ чинѣ съ Сыномъ, а не подчиняется Ему, если только подчиненныхъ два лица. Или не въ этомъ смыслѣ? Посему въ какомъ же иномъ, кромѣ того, въ которомъ, какъ научилъ насъ псаломъ, естеству разумному подчинено неразумное? Слѣдовательно столько отличны (е),

(е) Сынъ и Святой Духъ отъ Отца

сколько естество неразумныхъ животныхъ от- лично отъ естества человѣческаго. Но, можетъ быть, Евноміи отвергнетъ и это понятіе? Слѣдовательно придетъ къ остальному значе- нію, — что естество, противостоявшее и про- тивоборствовавшее прежде, послѣ того силь- ною необходимостію вынуждено подклониться подъ власть воспробладавшаго.

Пусть изъ сказаннаго изберетъ, что угодно; но, не знаю, что именно избравъ, избѣжить неминуемаго осужденія въ хулѣ: тогда ли, когда скажетъ, что паравнѣ съ безсловесными подчиненъ Духъ, какъ человѣку подчинены рыбы, птицы и овцы: или когда, какъ отло- жившагося, плѣнникомъ приведетъ къ преиз- быточествуящему силюю? Или не согласится ни на одно изъ сихъ реченій. скажетъ же, что слово: подчиненіе употребилъ не по понятію, усвоенному Писаніемъ, но въ другомъ значеніи называетъ Духа подчиненнымъ Отцу и Сыну? Какое же это значеніе? Или тѣмъ самымъ, что Духъ есть третій въ порядкѣ, какій учени- камъ предавъ Господомъ, Писаніе узаконяетъ подчинять, а не въ одинъ ставить рядъ? По- этому на томъ же основаніи пусть и Отца подчинитъ Единородному, потому что Боже- ственное Писаніе часто, предпоставивъ имя Господа, на второмъ мѣстѣ дѣлаетъ упомина- ніе о сущемъ надъ всѣми Богѣ. *Азъ и Отецъ*, говоритъ Господь (Іоан. 10, 30., предпостав-

ляя Свое имя. И еще: *благодаря Господу нашей Иисуса Христа, и любви Бога* 2 Кор 13. 13.); — и тщательно ищущимъ свидѣтельствъ въ Писаніи можно собрать тысячи такихъ мѣстъ, каково напримѣръ слѣдующее: *раздѣленія же дарованій суть, а тойжеде Духъ; и раздѣленія служеній суть, а тойжеде Господь; и раздѣленія дѣяствъ суть, а тойжеде есть Богъ* (1 Кор. 12, 4 б.), такъ что на этомъ основаніи пусть Духу и Сыну подчиненъ будетъ и Сый надъ всѣми Богъ, упомянутый Павломъ на третьемъ мѣстѣ. Но и нынѣ не слыхали мы еще этой мудрости, которая называемое въ какомъ либо ряду вторымъ или третьимъ низводитъ въ чинъ подвластнаго и подчиненнаго. Евномію только угодно доказывать, что извѣстный по преданію порядокъ лицъ указываетъ на преимуществва и низшія степени достоинствъ и естествъ; ибо онъ утверждаетъ, что порядокъ мѣстъ служить указаніемъ инаковости естествъ, не знаю откуда заимствовавъ такое представленіе, и какую необходимостію доведенный до сего предположенія. Ибо численный порядокъ не производитъ разности естествъ, напротивъ того исчисляемое, каково по естеству, такимъ и пребываетъ само въ себѣ, будетъ ли оно исчисляемо, или нѣтъ. Число есть знакъ, дающій знать количество вещей: и во второй рядъ низводитъ не всегда непременно то, что ниже по достоинству естества, но по произволу

счисляющихъ приводить только въ рядъ вещи, обозначаемыя числомъ. *Павелъ и Силуанъ и Тимофей* (1 Сол. 1, 1.): здѣсь упомянуты три лица по волѣ упомянуваго; показывается ли же число, что Силуанъ, поставленный вторымъ послѣ Павла, есть нечто иное, а не человѣкъ? Или Тимофей, поставленный на третьемъ мѣстѣ, въ слѣдствіе сего мѣста, даннаго ему въ ряду упоминающимъ такъ, представляется инымъ по естеству? Нѣтъ; потому что каждый изъ нихъ есть человѣкъ и прежде числа и послѣ онаго; слово же, поелику невозможно было однимъ реченіемъ означить вдругъ тронхъ, упоминаетъ о каждомъ отдѣльно въ произвольномъ порядкѣ, связуетъ же имена поставленнымъ между ними союзомъ, чтобы, какъ думаю, сею связію именъ показать согласіе тронхъ въ единомъ дѣлѣ.

Но не это угодно пововодителю догматовъ; онъ закопаетъ, что противно порядку Божія слова: и что Самимъ Господомъ поставлено въ ряду со Отцемъ и Сыномъ, то, отдѣливъ отъ свойственнаго и естественнаго Ему мѣста въ ряду и сочетанія, причислилъ къ подчиненнымъ, и говоритъ, что это есть дѣло Того и Другаго. — Отца какъ производящаго причину происхожденія, и Единороднаго, какъ отъ Себя производящаго вностасть Его; и опредѣляетъ, что это есть причина подчиненія, хотя не открылъ еще означемаго словомъ подчиненіе.

17. Потомъ говоритъ: «безъ сомнѣнія же берутся вмѣстѣ и дѣйствозанія, послѣдующія за сущностями, и сродныя имъ именованія.» Смыслъ этихъ словъ не очень ясенъ, будучи прикровенъ великимъ мракомъ нечестія; но сколько иной можетъ проразумѣвать по догадкѣ, онъ таковъ: дѣйствозаніями сущностей Евномій, какъ думаю, именуется производящія Сына и Святаго Духа силы, которыми первая сущность произвела вторую, а вторая третію, и говоритъ, что наименованіе совершенныхъ дѣлъ составлены сродно съ дѣлами. Но ухищреніе въ разсужденіи именъ мы по возможности уже изслѣдовали; и когда достигнемъ этой части изслѣдованія, если потребуетъ слово, еще продолжимъ изслѣдованіе.

А теперь стоить пока разсужденія: какъ за сущностями слѣдуютъ дѣйствозанія? Что такое они по собственному своему естеству? Иное ли что съ сущностями, за которыми слѣдуютъ? Или часть сущностей и естества? И если иное, то какъ, или отъ чего, происходятъ? Если тоже самое, то какъ отдѣляются, и вмѣсто того, чтобы нераздѣльно быть съ ними, совнѣ за ними слѣдуютъ? Ибо не просто дознать что-либо изъ сказаннаго. Естественная ли какая необходимость невольно вышуждаетъ дѣйствозаніе, каково оно ни есть, слѣдовать за сущностію, какъ слѣдуютъ за огнемъ стораніе и пары, и испаренія—за тѣлами, отъ

которыхъ они происходятъ? Но думаю, и самъ Евномій не скажетъ этого: будто бы какимъ-то разнообразнымъ и сложнымъ достояніемъ почитать должно Божію сущность, которая не отдѣльнымъ и вмѣстѣ съ нею усматриваемымъ имѣеть дѣйствованіе, открывающееся въ подлежащемъ какъ бы чѣмъ-то случайнымъ. Напротивъ того, говоритъ онъ, что произвольно и свободно движимыя сущности сами собою производятъ, что имъ угодно. Да и кто о томъ, что совершается произвольно по промышленію, скажетъ, что оно слѣдуетъ какъ нѣчто совнѣ сопровождающее? Ибо не знаемъ, чтобы по общему словоупотребленію въ подобныхъ случаяхъ весьма обыченъ былъ такой образъ выраженія о дѣйствованіи трудящагося надъ чѣмъ нибудь говорить: дѣйствование слѣдуетъ за трудящимся. Ибо отдѣлившему одно отъ другаго невозможно постигнуть остальное само по себѣ; но кто сказалъ: дѣйствование, тотъ въ словѣ семъ сообщалъ и движимое сообразно съ дѣйствованіемъ, и кто упомянулъ о дѣйствующемъ, тотъ, конечно, вмѣстѣ съ тѣмъ молча обозначилъ и дѣйствование. Но сказанное яснѣе будетъ въ примѣрахъ. Говоримъ, что такой-то куетъ или плотничаетъ, или работаетъ что-либо иное подобное. Итакъ однимъ словомъ въ рѣчи представляются вмѣстѣ и работа и занимающійся работою, такъ что, если опредѣлить то или другое, не оста-

нется и остальнаго. Посему, если два предмета: самое дѣйствованіе, и сообразно съ онымъ приходящій въ движеніе, представляются одинъ съ другимъ вмѣстѣ: то почему здѣсь говорится, что за первую сущностію слѣдуетъ дѣйствованіе, производящее вторую сущность, какъ бы составляя собою среду между обѣими сущностями и не состоя ни въ согласіи по естеству съ первою, ни въ соприкосновеніи со второю? Ибо отдѣлено отъ одной тѣмъ, что оно не ссество, но движеніе естества; не согласуется же съ слѣдующею за нею, потому что посредствомъ него произошло не чистое дѣйствованіе, но дѣйствующая сущность.

18. Потомъ, вмѣстѣ съ симъ изслѣдуемъ и это: Евномій именуетъ сущность дѣломъ сущности, сущность вторую дѣломъ первой, а опять третію второй. Чѣмъ доказаль онъ предварительно ученіе сіе? Какими доводами воспользовался для сего? Какимъ способомъ довелъ насъ до необходимости повѣрить, что послѣдующая сущность должна быть дѣйствованіемъ предшествующей? Если бы по прочему, усматриваемому въ твари, должно было умозаключать и о семъ: то, хотя и въ такомъ случаѣ не хорошо по дольнему гадать о превысшемъ, но, по крайней мѣрѣ, можетъ быть, извинительно нѣсколько было бы разуму при посредствѣ видимаго блуждать въ непостижимомъ. Теперь, кто рѣшится утверждать, что

небо — дѣло Божіе, а дѣло неба — солнце, и солнца—луна, а луны—звѣзды, и звѣздъ—что либо иное въ твореніи? Ибо все это — дѣло Единаго; потому что *единъ Богъ и Отецъ всѣхъ, изъ Негоже вся* (Еф. 4, 6. 1 Кор. 8, 6.). Если же и приходитъ что въ бытіе другъ чрезъ друга, какъ роженіе животныхъ, то и въ этомъ случаѣ происходитъ не что-либо иное, потому что въ раждающемся вновь остается тоже естество. Итакъ, почему, не имѣя возможности сказать подобное о чемъ либо изъ усматриваемаго въ твари, Евномій доказываетъ это о превысшей сущности, что дѣло первой есть вторая сущность, и такъ далѣе? Если же, имѣя въ мысли роженіе животныхъ, вообразимъ по этому и о пречистомъ ествѣ нѣчто подобное, такъ чтобы послѣдующее представлять себѣ дѣломъ предъидущаго; то и въ этомъ случаѣ не сохранять Евномій послѣдовательности рѣчи. Ибо раждаемое другимъ непременно однородно съ тѣмъ, отъ чего раждается; но онъ, чтобы показать обиліе лжи, какъ ловкій борецъ, предпріявъ обѣими руками низлагать истину, приписываетъ происходящимъ другъ отъ друга неоднородность и иноплеменность. Чтобы показать подчиненность и въ естественномъ достоинствѣ умаленіе Сына и Духа, говорить, что изъ одного произошло другое. А чтобы такимъ способомъ прихожденія въ бытіе

знающіе рожденіе одного отъ другаго не приведены были къ понятію о родствѣ, борется съ самымъ закономъ естества. говоря, что отъ одного происходитъ другое, и утверждая, будто бы Рожденный, что касается до естества Родшаго, не истинный сынъ.

Но, за что, кажется мнѣ, въ правѣ иный прежде всего укорить Евномія — состоитъ въ слѣдующемъ. Если бы это былъ кто другой, по неопытности въ словѣ не навикшій къ таковымъ построеніямъ мыслей и неупражнявшійся въ нихъ, и потомъ сталъ бы утверждать представившееся ему случайно; то, можетъ быть, извинительно было бы ему для доказательства догматовъ не воспользоваться способами при семъ употребительными. По велику же у Евномія столько на это силы, что въ стремленіи все постигнуть простирается и до того, что внѣ области нашего естества; то почему не зналъ онъ начала, при помощи котораго въ сихъ покушеніяхъ разума совершается уразумѣніе всего сокровеннаго? Ибо кто не знаетъ, что всякое слово, заимствуя начала въ явномъ и всѣми познанномъ, сообщаетъ чрезъ это вѣроятность сомнительному, и что не иначе можетъ быть постигнуто что либо сокровенное, какъ при руководствѣ къ уразумѣнію неизвѣстнаго тѣмъ, что уже признано нами? Если же взятое за начала понятій къ открытію незнаемаго противорѣчитъ пред-

положеніямъ многихъ, то съ грутомъ развѣ и чрезъ это можетъ быть открыто то, чего не знаемъ.

У принадлежащихъ къ церкви вся борьба и весь споръ съ аномеями касательно догмата, о томъ, должно ли естество Сына и Духа признать или, по слову противниковъ, сотвореннымъ, или не сотвореннымъ, какъ вѣруеть церковь. А Евномій то самое, чему всё противорѣчатъ, выдаетъ за исповѣдуемое всёми, и, не нашедши никакого доказательства на то, что послѣдующая сущность есть дѣло предыдущей, смѣло утверждаетъ, что это дѣйствительно такъ, не знаю, по чьему наставленію, или по какой мудрости, осмѣлившись на сіе. Ибо если всякому доводу и доказательству надлежитъ предпоставлять какое либо безспорное и несомнѣнное исповѣданіе, такъ чтобы предвзятымъ доказывалось неизвѣстное, будучи представлено приспособительно къ посредствующимъ доводамъ: то искомое еще обращающій въ доводъ чего либо другаго не иное чтó подготавливаетъ, какъ невѣдѣніемъ невѣдѣніе, и обманомъ обманъ. А это тоже, что слѣнца, какъ говоритъ нѣгдѣ Евангеліе, дѣлать вождемъ слѣнцу (Матѣ. 15, 14.). Ибо по длинно къ слѣнцу и напрасно усиливающе-муся слову, утверждающему, что Творецъ и Создатель всяческаго есть тварь и произведеніе, присовокупяеть другое слѣное слово,

что Сынъ есть нечто чуждое естеству Отца, не подобное Ему по сущности, вовсе непричастное естественнаго съ Нимъ свойствá. Но не объ этомъ еще рѣчь: ибо гдѣ Евномій яснѣе открываетъ нечестіе своего мудрованія, тамъ и для насъ кстати будетъ помѣстить различіе нечестія: теперь же возвратиться намъ должно къ продолженію по порядку имъ сказаннаго.

«Еще же, поелику каждая изъ сихъ сущностей чиста, проста, совершенно едина, и такою умопредставляется по собственному своему достоинству, дѣйствованія же опредѣляются дѣлами, и дѣла соразмѣряются съ дѣйствованиями дѣйствовавшихъ: то по всей необходимости и дѣйствованія, послѣдующія за каждою сущностію, одни меньше, другія больше, и состоятъ то въ первомъ, то во второмъ ряду.» Смыслъ всего сказаннаго, хотя у Евномія содержится во множествѣ словъ, есть одинъ, — а именно старается онъ показать, что никакой нѣтъ связи у Отца съ Сыномъ и также у Духа съ Сыномъ, но сущности отдѣльны одна отъ другой, разъединены, суть какія-то чуждыя другъ другу естества, неродственные между собою, и разныя не въ этомъ только, но и въ количествѣ и въ пониженіи достоинствъ, такъ что одинъ, какъ говоритъ самъ Евномій, умопредставляются большими, другія меньшими, и во всемъ прочемъ имѣютъ несходство.

Хотя излишнимъ покажется для многихъ останавливаться надъ явнымъ и пытаться обличить подробно все, что, по мнѣнію многихъ, само въ себѣ ложно и гнусно, и не имѣеть никакой силы; однако же, чтобы не подать мысли, будто бы по недостатку обличеній нѣчто изъ сказаннаго имъ опустили изъ виду неизслѣдованнымъ, по мѣрѣ силъ приступимъ и къ этому. «Каждая изъ сихъ сущностей, говоритъ Евномій, чиста, проста, совершенно едина, и такую умопредставляется по собственному своему достоинству.» Здѣсь опять сомнительное представляя, какъ всеѣмъ признаваемое, думаетъ онъ, будто бы сказалъ нѣчто, когда вмѣсто всякаго доказательства признаетъ достаточнымъ самъ подтвердить сказанное. Три, говоритъ онъ, сущности; ибо это оказывается изъ того, что сказалъ: «каждая изъ сихъ сущностей,» чего не сказалъ бы, если бы признавалъ одну сущность. Посему, если такъ означаетъ взаимную разность сущностей, чтобы не подать о себѣ мысли, будто бы увлекается нечестіемъ Савеллія, который одному подлежащему приспосаблиетъ три названія; то соглашаемся съ нимъ и мы, и никто изъ благочестивыхъ не воспрекословитъ этому ученію, развѣ только покажется Евномій погрѣшающимъ въ однихъ именахъ и въ словоупотребленіи, когда именуеть сущности вмѣсто ипостасей; ибо не все тѣ вещи,

которымъ принадлежитъ одно и то же понятіе сущности, подобнымъ сему образомъ подъ тождественное подходятъ понятіе и по вѣстаси. Петръ, Іаковъ, Іоаннь по понятію сущности одно и то же другъ съ другомъ, потому что каждый изъ нихъ человѣкъ; но по отличительнымъ свойствамъ вѣстаси каждаго изъ нихъ не сходятся между собою. Посему, если Евномій доказывалъ это, а именно, что не должно смѣшивать вѣстаси, и одному лицу приспособлять три наименованія; то будетъ, по свидѣтельству Апостола, *вѣрно слово его и всякаго пріятѣл достойно* (1 Тим. 1, 15.). Но поелику не это имѣеть въ виду, и говорить сіе, не вѣстаси различая между собою по усматриваемымъ въ нихъ свойствамъ, но доказываетъ, что самая подлежащая разсмотрѣнію сущность инакова съ другою, или, лучше сказать, сама съ собою, и посему именуеть многія сущности, такъ что каждая имѣеть нѣкую особящую ее отъ другихъ инаковость; то посему утверждаю, что Евноміево разсужденіе не имѣеть ни начала, ни главной основы, и не доказываетъ хулы ничѣмъ общепризнаннымъ. Ибо нѣтъ у него доказательства, которымъ бы инъй могъ быть приведенъ къ такому понятію о догматѣ: напротивъ того, какъ бы при пере-сказѣ сна, удерживаетъ голое и недоказанное изложеніе нечестія. Ибо тогда какъ церковь

учить не дѣлать вѣры на множество существей, но вѣровать, что въ трехъ Лицахъ и впостасяхъ нѣтъ никакой разности по бытію, а противники въ самыхъ существяхъ полагаютъ видоизмѣненіе и несходство; Евномій, ни однимъ словомъ недоказанное, что даже и доказано быть не можетъ, смѣло подтверждаетъ, какъ доказанное, и до нынѣ, можетъ быть, не промолвивъ ничего въ уши слушателямъ. А могъ онъ научиться, смотря на выслушивающихъ разумно, что всякая рѣчь, пока по произволу носится недоказанною, есть такъ называемое пустословіе старухъ, не имѣющее никакой силы, чтобы доказать собою искомое, — когда въ защиту сказаннаго не приводится ни божественныхъ Писаній, ни человѣческихъ умозаключеній. Но довольно объ этомъ.

19. Разсмотримъ же сказанное. Евномій говоритъ, что проста и совершенно едина каждая изъ сихъ существей, которыя изобразилъ онъ въ словѣ. Но что просто божественное, блаженное и всякій умъ превышающее Естество, этому, думаемъ, не будутъ противорѣчить слишкомъ грубые и низкіе разумѣніемъ. Ибо предположить ли кто многовиднымъ и сложнымъ естество, не имѣющее ни вида, ни наружнаго образа, отрѣшенное отъ всякой количественности и мѣры въ величинѣ? Но что превышшую существъ признавать простою не согласно съ догматомъ, доказываемымъ по-

слѣдователями Евномія хотя на словахъ все у нихъ согласно, это явно будетъ для остановившагося надъ симъ не надолго. Кто не знаетъ, что простота Святой Троицы, по самому своему понятію, не допускаетъ большаго и меньшаго? Ибо въ сущности, въ которой невозможно представить какаго-либо смѣшенія или стеченія качествъ, по которую постигается мысль, какъ нѣкую недѣлимую на части и несложную силу, почему и на какомъ основаніи дозналъ бы кто разность большей и меньшей величины? Опредѣляющему сіи разности по всей необходимости должно представить себѣ столкновение какихъ либо качествъ въ подлежащемъ; потому что или примышляетъ въ нихъ разнствующее избыткомъ и недостаткомъ, и чрезъ это въ искомое вводитъ понятіе количественности, или устанавливаетъ ту мысль, что одна сущность преимуществуетъ предъ другою, или уступаетъ другой благостію, могуществомъ, мудростію или чѣмъ инымъ, что только благочестиво разумѣется о Божествѣ; въ такомъ случаѣ неизбежно понятіе сложности. Ибо у того существа нѣтъ никакого недостатка въ мудрости, въ могуществовѣ, или въ другомъ какомъ благѣ, у котораго благо не есть что-либо приобретенное, но каково оно есть, такимъ и пребываетъ по природѣ. Посему, кто говоритъ, что въ Божественномъ естествѣ заключаются

меньшія и большія сущности, тотъ, самъ того не примѣчая, доказываетъ, что Божество сложено изъ чего-то неподобнаго, такъ что, по его разумнію, иное есть само подлежащее, а иное опять имъ приобрѣтаемое, по причастію въ чемъ бываетъ оно въ благѣ, не бывъ таковымъ само по себѣ. Если же Евномій представлялъ себѣ истинно простую и совершенно единую сущность, которая сама въ себѣ есть благо, а не дѣлается имъ чрезъ приобрѣтеніе; то не могъ приписывать ей большинства и меньшинства. Ибо и прежде сего было говорено, что благо уменьшается однимъ только присутвіемъ зла. А чье естество недоступно худшему, въ томъ не мыслимъ предѣлъ благости; неопредѣлимосже таково не по отношенію къ другому, но само по себѣ представляемое избѣгаетъ предѣла. Если же сказать: безпредѣльное безпредѣльнаго больше или меньше: то не знаю, какъ это сложится въ мысли. Поэтому, если Евномій признаетъ, что превысшая сущность проста и во всемъ сама съ собою согласна: то пусть согласится и на то, что она допускаетъ общеніе въ простотѣ и безпредѣльности. Если же отдѣляетъ и отчуждаетъ онъ сущности одну отъ другой, представляя себѣ сущность Единороднаго иною со Отцемъ, и также инаковою съ сущностію Единороднаго сущность Духа, и говорить о нихъ: эта больше, и эта меньше: то пусть признаетъ, что,

хотя, по видимому, приписываетъ имъ простоту, но въ дѣйствительности утверждаетъ ихъ сложность.

Возвратимся же опять въ сказанному имъ по порядку. «Такъ какъ сущность чиста, проста, совершенно едина. говоритъ онъ, и такою умопредставляется по собственному своему достоинству.»— Что значитъ: «по собственному своему достоинству?» Если разсматриваетъ сущности по общему ихъ достоинству, то и въ этомъ случаѣ было бы излишне, напрасно растягивало бы рѣчь прибавленіе сіе, останавливающееся на признаваемыхъ всѣми родахъ: но, можетъ быть, излишительною нѣсколько сдѣлалась бы неумѣстность выраженія, потому что благочестивый смыслъ даже пустотѣ и излишеству рѣчи придагъ бы качество быть сносными. Но теперь есть опасность погрѣшнить ему не въ словахъ только (этотъ недугъ былъ бы удобопзлѣчимъ); напротивъ того дѣло состоитъ въ лукавыхъ ухищреніяхъ. Евномій простою называетъ каждую изъ трехъ сущностей, по собственному ея достоинству, чтобы въ началѣ высказанными у него опредѣленіями первой, второй и третьей сущности, повреждено было вмѣстѣ и понятіе простоты. Ибо какъ сущность Отца наименовалъ единою превышею и единою въ собственномъ смыслѣ какъ называемою, ничего этого не признавъ о Сынѣ и о

Духъ, не употребивъ о нихъ выраженій: высшій и въ самомъ собственномъ смыслѣ, точно также, назвавъ сущности простыми, по мѣрѣ усматриваемаго въ каждой достоинства, и о понятіи простоты думаетъ, что надлежитъ приспосабливать оное: почему въ самомъ собственномъ смыслѣ такъ называемая и первая сущность умопредставляется въ высшей и совершенной простотѣ; вторая же соотвѣтственно, по мѣрѣ удаленія отъ первенства, понижается и въ понятіи простоты, а также послѣдняя на столько понижается въ понятіи совершенной простоты, на сколько и мѣра достоинства умаляется до крайности, такъ что согласно съ симъ сущность Отца умопредставляется чисто простою, сущность же Сына не въ точности простою, но въ примѣненіи къ ней естества сложнаго; а естество Святаго Духа имѣющимъ большую сложность, такъ какъ мѣра простоты напоследокъ постепенно умаляется. Шбо какъ о несовершенно благомъ признаемъ, что оно въ нѣкоей части причастно противнаго свойства, такъ и то, что не вполне просто, неизбѣжно кажется сложнымъ

20. А что съ этою мыслию употребилъ Евномій реченіе сіе, яснѣе оказывается въ продолженіи рѣчи, гдѣ открытѣе понятіе о Сынѣ и Духѣ низводитъ до какихъ-то по землѣ пресмыкающихся и низкихъ предположеній. «Поеліку, говоритъ онъ, дѣйствованія опредѣляются

дѣлами. и дѣла соразмѣряются съ дѣйствованіями дѣйствовавшихъ; то посему необходимо, чтобы и дѣйствования, слѣдующія за каждою сущностію, были однѣ меньше, другія больше, и состояли, иныя въ первомъ, а другія во второмъ ряду.» И хотя, тщательно покрывъ сіе туманностію слововыраженія, устроилъ онъ, что понятіе этого для многихъ неуволнимо, однако же удобно объяснится изъ связи подлежащаго изслѣдованію. «Дѣйствования, говоритъ онъ, опредѣляются дѣлами.» А дѣлами именуеть Сына и Духа, дѣйствованиями же производительныя силы, которыми они совершены, и о которыхъ не задолго прежде сказалъ, что слѣдуютъ онѣ за сущностями. Реченіе: опредѣляться выражаетъ прихождение въ равновѣсіе произведенной сущности съ производшею силою, или, лучше сказать, не силою, но дѣйствованіемъ силы, какъ называетъ самъ Евномій, чтобы произведеніе было дѣломъ не всей дѣйствующей силы, но нѣкоего частнаго дѣйствования, когда вся сила въ такой мѣрѣ пришла въ движеніе, въ какой потребно ей обнаружиться къ совершенію производимаго. И тоже самое опять приведя въ обратный порядокъ, говоритъ: «и дѣла соразмѣряются съ дѣйствованиями дѣйствовавшихъ.» А смыслъ сихъ словъ сдѣлается для насъ знакомѣе изъ примѣра. Предположимъ, что о какомъ либо орудіи для кожевничихъ дѣлъ идетъ такая

рѣчь: если рѣзецъ, сдѣланный въ видѣ круга, наложенъ на что нибудь такое, на чемъ надлежитъ произойти такому изображенію, то вырѣзываемо: ичь опредѣляется видомъ желѣза, и въ вырѣзкѣ окажется такой же величины кругъ, какой и у желѣза: и опять — какое разстояніе обондетъ орудіе, такой мѣры и вырѣзкою опишетъ кругъ. Подобна этому мысль сего богослова о божественной иностаси Единороднаго. Нѣкое дѣйствованіе, говоритъ онъ, какъ бы орудіе, слѣдующее за первою сущностію, совершенно соразмѣрное себѣ дѣло—Господа. Такъ умѣетъ онъ славить Сына Божия, Который прославляется ичь въ славѣ Отчей и окроется во время суда! О Немъ говоритъ, что Онъ есть дѣло, и соразмѣренъ произведшему Его дѣйствованію! Поэтому какое же это дѣйствованіе, послѣдующее за Богомъ всяческихъ, умпредставляемое прежде Единороднаго и опредѣляющее Его сущность? Существенная ли это какая и самостоятельная сила, свободнымъ движеніемъ производящая, что ей угодно? Слѣдовательно она—Отець Господу, и для чего сущему еще надъ всеми Богу приписуется названіе Отца, если не Ичь, но какимъ-то изъ послѣдующихъ совнѣ дѣйствованіемъ произведенъ Сынъ? Почему Сынъ Тотъ, о Комъ Евномій говоритъ, что произошелъ Онъ отъ чего-то инаго, какъ будто ичьій подметный да простить Господь

за это слово!), вторгся въ свойство со Отцемъ, будучи почтенъ однимъ только наименованіемъ Сына? Почему же послѣ Бога всяческихъ поставляетъ и Господа счисляющій Сына по Отцѣ третьимъ, потому что на второмъ мѣстѣ послѣ сущаго надъ всѣми Бога почитается оное посредствующее дѣйствование? Въ этомъ же порядкѣ и Духъ Святой, конечно, займетъ, уже не третіе, но пятое мѣсто; потому что, если оное дѣйствование считается на второмъ мѣстѣ по сущемъ надъ всѣми Богѣ; то въ семь порядкѣ и Духъ Святой непремѣнно займетъ не третіе, но пятое мѣсто; такъ такъ, по Евноміеву слову, дѣйствование, послѣдующее за Единороднымъ, отъ Котораго состоялся Духъ Святой, конечно, считается между ними въ срединѣ.

Но въ слѣдствіе сего и сказанное: *вся быша* Сыномъ (Іоан. 1, 3.) окажется несостоятельнымъ; потому что этимъ новымъ богословомъ примышлена другая нѣкая вностасть, которая старше Единороднаго, и которую справедливо будетъ признать причиною сотворенія вселенной, такъ какъ, по словамъ ихъ. и происхождение Самаго Единороднаго зависить отъ онаго дѣйствования. Если же, избѣгая сихъ несообразностей, скажетъ, что дѣйствование, произведеніемъ котораго опредѣляетъ онъ Сына, есть нѣчто неосуществленное: то пусть скажетъ еще, какъ за существомъ слѣдуетъ ни-

что? И какъ неосуществившимся производится осуществившееся? Ибо въ слѣдствіе сего откроется, что, хотя слѣдующее за Богомъ не существуетъ, однакоже сіе не сущее стало причиною существъ, и что не осуществилось въ своемъ естествѣ, то опредѣляетъ естество осуществившагося, а вся совершающая и зиждущая твари сила въ естественномъ своемъ основаніи заключена въ не существующемъ. Таковы догматы сего богослова, который о Господѣ неба и земли, о Создателѣ всей твари, о Сущемъ въ началѣ Божиємъ Словѣ, о Томъ, Кѣмъ *вся быша* (Іоан. 1, 3.), говоритъ, что отъ какой-то несуществующей и несостоявшейся вещи, или мечты, или, не знаю, какъ надлежитъ наименовать измышленное нынѣ Евноміемъ дѣйствованіе, произошелъ Онъ, и опредѣляется этимъ, какъ нѣкою оградой, объятый отвсюду небытіемъ. Но не уразумѣлъ этотъ видящій невидимое, къ какому концу обращается связь рѣчи. Ибо если дѣйствованіе Божіе не осуществлено, а имъ опредѣляется изъ небытія произведенное дѣло; то, конечно, произведеніе признано будетъ по естеству такимъ же чѣмъ-то, какимъ въ словѣ изображено естество производящаго дѣло. Ибо всякому извѣстно, чѣмъ представляется произведенное изъ небытія и небытіемъ объятое; именно: ничѣмъ; потому что не естественно противоположному заключаться въ противо-

ложномъ, какъ въ огнѣ не бываетъ воды, въ смерти жизни, во тмѣ — свѣга, въ несущест-
ствующемъ — существующаго. По Евноміи, по
преизбыточествующей въ немъ мудрости, или
не разумѣлъ сего, или произвольно смежаетъ
очи для истины.

Внушаетъ же по какой-то необходимости
представлять себѣ меньшинство въ уюстаси
Единороднаго, и опять нѣкое усиленіе меньшин-
ства предъ Сыномъ усматривать въ Святомъ
Духѣ, выражая сіе такими словами: «по всей не-
обходимости дѣйствованія, послѣдующія за каж-
дую сущностію, должны быть меньшія и боль-
шія.»—Сей необходимости, вынуждающей къ
этому Божественное естество, и по жребію
удѣляющей большее и меньшее, и отъ него
мы не дознали, и сами собою уразумѣть до-
нынѣ были не въ состояніи. Ибо у всѣхъ,
принимающихъ простую проповѣдь въ про-
стомъ ея смыслѣ, беретъ пока верхъ ученія,
что на Божественномъ ествѣ не возлежитъ
никакой необходимости, которая бы Едино-
роднаго, какъ невольника какаго, склоняла и
вынуждала къ меньшинству. Но, оставивъ сіе,
хотя бы стоило то и не малаго изслѣдованія,
Евномій учитъ только, что должно представ-
лять себѣ меньшее. Но необходимость не на
семъ только останавливаетъ слово, а и нѣчто
большее уготовляетъ въ дулѣ, какъ это уже
найдено отчасти. Ибо, если Сынъ произошелъ

не отъ Отца, но отъ какого-то неосуществленнаго дѣйствования, то не только Онъ признаваемъ будетъ меньшимъ Отца, но все ученіе по необходимости сдѣлается вполнѣ иудейскимъ. Ибо произведеніе несуществующаго не малымъ только показываетъ слѣдствіе сей необходимости, но чѣмъ-то такимъ, что выговорить и обвиняющему небезопасно. Какъ необходимо признается имѣющимъ бытіе раждаемое отъ существующаго, такъ по необходимости будетъ признано совсѣмъ инымъ происходящее отъ несуществующаго. Ибо когда что-либо не существуетъ само, тогда какъ осуществится отъ него другое?

Посему, если не имѣть собственной своей сущности это дѣйствование, послѣдующее за Богомъ и производящее Сына, то кто столько слѣпъ, что не уразумѣетъ уготовляемой хулы, а именно, что цѣль у Евномія клонится даже къ отрицанію нашего Спасителя? И если въ слѣдствіе ихъ ученія похищается у вѣры вностасть Сына, и ничего не оставляется Ему, кромѣ одного имени; то трудно будетъ вѣрить, что собственную Свою вностасть имѣетъ и Духъ Святой, по ихъ родословію производимый отъ ряда немѣющихъ бытія. Ибо когда нѣтъ въ бытіи по сущности послѣдующаго за Богомъ дѣйствования, и произведеніе онаго въ ученіи необходимо приеменяется за неосуществленное; а за симъ опять слѣдуетъ иное нѣкое небытіе

дѣйствования: потому отъ него, доказываютъ они. произонелъ Духъ: тогда не всякому ли явна хула. и именно. что, такъ какъ ученіе ихъ гонится за тѣнями и неосуществимыми вымыслами. и не опирается ни на чемъ истинно состоятельномъ, то, по ихъ доказательству, послѣ нерожденію сущаго Бога ничто не существуетъ въ истинномъ смыслѣ. И самое доказательство учащихъ подобному ввергаетъ ученіе въ таковую несобразность.

21. Но допустимъ предположительно, что дѣло не такъ: потому что и они исповѣдуютъ это, и на словахъ оказываютъ челоуѣколюбіе. Единородному Сыну и Духу Святому уступая бытіе въ собственной Ихъ уности. Впрочемъ. если бы, исповѣдуя сіе, исповѣдывали вмѣстѣ и пріятыя о Нихъ мнѣнія: то, конечно, не стали бы оспоривать догмата церкви, и не отторглись бы отъ общаго упованія христіанъ. Если же, какъ бы готовя себѣ какое вещество для хулы и поводъ къ ней, дарятъ они Сыну и Духу Святому бытіе: то (хотя, можетъ быть, и смѣло будетъ сказать сіе) полезнѣе было бы для нихъ. отрекшись отъ вѣры, передаться на сторону іудейскаго служенія. нежели мнимымъ исповѣданіемъ вѣры оскорблять имя христіанъ. Пбо іудей. донинѣ пребывая неприявшимъ Слова, въ той только мѣрѣ нечествуютъ, что не исповѣдуютъ Христа пришедшаго. а надѣются, что придетъ;

не слышно же, чтобы высказалъ кто какое либо дурное понятіе, унижающее славу Ожидаемаго ими. Исповѣдники же новаго обрѣзанія, а лучше сказать, какъ говоритъ Апостоль, *свѣченія* (Филип. 3, 3.), хотя не отрицають, что пришелъ Ожидаемый: однакоже подражаютъ тѣмъ, которые невѣріемъ и оскорбительными рѣчами безчестяють пришествіе Господа во плоти. Иудеи намѣревались бросать въ Господа камнями (Іоан. 8. 59.); а сіи въ слово истины мещуть хульными словами. Тѣ низкимъ и безславнымъ выставяли рожденіе по плоти, не касаясь и мыслию рожденія Божественнаго и предвѣчнаго; подобно тому и сіи, отрекшись исповѣдывать велегдѣнное, высокое и неизреченное рожденіе отъ Отца, утверждаютъ, что Отецъ бытіе пріялъ твореніемъ, которымъ сообщается бытіе и человѣческому роду, и всему сотворенному.

Въ грѣхъ ставили іудеи признавать Господа Сыномъ Сущаго надъ всеми Бога; негодуютъ и эти на исповѣдующихъ сіе о Немъ по истинѣ. И тѣ думали почитать Бога всяческакихъ, отказавъ въ равночестіи съ Нимъ Сыну; и сіи тоже приносятъ въ даръ Сущему надъ всеми, отъятіемъ славы у Господа воздавая честь Отцу. Кто же, какъ должно, изобразить и прочее, сколько и какихъ оскорбленій оказываютъ Единородному? Измысливъ какое-то дѣйствование, предшествующее упостаси Христовой,

называютъ Христа дѣломъ и произведеніемъ онаго, на что дотогѣ не отваживались и іудеи. Потомъ ограничиваютъ естество Господа, заключая Его въ какіе-то предѣлы произведшей Его силы; и какъ бы мѣрою какою, окружая количествомъ дѣйствованія, которымъ Онъ произведенъ, этимъ измышленнымъ ими, дѣйствованіемъ, какъ иѣкою одеждою, облеченный отвсюду. Въ этомъ не можемъ обвинить іудеевъ.

Потомъ усматриваютъ какое-то сокращеніе въ сущности въ смыслѣ меньшинства; не знаю, какимъ способомъ измѣривъ въ своемъ предположеніи неколичественное и не имѣющее величины, возымѣвъ возможность найти, сколько Единородному Божию не достаетъ величины до совершенства, не имѣя чего усматривается Онъ въ умаленіи и несовершенствѣ, и многое другое частію признавая явно, а частію подтверждая тайно, въ упражненіе своего лукавства обратили исповѣданіе Сына и Святаго Духа. Посему участь ихъ не бѣдственнѣе ли іудейскаго осужденія, если на что не отваживались никогда іудеи, то такъ явно утверждается ими? Кто умаляетъ сущность Единороднаго и Святаго Духа, соглашаясь сказать, или выслушать это, тотъ, можетъ быть, покажется немного нечестующимъ. Но если кто въ точности изслѣдуетъ сіе ученіе, то уличитъ себя въ самой тяжкой хулѣ. Такимъ образомъ разсмотримъ это, и да позволено

миѣ будетъ, въ изученіе и увсепіе утверждаемой противниками лжи, обратитъ слово къ изложенію нашихъ о семъ понятій.

22. Самое высшее раздѣленіе всѣхъ существъ—дѣлать все на разумное и чувственное. И естество чувственное у Апостола вообще названо *видимымъ* (Колос. 1, 16.). Ибо, какъ всякое тѣло имѣетъ цвѣтъ, который при мѣняется зрѣніемъ; то, оставляя прочія качества, существенно принадлежація тѣламъ, по качеству болѣе доступному для чувства наименовалъ видимымъ. Общее же имя всякаго разумнаго естества, какъ говоритъ Апостоль, есть *невидимое*; ибо изытіемъ изъ постиженія чувственнаго руководитъ разумѣніе къ безплотному и разумному. Но разумъ и понятіе разумнаго дѣлится на два: естество несозданное, а въ слѣдъ за нимъ берется другое сотворенное; несозданное создаетъ тварь, а сотворенное въ несозданномъ естествѣ имѣетъ причину и возможность бытія. Посему къ существамъ чувственнымъ принадлежатъ всѣ тѣ которыя постигаются тѣлесными чувствительными, и въ которыхъ разности качествъ допускаютъ отношеніе большаго и меньшаго, тогда какъ усматривается въ нихъ разность по количеству, качеству, и прочимъ отличительнымъ свойствамъ.

А въ естествѣ разумномъ, разумію естество тварь, не имѣетъ мѣста такое же отношеніе

разностей, какое примѣчено въ чувственномъ; но открывается другой способъ, обнаруживающій разность большаго съ меньшимъ. Поелку источникъ, начало и подаліе всякаго блага усматривается въ Естествѣ несозданномъ, и всякая тварь къ Нему обращаетъ взоръ по общенію въ первомъ благѣ высшаго естества, къ Нему приближается и дѣлается Его причастицею по необходимости соразмѣрно причастию высшихъ даровъ, тогда какъ, по свободѣ произволенія, воспринимаютъ оныя одни въ большей, другіе въ меньшей мѣрѣ: то въ твари познается большее и меньшее соответственно возделѣнію каждой. Ибо естество умопредставляется въ твари поставленнымъ на взаимномъ предѣлѣ благъ и противоположнаго благамъ, какъ способное къ свободному пріятію того и другаго, къ чему по избранію воли имѣетъ склонность, какъ доказали мы сіе изъ Писанія; а потому, по мѣрѣ отступленія отъ худшаго и приближенія къ прекрасному, умѣстно будетъ о превосходящемъ добродѣтелию сказать: больше и меньше. Но Естество несознанное далеко отстоитъ отъ таковой разности, потому что имѣетъ благо не пріобрѣтенное, и не причастиемъ какой либо высшей красоты пріяло въ себя красоту, но само въ себѣ, каково оно изначала, и есть благо, и умопредставляется благомъ, и составляетъ источникъ блага, и просто, и отнюдно, и

песложно, по засвидѣтельствуванію даже препирающихся съ нами. Имѣеть же въ себѣ разность приличную величію естества, усматриваемую не въ большемъ и меньшемъ, какъ думаетъ Евномій. Ибо умаляющій повятіе о благѣ въ которомъ либо изъ Лиць признаваемыхъ върою во Святой Троицѣ, безъ сомнѣнія, ведетъ къ той мысли, что въ обнаруживающемъ въ себѣ недостатокъ блага примѣшано нѣчто отъ противоположнаго состоянія. думать же сіе объ Единородномъ и о Святомъ Духѣ не благочестиво. Напротивъ того, песозданное Естество, созерцаемое въ крайнемъ совершенствѣ и непостижимомъ превосходствѣ, по отличительнымъ свойствамъ, какія у каждой Упостаси Святой Троицы, имѣеть неснигную и совершенную разность. Но общенію въ песозданности имѣеть безразличіе, а по исключительному свойству каждаго Лица—песообщимость. Усматриваемая же въ каждой Упостаси особенность явно и чисто отдѣляетъ одну отъ другой: такъ объ Отцѣ несомнѣдуемо, что Онъ есть не созданный и нерожденный: ибо и не рожденъ и не созданъ. Посему песозданность эта у Цело есть общая съ Сыномъ и Духомъ Святымъ. Но Отець и нерожденъ; это есть особенное, песообщимое, чего не находится ни въ одной изъ прочихъ Упостасей. Сынъ по песозданности едино со Отцемъ и Духомъ, но въ томъ, что есть и

именуется Сыномъ и Единороднымъ, имѣеть особенность, которой нѣтъ ни у сущаго надъ всѣми Бога, ни у Святаго Духа. Духъ же Святой, по несозданности естества имѣя общность съ Сыномъ и Отцемъ, опять отличается отъ Нихъ собственными Своими признаками. Признакъ же и черта особенно Его отличающія— не быть ничѣмъ изъ того, что усматривается разумъ въ Отцѣ и Сынѣ. Ибо не быть и не рожденно и единородно, вообще же быть— составлять исключительную Его особенность предъ поименованными Лицами. Будучи едино со Отцемъ по несозданности, опять отличается отъ Него тѣмъ, что не Отецъ, подобный опому Отцу; при единствѣ съ Сыномъ по несозданности, составляя съ Нимъ едино и потому, что причину бытія имѣеть въ Богѣ всѣческихъ, не одно съ Сыномъ опять по Своей особенноти: потому что не единородно происходитъ отъ Отца, и является чрезъ Сына. И опять, поелику тварь приведена въ бытіе Единороднымъ, то, чтобы не подумали, будто бы и Духъ, какъ явившійся чрезъ Сына, имѣеть нѣкую общность съ тварію, непреложностию, неизмѣняемостию, неизмѣнимостию, неимѣемостию нужды заимствовать отъ другихъ благость Духъ отличается отъ твари: потому что тварь не имѣеть непреложности въ естествѣ, какъ говоритъ Писаніе, повѣствуя о паденіи Деницы (Иса. 14, 12.), о которомъ и Господь, открывая

Гр. Писк. Ч. V. 8

тайнства ученикамъ, сказалъ: *видѣхъ сатану яко молнію съ небесе спадша* (Лук. 10, 18.). По чѣмъ отличается отъ твари, тѣмъ самымъ состоитъ въ средствѣ съ Отцемъ и Сыномъ. Ибо понятіе непреложности и неизмѣнимости одно и тоже самое для всѣхъ существъ по естеству непріемлющихъ въ себя худшаго.

Такъ, изложивъ напередъ это, время уже намъ изслѣдовать наконецъ и ученіе противниковъ. «Необходимо, говорятъ Евноміи, въ ученіи о Сынѣ и о Святомъ Духѣ быть большимъ и меньшимъ сущностямъ». Итакъ посмотримъ, въ какомъ смыслѣ разумѣетъ необходимость таковой разности, по какому произведенному сравненію измѣряемыхъ другъ другомъ, тѣлесному ли, или усматриваемому мысленно въ избыточествующемъ и недостаточествующемъ добродѣтели, или по самой сущности? Но о сущности свѣдущими въ любознудрїи о подобномъ сему доказано, что невозможно представить себѣ въ ней какую либо разность, если кто, очистивъ и обнаживъ сущность отъ усматриваемыхъ при ней качествъ и свойствъ, будетъ изслѣдовать ее въ себѣ самой, по самому понятію бытія. Усиленіемъ же и ослабленіемъ добродѣтели представлять себѣ таковую разность въ Единородномъ и Духѣ, и въ слѣдствіе сего естество Ихъ предполагать необходимо измѣняющимся въ то и другое, какъ равно пріемлющее въ

себя противоположности, и стоящее на взаимномъ предѣлѣ прекраснаго и противнаго тому, — свойственно крайнему печестію. Ибо кто говоритъ сіе, тотъ доказываетъ, что иное нѣчто есть естество сіе по собственному своему устройству, и инымъ чѣмъ либо дѣлается по причастію прекраснаго и дурнаго. Такъ бываетъ съ желѣзомъ, которое, долго оставаясь въ огнѣ, принимаетъ въ себя качество теплоты, продолжая быть и желѣзомъ; если же будетъ въ снѣгу или во льду, то измѣняетъ качество сіе въ другое, которое беретъ надъ нимъ верхъ, въ собственныя свои части принимая холодъ снѣга.

Поэтому, какъ не по усматриваемому въ желѣзѣ качеству называемъ сіе вещество, не именуемъ сіо ни огнемъ, ни льдомъ, когда оно приняло въ себя качество одного изъ сихъ веществъ; такъ, если, по ученію печестивыхъ, допущено будетъ о животворящей силѣ, что не по сущности пребываетъ въ ней благо, но происходитъ отъ приобщенія, то уже не въ собственномъ смыслѣ будетъ именоваться благомъ, напротивъ того такое предположеніе принудитъ представлять себѣ нѣчто иное, а именно нѣчто такое, въ чемъ благо не вѣчно усматривается, и что, взятое само по себѣ, не заключается въ естествѣ блага, такъ что нѣкогда въ этой силѣ не было блага, и нѣкогда опять не будетъ. Ибо если что по при-

частіи лучшаго дѣлается благомъ, то явно, что оно до причастія не было таковымъ. И если чтó, будучи инымъ, въ присутствіи блага приняло на себя его цвѣтъ, то, безъ сомнѣнія, какъ скоро разлучится съ благомъ, признаваемо будетъ за нѣчто другое, а не за благо. И если сія мысль одержитъ верхъ, то естество Божественное будетъ почитаемо не столько раздаятелемъ благъ, сколько само имѣющимъ нужду въ снабдителѣ благами. Ибо какъ сообщить кто другому то, чего не имѣетъ самъ? Поэтому, если обладаетъ благами совершенно, то не будемъ представлять себѣ никакого умаленія въ совершенствѣ; и не основателенъ тотъ, кто въ совершенномъ полагаетъ меньшее. Если же причастіе блага почитается у нихъ несовершеннымъ, и потому называютъ сіе меньшинствомъ; то, смотри, чтó изъ сего слѣдуетъ. Именно же, чтó въ такой мѣрѣ у себя имѣетъ, то будетъ не скуднѣйшему благодѣтельству, но прилагать стараніе восполнить недостающее себѣ самому; такъ что, по ихъ мнѣнію, ложно ученіе о промыслѣ, о судѣ, о домостроительствѣ, и о всемъ, чтó, по нашему вѣрованію, совершенно и всегда совершается Единороднымъ, потому что, по ихъ ученію, какъ и естественно, запятъ Онъ попеченіемъ о собственномъ Своемъ благѣ, и оставилъ управленіе вселенною.

Если бы возобладало такое мнѣніе, что не

во всякомъ благѣ совершенъ Господь; то не трудно уже было бы уразумѣть, во что обратилась бы хула. Ибо въ такомъ случаѣ тщетна вѣра, напрасна проповѣдь, не состоятельны надежды, осуществляемыя вѣрою. Для чего и крещаются во Христа, когда нѣтъ у Него собственной Своей силы для благодѣтельности? Да удалится отъ устъ моихъ эта хула! Для чего вѣруютъ въ Духа Святаго, если это о Немъ думаютъ? Какъ возраждаются крещеніемъ отъ растлѣннаго рожденія, когда, какъ они думаютъ, возраждающая ихъ сила не обладаетъ естественною непогрѣшительностію и неоскудѣваемою? Какъ тѣло смиренія ихъ преобразить Преобразующій, когда Самъ Онъ, какъ полагаютъ они, имѣетъ нужду въ измѣненіи Его на лучшее, требуетъ для себя другаго, кто преобразовалъ бы еще и Его? Ибо пока въ малой мѣрѣ обладаетъ благомъ естества, такъ какъ высшее естественно въ недостаточныхъ влагаетъ непрестанное нѣкое влеченіе къ Нему, никакимъ образомъ не прекратится желаніе большаго, но при напряженномъ всегда вожделѣніи еще не полученнаго, обладающе меньшимъ будетъ вожделѣвать большаго и большаго, измѣняться всегда въ высшее, и никогда не достигнетъ совершенства, потому что не найдетъ предѣла, за который взявшись, могло бы остановиться въ восхожденіи. По велику первое благо по естеству безпредѣльно,

то по необходимости безпредѣльнымъ также будетъ и приобщеніе наслаждающагося благомъ, такъ какъ всегда объемлетъ въ большей противъ прежняго мѣрѣ, и всякій разъ находитъ необъятый еще избытокъ, и никогда не можетъ сравниться съ нимъ; потому что и то, чего приобщается, не имѣетъ предѣла, и то, что возрастаетъ отъ приобщенія, не престаётъ возрастать.

Таковы-то хулы, возникающія изъ понятія о разности въ обладаніи благомъ. Если же въ Единородномъ и въ Духѣ усматриваютъ въ тѣлесномъ нѣкоемъ понятіи разумѣмыя большее и меньшее; то несообразность ученія открывается сама собою безъ точнаго изслѣдованія въ подробности. Ибо, по всей необходимости, при такомъ предположеніи въ Божественное естество вводится нѣкоторыя качества, разстояніе, объемъ, очертаніе, и все, что входитъ въ понятіе тѣла. А гдѣ допускается сложное, тамъ безъ сомнѣнія, признается и разложеніе сложнаго. Но симъ несообразнымъ ученіемъ, которое осмѣливается утверждать, что въ неимѣющемъ величныи и сложности есть меньшее и превосходящее величиною, доказывается это и подобное этому, какъ изъ многаго не многое открыло намъ слово; потому что и не удобно открывать въ словѣ всю ложь, сокрытую въ семъ ученіи. Да и не многимъ изъ сказаннаго тѣмъ не менѣ обна-

ружится несообразность открывающагося въ слѣдствіе Евноміевой хулы. Но мы приступимъ къ продолженію сочиненія, предпоставивъ еще не многое къ утверженію нашего ученія. И поелику во всякомъ догматѣ надежная повѣрка истины есть богодухновенное свидѣтельство; то хорошо, думаю, будетъ и въ нашемъ словѣ удостовѣрить присовокупленіемъ Божественныхъ словесъ.

23. Итакъ въ раздѣленіи существъ познаемъ слѣдующія разности. Первымъ (такъ какъ это первое для нашего постиженія) называю чувственное; послѣ же сего по руководству чувственнаго усматриваемое умомъ,—и это, какъ сказано нами, есть разумное. И опять въ разумномъ признаемъ мы другую разность, дѣля оное на созданное и несозданное; и о несозданномъ естествѣ опредѣлили мы, что это есть Святая Троица, созданнымъ же есть и именуется все, что представляется послѣ Нея. Посему, чтобы распредѣленіе наше не осталось не доказаннымъ, но было приведено въ несомнѣнность свидѣтельствами Писанія, присовокупимъ къ сказанному слѣдующее: Господь, какъ Богъ Слово, самолично свидѣтельству въ Евангеліи, что Онъ не созданъ, но изшелъ отъ Отца онымъ неизреченнымъ и неисповѣдимымъ способомъ рожденія или исхожденія. И какой найдетъ свидѣтель болѣе истинный, нежели слово Самаго Господа, Ко-

торый во всемъ Евангеліи истиннаго Отца называетъ Отцемъ, а не Творцемъ Своимъ, и Себя Самаго именуетъ не дѣломъ Божиимъ, но Сыномъ Божиимъ. Ибо какъ, въ означеніе общности Своей по плоти съ человѣческимъ родомъ, видимое называлъ Сыномъ человѣческимъ, показывая сродство по естеству плоти Своей съ тою, отъ которой заимствована: такъ истинный и искренній союзъ съ Богомъ всѣческихъ означаетъ наименованіемъ Сына, словомъ: Сынъ, показывая сродство по естеству, хотя нѣкоторые къ испроверженію истины, взявъ отрывочно изъ приточнаго реченія, и безъ изъясненія предлагая сказанное уподобительно, темно и въ видѣ загадки. слово: *создать* (Прит. 8, 22.), которое приточникъ внесъ въ рѣчь отъ лица Премудрости, употребляютъ въ защиту извращенія ими догмата, говоря, въ словахъ: *Господь созда Мя*, заключается исповѣданіе, что Господь созданъ, такъ что Самъ Единородный словомъ симъ не отрицаетъ таковой мысли. Но намъ не должно обращать вниманія на слова сін; ибо они не представляютъ доказательства, что слова сін непременно должно относить къ Господу, и не возмогутъ доказать, что по сврейскому чтенію смыслъ изреченія ведетъ къ сему значенію: потому что прочіе толковники вмѣсто *созда* перевели: *стяжалъ, поставилъ*. Но если бы и такое было чтеніе въ первоначальномъ Писа-

ніи, смыслъ выраженія не былъ бы не трудень и ясенъ, потому что приточное ученіе показываетъ цѣль сказуемаго не явно, но прикровенно, не въ прямыхъ выраженіяхъ, какъ изъ сказаннаго въ связи съ симъ мѣстомъ можно узнать неудобопонятность слова. Напримѣръ сказано: *егда отлучаше престолъ Свой на вѣтрыхъ* (27) и тому подобное; какой разумѣтся Божій престолъ? вещественный, или мысленный? И какіе вѣтры? Эти ли обыкновенные и извѣстные, которые, по словамъ естествоиспытателей, происходятъ изъ паровъ и испареній? Или представляемые происшедшими инымъ способомъ, который невѣдомъ обычному человѣческому знанію? И сіи-то вѣтры, по слову приточника, послужили основаніемъ престолу? И какое сѣдалище у безплотнаго, неописуемаго, неизобразимаго Бога? И все подобное кто уразумѣть по обычному значенію сихъ словъ?

Посему явно, что представляемыя изреченія суть какія-то загадки, заключающія въ себѣ взглядъ болѣе глубокій, нежели каковъ ихъ смыслъ, представляющійся съ перваго раза; поэтому предположеніе, будто бы Господь созданъ, никоимъ образомъ не составитъ изъ сего мѣста Писанія въ разсуждающихъ благочестиво, а наипаче въ наученныхъ велегласіемъ Евангелиста, который говоритъ, что все сотворенное сотворено Имъ, и о Немъ состоя-

лось. Ибо сказано: *вся Тьлз быша, и безз Него ничтоже бысть, еже бысть* (Іоан. 1, 3.) о Немъ. Евангелистъ не сказалъ бы сего утвердительно, если бы вѣровалъ, что и Самъ Господь есть одна изъ тварей. Ибо какъ было бы все сотворено Имъ, и сотворенное о Немъ возымѣло состоятельность, если бы Онъ, какъ Творецъ, не былъ непременно чѣмъ-то инымъ отъ естества сотворенныхъ, и не Онъ содѣлалъ, не Себя, но тварь? Если тварь Имъ, Самъ же Господь не Самъ Собою; то, конечно, все же Онъ нѣчто иное, а не тварь. Посему когда Евангелистъ сказалъ: *вся Тьлз быша, и безз Него ничто же бысть, еже бысть* о Немъ, очевидно симъ показалъ, что все сотворенное сотворено о Сынѣ, и не другимъ Кѣмъ приведено въ бытіе.

Слово сіе продолжаетъ Павелъ, и чтобы не оставить никакого повода къ хульной рѣчи, именно же къ тому, чтобы естество Духа причислять къ тварямъ, перечисляетъ (сказывая, каково оно именно) то, что у Евангелиста называется и разумѣется слѣвомъ *вся*. И какъ великій Давидъ, сказавъ, что все покорено человѣку, присовокупилъ и тѣ роды, какіе заключены въ словѣ: *все*, то есть животныя земныя, водяныя и воздушныя (Пса. 8, 7—9.): такъ и истолкователь божественныхъ догматовъ Апостоль Павелъ, сказавъ: *тьлз создана быша всяческия* (Кол. 1, 16.), понятіе слова:

всяческая, опредѣляетъ перечисленнымъ; ибо говорить: *видимая и невидимая*, подъ словомъ *видимая*, какъ уже сказано, объемля извѣстное чувству, а именемъ: *невидимая* давая разумѣть естество разумныхъ.

Но что касается до чувственного, то Апостолъ не имѣлъ нужды перечислять все до мелочи поименно. Ибо никто не плотянь и не скотень столько, чтобы и Духа Святаго предполагать принадлежащимъ къ чувственному. Упомянувъ же о невидимыхъ, поелику и естество Духа также разумно и безплотно, чтобы не подумалъ кто отнести къ нимъ и Духа по общему свойству невидимости, дѣлаетъ весьма ясное раздѣленіе между приведеннымъ въ бытіе сотвореніемъ, и между превышею твари сущностію. Ибо перечисляетъ въ словѣ сотворенное, называя нѣкіе *престолы, начала, власти, господствія* (Кол. 1, 16.), и нѣкими родовыми и собирательными именами излагая ученіе о сихъ невидимыхъ силахъ, а что выше твари, то самымъ молчаніемъ поставляетъ внѣ числа существъ сотворенныхъ. Какъ если кто, получивъ приказаніе пересказать поименно мелкихъ и низшихъ начальниковъ въ войскѣ, управляющихъ рядомъ или взводомъ, сотниковъ и тысячникковъ, и ежели есть другія какія именованія начальствъ надъ частями, поименовавъ всѣхъ, не сдѣластъ ни какаго упоминанія о власти все содержащей и управляю-

щей всею силою, не по презорству, или не по забвенію, умолчавъ о семъ преобладающемъ начальствѣ, но потому что приказано ему было, или самъ онъ предположилъ перечислить только подвластное и подчиненное чиновначаліе, включивъ же въ этотъ памятный списокъ низшихъ и главноначальствующаго, оскорбилъ бы его: такъ, кажется мнѣ, поступилъ и Павелъ, посвященный въ неизреченныя тайны, когда восхищенъ былъ въ рай, и ставъ зрителемъ пренебесныхъ чудесъ, видѣлъ и слышалъ неизглаголанное для людей. И онъ, намѣреваясь преподавать ученіе о томъ, что сотворено Господомъ, когда изобразилъ это въ словѣ ивѣкиими собирательными именами, описавъ ангельскую и премірную силу, остановилъ рѣчь на упомянутомъ выше, не внося въ списокъ тварей того, что превышаетъ твари; такъ что симъ ясно засвидѣтельствовано въ Писаніи, что Духъ Святый выше твари.

Но если кто возразить на сіе, что Павломъ не упомянуты и херувимы, но въ перечисленіи созданнаго и о нихъ умолчано, какъ и о Духѣ, и тѣмъ, что не сдѣлано о нихъ упоминанія, станетъ доказывать, что или и ихъ должно признать высшими твари, или не признавать сего о Духѣ: то пусть вникнетъ онъ въ значеніе перечисленныхъ названій, и повидимому опущенное усмотритъ въ сказанномъ, потому что упоминаніе сдѣлано не поименно.

Ибо, упомянувъ о престолахъ, Апостоль другимъ именемъ изобразилъ херувимовъ, болѣе извѣстнымъ названіемъ выразивъ на еллинскомъ языкѣ неясное еврейское слово. Слыша, что Богъ возсѣдаетъ на херувимахъ, Апостоль силы сіи наименовалъ престолами Возсѣдающаго на нихъ. Но также и серафимы у Исаи (Иса. 6, 2. 3.), которыми ясно проповѣдана тайна Троицы, когда, изумѣвая предъ лѣнотою каждаго Лица въ Троицѣ, чудесно зывали это слово: *святъ*, — заключаются въ спискѣ упомянутыхъ, наименованные словомъ: *силы* у великаго Павла, и еще прежде сего у пророка Давида. Ибо говоритъ онъ: *благословите Господа вся силы Его, слуги Его, творящии волю Его* (Пса. 102, 21.). Исаія же вмѣсто того, чтобы сказать: *благословите*, написалъ самыя слова благословенія: *святъ, святъ, сеятъ Господь Саваоѳъ: исполнь вся земля славы Его*. А что слуги суть эти силы, творящія волю Божию, Пророкъ далъ разумѣть сіе въ очищеніи грѣховъ, какое по волѣ Пославшаго совершено однимъ изъ серафимовъ (Иса. 6, 6. 7.). Ибо вотъ служеніе сихъ духовъ — быть посылаемыми во спасеніе спасаемыхъ.

Сіе-то, кажется мнѣ, уразумѣвъ и дознавъ, что одно и то же у двоихъ пророковъ означаетъ различными названіями, избравъ же самое извѣстное реченіе, Божественный Апостоль серафимовъ наименовалъ силами, что-

бы клеветникамъ не осталось никакого предлога утверждать, будто бы и Духъ Святый наравнѣ съ однимъ изъ нихъ пропущенъ въ списокъ тварей. Ибо объ одномъ сказано, по доказанному уже, а о другомъ умолчано, какъ можно сіе дознать изъ поименованнаго Павломъ, который всю тварь исчислилъ во множественномъ числѣ, а объ имснующемъ единично упомянулъ въ числѣ единственномъ: потому что сіе свойственно Святой Троицѣ — быть возвѣщаемою единично: единъ Отець, единъ Сынъ, единъ Духъ Святый. Все же поименованное у Апостола выражено во множествѣ: *начала, власти, господства, силы*, чтобы не подать повода къ предположенію, будто бы въ числѣ ихъ и Духъ Святый. Но Павелъ умалчиваетъ о неизреченномъ, и прекрасно сіе дѣлаетъ. Ибо умѣлъ и слышать въ раю *неизреченны глаголы* (2 Кор. 12, 4.), и удерживаться отъ истолкованія неизразимаго словомъ, когда ведетъ рѣчь о чемъ либо низшемъ.

24. Враги истины отваживаются касаться и несказаннаго величія Духа, оскорбляя низведеніемъ до низости твари, будто бы не слыхавъ, какъ Самъ Богъ-Слово, предавая ученикамъ тайну боговѣдѣнія, сказалъ, что именемъ Отца и Сына и Святаго Духа совершается жизнь возраждаемыхъ и сообщается имъ, и чрезъ это Духа, соединивъ съ Отцемъ и съ Собою, исключилъ изъ понятія о твари;

такъ что благочестивая и боголѣпная о Немъ мысль составляется, и когда Павелъ при упоминаніи о твари умолчалъ, и не упомянулъ о Духѣ, и когда Господь, при упоминаніи о животворящей силѣ, Духа Святаго присоединилъ ко Отцу и къ Себѣ. Такъ наше ученіе, руководясь святымъ Писаніемъ, выше твари поставляетъ Единороднаго и Духа Святаго, и, по изреченію Спасителя, предполагаетъ созерцать ихъ вѣрою въ блаженномъ, животворящемъ и несозданномъ естествѣ; такъ что высшее твари, по нашему вѣрованію, единое въ первенствующемъ и по всему совершенномъ естествѣ, никоимъ образомъ не допускаетъ и понятія о меньшинствѣ, хотя начальникъ ереси усѣкаетъ неопредѣлимое примышленіемъ сего меньшинства, какъ бы умаляя и сокращая совершенство Божественной сущности, когда утверждаетъ, что усматриваетъ въ ней и большее и меньшее.

Посему посмотримъ, что присовокупляетъ Евномій по порядку къ сказанному. Послѣ словъ, что «по необходимости должно полагать, будто бы сущности однѣ меньше, а другія больше», и однѣ состоятъ въ первомъ ряду, по нѣкому отличію въ величинѣ и достоинствѣ возведены до предпочтенія; другія же унижены по низшей степени естества и достоинства, присовокупилъ онъ слѣдующее: «до такой доходятъ они разности, до какой до-

ходятъ и дѣла; ибо непозволительно называть однимъ и тѣмъ же дѣйствованіемъ то, которымъ сотворилъ Богъ ангеловъ, или звѣзды и небо, или человѣка: но насколько одинъ дѣла выше и предпочтеннѣе другихъ дѣлъ, столько же одно дѣйствованіе превысшимъ другаго назоветь иной, увѣренный въ томъ, что тѣми же дѣйствованиями производится тождество дѣлъ, а различныя дѣла указываютъ на различныя дѣйствования.

Посему, думаю, что самъ писатель легко не могъ бы сказать, что именно разумѣвъ, написалъ онъ это: смыслъ сказаннаго такъ затемненъ непроницаемостію выраженія, что никто не будетъ въ состояніи съ удобствомъ въ этой тинѣ разсмотрѣть, какая цѣль у выражающихся такъ. Ибо выраженіе: «доходятъ до такой разности, до какой доходятъ дѣла,» иной признаетъ за изреченіе какаго-то по языческой баснѣ прорицателя (ж), путающаго слова для обмана слушателей. Если же, слѣдуя разобранному доселѣ, надлежитъ гадать и о томъ, что хочетъ доказать здѣсь Евномій, то доказывається вотъ что: сколько есть различія у одного дѣла съ другимъ, столько будетъ признаваемо взаимной разности въ дѣйствованияхъ. Посему о какихъ дѣлахъ идетъ здѣсь рѣчь,

(ж) *Λοξίον*, собств. прозвище Аполлона.

сего нельзя найти въ сказанномъ. Ибо если Евномій говорить о видимомъ въ твари, то, не знаю, какую связь имѣеть это съ предыдущимъ. Послику вопросъ объ Отцѣ и Сынѣ и Святомъ Духѣ, то кстати ли Евномію естествословить о землѣ, водѣ, воздухѣ, огнѣ, о разностяхъ животныхъ, описывать это словомъ, изображать дѣла, которыя старѣе и предпочтительнѣе другихъ дѣлъ, и не безъ основанія утверждать, что одно дѣйствованіе другаго превосходитѣе. Если же дѣлами называетъ Единороднаго Сына и Святаго Духа; то о какихъ опять говорить разностяхъ дѣйствованій, которыми совершены дѣла сіи? И какія тѣ самыя дѣйствованія, которыми превышаются другія? Ибо не объяснилъ онъ, что разумѣеть подѣ восхожденіемъ, которымъ одно дѣйствованіе, какъ говоритъ онъ, превосходитъ другое; ничего также не сказано объ естествѣ дѣйствованій, но и донинѣ рѣчь у него не дошла ни до чего опредѣленнаго, какъ не утверждаетъ, что дѣйствованіе есть нѣчто осуществленное, такъ не доказываетъ, что оно есть нѣкое неосуществившееся движеніе воли. Ибо смыслъ сказаннаго, совершенно оставленный по срединѣ между тѣмъ и другимъ предположеніемъ, склоняется къ каждому изъ сихъ понятій.

Присовокушаетъ же Евномій, что непозволительно называть однимъ и тѣмъ же дѣйство-

ваніе, которымъ сотворилъ Богъ ангеловъ, или звѣзды и небо, или человѣка. Опять по какой необходимости или связи присоединилъ сіе къ сказанному, или что особенно доказывається этимъ? Развѣ что дѣйствования различаются одно отъ другаго въ той мѣрѣ, въ какой есть взаимная разность и въ дѣлахъ, доказываетъ тѣмъ, что не все есть дѣло одного и того же, но иное приведено въ бытіе инымъ. Но сего не усматриваю. Изъ Писанія же дознали мы, что все—дѣло Единаго:—и небо, и ангель, и звѣзды, и человѣкъ, и все, умопредставляемое въ твари. Ученіе же ихъ догмата утверждаетъ, что—Сынъ и Духъ суть дѣла не одного, но какъ Сынъ есть дѣло послѣдующаго за первою сущностію дѣйствования, такъ Духъ опять другое дѣло перваго дѣла. Посему что общаго имѣютъ съ утверждаемымъ ими небо, и человѣкъ, и ангель, и звѣзда, совокупленные теперь въ словѣ, пусть скажетъ самъ Евномій, или кто нибудь изъ сообщниковъ его несказанной мудрости. Ибо нечестіе этого явно открывается въ сказанномъ; а на чемъ утверждается сіе нечестіе, то даже само съ собою несогласно. Ибо явное нечестіе—думать, что во Святой Троицѣ усматривается столькоже разности, сколько примѣчается въ небѣ, объемлющемъ всю тварь, и въ одномъ по числу человѣкъ, или въ одной видимой на небѣ звѣздѣ. Сопоставленіе же по-

нѣтъ и связь доказательства на все это (утверждаю это) ни мнѣ, ни самому, можетъ быть, отцу хумы неудобовразумительны. Если бы подобно сему разсуждалъ онъ о твари, а именно, что небо есть дѣло высшаго нѣкоего дѣйствованія, а звѣзда—произведеніе дѣйствованія послѣдующаго за небомъ: произведеніе же звѣздъ—ангелъ, и ангела—человѣкъ; то рѣчь его сравненіемъ подобныхъ вещей служила бы нѣсколько къ подтвержденію догмата. Если же все это приведено въ бытіе однимъ, въ чемъ самъ онъ соглашается, если только не вовсе идетъ вопреки слову Писаній; а въ происхожденіи Сына и Духа опредѣляетъ нѣкій иной способъ: то что общаго у послѣдовавшаго съ предыдущимъ?

Но уступимъ, что къ доказательству различія сущностей есть въ этомъ нѣчто общее; потому что ему желательно доказывать сіе тѣмъ, что говорить. Но послушаемъ, какъ связалъ онъ послѣдующее съ сказаннымъ. «Сколько одни дѣла, говорить онъ, старше и предпочтительнѣе другихъ дѣлъ, столько и дѣйствованіе, скажетъ иной благочестиво мыслящій, превосходитъ надъ дѣйствованіемъ.» Если говорить онъ это о подлежащемъ чувствамъ, то рѣчь его далека отъ предположеннаго; ибо предположившему разсуждать о догматахъ какая необходимость любомудрствовать о порядкѣ міротворенія и утверждать, что съ величи-

ною каждой сотворенной вещи соразмѣрны высшія и низшія дѣйствования Сотворшаго? А если ведетъ рѣчь не о томъ, и дѣлами старѣйшими и предпочтительнѣйшими другихъ дѣлъ называетъ дѣла, выдуманная имъ нынѣ въ догматѣ, то есть, Сына и Духа Святаго; то хорошо, можетъ быть, въ молчаніи паче возмущаться сею мыслию, нежели, вступивъ съ нею въ борьбу, тѣмъ самымъ доказывать, по видимому, что она имѣетъ значеніе. Ибо какъ найдется предпочтительнѣйшее тамъ, гдѣ ничего нѣтъ неуважительнаго? Если въ Евноміѣ склонность и готовность къ злу простерлась до того, что именованіе и понятіе неуважительнаго предполагаетъ въ чемъ либо такомъ, что по нашему вѣрованію есть во Святой Троицѣ, то надлежитъ зажать уши, и сколько есть силы, бѣжать отъ лукаваго слышанія, чтобы въ слушающемъ не произошло какого общенія съ скверною, когда, какъ изъ нѣкаго сосуда, полнаго нечистоты, перельется слово въ сердце слушающихъ.

Ибо какъ осмѣлится кто о ествѣ Божественномъ и превышемъ сказать что либо такое, чѣмъ сравнительно въ словѣ наводится мысль на менѣе достойное уваженія? *Да вси, сказано, чтутъ Сына, якоже чтутъ Отца* (Іоан. 5, 23.). Поелику изреченіе сіе узаконяетъ равночестіе, такъ какъ божественное слово есть законъ; то Евноміи отмещеть и законъ и са-

маго Законодателя, одному удѣляетъ онъ большее, а другому меньшее чествованіе, не знаю, гдѣ обрѣтши мѣру избыточествующаго честию. Ибо по людскому обычаю разности достоинствъ опредѣляютъ и почести обладающимъ, такъ что подвластные не въ одинаковомъ и равномъ видѣ представляются царямъ и низшимъ начальствамъ, но большее и слабѣйшее обнаруженіе страха и уваженія въ представляющихся показываетъ недостатокъ или избытокъ чествованія предъ чтимыми. И посему особенно предпочтительнѣйшихъ можно находить по расположенію подвластныхъ, когда кто наиболѣе страшенъ для ближнихъ и, по видимому, удостоивается большаго предъ прочими уваженія. Въ Божественномъ же естествѣ, такъ какъ въ немъ открывается все совершенство благъ, по слову Божию, не возможно, сколько мы разумѣемъ, найти и способа предпочтенія. Въ Нихъ немислимы ни избытокъ, ни недостатокъ и силы, и славы и мудрости, и челоѡколюбія, вообще чего либо понимаемаго какъ блага; напротивъ того всѣ блага, какія имѣеть Сынъ, принадлежать и Отцу, и все принадлежащее Отцу усматривается въ Сынѣ. Какъ же оправдаемъ, большую честь воздавая Отцу? Если царскую власть постигаемъ разумнѣемъ по ея достоинству, то Сынъ есть Царь. Если представимъ въ умѣ судію, то весь судъ принадлежитъ Сыну. Если занн-

масть нашу душу величіе твари, то *вся Тьма быша* (Іоан. 1. 3.). Если уразумѣемъ причину нашей жизни, то знаемъ, что истинная жизнь свизошла даже до нашего естества. И если дознали преставленіе изъ тмы, то не незнаемъ истинный свѣтъ, которымъ освобождены мы изъ тмы. Но если кому драгоценною кажется мудрость; то *Христосъ — Божія сила и Божія премудрость* (1 Кор. 1, 24.).

Итакъ, поелику душа наша, по справедливости, сколько возможно для ней, столько исполнена удивленія къ таковымъ и столь великимъ чудесамъ Христовымъ; то какой можно представить избытокъ чести, по преимуществу воздаваемой одному Отцу, въ которомъ прилично было бы не имѣть части Господу? Ибо это самос—человѣческое чествованіе Божества, въ надлежащемъ смыслѣ разсматриваемое, не иное что есть, какъ полная любви привязанность и исповѣданіе присущихъ въ Немъ благъ, и мнѣ кажется, что любовь и предписана въ Божіемъ словѣ, когда сказано: такъ должно чтить Сына, какъ чествуется Отець. Ибо законъ, повелѣвая любить Бога всѣмъ сердцемъ и всею силою, предписываетъ воздавать Ему подобную честь; и здѣсь слово Божіе, узаконяя равноспльную любовь, говоритъ такъ: Сына чествовать должно, какъ чествуется Отець.

Сей способъ чествованія выполнялъ предъ

Господомъ и великій Давидъ; въ предисловіи къ одному псалмопѣнію, исповѣдуя, что возлюбилъ онъ Господа, и перечисляя причины любви, называетъ Бога *крѣпостію, утвержде- ніемъ, приближителемъ, избавителемъ, Богомъ, помощникомъ, упованіемъ, защитникомъ, рокомъ спасенія*, заступникомъ и подобными именами (Пса. 17, 2. 3.). Посему, если Единородный Сынъ не содѣлался симъ для людей, то пусть, по закону ереси, прекращено будетъ преувеличеніе воздаваемой за сіе чести. Если же вѣруемъ, что всѣмъ этимъ, и что еще выше, и есть и именуется Единородный Богъ, по всякому умопредставленію добраго дѣла и доброй мысли, будучи въ равенствѣ съ величіемъ бла- гости, сущей во Отцѣ; то какъ назоветъ кто основательнымъ или не любить такого, или не чтить возлюбленнаго? Ибо никто не скажетъ, что любовь должна происходить отъ всего сердца и отъ всей силы, а чествованіе отъ половины. Посему если отъ всего сердца чтится Сынъ, потому что Ему посвящается вся любовь; то какое примышленіе изобрѣтетъ что- либо большее сего чествованія, когда все сердце, сколько вмѣщаетъ, въ такой мѣрѣ и чествованіе привноситъ Ему въ даръ любовію? Поэтому суетенъ, кто при досточтимомъ по естеству учитъ о предпочтительномъ, и тако- вымъ сравненіемъ останавливаетъ мысль на недостойномъ чествованія.

25. О твари справедливо можно сказать: это старше; потому что послѣдованіе дѣлъ показано въ порядкѣ дней, и с сотвореніи человѣка ный скажетъ: настолько-то предшествовало оному небо, и измѣрить протекшее между тѣмъ время разстояніями дней. Въ первомъ же естествѣ, которое выше всякаго понятія о времени, и не вмѣщается ни въ одномъ удобопостижимомъ примышленіи, иное представлять себѣ упредившимъ по давности времени, другое опоздавшимъ—принадлежитъ новоявленной нынѣ мудрости. Ибо утверждающій, что Отецъ старше Упостаси Единороднаго, не иное что утверждаетъ, какъ то, что самъ Сынъ моложе сотвореннаго Сыномъ; если только справедливо сказать, что всѣ вѣка, и все временное разстояніе произведены послѣ Сына и Сыномъ. И къ этому еще (что наиболѣе изобличаетъ нелѣпость ученія) на основаніи сего не Сыну только приишется какое-то временное начало бытія, но въ слѣдствіе этого не пощадятъ и Отца, и о Немъ утверждая, что возымѣлъ начало во времени. Ибо если прилагается какое либо указаніе, означающее рожденіе Сына; то явно опредѣлитъ оно начало и Отчей упостаси.

Но не неблаговременно, можетъ быть, для ясности тщательнѣе изслѣдовать сіе ученіе. Выдающій за догматъ, что жизнь Отца старше жизни Сына. нѣкоторымъ разстояніемъ време-

ни отдѣляетъ Единороднаго отъ Сущаго надъ всѣми Бога, о семь же среднемъ между Ними разстояніи предполагаетъ, что оно есть нѣчто или безпредѣльное, или заключенное въ нѣкоторые предѣлы и опредѣленное явными признаками. Но назвать Его безпредѣльнымъ не позволяетъ мысль о средѣ, которая непременно ограничить въ умѣ и понятіе объ Отцѣ и понятіе о Сынѣ; да и самой этой среды не пойметъ умъ, пока безпредѣльное ни съ одной стороны не будетъ опредѣлено, и понятіе объ Отцѣ сверху не преградить продолженія безпредѣльному, и понятіе о Сынѣ снизу не пресѣчетъ безпредѣльности, потому что самое понятіе безпредѣльнаго требуетъ того, чтобы всюду разливаться естествомъ и ни откуда никакимъ предѣломъ не быть ограниченоу.

Посему (въ разсужденіи Отца и Сына твердымъ и непреложнымъ да пребудетъ понятіе бытія!) ни какой не будетъ возможности разстояніе сіе представлять себѣ безпредѣльнымъ; напротивъ того по всей необходимости Единороднаго представляютъ они себѣ въ опредѣленномъ нѣкоемъ разстояніи отъ Отца. А это, какъ утверждаю, значить, что по ученію сему и Сый надъ всѣми Богъ не отъ вѣчности, но возымѣлъ начало съ нѣкою опредѣленной точки времени. Такова моя мысль, которую сказываю; къ объясненію же оной извѣстными примѣрами, чтобы посредствомъ ви-

димаго содѣлалось для насъ яснымъ и неизвѣстное, присовокуплю: по Моисееву писанію утверждая, что послѣ неба въ пятый день сотворенъ человѣкъ, симъ словомъ, не произнося въ слухъ, утверждаемъ также, что за пять до сего дней неба еще не было; такъ совершающееся послѣ чего нибудь предшествующимъ ему разстояніемъ времени опредѣляетъ существованіе и того, что умопредставляется бывшимъ прежде. Если же примѣромъ симъ недостаточно уяснили мы свою мысль; то можемъ разумѣемое нами представить иначе, говоря, что законъ данъ чрезъ Моисея по истеченіи четырехъ сотъ тридцати лѣтъ отъ обѣтованія Аврааму. Если отъ закона возвратившись назадъ, и протекши мыслию предшествующее ему время, достигнемъ предѣла поименованному числу лѣтъ; то ясно поймемъ, что до сего времени обѣтованія Божія еще не было. И многое можно сказать подобное сему; но отказываюсь перечислять все сіе поодиночкѣ, такъ какъ это дѣло скучное.

Посему въ слѣдствіе сказаннаго въ примѣрахъ изслѣдуемъ подлежащій вопросъ. А онъ состоитъ въ слѣдующемъ: объ упостасяхъ Отца и Сына и Святаго Духа утверждать ли, что онѣ, согласно съ мнѣніемъ противниковъ, одна другой старше и моложе? Поэтому, когда перейдя за рожденіе Сына, какъ выражается еретическое ученіе, приступимъ потомъ къ

среднему разстоянію, какое предполагается въ неосновательномъ мнѣніи предающихъ сіе ученіе и утверждающихъ, что есть нѣкое разстояніе между Отцемъ и Сыномъ; тогда, если достигнемъ той крайней точки, которою еретики разграничиваютъ промежуточное разстояніе, то находимъ тамъ жизнь Бога всяческаго стоящею вверху, такъ что предъ этою точкою по необходимости образуется что-то, гдѣ, какъ должно вѣрить, нѣтъ вѣчно сущаго Бога.

Если же сомнѣваешься еще; то опять мысль сію сдѣлаемъ понятною при помощи примѣровъ. Ибо какъ на двухъ линейкахъ, когда одна короче, а другая длиннѣе, сравнивъ ихъ основанія. по верхнимъ концамъ познаемъ избытокъ; потому что, приложивъ конецъ меньшей линейки, по оному видимъ, каковъ въ той, которая длиннѣе, излишекъ, и находимъ, чего не достаетъ той, которая короче, остатокъ до конца большей приравнявъ какой-либо мѣрѣ; будетъ ли это локоть, или другая величина, на которую большая линейка не равняется съ меньшею: такъ, ежели, по словамъ противниковъ, есть какой избытокъ жизни Отца предъ жизнію Сына, то, конечно, состоитъ въ вѣкомъ извѣстномъ разстояніи; оно же (въ семъ необходимо согласятся и противники: ибо и враги истины исповѣдуютъ, что Отецъ и Сынъ равно безсмертны) не въ излишествѣ продолженія полагается, напротивъ того раз-

ность сію представляютъ себѣ въ верхнемъ предѣлѣ, жизнь Сына не равняя съ жизнію Отца, но протяженіемъ жизни расширяя понятіе объ Отцѣ. Итакъ, поелику разстояніе опредѣляется двумя концами; то, конечно, по всей необходимости, и въ придуманномъ ими разстояніи берутся двѣ точки, обозначающія собою концы. Посему, какъ одна часть, по словамъ ихъ, имѣетъ начало въ рожденіи Единороднаго, такъ и другой край испремѣнно кончится другимъ нѣкимъ предѣломъ, которымъ ограничиваетъ себя соответствующее разстояніе. Посему, что это за предѣлъ, пусть скажутъ сами, если не стыдятся слѣдовать собственнымъ своимъ словамъ.

Но нѣтъ никакого сомнѣнія въ этой мысли, а именно, что къ одной части выдуманнаго ими разстоянія не найдутъ другой части, если не будетъ испремѣнно предположено и нерожденному какое-либо начало, послѣ котораго средину берутъ они мысленно для рожденія Сына. Посему утверждаемъ: кто говоритъ, что нѣкимъ протяженнымъ продолженіемъ Сынъ позднѣе жизни Отца, тотъ и Отцу даетъ опредѣленное начало существованія, описуемое вымышленнымъ среднимъ разстояніемъ; и въ такомъ случаѣ, въ слѣдствіе такого довода, окажется у нихъ оная пресловутая нерождаемость Отца утаеваемою самими защитниками нерождаемости, такъ какъ говорятъ, что не всегда

существует нерожденный Богъ, утверждают же, что съ нѣкотораго начала возымѣлъ Онъ начало бытія; ибо Кто имѣетъ начало бытія, Тотъ не безначаленъ. Если же во всякомъ случаѣ надлежитъ исповѣдывать безначальность Отца, то не допытывайся какого либо опредѣленнаго указанія началу жизни Сына, съ котораго начавъ бытіе, отдѣляется Онъ отъ жизни, какая по другую сторону сего указанія; но достаточно представлять, что Отецъ прежде Сына въ значеніи только причины, не предполагая, что жизнь Отца была отдѣленною и особою когда либо до рожденія Сына, чтобы съ симъ понятіемъ не вошло вмѣстѣ нѣкое представленіе о протяженіи, до явленія Сына измѣряемомъ жизнію Родшаго; необходимымъ слѣдствіемъ чего будетъ предположеніе нѣкотораго начала въ жизни Отца, на которомъ остановится вымышленное ими протяженіе времени, пока Отецъ не былъ Отцемъ, простирающееся вверхъ и опредѣляющее собою начало умопредставленной ими предшествующей жизни Отца. Но исповѣдуя то, что отъ Отца, хотя покажется это и смѣлымъ, не отрицаемъ, что оно со Отцемъ, путеводимые къ сему понятію Писаніемъ. Ибо, слыша отъ премудрости о сіяніи вѣчнаго свѣта (Евр. 1, 3.), вмѣстѣ съ вѣчностію созерцаемъ сіяніе первообразнаго свѣта, и представляя себѣ причину сіянія и не допуская старѣйшинства. И такимъ обра-

зомъ сохраняется у насъ ученіе благочестія: и у Сына нѣтъ недостатка въ высшей части жизни, и вѣчность Отца не умаляется предположеніемъ опредѣленнаго начала у Сына.

26. Но кто нибудь изъ противниковъ сего положенія скажетъ, можетъ быть, что и тварь, какъ признано, имѣетъ начало, однакоже сотворенное не умопредставляется совѣчнымъ Создателю, и собственнымъ своимъ началомъ не вводитъ опредѣленія въ неопредѣлимую Божию жизнь; какъ изслѣдованіе о Сынѣ и объ Отцѣ показало въ этомъ несообразность. И потому слѣдуетъ, или тварь признать совѣчною Богу, или безъ страха утверждать о Сынѣ, что Онъ позднѣе Отца. Ибо мысль о разстояніи одинаково оказывается несообразною, когда и отъ твари прилагается къ Сотворшему.

Но дѣлающій такое возраженіе, не точно, можетъ быть, внигнувъ въ смыслъ догмата, оспариваетъ сказанное съ помощію того, что чуждо предложенному, и вовсе не имѣетъ съ нимъ ничего общаго. Ибо если бы указаль нѣчто высшее твари и имѣющее начало осуществленія въ нѣкоей отстоящей точкѣ, и всѣми признавалось это возможнымъ, то есть, чтобы понятіе о протяженіи времени мыслимо было прежде творенія; то, можетъ быть, открывался бы возражающему случай, доказанную въ изложенномъ доселѣ, вѣчность Единороднаго попытаться опровергнуть такими до-

водами. Поелику же по общему приговору всѣхъ благочестивыхъ признается, что, если взять всѣ существа, то иное произошло твореніемъ, а другое было до творенія; и мы вѣруемъ, что Божественное естество не создано, и какъ слово благочестія учить, въ Немъ одно есть причина, другое неотступно отъ причины имѣть Ὑпостась, тварь же усматривается въ нѣкоемъ протяженномъ разстояніи; то весь временный порядокъ и рядъ сотвореннаго объемлется вѣками, предвѣчное же естество избѣгло сихъ разностей — быть старше или моложе; потому что въ Божественной и блаженной жизни не усматривается ничего того, что разумъ видитъ собственно въ твари. Ибо всякая тварь, какъ сказано, приводимая въ бытіе въ нѣкосмъ послѣдованіи по порядку, измѣряется разстояніемъ вѣковъ: и если кто по ряду сотвореннаго взойдетъ разумомъ къ началу приведеннаго въ бытіе, то изысканіе свое ограничитъ основаніемъ вѣковъ. Превышшая же твари сущность, какъ далекая отъ всякаго представленія о протяженіи, избѣгла всего временнаго ряда, ни отъ какого подобнаго начала, никакимъ способомъ, находимымъ по какому бы то ни было порядку, не поступаая ни къ какому предѣлу, или не заключая своего теченія симъ предѣломъ. Ибо кто переходитъ вѣка и все совершившееся въ нихъ, тому созерцаніе Божественнаго естества, предъявив-

шись его помысламъ, какъ нѣкое обширное море, не даетъ никакого въ себѣ знака, указующаго на какое-либо начало, какъ бы ни простиралъ онъ вдаль удобопостигающее воображеніе, такъ что допытывающійся о томъ, что старше вѣковъ, и восходящій къ началу вещей ни на чемъ не можетъ остановиться помысломъ; потому что искомое всегда убѣгаетъ, и пытливости ума нигдѣ не указываетъ мѣста къ остановкѣ.

Но ученіе сіе ясно хотя сколько нибудь внимавшему въ естество существъ, и именно, что Божественной и блаженной жизни ничто не можетъ быть мѣрою; ибо не она во времени, но время отъ нея; тварь же непременно отъ какаго либо признаннаго начала стремится къ собственной своей цѣли, идя временными состояніями; такъ что можно, какъ гдѣ-то говоритъ Соломонъ, усматривать ея *начало и конецъ и средину* (Прем. 7, 18.). временными отдѣлами означающія рядъ происходящаго въ ней. Но превышая и блаженная жизнь, такъ какъ не сопровождается никакимъ протяженіемъ, не имѣетъ ничего ни измѣряющаго, ни объемлющаго ее. Ибо все сотворенное, ограничиваемое собственными своими мѣрами, какъ угодно сіе премудрости Сотворшаго, какъ бы предѣломъ какимъ, объемлетъ прилично сему мѣрою, сколько сіе нужно для благоустройства вселенной. Посему, хотя по немощи человѣ-

ческому разсудку не доступно истолкованіе усматриваемаго въ твари; однако несомнѣнно то, что все силою Сотворшаго приведено въ совершенство, и находится въ предѣлахъ свойственныхъ твари. Творящая же существа сила, описующая въ себѣ естество сотвореннаго, сама не имѣетъ объемлющаго ее; всякая мысль, устремляющаяся взойти къ началу божественной жизни, заключается въ себѣ самой, превышаетъ всякую мѣру пытливости и любознательности, усиливающихся достигнуть предѣла въ неопредѣлимомъ. Ибо всякое восхожденіе ума выше вѣковъ и поступленіе вдаль до того только возвысится, что можно будетъ видѣть неизслѣдимость искомаго, и повидимому, какъ бы мѣрою какою и предѣломъ движенія и дѣятельности человѣческихъ помысловъ служатъ время и бытіе во времени, а что выше сего, то остается непостижимымъ и неприступнымъ для разсудка, чистымъ отъ всего, что можетъ подходить къ человѣческому разумѣнію. Ибо въ чемъ не представляется ни вида, ни мѣста, ни величины, ни мѣры времени, ни другаго чего умопостигаемаго, въ томъ постигающая сила ума, ищущая, за что ей взяться, по необходимости, какъ сроднаго и близкаго себѣ, възыщетъ времени и твари во времени; такъ какъ непостижимое естество повсюду отъ нея ускользаетъ.

Всякому, сколько нибудь винованному въ су-

щества, известно, думаю, это, что Создатель всяческихъ, основавъ вѣки и въ нихъ мѣсто, какъ бы вмѣстилище какое, принимающее въ себя сотворенное, уже въ нихъ творить все; потому что невозможно чему либо изъ прошедшаго, или приходящаго, въ бытіе посредствомъ сотворенія имѣть бытіе иначе, какъ только въ мѣстѣ и во времени. Естество же, ни въ чемъ не имѣющее нужды, вѣчное, въ себѣ содержащее всѣ существа, — и не въ мѣстѣ, и не во времени. Оно прежде нихъ и выше ихъ; по неизреченному закону, одною вѣрою созерцается въ Себѣ Самомъ, не измѣримое вѣками, не протекающее съ временами, но на Себѣ Самомъ остановившееся, въ Себѣ Самомъ водруженное, не съ прошедшимъ и не съ будущимъ вмѣстѣ созерцаемое. У Него и внѣ Его нѣтъ ничего такого, изъ чего, въ продолженіе прохожденія, одно уже проходить, другое будетъ проходить. Ибо случайности сіи свойственны тварямъ, у которыхъ жизнь, подобно дѣленію времени, дѣлится для надежды и для памяти. Въ одной же высокой и блаженной силѣ, въ которой все равно всегда присуще какъ настоящее, усматривается, что и ожидаемымъ непремѣнно обладаетъ всеобъемлющая сила.

Посему Она есть та самая сущность, въ которой, какъ говоритъ Апостоль, *всяческая состоится* (Кол. 1, 17.), и мы, каждый особо

причащаясь бытія, *живемъ и движемся и есмь* (Дѣян. 17, 28.); Она выше всякаго начала, не представляетъ признаковъ собственнаго своего естества, познается же единственно изъ того, что не можетъ быть постигнуто. Пбо наисобственнѣйшій признакъ ея тотъ, что естество ея выше всякаго представленія объ отличительныхъ свойствахъ. Потому тварь, такъ какъ не имѣетъ одного и тогоже значенія съ несозданнымъ, не входитъ въ сравненіе и общеніе съ Сотворшимъ по этому самому, то есть, по разности сущностей. и потому что въ себѣ самой заимствуетъ собственный свой представительный видъ естества, не имѣющей ничего общаго съ тѣмъ, отъ чего произошла. Божественное же естество, какъ чуждое всѣхъ признаковъ, особенно усматриваемыхъ въ твари, никакъ себя оставляетъ временные отдѣлы, разумѣю: старшее, младшее, и всѣ мѣстныя примышленія, такъ что о Немъ не говорится въ собственномъ смыслѣ и слово: выше. Ибо все умопредставляемое о несозданной силѣ есть самая высота и начало, и удерживаетъ значеніе сказаннаго въ самомъ собственномъ смыслѣ.

Итакъ, поелику сказаннымъ приведено въ несомнѣнность, что не въ числѣ тварей Единородный Сынъ и Божій Духъ, а напротивъ того вѣровать должно, что Они выше твари; то, можетъ быть, тварь любознательностію

усиливающихся изыскать подобное сему будетъ постигнута при какомъ либо особомъ началѣ, а что выше твари, то нимало не содѣляется отъ сего болѣе доступнымъ вѣдѣнію, потому что не находится въ этомъ никакого указательнаго прежде вѣковъ знака. Поэтому если въ несозданномъ естествѣ представляются чудныя Лица и имена: Отецъ, Сынъ и Духъ Святой; то возможно ли пытливому любознательному уму, что постигаетъ онъ въ дольнемъ, одно на другомъ сравнительно основывая по какому-то разстоянію времени, тоже признавать и въ сущности не созданной и предвѣчной, въ которой Отецъ безначаленъ, нерожденъ и умопредставляется всегда какъ Отецъ; а отъ Него непрерывно и неотлучно умопредставляется вмѣстѣ съ Отцемъ Единородный Сынъ; чрезъ Сына же и съ Нимъ, прежде нежели мысль встрѣтитъ какую-то пустоту и неосуществленную среду, немедленно и соединенно постигается и Духъ Святой, не позднѣе Сына по бытію, такъ чтобы Единородный нѣкогда былъ умопредставляемъ безъ Духа; но и Онъ Бога всяческихъ, и причиною бытія имѣя то самое, отъ чего и Единородный есть свѣтъ, возсіявшій отъ истиннаго свѣта, ни разстояніемъ какимъ, ни инаковостію естества не отдѣляется отъ Отца или отъ Единороднаго. Ибо въ предвѣчномъ естествѣ нѣтъ разстоянія, и никакая разность въ сущности невозможна, потому

что невозможно и представить себѣ разность несозданнаго съ несозданнымъ: а Духъ Святыи несозданъ, какъ доказано въ предшествующихъ словахъ.

Поелику такъ понимаютъ это всѣ приѣмлющїе простой смыслъ просто выраженной проповѣди: то кстати ли сколько нибудь будетъ покуситься по понятію о твари расторгать союзъ Сына съ Отцемъ, какъ будто бы есть нѣкая необходимость и твари быть совѣчною, или признать, что Сынъ рожденъ послѣ? Ибо и рожденіе Единороднаго не въ продолженіе вѣковъ, и сотвореніе не прежде вѣковъ, а по-сему никонмъ образомъ не слѣдуетъ дѣлать на части естество непротяженное, и вътворящую причину всего вносить мысленный нѣкій промежутокъ, говоря: не имѣлъ нѣкогда бытія Даровавшии бытіе всему.

Итакъ истинно сказанное прежде слово, что съ нерожденію Отца умопредставляется и вѣчность Единороднаго въ рожденіи. А если допустить кто какое либо промежуточное разстояніе, которымъ рожденіе Сына отсѣкается отъ жизни Отца: то смъ опредѣлится и начало жизни сущаго надъ всѣми Бога, что нелѣно. Но тварь, которая по собственному своему естеству есть нѣчто иное съ Сотворшимъ, ничто не препятствуетъ умопредставлять имѣющею нѣкое свое особенное начало, по сказанному намъ, какъ нимало не

сходную съ пречистымъ и предвѣчнымъ ествомъ. Сказать, что изъ несуществующаго, или, какъ говоритъ Апостоль, *отъ неявляемаго* (Евр. 11, 3.), пришли въ бытіе небо, или земля, или иное что видимое въ числѣ тварей, не дѣлаеть никакого безславія Творцу всяческихъ; такъ какъ и изъ божественнаго Писанія дознали мы, что твари не отъ вѣчности существуютъ, и не вѣчно пребудутъ. Если же нѣчто изъ того, что, по нашему вѣрованію, есть во Святой Троицѣ, признано будетъ не вѣчно сущимъ со Отцемъ; а напротивъ того, по еретическому ученію, придетъ кому либо на мысль, Сущаго надъ всеми Бога лишить на время славы Сына и Святаго Духа: то не иное что окажется, а только то, что Богъ, по еретическому ученію, далекъ отъ всякаго блага, отъ всего, что на самомъ дѣлѣ и по понятію божественно. Но если вѣчно славенъ Отець, существующій прежде вѣковъ, а слава Отца — предвѣчный Сынъ, равно и слава Сына — Духъ Христовъ, вѣчно созерцаемый купно съ Сыномъ и Отцемъ: то откуда, и изъ какого заимствовавъ ученія, этотъ мудрецъ утверждаетъ, что между сущими не во времени есть старѣйшее, и между досточтимыми по естеству досточтимѣйшее, сравнительно ставя одно выше другаго, и предпочтеніемъ одного безчестя прочихъ? Ибо безъ сомнѣнія очевидно, къ чему ведетъ это различеніе досточтимости.

27. А что присовокупляетъ Евномій къ сказанному, и каково послѣдующее за тѣмъ? «Одни и тѣже дѣйствования, говоритъ онъ, производятъ тожество дѣлъ, а различныя дѣла указываютъ на различныя дѣйствования». Прекрасно этотъ не робкій приступилъ къ непреоборимой защитѣ своего слова! «Одни и тѣже дѣйствования, говоритъ онъ, производятъ тожество дѣлъ.» Посему повѣримъ сказанное дѣлами. Дѣйствование огня при согрѣваніи одно; посмотримъ же, какое согласіе имѣютъ дѣла? Мѣдъ плавится, глина крѣпнетъ, воскъ выгараетъ; прочія животныя, если бываютъ въ огнѣ, гибнутъ, а саламандра плодится; хлопокъ горитъ, каменный лень вымывается въ пламени, какъ въ водѣ. Таково тожество дѣлъ отъ одного дѣйствования! А солнце? Не одно ли и тоже оно, и не одною ли и тою же силою все одинаково согрѣвая, одно изъ растѣній возвращаетъ, а другое иссушаетъ, измѣняя конецъ дѣйствования сообразно съ подлежащею ему силою? Растущее на камнѣ сушитъ оно, а что выросло на глубокой почвѣ, то увеличиваетъ во сто кратъ. А если вникнешь въ дѣла природы, и посмотришь, сколько многохудожнаго производитъ она въ тѣлахъ: то еще болѣе познаешь осмотрительность утверждающаго, что одно и тоже дѣйствование производитъ тожество дѣлъ: причина зачатія есть одно дѣйствование; но

многообразенъ составъ устрояемаго внутри, такъ что никто не будетъ въ состояніи легко перечислить разности качествъ въ тѣлѣ. Одно опять дѣйствованіе у младенцевъ — сосаніе молока: но изобразить ли какое слово разнообразныя произведенія таковой пищи? Какъ бы по трубѣ расходится она изъ усть въ отдѣляющіе протоки; претворяющая же сила естества сообразно съ каждымъ членомъ проводить къ нему молоко, перевариваніемъ раздробляя пищу на тысячи разностей, и соразмѣрно потребности каждаго члена преобразуя ее въ однородное съ нимъ. Ибо одною и тою же снѣдію питаются біющіяся и кровеносныя жилы, головной мозгъ, мозговая оболочка, костяной мозгъ, кости, чувствительныя жилы, связки, сухія жилы, плоть, наружность, хрящи, жиръ, волосы, ногти, потъ, испарина, мокрота, желчь и все прочее излишнее и негодное отъ одной же зависитъ причины. И если переименуешь члены, и орудныя, и чувствительныя, и все прочее, наполняющее собою тѣлесный составъ; то относительно къ пищѣ однимъ и тѣмъ же дѣйствованіемъ измѣняется это во столько разностей. И если кто обратитъ вниманіе на искусства, то и въ нихъ найдетъ изслѣдованное о догматѣ; ибо у дѣлающихъ что-либо руками во всякомъ искусствѣ видимъ большею частію одно и тоже дѣйствованіе, разумію же одно и тоже движеніе

рукъ. Но посмотримъ, что общаго въ произведеніяхъ? Что напрімѣръ общаго въ построеніи храма и въ приготовленіи одежды, тогда какъ въ томъ и другомъ случаѣ искусство дѣйствуетъ движеніемъ руки? Руку приводитъ въ движеніе кто и ломаетъ стѣну; ее же двигаетъ, кто роетъ колодезь; и изъ земли добываетъ металлъ, и смерти предается человѣкъ, все это — дѣла движенія рукъ; и воинъ въ битвѣ совершаетъ рукою пораженіе враговъ, и земледѣлецъ рукою опять при помощи заступа размягчаетъ земную глыбу. Посему какъ же нашъ установитель догматовъ утверждаетъ, что одни и тѣже дѣйствования производятъ тожество дѣлъ? Но если допустить, что въ сказанномъ есть нѣсколько и правды; то симъ еще болѣе подтверждается сродство по сущности и Сына съ Отцемъ и Духа съ Сыномъ. Ибо если была бы какая либо разность въ дѣйствованіяхъ, такъ что иначе дѣйствовалъ бы Отецъ, и иначе по благоусмотрѣнію Сынъ: то справедливо было бы по разности дѣйствованій заключать о разности дѣйствовавшей при каждомъ дѣйствованіи сущности. Если же какимъ образомъ дѣйствуетъ Отецъ, подобно сему творить все и Сынъ, по слову Самаго Господа и по требованію разума (потому что дѣйствуетъ не бесплодно одинъ, а другой съ помощію тѣла, не изъ одного вещества одинъ, а изъ другаго другой; не въ иное каждый время и не въ

инномъ мѣстѣ совершаетъ угодное ему; да и разности самыхъ орудій не производятъ различія; но достаточно одного движенія воли и устремленія произвола, которому сопутствуетъ и которое сопровождаетъ въ приведеніи въ бытіе существъ все осуществляющая сила); и во всемъ одинаково однимъ родомъ дѣйствованія дѣйствуютъ и Отець, *изъ Него же вся*, и Сынъ, *Изъже вся* (1 Кор. 8, 6.); то почему же этотъ Евномій изъ различія дѣйствованія Отца и Сына, отдѣляющаго ихъ одного отъ другаго, думаетъ доказать разность Сына и Духа по сущностямъ? Ибо, какъ сказали мы, оказывается противное сему, потому что въ Отцѣ и Сынѣ не усматривается въ какомъ либо родѣ различія дѣйствованій; и что нѣтъ никакой постепенности въ сущностяхъ Сына и Духа, сіе открывается изъ тождества осуществившей силы, какъ подтверждаетъ слово наше и свидѣтельство этого писателя (з), такъ читаемое буквально: «какъ дѣйствованія, сказано у него, производятъ тождество дѣлъ.» Поэтому если тождество дѣлъ производится одинаковостію дѣйствованій, а, по ихъ же словамъ, дѣло Отца есть Сынъ, и Сына Духъ Святой: то однообразность дѣйствованія Отца и Сына, безъ со-

(з) Евномія.

мнѣнія, будетъ доказывать тожество произведшей сущности.

Евномій присовокупляетъ: «различныя дѣла показываютъ и различныя дѣйствія.» Посему разсмотримъ опять и это, въ чемъ состоитъ твердость сего положенія, и, если угодно, представимъ на сіе ясныя примѣры. Не одно ли дѣйствованіе повелѣнія единымъ Своимъ хотѣніемъ Осуществившаго весь міръ и все, что въ мірѣ? *Яко Той рече, и быша: Той повелѣ, и создашася* (Ис. 148, 5.). Не во всемъ ли одинаково осуществилось повелѣніе, и не достаточно ли было одинаго изволенія къ приведенію въ бытіе не существовавшаго? Почему же, когда слѣдствіемъ одного дѣйствованія, состоявшаго въ повелѣніи, усматривается столько разности: Евномій, какъ бы не видя совершившагося, говоритъ, что различіе дѣлъ доказываетъ разность дѣйствованія? Должно было бы напротивъ того всему, что въ мірѣ, быть однообразнымъ, если, по словамъ установителя догматовъ, въ различіи дѣлъ обнаруживается и разность дѣйствованій. Или все это видитъ онъ подобнымъ, и только въ Отцѣ и Сынѣ усматриваетъ неподобіе?

Итакъ, если не обратилъ вниманія прежде, пусть посмотритъ теперь на разность стихій, и на то, какъ въ мірѣ каждая вещь, входящая въ составъ цѣлаго, по естеству направ-

лена къ противоположному. Иное легко и стремится обыкновенно вверхъ, другое тяжело и готово упасть внизъ; одно всегда неподвижно, другое непрестанно движется; и изъ движимаго иное имѣеть движеніе неизмѣнное, по одному направленію, какъ то: небо и подвижныя звѣзды, теченіе которыхъ возвращается всегда на прежній путь; а иное, будучи разлито повсюду, несется всегда, куда случится, какъ-то: воздухъ, море и всякое естество жидкой сущности. Что же скажетъ кто о противленіи теплаго холодному, или о разности влажнаго съ сухимъ, о разстояніи верхняго и нижняго? Сколько естественныхъ несходствъ у животныхъ? И какое человѣческое слово исчислить разности растений по виду и величинѣ, по плодамъ и качествамъ?

28. Но этотъ мудрецъ доказываетъ намъ, что для разныхъ дѣлъ и дѣйствованія разныя, или не дознавъ еще того образа Божественнаго дѣйствованія, о которомъ говоритъ Писаніе, что словомъ повелѣнія *вся создашася*, или оставаясь слѣпымъ къ усмотрѣнію разностей въ сотворенномъ; и говоря намъ такъ не осмотрительно, постановляетъ законъ о божественныхъ догматахъ, ни отъ кого еще, можетъ быть, не слыхавъ, что все утверждаемое рѣшительно, если не вообще, то въ разсужденіи извѣстнаго предмета, должно быть безспорнымъ и общепризнаннымъ. А кто сво-

бодно догматически утверждает то, въ чемъ не согласится съ нимъ никто изъ людей осмотрительныхъ, тотъ нисколько не отличается отъ рассказывающихъ на пиру сны или басни. И поелику въ сказанномъ у Евномія такая несообразительность; то, какъ признающіе дѣйствительнымъ, что въ сонномъ мечтаніи видятъ нѣчто озабочивающее ихъ на яву, съ жаромъ привязываются къ несуществующему къ дѣйствительности, и полагаютъ, что владѣютъ желаемымъ, потому что пожеланіе видимаго удостовѣряетъ въ этомъ обманчивымъ видѣніемъ; такъ и Евномій, вслѣдствіе этого, подобнаго сну, отпечатлѣнія догматовъ, возмечтавъ, что сказанное имъ имѣетъ силу, утверждаетъ, что это дѣйствительно такъ, и этимъ самымъ старается доказать остальное. Мѣсто сіе у Евномія стѣбитъ того, чтобы привести его здѣсь; буквально же читается оно такъ: «поелику же сіе дѣйствительно такъ, и взаимнымъ отношеніемъ одного къ другому соблюдается непремѣнная связь: то производящимъ изслѣдованіе въ сродномъ вещамъ порядкѣ и не усиливающимся смѣшивать и сливать все вмѣстѣ, если возбуждено будетъ какое сомнѣніе о сущности, надлежитъ изъ первыхъ и непосредственно принадлежащихъ сущностямъ дѣйствованій производить удостовѣреніе въ доказываемомъ и разрѣшеніе сомнѣнія, сомнѣніе же о дѣйствованіяхъ разрѣшать изъ сущностей.»

29. Итакъ, думаю, что для показанія нелѣпости сказаннаго достаточно самыхъ реченій нечестія. Ибо какъ изображающій въ словѣ обезображенное страданіемъ лице всего лучше покажетъ болѣзнь, снявъ покрывала, такъ что смотрящимъ на видимое ничего не будетъ должно дознавать въ словесномъ изображеніи: такъ для способныхъ прозрѣвать душою достаточно, думаю, обнаружатся безобразіе и искаженіе еретическаго ученія, будучи открыто чрезъ одно чтеніе. Но поелику, какъ бы персть какой, на гнилость ученія наведя указующее слово, надлежитъ въ большей ясности представить для многихъ заключающійся въ ученіи вредъ; то снова повторю по порядку сказанное. «Поелику, говоритъ онъ, это дѣйствительно такъ.» Что такое высказываетъ сновидецъ? Что такое «это»? и что значить: «такъ»? То, что одна собственно такъ называемая и превысшая сущность—сущность Отца; а поэтому, безъ сомнѣнія, не собственно такъ называется слѣдующая за нею, и еще менѣе собственно — третія сущность: вотъ что постановилъ онъ закономъ въ сказанномъ! Потому ли, что за первую сущностию слѣдуетъ нѣкое дѣйствованіе, произведеніемъ и дѣломъ котораго есть Единородный Сынъ, связанный мѣрою дѣйствованія Его произведшаго? Или потому, что сущности представляются меньшими и большими, поелику какъ-то за-

ключены одна въ другой, и меньшая объем-
 лется болѣе обширною, что бываетъ съ сосу-
 дами, вкладываемыми другъ въ друга, въ слѣд-
 ствіе чего Евномій усматриваетъ большими и
 меньшими тѣ сущности, которыя не имѣютъ
 ограничивающаго ихъ конца и предѣла? Или
 потому, что разности созданій показываютъ
 инаковость и создателей, такъ что невозмож-
 но отъ одинаковыхъ дѣйствованій произойти
 разнымъ созданіямъ? Итакъ ужели у кого чув-
 ствища души погружены въ столь глубокой
 сонъ, что, услышавъ подобныя ученія, немед-
 ленно согласится съ утверждающимъ: «поелику
 же это таково, и по взаимному отношенію
 соблюдается въ этомъ неразрывная связь.»
 Ибо, думаю, что признакъ совершеннаго по-
 мѣшательства въ умѣ— и говорить подобное
 этому, и безъ изслѣдованія выслушивать
 утверждающихъ, будто бы по взаимному от-
 ношенію, какою-то связію поправляется разъ-
 единенное между собою несходствомъ въ
 естествѣ. Ибо, по нашему разумѣнію, соеди-
 няется оно или сущностію, и въ такомъ слу-
 чаѣ по взаимному отношенію блюдетъ нераз-
 рывную связь; или отдѣляется одно отъ дру-
 гаго по инаковости естества, какъ думаетъ,
 онъ И въ томъ, что чуждо другъ другу,
 какое найдется отношеніе по связи, соблю-
 дающее неразрывность? Что же это за срод-
 ный вещамъ порядокъ, по которому Евномій

узаконяетъ производить изслѣдованіе? Если бы имѣлъ онъ предъ очами у себя ученіе истины, и въ слѣдствіе того разсуждалъ о разности, касающейся одного порядка въ томъ, что составляетъ предметъ вѣрованій во святой Троицѣ; то, поелику тотъ, какъ говорить Евномій, сродный порядокъ различіе ипостасей дѣлаетъ не слитнымъ, такъ что признаются онѣ и имѣющими общеніе по сущности, и раздѣленными по понятію ипостаси, и Евномій, конечно, не былъ бы причисленъ къ противникамъ, говоря то, что стали бы защищать и мы. Теперь же все его сочиненіе, клонясь къ противному, дѣлаетъ, что трудно уразумѣніе понимаемаго имъ здѣсь порядка. Весьма большая разность между тѣмъ, что произвольно, и тѣмъ, что невольно, по какой-то естественной необходимости, достигаетъ конца. Огню естественна теплота, лучу—свѣтлость, водѣ—теченіе, камню — паденіе внизъ, и подобныхъ примѣровъ можно указать множество. Но если кто построилъ домъ, или принялъ на себя начальство, или завелъ торговлю, или предпринялъ другое какое занятіе, и, обдумавши дѣло и приготовившись къ нему: то о немъ нельзя сказать въ собственномъ смыслѣ, что въ сдѣланномъ имъ есть нѣкій сродный этому порядокъ; потому что согласно съ хотѣніемъ избирающаго и съ пользою совершаемаго дѣла вводится порядокъ

производителями каждаго дѣла. И такъ, поелику здѣсь еретическое ученіе отдѣляетъ Сына отъ естественнаго свойства съ Отцемъ, и той же мысли держится о Духѣ, какъ отчужденномъ отъ единенія съ Сыномъ и Отцемъ, и во всемъ сочиненіи доказывается, что Сынъ есть дѣло Отца, и Духъ—дѣло Сына, все же это дѣла произволенія, а не произведенія естества: то почему Евномій опредѣляетъ, что дѣло воли есть нѣкій сродный порядокъ дѣлъ?

Не знаю, что разумѣлъ Евномій въ сочиненіи семъ, то ли, что Богъ всяческихъ, создавъ сіе естество Сына и Духа Святаго, содѣлалъ такую постепенность сущностей, что одинъ подчиненъ другому? И если это разумѣетъ; то почему не объяснилъ сказаннаго, — на какомъ основаніи представляетъ себѣ, что знаетъ это о Богѣ, будтобы въ малости дѣлъ открывається большая Его сила? Но кто согласится на это, что въ малости произведеній усматривается великая причина и сила, а не скажетъ напротивъ того, что не всему отъ Него происшедшему могъ дать совершенство? И какъ засвидѣтельствуется Евномій, что Богу принадлежитъ наивысшее и въ самомъ собственномъ смыслѣ восписуемое превосходство, если докажетъ, что сила меньше произволенія? Или скажетъ, что происхожденіемъ отъ Него не подаю причины къ совершенству, чтобы, конечно, не умалились честь и слава по превосходству чтимаго? Но

кто столько жалокъ, что и божественнаго и блаженнаго естества не представитъ себѣ чистымъ отъ страсти зависти? Посему какая благовидная причина Богу всяческихъ такой установить порядокъ для Единороднаго и Духа? Но не отъ Бога всяческихъ это, говорить онъ. Отъ кого же инаго, если въ имѣющихъ сродство по естеству не усматривается сроднаго имъ порядка? Но, можетъ быть, нисшую степень сущности въ Сынѣ и Духѣ называетъ сродною порядку? Впрочемъ имѣю нужду дознать причину и этому самому, почему Сынъ умаляется по сущности, тогда какъ сущность и дѣйствование познаются съ равными, даже одними и тѣми же, признаками и отличительными свойствами. Если же понятіе сущности и дѣйствования не одно и то же, но означаемое тѣмъ и другимъ словомъ различно: то почему доказательства искомаго заимствуются въ постороннемъ и чуждомъ? Если кто, когда любопытствуютъ знать о человѣческой сущности, и спрашиваютъ: не смѣшливое ли, или не способное ли учиться грамматикѣ животное есть человѣкъ, — въ доказательство представленнаго возьметъ устройство дома или корабля, произведенное строителемъ того или другаго; потомъ подтвердить это такимъ мудрымъ словомъ: сущности познаемъ по дѣйствованиямъ; домъ же и корабль есть дѣйствование человѣка, а изъ сего заключаемъ, недогадливый, что человѣкъ есть жи-

вотное съ тупыми ногтями и смѣшливое: на такой отвѣтъ скажетъ иной: не о томъ былъ вопросъ, имѣеть ли человѣкъ какое движеніе и дѣйствованіе, но о томъ, что такое по природѣ своей само дѣйствующее, — вотъ что особенно нужно дознать мнѣ изъ отвѣта. Если бы хотѣлось мнѣ узнать что нибудь о вѣтрѣ, то, указавъ на грудѣ песку, нанесенную вѣтромъ, или на кучѣ соломы, или на поднятую пыль, не далъ бы ты дѣльнаго отвѣта на вопросъ; ибо иное понятіе о вѣтрѣ, а ты вмѣсто искомаго указываешь на другое. Посему какъ же Евномій доказываетъ сущности дѣйствованіями, и основаніе бытія самаго существа представляетъ изъ производимаго существомъ.

Потомъ разсмотримъ и сіе: какое это дѣло у Отца, по которому, говоритъ Евномій, постигается сущность дѣйствовавшаго? Конечно, наименуетъ Сына, если поведетъ обычную рѣчь. Но Сынъ, по твоему разсужденію, премудрѣйшій, будучи измѣряемъ произведшимъ Его дѣйствованіемъ, указываетъ на него одно; а искомое тѣмъ не менѣе остается въ неизвѣстности, если только дѣйствованіе, какъ и тобою засвидѣтельствовано, есть нѣчто изъ послѣдующаго за первою сущностію: потому что оно, какъ ты говоришь, простирается до той же мѣры какъ и дѣло имъ совершенное, и въ произведеніи обнаруживается дѣйствованіе не таковымъ, каково оно по природѣ, а

только въ какой мѣрѣ усматривается ово въ дѣлѣ. Ибо какъ у мѣдника не вся сила была подвигнута, чтобы сдѣлать буравъ, но въ какой соразмѣрности требовалось для сдѣланія снаряда, въ такой и дѣйствовало искусство ремесленника, имѣющее возможность произвести много разнообразныхъ вещей: такъ мѣру дѣйствования показываетъ въ себѣ кто имъ произведенъ. Но вопросъ у насъ не о количествѣ дѣйствования, а о самой сущности дѣйствовавшего. На томъ же основаніи, если скажетъ, что посредствомъ Духа (а Духомъ именуется онъ дѣло за Сыномъ послѣдующаго дѣйствования) постигается естество Единороднаго, то въ словѣ Его нѣтъ никакой состоятельности; потому что и здѣсь опять дѣйствованіе простирается не далѣе произведенія, и произведеннымъ не показываетъ, каково естество и у него самаго и у дѣлающаго.

Но чтобы не спорить и въ этомъ, согласимся, что сущности познаются по дѣйстваніямъ. Итакъ первая сущность познается по дѣлу ея, и вторую сущность также показываетъ дѣло, ею совершаемое. Посему, скажи мнѣ, мудрецъ, о третьей, что служитъ ея указаніемъ? Никакого подобнаго дѣла не усматривается у третьей сущности. Если сущности постигаются, какъ говоришь, по дѣйстваніямъ; то долженъ будешь признать, что естество Духа непости-

жимо, не имѣя подобнаго непосредственно за Нимъ слѣдующаго дѣйствованія, по которому бы, остановясь на этомъ, можно было заключать объ еществѣ Духа. Посему, или покажи какое либо существенное дѣло Духа, по которому, какъ говоришь, постигается сущность Духа; или вся ваша паутинная ткань распадется отъ прикосновенія слова. Ибо, если, по вашему разумѣнью, сущность познается по непосредственно слѣдующему дѣйствованію; а у Духа нѣтъ никакого существеннаго дѣйствованія, тогда какъ дѣломъ Отца называетъ Сына, и дѣломъ Сына—Духа: то симъ самымъ признается, что естество Духа, конечно, непознаваемо и непостижимо, какъ необнаруживаемое никакимъ дѣйствованіемъ, умопредставляемымъ впостасно. Если же Духъ избѣгаетъ постиженія; то какъ постигается сущность превысшая не постигнутаго? Ибо, если не познаваемо дѣло Сына, которое, какъ говорятъ они, есть Духъ: то, конечно, не можетъ быть познаваемъ и Сынъ, прикрываемый недовѣдомостію Того. Кто долженъ быть свидѣтельствомъ о Немъ. И если въ такомъ случаѣ сокрыта сущность Единороднаго; то какъ сокровенною сущностію явлена будетъ «самая высшая и собственно такъ называемая» сущность, когда недовѣдомость Духа въ обратномъ порядкѣ черезъ Сына передается Отцу; а поэтому и по

свидѣтельству враговъ ясно открывается, что совершенно неостижима сущность Отца? Посему на какомъ же основаніи этотъ прозорливецъ, видя несуществующее, и самъ естество неявленныхъ и неостижимыхъ видитъ одно посредствомъ другаго, и намъ повелѣваетъ видѣть, утверждая, что по дѣламъ постигаются сущности, а по сущностямъ дѣла?

Но разсмотримъ и продолженіе рѣчи. «Сомнѣніе о дѣйствованіяхъ, говоритъ Евномій, разрѣшать по сущностямъ.» Возможно ли кому избавить его отъ этихъ пустыхъ предположеній? Сомнѣнія о дѣйствованіяхъ, думаетъ онъ, возможно разрѣшать постиженіемъ сущностей! Какъ сомнительное посредствомъ непостигнутаго приводитъ въ вѣру? Ибо если сущность постигнута: то какая потребность любопытствовать о дѣйствованіи, будто бы имъ будемъ приведены къ постиженію искомаго? Если же изслѣдованіе дѣйствованія необходимо потому, что путеваемся имъ къ познанію производящей его сущности: то какъ не познанное еще нами естество возможетъ разрѣшить сомнѣніе о дѣйствованіяхъ? Доказательства всякой сомнительной вещи заимствуются въ томъ, что признано всѣми. А когда то и другое въ искомомъ одинаково неизвѣстно: какъ, по словамъ Евномія, вещи сами по себѣ неизвѣстныя постигаются одна посредствомъ другой? При не-

доумѣніи о сущности Отца, утверждаетъ онъ, искомое дѣлается явнымъ изъ слѣдующаго за Отцемъ дѣйствованія и совершаемаго имъ дѣла. И опять при вопросѣ, что такое есть сущность Единороднаго, Котораго Евномій называетъ то дѣйствованіемъ, то произведеніемъ дѣйствованія (ибо пользуется тѣмъ и другимъ реченіемъ),—по сущности производшаго, говоритъ онъ, не трудно разрѣшить недоумѣніе объ Единородномъ.

30. Желалъ бы я дознать отъ Евномія и слѣдующее: о Божіемъ ли одномъ естествѣ утверждаетъ онъ, что недоумѣніе о дѣйствованіяхъ разрѣшается по дѣйствующей сущности; или касательно всякой вещи, для которой есть нѣкая творящая сила, по сущности творящаго познаетъ онъ естество сотвореннаго? Если такое ученіе преподается объ единой Божіей силѣ: то пусть покажетъ Евномій, какъ недоумѣніе о дѣлахъ Божіихъ разрѣшаетъ онъ естествомъ Совершившаго. Ибо вотъ несомнѣнное Божіе дѣло—небо, земля, море, цѣлый міръ. Пусть же предположительно спрашивается о сущности чего-либо одного изъ исчисленнаго; и пусть воззрѣнію разума предложено будетъ небо. Итакъ, поелику сущность неба сомнительна, по причинѣ разнообразныхъ о немъ мнѣній различно разсуждавшихъ о томъ естествослововъ, какъ представлялось каждому:

то какъ умозрѣніе о Сотворшемъ небо доставить намъ разрѣшеніе недоумѣнія объ искомомъ? Создатель невестественъ, невидимъ, не имѣетъ видимаго образа, не рожденъ, вѣчно пребываетъ, остается недоступнымъ тлѣнію, превращенію, измѣненію и всему, что подобно тому. Посему какъ же приобрѣтшіи такое понятіе о Содѣлавшемъ приведенъ симъ будетъ къ познанію естества неба? Какъ по невидимому уразумѣть видимое, по нетлѣнному — подлежащее тлѣнію, по существу нерожденно—состоявшееся во времени, по пребывающему вѣчно—получившее себѣ бытіе временное, и по всему противоположному составить себѣ представленіе объ искомомъ? Пусть скажетъ сіе съ точностію вникающій въ существа, — пусть скажетъ, какъ несходное по естеству можетъ быть познаваемо одно посредствомъ другаго. Но тѣмъ самымъ, что говоритъ Евномій, если бы умѣлъ онъ оставаться вѣрнымъ собственному слову своему, былъ бы онъ приведенъ къ согласію съ церковнымъ догматомъ. Ибо если естество Сотворшаго показываетъ сотворенное Имъ, какъ онъ говоритъ; а Сынъ, по ихъ же словамъ, есть произведеніе Отца: то, конечно, уразумѣвшій естество Отца позналъ чрезъ Него и естество Единороднаго, если только естество дѣйствовавшаго служило указаніемъ и произведеннаго.

31. Какъ и чрезъ это по самому неравенству Единородный устраняется отъ дѣлъ промысла: то рожденіе да не будетъ предметомъ пытливаго изысканія, и тѣмъ да не обличается съ успіемъ неравенство Единороднаго. Ибо и разности произволеній достаточно къ тому, чтобы обнаружить инаковость естества. По велику первая сущность, по согласному съ нами признанію даже и противниковъ, проста: то необходимо представлять себѣ сопутственное естеству произволеніе. А какъ доброе произволеніе доказывается промысломъ; то имъ же доказывается и благодать естества, у котораго произволеніе; а какъ одинъ Отецъ творитъ благое, Сынъ же не имѣетъ на сіе произволенія (говорю предположительно ради противниковъ): то очевидна будетъ разность въ сущности, свидѣтельствуемая различіемъ произволеній. Если же Отецъ промышляетъ о всемъ, а также промышляетъ и Сынъ; ибо чтó видитъ творящаго Отца, *сія и Сынъ такожде творитъ* (Іоан. 5, 19.); то сіе тожество произволеній, конечно, указываетъ на общность естества въ имѣющихъ одно и тоже произволеніе. Почему же не цѣнится понятіе о промыслѣ, какъ бы ни мало не содѣйствующее къ рѣшенію вопроса, хотя наше слово подтверждаютъ многіе примѣры, встрѣчающіеся въ жизни. — разумѣю же примѣры извѣстнаго всѣмъ? Кто видѣлъ свѣтъ огня, и испыталъ

его теплотворную силу, тотъ, если приблизится къ другому такому свѣту и къ другой такой же теплотѣ, очевидно, приведенъ будетъ къ понятію объ огнѣ. сходствомъ явленій возводимый къ мысли о сродствѣ естества, производнаго сія явленія; ибо. что не огонь, то не производитъ всего свойственнаго огню. Такъ если усматриваемъ въ Отцѣ и въ Сынѣ подобнымъ и равнымъ одинъ и тотъ же законъ промысла: то по достигнуему до нашего вѣдѣнія гадаемъ и о превышающемъ наше разумѣніе, что не ипородно по естеству познанное по равнымъ и сходнымъ произведеніямъ. Ибо въ какомъ взаимномъ отношеніи состоятъ внѣшніе признаки каждой вещи: такъ по необходимости относятся между собою и самыя сія подлежащія. И если внѣшніе признаки противоположны между собою: то противоположными, конечно, надлежитъ признать и вещи, по симъ признакамъ открывающіяся. И если признаки одинаковы, то не противоположны и вещи. И Господь въ притчѣ говорить, что плоды суть знаки естества деревъ, такъ что плоды разнятся не вопреки естеству деревъ, и дурнымъ деревьямъ не приличны плоды хорошіе, и на оборотъ хорошимъ деревьямъ дурные плоды; по плодамъ, сказано, познаются деревья (Матѳ. 7, 20.). Такъ поелику и плодъ промысла не имѣетъ никакой разности; то одно усматриваемъ естество, возрас-

тившее сіи плоды, хотя плодъ спадаетъ съ разныхъ деревъ. Посему въ слѣдствіе извѣстнаго нашему разумѣнію (извѣстно же намъ разумное начало промысла, одинаково усматриваемое и въ Отцѣ и въ Сынѣ), несомнѣнными дѣлаются и сходство по естеству и общность Единороднаго съ Отцемъ, познаваемыя по тожеству плодовъ промысла.

32. Но чтобы не подумалъ сего; Евномій, какъ бы вынуждаемый какою необходимостію, говорить, что оставляетъ разсужденія о дѣлахъ промысла, а обращается къ образу рожденія; «потому что, говорить онъ, образу рожденія послѣдуетъ и образъ подобія». Какая убѣдительность доводовъ! Какъ сильно это обиліе Евноміева искусства въ словѣ заставляетъ насъ согласиться съ сказаннымъ! образу рожденія, говоритъ Евномій, послѣдуетъ и образъ подобія. Сколько искусства и осмотрительности въ этомъ положеніи! Посему, если познанъ будетъ образъ рожденія, вмѣстѣ съ этимъ откроется и образъ подобія. Посему, такъ какъ у всѣхъ, или у большей части животныхъ, раждающихся плотски, образъ рожденія одинъ и тотъ же; образу же рожденія, по ученію евноміанъ, послѣдуетъ образъ подобія: то всѣ раждаемые однимъ и тѣмъ же образомъ, конечно, будутъ въ подобномъ отношеніи къ рожденнымъ подобно. Итакъ, если образъ рожденія, какъ говоритъ еретическое

слово, себѣ уподобляетъ раждаемое; а сей образъ при многоразличныхъ разностяхъ животныхъ ничѣмъ у нихъ не разнится, но у большей части одинъ и тотъ же: то окажется, что общее, безъ всякаго ограниченія сдѣланное, положеніе, по причинѣ подобнаго рожденія, подобными другъ другу представляеть всѣхъ, —человѣка, пса, верблюда, мышь, слона, барса, и всѣхъ другихъ животныхъ, которыя обыкновенно раждаются подобнымъ образомъ. Или Евномій подобными другъ другу называетъ не всѣхъ раждаемыхъ сходно, но разумѣеть подобіе каждаго раждаемаго съ тѣмъ однимъ, отъ кого раждается? Но если это хотѣлъ онъ выразить; то долженъ былъ подобнымъ назвать раждаемое раждающему, а не образъ подобія—образу рожденія. Но хотя это справедливо, и усматривается въ природѣ, а именно, что раждаемое однородно съ раждающимъ,—однакоже не принимается такъ безусловно, чтобы нечего было обратить въ возраженіе положенію. Ибо если скажетъ, что раждаемое подобно раждающему; то напраснымъ и несостоятельнымъ обличится все, что съ такою тщательностію сочинено Евноміемъ о неподобіи сущностей.

Теперь же говоритъ онъ, что образу рожденія послѣдуетъ образъ подобія. А это для умѣющихъ съ точностію разбирать основаніе мысли не окажется ли совершенно невразум-

нительнымъ? Ибо услышавшій выраженіе: образъ рожденія, придетъ въ великое затрудненіе, что должно разумѣть ему. О наружномъ ли видѣ раждающаго, говоритъ Евномій? Или о направленіи, или о расположеніи, или о мѣстѣ, или о времени? Или о томъ, что зародышъ зачатіемъ приводится въ усовершеніе? Или упоминается о самыхъ мѣстахъ зарожденія? Или говоритъ не объ этомъ, а о чемъ-то иномъ, касающемся до рожденія? И какъ дознаемъ значеніе сказаннаго? Ибо неточность и неясность реченія: образъ, приводитъ насъ къ сомнѣнію въ означаемомъ, потому что всѣ значенія равно приходятъ на мысль, и каждое въ равной мѣрѣ не имѣетъ связи съ подлежащимъ. А также, что называетъ образомъ подобія, представляемъ себѣ чуждымъ всякаго смысла, имѣя въ виду примѣры извѣстные всякому изъ обычая. Ибо не виду или образу рожденія уиодобляется раждаемое; порожденіе, въ рожденіи плотскомъ, есть отдѣленіе тѣла, изводящее наружу образованіемъ въ утробѣ доведенное до совершенства живое существо; а раждаемое есть или человекъ, или конь, или волъ, или, что бы то ни было, приведенное въ бытіе рожденіемъ. Какъ же по этому образъ подобія раждаемаго послѣдуетъ образу рожденія, пусть скажетъ сіе самъ Евномій, или если кто другой научился у него повивальному искусству. Ибо иное есть порожденіе, и иное

происходящее отъ порожденія, и понятія того и другаго разны. А посему, что сказанное Евноміемъ и въ разсужденіи раждаемыхъ по плоти ложно, не будетъ этому противорѣчить никто изъ имѣющихъ умъ.

Если же сдѣлать и приготовить вещь Евномій называетъ образомъ ея рожденія, которому, по словамъ его, слѣдуетъ образъ подобія раждаемаго; то и въ такомъ случаѣ слово его далеко отъ справедливости. Посмотримъ же на это въ слѣдующихъ примѣрахъ. Подъ ударами преобразуется желѣзо, отъ обдѣлывающаго принимая видъ чего либо полезнаго для жизни. Итакъ, если взять рѣзецъ, то въ чемъ его наружный видъ уподобляется рукѣ ремесленника, или образу приготовленія, напримѣръ молотамъ, углямъ, мѣхамъ, наковальнѣ, съ помощію которыхъ обдѣлывающій привелъ его въ данный видъ,—этого никто не въ состояніи сказать. Но сказанное въ разсужденіи одного примѣра имѣетъ приложение ко всему, что выдѣлывается посредствомъ какаго либо производства,—именно же, произведенное нимало не уподобляется образу произведенія. Ибо что общаго у склада одежды съ верстеномъ, или прялкой, или челнокомъ, или вообще съ образомъ приготовленія ткани? или у скамьи—съ обдѣлкой дерева, или у другаго какаго произведенія—съ наружнымъ видомъ работъ авшаго? Но, что положеніе это не имѣетъ силы

въ чувственномъ и тѣлесномъ, согласятся, думаю, и сами противники.

Остается посмотреть, не прилагается ли чего этимъ къ составу хулы. Посему что же требовалось узнать? Какъ должно исповѣдывать о Сынѣ, подобенъ, или не подобенъ Онъ по сущности Отцу? Поелику, говорить Евномій, не возможно дознать сего изъ понятій о промыслѣ; то обратился онъ къ образу рожденія, чтобы изъ сего познать не то, что рожденный подобенъ родившему, но что есть у него нѣкоторый образъ подобія. И какъ многимъ сіе недовѣдомо, то Евномій вдается въ толкованія о родшей сущности. Посему забываетъ уже о собственныхъ своихъ опредѣленіяхъ, въ которыхъ говорить, что сущности должны быть познаваемы изъ дѣлъ? И тогда какъ о рожденной сущности, которую именуетъ онъ дѣломъ сущности высшей, не открыто еще, что она такое по естеству, почему онъ, миновавъ, по собственнымъ словамъ его, низшее и потому доступнѣйшее понятію ищущихъ, беретъ за сущность, въ самомъ собственномъ смыслѣ такъ называемую и высочайшую? И доказывая въ словѣ своемъ, что въ точности знаетъ божественныя изреченія, теперь и имъ мало оказываетъ уваженія, какъ бы не зная, что не иначе возможно придти въ познаніе Отца, какъ только приблизившись къ оному чрезъ Сына. Ибо сказано: *ни Отца*

кто знаетъ, токло Сынъ, и енуже аще волигъ Сынъ открыти (Матѣ. 11, 27.). Напротивъ того Евномій, когда намѣревается осмѣять благочестивыя и богомѣльныя понятія объ Единородномъ, безъ всякихъ доказательствъ утверждаетъ, что Онъ меньше; а въ примышленномъ имъ ученіи о вѣдѣніи божественнаго, самъ того не примѣчая, доказываетъ, что больше; какъ скоро сущность Отца, признавъ болѣе доступною къ уразумѣнію, посредствомъ ея покушается выслѣдить и познать естество Сына.

33. Онъ восходитъ къ сущности родившей и чрезъ нее разсматриваетъ рожденную; потому что, какъ говоритъ, естественнымъ достоинствомъ родившаго показуется образъ рожленія. И это положеніе, бросивъ опять просто и неопредѣленно, мысль вопрошающаго ведетъ къ тому, чтобы равно распространили оное на все. Ибо таково свойство всеобщихъ опредѣленій, что смыслъ ихъ долженъ относиться ко всему и ничто не исключается изъ подъ всеобъемлющаго приговора. Итакъ, если образъ рожденія непременно дѣлается извѣстнымъ по естественному достоинству раждающаго; многочисленны же раждающихъ разности по достоинствамъ, и притомъ понимаемымъ въ многихъ смыслахъ (ибо раждается іудей, елинь, варваръ, скнеъ, рабъ, свободный); то что же симъ доказывается? То, что

сколько въ раждающихъ разности по естественнымъ достоинствамъ, столько, по всей вѣроятности, окажется и образовъ рожденія, такъ что не однимъ и тѣмъ же образомъ для всѣхъ совершается рожденіе, но съ достоинствами раждающихъ измѣняются и естества, и для каждаго изъ раждающихся, по разности достоинствъ, долженъ быть изобрѣтаемъ особый нѣкій образъ рожденія. Ибо во всякомъ отдѣльно взятомъ существѣ непремѣнно усматриваются нѣкія сродныя ему достоинства, но разнящіяся одно отъ другаго степенью совершенства, или несовершенства; такъ что у каждаго найдутся родъ, чинъ, вѣра, отечество, властвованіе, рабство, богатство, бѣдность, свобода, подчиненность, все, что производитъ житейскія разности въ достоинствахъ. Посему если естественнымъ достоинствомъ раждающаго, какъ говоритъ Евномій, указывается образъ рожденія; а разностей по достоинствамъ много: то, конечно, по мнѣнію сего учителя, найдется много и образовъ рожденія, такъ какъ разность въ достоинствахъ узаконяетъ естеству порожденіе.

Если же не приметъ Евномій, что таковыя достоинства суть естественныя, какъ усматриваемыя въ естества; то и мы не противорѣчимъ. Хотя, конечно, согласиться должно съ тѣмъ, что жизнь человѣческая, безъ сомнѣнія, отличается отъ безсловесной жизни естествен-

нымъ нѣкимъ достоинствомъ, однакоже образъ порожденія отъ разности по естественному достоинству не имѣеть никакого различія; потому что естество и словесныхъ и безсловесныхъ однообразно вводитъ въ жизнь рожденіемъ. Если же Евномій сродное достоинство понимаетъ объ оной только одной, какъ онъ именуеть, собственно такъ называемой и высочайшей сущности; то посмотримъ, что разумѣя, говоритъ онъ это. Ибо, по нашему разсужденію, сродное Богу достоинство — самая божественность, премудрость, сила, также то, чтобъ быть благимъ, судію, справедливымъ, крѣпкимъ, долготерпѣливымъ, истиннымъ, творцемъ, владыкою, невидимымъ, нескончаемымъ, и если еще что въ богодухновенномъ Писаніи изречено въ Его славословіе; и все сіе въ собственномъ смыслѣ принадлежащимъ и сроднымъ усматривается и Единородному Сыну, какъ утверждаемъ мы, признавая разность въ одномъ только понятіи о безначальности. Но и это понятіе не во всякомъ его значеніи признаемъ непринадлежащимъ Единородному. Никто да не преслѣдуетъ слова сего клеветою, будто намѣреваемся доказывать, что истинный Сынъ не рожденъ! Ибо утверждаемъ, что говорящіе подобное сему нечествуютъ ничѣмъ не меньше учащихъ о неподобіи. Но поелику слово: начало, много имѣеть значеній и ко многому при-

лагается мысленно: то утверждаемъ, что въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ наименованіе безначальнымъ не неприлично и Единородному Сыну. Ибо когда подъ словомъ *безначальный* разумѣется — имѣть вѣстась не отъ какой либо причины, тогда признаемъ оное свойственнымъ только Отцу. Но когда идетъ изслѣдованіе о прочемъ, что означается словомъ: *начало*, — поелику разумѣется начало и творенія, и времени, и порядка: то въ этихъ случаяхъ свидѣтельствуемъ и объ Единородномъ, что Онъ выше начала, такъ какъ вѣруемъ, что выше всякаго начала твари и понятія о времени и послѣдовательности порядка. То, чѣмъ все приведено въ бытіе. А посему не безначальный въ разсужденіи вѣстаси, во всемъ прочемъ исповѣдуется имѣющимъ безначальность; и потому, какъ Отецъ и безначаленъ и нерожденъ, такъ Сынъ, хотя безначаленъ въ сказанномъ смыслѣ, однакоже не нерожденъ.

Итакъ, какое сродное достоинство Отца имѣя въ виду, по оному заключаетъ Евномій объ образѣ рожденія? Конечно, скажетъ: нерожденность. Итакъ, если всѣ прочія имена, какія изучили мы для славословія Бога всяческихъ, назовемъ для тебя не служащими къ дѣлу и ничего не значущими; то чѣмъ-то излишнимъ и ненужнымъ будетъ перечисленіе таковыхъ реченій, предлагаемое въ пустомъ

спискѣ, какъ скоро ни одно изъ прочихъ названій не даетъ понятія объ естественномъ достоинствѣ сущаго надъ всѣми. Если же съ каждымъ изъ сказанныхъ реченій познается особая иѣкая и приличная представленію о Богѣ мысль; то, очевидно, по числу наименованій усматривается и число сродныхъ Божіихъ достоинствъ, и ими доказывается подобіе сущностей, если только сродныя сущностямъ достоинства служатъ къ познанію подлежащихъ. Поелику же въ каждомъ изъ нихъ достоинства видны тѣже, то одними и тѣми же достоинствами подлежащихъ ясно показывается тожество ихъ по сущности. Ибо если различіе въ одномъ имени почитается достаточнымъ къ тому, чтобы показать разнородность сущности; то не гораздо ли паче тожество тысячи именъ—будетъ сильно къ показанію общности естества? Какая же это причина, по которой прочія имена оставляются безъ вниманія, и однимъ только указывается рожденіе? И почему учать объ единственномъ сродномъ достоинствѣ, о нерожденности Отца, не касаясь прочихъ достоинствъ? Чтобы противопоставленіемъ нерожденнаго рожденному извратить понятіе объ образѣ не подобія, что самое, въ приличное тому время будучи разсмотрѣно, равно сказанному прежде сего, окажется слабымъ, несостоятельнымъ и ничего не значущимъ.

34. А что къ этому клонятся всѣ приготовленія, показывають представляемое Евноміемъ, гдѣ хвалитъ самъ себя, какъ бы по надлежащему воспользовавшійся тѣмъ путемъ къ уготовленію хулы, не вдругъ обнаружившій предначертаніе ученія и не предлагавшій нечестія не пріобученному еще слуху до приведенія жи въ связное устройство: и не въ началѣ своихъ словъ изъываетъ нерожденность сущностію, и провозгласилъ инаковость сущности. Говоритъ же буквально такъ: «или, какъ узаконяетъ Василій, должно было начать тѣмъ самымъ, о чемъ идетъ вопросъ, безсвязно называя нерожденность сущностію, и провозгласившая инаковость, или тожество сущности?» И вставивъ въ средину множество насмѣшекъ, ругательствъ и оскорбительныхъ выраженій (такъ этотъ мудрецъ умѣетъ подвизаться за собственные свои догматы), — снова возвращается къ прежней рѣчи, и продолжая ее къ противнику, и на него слагая вину произносимаго, говоритъ слѣдующее: «поелику въ сихъ погрѣшностяхъ прежде другихъ виновны вы, одну и ту же сущность отдавшіе въ удѣлъ и родшему и рожденному; то посемъ, изготовили себѣ за это укоризну, какъ бы неизбѣжную какую сѣть, по произнесеніи вами справедливаго суда, надъ вами же самими: ибо точно собственнымъ своимъ подлежите укоризнамъ, признавая, что сущности сіи безна-

чально одна отъ другой отдѣлены, одну же изъ нихъ чрезъ рожденіе вводя въ чинъ Сына, и о безначально сущемъ усиливаясь доказать, что Онъ рожденъ отъ Суцаго, ибо кого представляете нерожденнымъ, Тому присвоите рожденіе отъ другаго; или исповѣдуя, что единая и единственная сущность безначальна, потомъ рожденіемъ заключая ее въ Отца и въ Сынѣ, утверждаете, что нерожденная сущность рождена сама отъ себя».

Посему написанное Евноміемъ прежде прочитаннаго теперъ преиду молчаніемъ, какъ отличающееся чистымъ безстыдствомъ предъ нашимъ учителемъ и отцемъ, и нимало не служащее къ предположенной цѣли. Но поелику въ сказанномъ, съ двухъ сторонъ закаливъ сіи обоюду острыя обличенія, ужасно нападаетъ на насъ примышленіемъ дилеммы; то необходимо и намъ, не въ молчаніи принять нападеніе на догматъ, но, сколько есть у насъ силъ, поборотся словомъ и доказать, что этотъ страшный и обоюду острый мечъ, который изострилъ онъ на истину, слабѣе видимаго на картинѣ.

Въ двоякомъ образѣ представленія осуждаетъ онъ общность сущности, и говоритъ, что или два нерожденные начала, противопоставленные одно другому, называемъ одно Отцемъ, другое Сыномъ, утверждая, что сущій рожденъ сущимъ, или одну и ту же сущность

умопредставляемъ приемлющею на себя отчасти каждое изъ наименованій, такъ что сущность бываетъ и Отцемъ и Сыномъ, происходя сама отъ себя посредствомъ рожденія. Пишу это своими словами, не перетолковывая мысль Евномія, но исправляя напыщенность и сбивчивость въ выраженіи, чтобы, по раскрытіи мысли въ ясныхъ словахъ, намѣреніе его сдѣлалось для всѣхъ очевиднымъ. Ибо онъ бранитъ наше невѣжество, и отзывается о насъ, что безъ достаточнаго приготовленія приступили къ слову, и такъ прикрашиваетъ рѣчь свою блистательностью выраженій, до того ногтемъ выглаживаетъ, какъ самъ выражается, реченія, изукрашая свое писаніе этимъ излишнимъ красноглаголаніемъ, что тотчасъ увлекаетъ слушателя пріятностью рѣчи, каково, кромѣ многаго другаго, и прочитанное нами нынѣ, что, если угодно, прочту снова: «посему изготовили вы себѣ за это укоризну, какъ неизбежную нѣкую сѣть, по произнесеніи вами справедливаго суда надъ вами же самими».

Посмотри на эти цвѣты древней Аттики! Какъ блестятъ словосочиненіемъ эта гладкая и вымощенная рѣчь! Какъ изящно и разнообразно цвѣтетъ красотою слова! Но это пусть остается для каждаго, какимъ ему кажется. А наше вниманіе пусть обратится снова къ смыслу сказаннаго, и, если угодно, начнемъ соб-

ственными словами писателя: «ибо точно признавая, что сущности сіи безначально одна отъ другой отдѣлены, одну же изъ нихъ чрезъ рожденіе вводя въ чинъ Сына, и о безначально Сущемъ усиливаясь доказать, что Онъ рожденъ отъ сущаго».... Довольно этого. Евномій говоритъ, что признаемъ двѣ нерожденные сущности. Какъ же утверждаетъ сіе жалующійся на насъ, что все смѣшиваемъ и сливаемъ, потому что исповѣдуемъ одну сущность? Если бы и наше ученіе, наравнѣ съ учащими о неподобіи, признавало два естества, по бытію одно другому чуждыя, то справедливо было бы признать, что раздѣленіе естества на два подаетъ мысль о какихъ-то двоихъ нерожденныхъ. Если же исповѣдуемъ единое естество въ разныхъ упостасяхъ, и въ Отца вѣруемъ, и Сына прославляемъ: то почему противники клеветуютъ, будто бы таковой догматъ признаетъ два начала? Потомъ изъ двухъ таковыхъ началъ одно, говоритъ Евномій, возводится нами въ чинъ Сына. Пусть укажетъ, кто начальникъ сего ученія, и мы умолкнемъ, если обличить какое нибудь лице, что было сказано имъ это, если даже знаетъ, что слово сіе просто повторяется въ церкви. Ибо кто же столько безразсуденъ и малосмысленъ, чтобы именовать Отца и Сына и опять признавать двоихъ нерожденныхъ, и въ то же время почитать одного рожденнымъ отъ дру-

гаго? Да и какая необходимость вынуждает наше учение къ такимъ предположеніямъ? И какія представлены имъ доказательства, что необходимо было возникнуть этой несообразности? Ибо если бы представилъ онъ нѣчто исповѣдуемое нами, потомъ изъ этого, или посредствомъ софизмовъ, или какую либо силою доводовъ, вывелъ подобную клевету; то, можетъ быть, имѣлъ бы право въ оужденіе догмата представить что либо подобное. Если же нѣтъ, и быть не можетъ, въ церкви такого ученія, никто не обличенъ разглашавшимъ оное, никто не указанъ слышавшимъ, и не открывается никакой необходимости, въ слѣдствіе чего либо вынуждающей такую несообразность; то не вижу, чѣмъ нравится Евномію эта борьба съ тѣвнью. Какъ если бы кто, сумасбродствуя въ помѣшательствѣ ума, представилъ себѣ, что сражается съ кѣмъ-то, тогда какъ никто не вступалъ съ нимъ въ сраженіе, и потомъ самъ себѣ усердно нанося удары, воображалъ, что бьетъ сражающагося съ нимъ. Подобное нѣчто потерпѣлъ и этотъ мудрый писатель, измышляя и приписывая намъ такія мнѣнія, какихъ мы не знаемъ, и сражаясь съ тѣвнями, которыя составилъ въ собственныхъ своихъ помыслахъ.

Ибо пусть скажетъ, какая нужда исповѣдующему, что Сынъ рожденъ отъ Отца, вдаваться въ предположеніе о двоихъ нерожденныхъ?

Кому свойственнѣе признавать двоихъ нерожденныхъ, тому ли, кто доказываетъ, что Сынъ лжеименно называется такъ, или тому, кто утверждаетъ, что наименованіе Сыномъ есть самое истинное. Кто не принялъ истиннаго рожденія Сына, вообще же исповѣдуетъ бытіе Его, о томъ справедливѣе подозрѣвать, что нерожденнымъ называетъ, хотя существующаго, но имѣющаго бытіе не чрезъ рожденіе. А кто отличительнымъ признакомъ унистаси Единороднаго полагаетъ то самое, что Онъ рожденіемъ исходитъ отъ Отца, тотъ чѣмъ будетъ побужденъ признавать Его нерожденнымъ? Хотя по вашему ученію, мудрецы, пока въ силѣ положеніе, что Сынъ не рожденъ отъ Отца въ одномъ нѣкоемъ значеніи слова: нерожденный, и Онъ будетъ именоваться въ собственномъ смыслѣ нерожденнымъ. Поелику иное приходитъ въ бытіе, какъ раждаемое, а иное, какъ устрояемое искусствомъ, то о происшедшемъ не посредствомъ рожденія ничто не препятствуетъ сказать, что произошло нерожденно, относительно только къ значенію слова: рожденіе. Но къ этому ведетъ ваше ученіе о Господѣ, признающее Его тварію. Итакъ по вашему, премудрые, въ слѣдствіе такого положенія, а не по нашему догмату, Единородный будетъ именоваться нерожденнымъ; и окажется, что осужденіе, какъ ты и называешь сіе осужденіемъ, произносится у

васть надъ нами въ слѣдствіе вашихъ положеній.

Ибо время уже тиною тамошнихъ рѣчей оплевать мерзость этого ученія. И другая часть изложеннаго Евноміемъ въ дилеммѣ одержима равнымъ тупоуміемъ. «Исповѣдуя, говоритъ Евномій, что единая и единственная сущность безначальна, и потомъ рождсіемъ заключая ее въ Отцѣ и въ Сынѣ, утверждаете, что нерожденная сущность рождена сама отъ себя». Что это опять за новая и за странная рѣчь? Какъ кто-то самъ отъ себя рождается, себя самаго имѣя Отцемъ, и опять самъ себѣ будучи Сыномъ? Какое головокруженіе? Какое помѣшательство ума? Развѣ поцолокъ повернулся у нихъ внизъ, и полъ сталъ надъ головою? Что представляютъ себѣ, у кого голова отяжелѣла отъ упоенія, кричатъ, всякаго увѣряють, что и земля нетверда у нихъ подъ ногами, и стѣны бѣгутъ, и все идетъ кругомъ, и ничто видимое не стоитъ на мѣстѣ: въ такомъ же круженіи имѣя душу, написалъ сіе, можетъ быть, и этотъ сочинитель, и надлежитъ паче жалѣть о написанномъ имъ, нежели гнушаться этимъ. Ибо кто столько нѣсвѣдушь въ божественныхъ догматахъ, кто столько далекъ отъ таинствъ церкви, чтобы вопреки вѣрѣ допустить такую мысль? Лучше же сказать, и мало, можетъ быть, будетъ выразиться такимъ образомъ, что никто вопреки вѣрѣ не

помыслить сей несообразности, но и о чело-
вѣческомъ естествѣ, или о чемъ либо иномъ,
постигаемомъ чувствами, кто, какъ скоро услы-
шитъ объ общности сущности, или признаетъ
безначальнымъ все, что въ отношеніи къ
сущности одно съ другимъ сходится, или ска-
жетъ, что оно само собою приходитъ въ бы-
тіе, само себя раждаетъ, и само отъ себя
раждается?

Первый челоѣкъ и происшедшій отъ него
получили бытіе, каждый различно,—одинъ отъ
сочетавшихся родителей, другой отъ создав-
шаго Христа,—и по отношенію къ сущности
двоими признаемъ ихъ, и не дѣлимъ другъ
отъ друга; и не говоримъ, что двѣ безначаль-
ныя сущности вводятся одна другой противо-
положно, и два челоѣка не были никогда
представляемы однимъ, не употреблялось та-
кихъ странныхъ выраженій, будто бы они
признаются отцемъ себѣ и опять сыномъ сво-
имъ. Ибо и тотъ и другой—челоѣкъ, поня-
тіе сущности общее для обоихъ. Каждый изъ
нихъ смертенъ, одинаково разуменъ, равно
способенъ владѣть мыслию и знаніемъ. Посему,
если понятіе челоѣчества въ разсужденіи
Адама и Авея отъ различія въ рожденіи не
различается, такъ какъ ни порядокъ, ни об-
разъ осуществленія не производятъ никакаго
различія въ естествѣ, но по общему согласію
людей здравомысленныхъ признается оно оди-

наковымъ, и никто не станетъ этому противорѣчить, если только не вовсе лишень ума: то какая необходимость построивать такое странное понятіе о божественномъ ествѣ? Отъ самой истины слыша имена: Отець и Сынъ, научены мы въ двухъ сихъ лицахъ единству естества, сими именованіями естественно означемаго по взаимному ихъ отношенію одного къ другому, и опять по тому же слову Господа. Ибо изрекшій: *Азъ и Отець едино есма* (Юан. 10, 30.) не иное чтò выражаетъ исповѣданіемъ Отца, какъ Свою небезначальность, а единствомъ со Отцемъ — какъ общность естества. А по сему, думаю, сказаннымъ ученіе вѣры соблюдаетъ себя чистымъ отъ соvrращения въ ту и другую ересь: ни Савеллій не имѣеть права тождество вностаей доводить до сліянія, потому что Единородный самъ явно отличаетъ себя отъ Отца, говоря: *Азъ и Отець*; ни Арій не въ силахъ доказать, что естество чуждо, такъ какъ единство не допускаетъ раздѣленія по еству. Ибо въ изреченіи семъ въ разсужденіи Отца и Сына не иное чтò означается единствомъ, какъ единство по самой сущности. О всѣхъ же прочихъ благахъ, какія усматриваются въ ествѣ, если кто скажетъ, что общи они всѣмъ даже приведеннымъ въ бытіе посредствомъ сотворенія, то онъ не погрѣшитъ. Напримѣръ *щедрымъ и милостивымъ* (Псал. 102, 8.) назы-

вается Господь у пророка. Угодно же еще Господу, чтобы этимъ и были и именовались мы: *будите убо милосерди* (Лук. 6, 36.), и: *блажени милостиви* (Матѳ. 5, 7.),—есть и другія подобныя мѣста. Посему, если кто, внимательностію и тщательностію сообразовавъ себя волѣ Божіей, сталъ благъ, щедръ, милостивъ, или кротокъ и смиренъ сердцемъ, какъ о многихъ святыхъ засвидѣтельствовано, что они достигли сихъ преимуществъ: то ужели поэтому онъ едино съ Богомъ, или соединенъ съ Нимъ которымъ либо изъ сихъ качествъ? Нѣтъ. Не по всему тожественное не можетъ быть едино съ различнымъ по естеству. Посему челоуѣкъ съ челоуѣкомъ дѣлается едино, когда произволеніемъ, какъ сказалъ Господь, бываютъ *совершени во едино* (Іоан. 17. 23.), между тѣмъ какъ единству по произволенію предшествуетъ естественный союзъ. И Отецъ и Сынъ *едино* суть (Іоан. 17, 22.); потому что общеніе и по естеству и по произволенію сходятся во едино. А если бы, будучи соединенъ одною волею, Сынъ былъ отдѣленъ по естеству, то какъ засвидѣтельствовалъ би объ единствѣ Своемъ со Отцемъ, когда раздѣленъ съ Нимъ въ самомъ собственномъ смыслѣ сего слова?

35. Итакъ слыша: *Азъ и Отецъ едино есма*, изреченіемъ сихъ словъ научены мы и исхожденію Господа отъ Виновника и безразличію

Отца и Сына по естеству; понятія о Нихъ не сливаемъ въ одну вѣпостась, но какъ свойство вѣпостасей сохраниемъ раздѣльнымъ. такъ единства сущности не раздѣляемъ съ Лицами, чтобы подъ словомъ: начало, не сталъ кто разумѣть двоихъ разнородныхъ, и чрезъ это не открылъ входа ученію манихеевъ. Ибо созданное и несозданное по значенію одно другому рѣшительно противоположно. Посему если два лица возведены будутъ въ начала; то непримѣтно у насъ въ церковь Божию внесеть ядъ свой манихейство. Говорю же сіе, по ревности съ большимъ вниманіемъ изслѣдывая ученіе протівниковъ. И никто, можетъ быть, не возразитъ, что этотъ взглядъ не близко направленъ. къ чему слѣдовало; потому что если созданное существо сильно наравнѣ съ Несозданнымъ, инородное нѣкоторымъ образомъ воспротивится тому, что по естеству съ нимъ не одинаково. И пока ни въ которомъ изъ нихъ не оскудѣетъ сила, оба въ несогласномъ какомъ-то состояніи будутъ противиться другъ другу. Ибо по всей необходимости должно признать, что они согласны между собою, что произволеніе согласно съ естествомъ, и что, если не имѣютъ подобія по естеству, то не подобны и воли. А какъ силы достаточно у того и другаго, то ни одно не будетъ немощно къ исполненію собственной своей воли. И если каждое столько и воз-

можетъ, сколько хочетъ, то быть началомъ для каждаго сдѣляется предметомъ спора, при недостаткѣ силы переходящимъ къ противнику. И такимъ образомъ вторгается ученіе манихеевъ, между тѣмъ какъ подъ именемъ начала появятся нѣкія два противоположныя одно другому существа, различіемъ естества и произволенія раздѣленные до противоположности. И у нихъ (и) доказательство меньшинства дѣляется началомъ манихейскихъ учений: ибо несогласность сущности, какъ показало слово, приводитъ ученіе къ двумъ началамъ, раздѣленнымъ на созданное и несозданное.

Но многіе, можетъ быть, станутъ жаловаться, что доказательство нелѣпности изложено здѣсь вынужденно, и изъявятъ желаніе, чтобы вовсе не было это и писано наряду съ прочимъ. Пусть будетъ такъ; и мы сему не противорѣчимъ. Ибо, не по собственному желанію, но противниками доведены мы до того, что въ слѣдъ за ними попустили слову вринуться въ это розысканіе. Если же не надлежало говорить сего, то гораздо прежде надобно было умолкнуть слову противниковъ, служащему поводомъ къ такому опроверженію. Ибо возражающему невозможно иначе удержаться отъ худыхъ рѣчей, какъ по уничтоженіи того,

(и) Евноміанъ.

что требуетъ возраженія. По крайней мѣрѣ съ охотою посовѣтовалъ бы я имѣющимъ такия расположенія, держаться сколько нибудь подалѣе отъ любви къ спорамъ, и не слишкомъ горячо защищать свои предположенія, которыми они уже предзаняты, и не повсюду домогаться того, чтобы имѣть преимущество предъ противниками, но, такъ какъ дѣло идетъ о душѣ, прилѣпляться только къ тому, что полезно, и побѣду уступать истинѣ. Посему, если кто, оставивъ любовь къ спорамъ, разсмотритъ Евноміево слово, каково оно само по себѣ; то ему не трудно будетъ найти открывающуюся въ ученіи несообразность.

Ибо предположимъ, что уступлено сіе нами, то есть, по ученію противниковъ, нерожденность есть сущность, и опять также рожденіе принимается за сущность. Посему, если кто съ точностію будетъ слѣдить мыслію за тѣмъ, что говорится; то симъ путемъ возобновится у нихъ манихейское ученіе, если только манихеямъ нравится учить противоположности зла добру, свѣта тмѣ, и всего подобнаго противному по естеству. И что говорю это справедливо, согласится въ этомъ, думаю, кто не безъ вниманія пробѣжитъ сочиненіе. Такъ и будемъ разсматривать. Въ каждомъ предметѣ усматриваются, безъ сомнѣнія, нѣкіе сродные ему признаки, по которымъ познается особенность естества въ предметѣ, будетъ ли под-

лежать изслѣдованію ученіе о разности животныхъ, или о всемъ иномъ. Ибо не одними и тѣми же свойствами отличается дерево и животное, и у человѣка не общи съ животными признаки, отличающіе его отъ естества безсловеснаго. И опять не одно и тоже показываетъ и жизнь и смерть; но однимъ словомъ, во всемъ, какъ сказано, есть нѣкое несмѣниваемое и несообщимое различіе предметовъ, нимаю не сливаемое въ видимыхъ признакахъ по какой либо общности. Посему, согласно съ этою послѣдовательностію въ мысляхъ, пусть будетъ изслѣдовано ученіе противниковъ. Нерожденность, говорятъ они, есть сущность: и рожденіе возводятъ также въ сущность. Но какъ у человѣка и у камня инаковы, а не одни и тѣже, отличительные признаки; ибо опредѣляя, что такое одушевленное и неодушевленное, не припишешь тому и другому одного и того же понятія: такъ, конечно, евноміане согласятся, что по инымъ признакамъ познаваемо нерожденное, и по инымъ рожденное. Итакъ рассмотримъ тѣ отличительныя свойства нерожденнаго Бога, какія благочестиво о Немъ изрекать и мыслию представлять научены мы святымъ Писаніемъ.

Итакъ какія же это свойства? Ни одинъ, думаю, христіанинъ не не знаетъ что, Богъ благъ, что Онъ добръ, что Онъ святъ, пра-

веденъ, преподобенъ, невидимъ, безсмертенъ, недоступенъ тлѣннѣю, превратности и измѣненнѣю, могушь, премудръ, благодѣтель, Господь, Судя и все тому подобное. Ибо должно ли продолжать слово, останавливаясь на исповѣдуемомъ всѣми? Посему, если представляемъ себѣ это въ естествѣ нерожденномъ, а быть рожденнымъ, по понятнѣю, противоположно тому, чтобы быть нерожденнымъ; то опредѣляющимъ, что нерожденность и рожденность есть сущность, необходимо согласиться относительно къ противоположности рожденнаго и нерожденнаго, что отличительные признаки рожденной сущности противоположны усматриваемому въ естествѣ нерожденномъ. Ибо, если скажутъ, что признаки сн одни и тѣже, то по тожеству усматриваемаго не состоится инаковость естества въ подлежащемъ; ибо въ инаковыхъ, безъ сомнѣннѣю, надобно и отличительные признаки полагать инаковыми; а то, что относительно къ сущности одинаково, очевидно, отличается одними и тѣми же признаками. .Посему, если тоже приписываютъ и Единородному, то, какъ сказано, не представляютъ себѣ никакой рѣзности относительно сущности. Если же останутся при хульныхъ своихъ реченнѣяхъ, и будутъ доказывать различнѣю естества рѣзностнѣю рожденнаго и нерожденнаго, то, конечно, весьма удобно увидѣть открывающееся въ слѣдствнѣю сего, а именно:

послику по противоположности именъ признаются состоящими въ противоположности и естества означаемыхъ именами; то по всей необходимости и усматриваемому въ каждомъ естествѣ должно различаться до противоположности; такъ что Единородному будетъ приличествовать противоположное сказуемому объ Отцѣ,—Его Божественности, святости, благодати, нетлѣннiю, вѣчности, и если что иное, по благочестивымъ понятiямъ, представляется намъ о сущемъ надъ всѣми Богѣ. Посему все не приличное и противоположное каждому признаку, признаваемому въ наилучшемъ, должно будетъ почитать свойственнымъ рожденной сущности.

Но для объясненiя должно остановиться на семъ мѣстѣ. Какъ въ теплѣ и холодѣ, противоположныхъ по своей природѣ (пусть въ словѣ представлены будутъ огонь и ледъ), каждое изъ нихъ есть именно то, чѣмъ не есть другое, и представляющiяся въ каждомъ изъ нихъ свойства, безъ сомнѣнiя, различны между собою; потому что льду свойственна прохлада, а огню теплота: такъ, если по противоположности именъ нерожденного и рожденного, и естество означаемое именами доходить до противоположности, то силамъ противоположнаго по естеству невозможно быть между собою подобными, какъ невозможно въ огнѣ произойти прохлада и во льду разгоряченiю. По-

сему, если въ нерожденной сущности умопредставляется благодѣть, а нерожденность въ отношеніи къ естеству, какъ они говорятъ, отлична отъ рожденной сущности; то, безъ сомнѣнія, и свойственное нерожденному будетъ отлично отъ служащаго свойствомъ рожденнаго. Посему, если въ первомъ умопредставляется благое, то въ послѣднемъ должно быть умопредставляемо противное благому. И такимъ образомъ при помощи премудрыхъ сихъ учителей снова оживеть у насъ Манесъ, Благому противопологающій естество злобы, и инаковостію сущностей научающій противоположности въ ихъ силахъ.

Если же надобно, ничего не скрывая, говорить свободно; то справедливо будетъ подумать, что извинительнѣе евноміанъ Манесъ, о которомъ говорятъ, что онъ, какъ первый осмѣлившійся ввести манихейскія ученія, отъ себя далъ имя ереси. Говорю же это, какъ бы выбирая, кто человѣколюбивѣе, ехидна или аспидъ? Но впрочемъ, какъ и въ звѣряхъ есть различіе, такъ и разсматриваемыя ученія манихеевъ и евноміанъ не показываютъ ли, что одни сноснѣе другихъ? Манесъ думалъ защитить самаго Вилловника благъ, говоря, что отъ Него не ведетъ начала ни одна причина золь. И потому другому особому началу приписывалъ причину всего причисляемаго къ худшему, какъ бы оправдывая Бога всячес-

кихъ; потому что не позволительно въ Источникѣ благъ видѣть причину, что погрѣшаютъ противъ закона. По низости души не понималъ онъ, что можно и не признавать Бога создателемъ зла, и не представлять себѣ что-то иное безначальное кромѣ Бога. Объ этомъ рѣчь длинна и не ко времени была бы теперь. И почему напоминали мы сказанное? Потому что, и по мнѣнію Манеса, начало порока должно представлять далекимъ отъ Бога всяческихъ; а евноміане уготовляютъ свою болѣе тяжкую, нежели манихеи, и нелѣпую хулу противъ Бога. Ибо сходно съ манихеями учать, что естество зла опредѣляется противоположностію сущности; но при этомъ утверждаютъ еще, что Создатель такового произведенія есть Богъ всяческихъ, которымъ, говорятъ они, совершенное рожденіе по естеству имѣетъ сущность инаковую съ Сотворившимъ, и симъ самымъ сравнительно съ упомянутыми манихеями впадаютъ въ большее нечестіе: потому что не только приписываютъ впостась тому, что по естеству противоположно благогому, но утверждаютъ еще, что благій Богъ есть виновникъ отличнаго по естеству другаго Бога; и едва не въ явь вопіютъ въ этомъ догматѣ, что есть нѣчто сопротивное естеству Благаго, имѣющее впостась отъ самаго Благаго. Ибо когда, по нашему вѣрованію, сущность Отца есть благая, а сущность Сына,

какъ это угодно ереси, въ разсужденіи естества не одинакова съ сущностію Отца, и въ слѣдствіе сего оказывается ей противоположною; тогда что приуготовляется этимъ? То, что есть нѣчто противоположное благому, и что отъ самаго Благаго произошло противоположное Ему по естеству. Это же, разумѣю, ужаснѣе манихейской нелѣпности.

Если же евноміане отрицаютъ, что въ ихъ словахъ заключается хула, которая оказывается слѣдствіемъ ихъ ученія, но говорятъ, что Единородный наслѣдовалъ блага Отца, не будучи, по мнѣнію сихъ нечестивцевъ, въ дѣйствительности Сыномъ, но какъ сотворенный, имѣя сію упростась; то опять изслѣдуемъ еще и сіе, можно ли по справедливому разумѣнію допустить такое мнѣніе. Ибо если, по разсужденію еретиковъ, уступить, что Господь всѣхъ наслѣдовалъ, не будучи въ дѣйствительности Сыномъ, но какъ сотворенный и поставленный начальствовать надъ однородными съ Нимъ; то какъ принять это, и не возмутиться прочей твари, низводимой въ подчиненіе изъ единоплеменной, если она, будучи ничѣмъ не меньшею по естеству (ибо такъ же сотворена, какъ и Онъ), потомъ осуждается быть въ рабствѣ и покорности у единоплеменнаго? Ибо на самоуправство походить подобное сему дѣло, то есть, когда не прервосходству сущности удѣляется владычество,

но хотя естество твари остается равночестнымъ, однакоже она отдѣляется, одна въ рабство, а другая въ господство; такъ что въ одной и тойже твари часть начальствуетъ, а часть пребываетъ подчиненною, потому что по жребію, случайно выпавшему на достоинство, вмѣстѣ съ жребіемъ дается предпочтеніе предъ подобными. Ибо и человѣкъ, не какъ равночестный съ подчиненнымъ ему естествомъ, наслѣдовалъ начальство надъ бесполезными; но первѣнствуя по разуму, господствуетъ надъ другими, будучи поставленъ надъ ними, потому что естество его преимуществуетъ совершенствами. Человѣческія же власти подлежатъ быстрымъ превратностямъ по тому самому, что равночестное по естеству не соглашается имѣть неравную часть въ лучшемъ; напротивъ того во всѣхъ вложено естественное какое-то желаніе сравниться въ обладаніи съ единоплеменнымъ.

Какъ же будетъ истиннымъ, что все чрезъ Сына приведено въ бытіе, если истинно, что и самъ Сынъ есть одинъ изъ приведенныхъ въ бытіе? Ибо, или будетъ Онъ сотворившимъ Себя самаго, чтобы не оказалось ложнымъ написанное: *вся Тьма быша* (Іоан. 1, 3.); и въ такомъ случаѣ нелѣпость, ухищренно изобрѣтенная еретиками противъ нашего ученія, возымѣетъ силу противъ нихъ; они должны будутъ сказать: Сынъ Самъ Себя привелъ въ

бытіе; или, если это странно и неестественно, то, конечно, несостоятельнымъ окажется и первое. Утверждено же будетъ, что вся тварь Имъ приведена въ бытіе. Ибо исключеніе одного ложнымъ дѣлаетъ слово о всѣхъ. Посему въ слѣдствіе опредѣленія, что Единородный есть тварь, и слово, конечно, не избѣжить которой либо изъ двухъ погрѣшностей и нелѣпостей; или, что Сынъ не виновникъ всѣхъ приведенныхъ въ бытіе, если изъ всѣхъ исключень будетъ самъ Онъ, по утверждаемому ими, будучи однимъ изъ произведеній; или, что Сынъ окажется Творцемъ Себя самаго, если не лжетъ проповѣдавшій, что изъ получившаго бытіе ничто не приведено въ бытіе безъ Него. Посему таковы ученія евномианъ.

36. Если же кто, внимая здравому ученію, вѣруетъ, что Сынъ отъ Божественнаго и самаго чистаго естества; то съ догматомъ благочестія окажется согласнымъ все, и что Господь есть Творецъ всего, и что Онъ царствуетъ надъ существами, не по жребію, или по самоуправному какому-то владычеству, поставленный надъ соплеменными, но по превосходству Своего естества, имѣя надъ всѣми державу. И еще сверхъ этого, что ученіе о единоначаліи не допускаетъ дѣленія на разные начальства, раздѣляемыя инаковостію естества, но требуетъ вѣрованія, что одно Божество,

одно начальство, одна надъ всѣми власть. Божество созерцаемо въ согласіи подобныхъ, и отъ подобнаго къ подобному ведетъ разумѣніе, какъ начало всего (а это есть Господь), чрезъ Святаго Духа возсіяваетъ въ душахъ. Ибо дѣйствительно созерцать Господа, по слову Апостола, невозможно иначе, какъ *точию Духомъ Святымъ* (1 Кор. 12, 3.). А чрезъ Господа, Который есть начало всего, обрѣтается нами, что выше всякаго начала, *Сынъ надъ всѣми Богъ* (Римл. 9, 5.); ибо первообразное благо можетъ быть познаваемо не иначе, какъ являемое въ образъ *Невидимаго* (Кол. 1, 15.). Но какъ бы идя обратнымъ какимъ поприщемъ, послѣ главнаго въ боговѣдѣніи, разумію самаго сущаго надъ всѣми Бога, посредствомъ близкаго и свойственнаго Ему востекающаго мыслію, отъ Отца чрезъ Сына приступаемъ къ Духу. Ибо вступивъ въ постиженіе перожденнаго Свѣта, отсюда уразумѣли еще, по взаимной ихъ близости, сущій отъ Него Свѣтъ, подобно нѣкому лучу соприсущему съ солнцемъ; какъ причина бытія его въ солнцѣ, такъ самое существованіе вмѣстѣ съ солнцемъ, не въ послѣдствіи со временемъ наступаетъ, но появляется вмѣстѣ съ нимъ, какъ скоро сдѣлается видимымъ солнце. Лучше же сказать (ибо нѣтъ нужды, раболѣпствуя всякому образу, давать клеветникамъ случай къ возраженію недостаткомъ силы въ примѣрѣ), пред-

ставимъ себѣ не лучъ отъ солнца, но отъ не-рожденнаго Солнца другое Солнце, вмѣстѣ съ представленіемъ перваго рожденно отъ него осіявающее и одинаковое съ нимъ по всему: по красотѣ, по силѣ, по свѣтлости, по величинѣ, по ясности, однимъ словомъ по всему, что усматривается въ солнцѣ, и еще другой подобный Свѣтъ, такимъ же образомъ, никакимъ временнымъ разстояніемъ не отдѣляемый отъ рожденнаго Свѣта, но чрезъ Него осіявающей, причину же вносташи имѣющей въ первообразномъ Свѣтѣ, Свѣтъ, который и самъ по подобію съ умопредставляемымъ прежде свѣтомъ, сіяетъ, просвѣщаетъ и производитъ все иное свойственное свѣту. Ибо въ этомъ самомъ у одного Свѣта нѣтъ различія съ другимъ Свѣтомъ, когда является не имѣющимъ нисколько недостатка или умаленія въ просвѣщающей благодати, но во всемъ совершенствѣ превознесенный на самую высшую степень, со Отцемъ и Сыномъ умосозерцается, но Отцѣ и Сынѣ счисляется, и Собою всѣмъ способнымъ стать причастниками даруетъ *приведеніе* (Еф. 2, 18.) къ умопредставляемому свѣту, существу во Отцѣ и Сынѣ. Но о семъ довольно.

37. Поелику же Евномій весьма обилень въ злословіяхъ, приуготовленіемъ къ началу всякаго дѣла служитъ ему оскорбленіе, а всякое доказательство замѣняется злословіемъ; то вотъ

перескажемъ кратко, сколько оскорбительнаго, клевета на учителя нашего, по поводу рече-
 нія: Нерожденный, написалъ онъ и на него
 самага и на его слово. Привелъ онъ изрече-
 ніе объ этомъ учителя, въ которомъ говорится
 такъ: «а я бы сказалъ, что по справедливости
 достойно умолчанія и самое наименованіе «Не-
 рожденный», которое, хотя весьма близко къ
 нашимъ понятіямъ, однакоже нигдѣ въ Писа-
 ніи не употребляется, и служитъ первымъ
 основаніемъ ихъ хулы; потому что слово:
 Отець, равнозначительно слову: Нерожден-
 ный. Ибо истинный и единый Отець ни отъ
 кого инаго не происходитъ. А ни отъ кого
 не происшедшій тоже значить, что и неро-
 женный» (i). Итакъ выслушаемъ, какое доказа-
 тельство представляетъ Евномій на то, что
 будто бы сказано это худо. «Посему несо-
 отвѣтствіе словъ, не менѣе по опрометчиво-
 сти, какъ и по безстыдному лукавству, при-
 мѣшиваетъ къ своимъ доводамъ, колеблясь въ
 ту и другую сторону при нетвердости мысли
 и при слабости разсудка». Посмотрите на
 вѣрность Евноміева отвѣта, съ какимъ искус-
 ствомъ, по этой разумной своей попечитель-
 ности, какъ сокрушаетъ силу сказаннаго, такъ
 на мѣсто сего вводитъ въ мысль болѣе благо-

(i) См. Творенія свят. Василія Великаго, въ русскомъ пе-
 реводѣ часть III. стр. 17 и 18. Противъ Евномія книга 1-я.

честивое понятіе. Называетъ Василія несоблю-
дающимъ соотвѣтствія въ словѣ, не менѣе
опрометчивымъ, какъ и лукавымъ въ образѣ
мыслей, не твердымъ, по слабости разсудка
колеблемымъ въ ту и другую сторону. Откуда
это, какой возбуждившись причиной, говоритъ
твердый въ образѣ мыслей и здравый разсуд-
комъ? Чтò наипаче осуждаетъ въ сказанномъ
у Василія? То ли, что принимаетъ понятіе,
закрывающееся въ словѣ «Нерожденный», са-
мое же слово, какъ худо принятое извращаю-
щими его смыслъ, называетъ достойнымъ
умолчанія? Ибо что? не отъ реченій ли и
произношенія терпитъ опасность неколеби-
мость вѣры, а о точности въ смыслѣ нѣтъ и
слова? Или не предварительною ли чистотою
сердца отъ лукавыхъ мыслей приуготовляется
слово истины; для обнаруженія же душевныхъ
движеній употреблять должно реченія, которы-
ми можетъ быть открыто сокровенное въ умѣ
безъ мелочныхъ розысканій объ извѣстномъ
звукѣ слова? Ибо сказанное такъ, или иначе,
не дѣлается причиною составившейся въ насъ
мысли; а напротивъ того сокровенное помыш-
леніе сердца подаетъ причину къ произнесе-
нію извѣстныхъ словъ. Ибо по сказанному:
отъ избытка сердца уста глаголютъ (Матѣ.
12, 34.).

И истолкователемъ помышленнаго дѣлаемъ
мы слово, а не наоборотъ изъ того, чтò го-

воримъ, собираемъ мысли, хотя сходятся между собою оба сіи дѣйствія, и помыслить правильно и истолковать, человѣкъ же совершенъ при томъ и другомъ. Но если недостаетъ втораго, человѣку необразованному въ словѣ не большой отъ сего вредъ, какъ скоро душевное его вѣдѣніе направлено ко благу. Сказано: *людіе сіи устнали чтутъ Мя: сердце же ихъ далеке отстоитъ отъ Мене* (Матѳ. 15, 8.). Что же означаетъ сіе? То, что предъ Богомъ Судіею, Который слышитъ неизречаемыя воздыханія, расположеніе души къ истинѣ предпочтительнѣе словеснаго благомѣнія въ рѣчахъ. Ибо онѣ могутъ быть употребляемы и для противоположной цѣли, такъ какъ языкъ, по власти говорящаго, удобно служить, чему угодно; а душевное расположеніе, каково оно на самомъ дѣлѣ, такимъ и видитъ его прозирающій сокровенное. Итакъ почему же несоблюдшимъ соотвѣтствія, опрометчивымъ, не меньше какъ и лукавымъ сталъ тотъ, кто, хотя благочестиво разумѣемое подъ словомъ «Нерожденный» и понимаетъ и пріемлетъ, но, поколику слово сіе подаетъ поводъ къ нечестію людямъ несправедливо толкующимъ догматы, повелѣваетъ умалчивать оное? Если бы сказалъ онъ, что Бога не должно представлять себѣ нерожденнымъ; то Евномій имѣлъ бы, можетъ быть, право обратиться къ нему съ этимъ и еще съ большимъ злорѣчіемъ.

Если же исповѣдуетъ онъ согласно съ общимъ вѣрованіемъ благочестивыхъ, но какъ бы подаетъ и свое мнѣніе приличное учительскому сану : удерживайся отъ употребленія этого слова, поколику въ немъ находитъ себѣ начало предлогъ къ превратному ученію, это же понятіе о Богѣ, что Онъ нерожденъ, повелѣваетъ соблюдать подъ другими именованіями; то за сіе нимало не заслуживаетъ этихъ укоризнъ. Не такъ ли поступать научены мы самою Истиною, то есть, не удерживать при себѣ и очень дорогаго, если что либо изъ этого ведетъ къ худшему; такъ, повелѣвая одинаково правый глазъ и ногу, и руку отсѣкать, когда чтонибудь это соблазняетъ человѣка, сею притчею не иное что научаебъ дѣлать, какъ и хорошее по видимости, если это по неразумительности пользующихся вовлекаетъ человѣка во что либо худое, оставлять въ пренебреженіи и не приводить въ исполненіе; потому что полезнѣе человѣку руководствующее ко грѣху отсѣчь и самому спастись, нежели удержи́вать это при себѣ и погибнуть.

Что же подражатель Христовъ Павелъ? И онъ во глубинѣ премудрости учитъ тому же. Сказавъ напередъ, что все *добро и ничтоже отлетно*, если съ *благодареніемъ* приѣмлется (1 Тим. 4, 4.), въ иномъ случаѣ за совѣсть немощнаго отшметъ опять нѣчто изъ дозволен-

наго, и повелѣваетъ удаляться отъ сего. Ибо говорить: *еще брашна ради братъ мой скорбитъ* (Римл. 14, 15.), *не имамъ ясти мяса во вѣки* (1 Кор. 8, 13.). Посему это дѣлаетъ и подражатель Павловъ, который, видя, что по злоупотребленію ереси реченіемъ «Нерожденный» усиливается обманъ посредствомъ сего слова учащихъ неподобію Лицъ, совѣтовалъ сохранять въ душахъ благочестивый смыслъ сего слова: Нерожденный, но не слишкомъ стоять за самое реченіе, какъ для гибнущихъ служащее напутіемъ ко грѣху. Ибо наименованіе: Отецъ, своимъ значеніемъ даетъ намъ достаточное понятіе и слова «Нерожденный». Слыша слово: Отецъ, немедленно представляемъ себѣ виновника бытію всего, который если бы имѣлъ другую какую высшую Себя причину, не назывался бы Отцемъ въ собственномъ смыслѣ: потому что названіе Отца въ собственномъ смыслѣ принадлежало бы представленной выше причинѣ. Если же Онъ—виновникъ всего, и *изъ Него вся*, какъ говорить апостоль (1 Кор. 8, 6.), то очевидно, ничто не можетъ быть представляемо предшествующимъ Его бытію, а это и значить вѣровать, что Онъ нерожденъ.

38. Но что справедливо это, не уступаетъ не соглашающійся даже признать, что истина достовѣрнѣе его самага; напротивъ того спорить, возражаетъ и осмѣиваетъ (Василіево)

слово. Если угодно, рассмотрим эти неисходныя умозаключенія и разнообразныя извороты лжеумствованій, которыми думаетъ онъ опровергнуть сіе слово. Но боюсь, чтобы неприличіе и гнусность сказаннаго Евноміемъ не послужили нѣкоторымъ образомъ къ осужденію въ этомъ и сказаннаго напротивъ. Ибо взрослымъ людямъ, если связываются съ дѣтьми, вызывающими на борьбу съ ними, въ укоръ болѣе обращается усердіе въ такомъ дѣлѣ, нежели въ похвалу самая побѣда. Но по крайней мѣрѣ таково, что говоритъ Евномій. Сказанное имъ для нашего оскорбленія съ тѣмъ обычнымъ благозвучіемъ, съ какимъ свойственно ему выражаться, и намъ для показанія опытовъ нашего великодушія предлагаемое, признаемъ достойнымъ умолчанія и забвенія. Ибо не почитаю благоприличнымъ, смѣшными его изреченіями испещряя нешуточное свое разсужденіе, заботливость объ истинѣ оканчивать безобразнымъ и грубымъ смѣхомъ. А при чтеніи этого не возможно остаться не смѣющимся, если послушаемъ, съ какимъ высокимъ и величественнымъ красноречіемъ говоритъ Евномій. Когда прибавленіе словъ производитъ приращеніе хулы; тогда умалчивать слова сіи въ половину легче, нежели выговаривать. Но надъ этимъ пусть смѣются знающіе, что стоитъ одобренія и что достойно смѣха. Мы же рассмотримъ силу

умозаключеній, которыми онъ поражаетъ наше ученіе.

Евномій говоритъ: «если имя Отець равносильно съ именемъ: Нерожденный, а имена, имѣющія ту же силу, безъ сомнѣнія, и означаютъ одно и то же; имя же «Нерожденный» значитъ у нихъ, что Богъ не отъ инаго кого имѣетъ бытіе; то и имя: Отець, по необходимости, значитъ то, что Богъ не отъ инаго кого имѣетъ бытіе; а не то, что Богъ родилъ Сына». Ужели не означается сіе словомъ: Отець, если это же наименованіе выражаетъ намъ собою и безначальность Отца? Если однимъ исключается другое, по свойству противоположностей, то положеніе одного необходимо ведетъ къ исключенію прочаго. Если же ничто не препятствуетъ одному и тому же быть и Отцемъ и Нерожденнымъ, если подъ именованіемъ Отца, по какому либо разумѣнію представляемъ себѣ и нерожденность; то какая необходимость тому, чтобы отношеніе къ Сыну уже не было познаваемо изъ слова: Отець? Ибо и всѣ прочія имена, которыя имѣютъ между собою нѣчто общее, не по всему сходны въ понятіяхъ. Царя называемъ, какъ самодержцемъ и никому неподвластнымъ, такъ его же самаго властителемъ подданныхъ; и не будетъ ли сказать о немъ, что слово: царь означаетъ и неподвластность. И утверждаемъ, что, если самодержавіе и безначаліе

означаются однимъ и тѣмъ же словомъ, то нѣтъ уже необходимости заключать, что владычество надъ покорными не означается уже словомъ : царская власть. Ибо слово : царская власть, означая нѣчто среднее между тѣмъ и другимъ понятіемъ, указываетъ частію на неподвластность, а частію на начальствованіе надъ подвластными. Посему и въ семъ случаѣ, если у Отца Господа нашего есть другой прежде него представляемый мысленно Отецъ, то пусть покажутъ то хвалящіяся сокровенною мудростію, и тогда согласимся, что понятіе о нерожденномъ не можетъ заключаться въ именованіи Отца. Если же первый Отецъ не имѣетъ высшей причины Своего происхожденія, а вмѣстѣ съ именованіемъ Отца подразумѣвается, конечно, и Упостась Единороднаго; то для чего страшатъ васъ намѣревающіеся искусственными сими сплетеніями лжеумствованій убѣдить, лучше же сказать, ввести въ заблужденіе, что, если съ наименованіемъ «Отецъ» исповѣдуется нами нерожденность сущаго надъ всѣми Бога, то симъ отъемлется понятіе объ отношеніи Отца къ Сыну.

Но презрѣвъ это дѣтское и легкомысленное предпріятіе еретиковъ, мужественно исповѣдуемъ оглашаемое ими нелѣпымъ, а именно, что имя Отца означаетъ одно и то же, какъ и слово: Нерожденный, и слово: нерожденность. показываетъ, что Отецъ не отъ инаго кого

имѣть бытіе, и имя: Отець, указаніемъ отношенія къ нему совокупно съ Собою привносить понятіе объ Единородномъ. Ибо изреченіе, предложенное въ словѣ учителя (к), страшный и непреоборимый сей борець (л) выкралъ изъ написаннаго, исключеніемъ неопровержимо сказаннаго дѣлая нетруднымъ для себя возраженіе. Ибо сказанное учителемъ слово въ слово читается такъ: «а я бы сказалъ, что по справедливости достойно умолчанія и самое наименованіе: нерожденный, которое, хотя весьма близко къ нашимъ понятіямъ, однакоже нигдѣ въ Писаніи не употребляется, и служитъ первымъ основаніемъ ихъ хулы; потому что слово «Отець» равнозначительно слову «Нерожденный», и сверхъ того, чрезъ указаніе отношенія, совокупно съ собою привноситъ понятіе и о Сынѣ». Этотъ же неустрашимый поборникъ истины, въ предосторожность присовокупленное къ слову, разумѣю изреченіе: «и чрезъ указаніе отношенія совокупно съ собою привноситъ понятіе и о Сынѣ», по сродной себѣ смѣлости, исключилъ. И вникнувъ въ основаніе написаннаго, вступаетъ въ состязаніе съ остальнымъ; и расторгнувъ связь цѣлаго, содѣлавъ, какъ полагалъ, болѣе уступчивымъ ему и удобнѣйшимъ къ

(к) Василія.

(л) Евномій.

опроверженію, неосновательнымъ и слабымъ лжеумствованіемъ обольщаетъ своихъ послѣдователей, утверждая, что почему нибудь общее, и во всемъ по значенію имѣетъ общность, и склоняя на свою сторону неразборчивый слухъ ихъ. Поелику сказали мы, что слово: Отецъ, по нѣкоему значенію удерживаетъ и значеніе нерожденнаго; то Евномій, изъ обыкновеннаго значенія именъ сдѣлавъ полный объемъ означаемаго, уличаетъ слово въ нелѣпости, какъ будто наименованіе сіе не показываетъ уже отношенія къ Сыну въ томъ случаѣ, если имъ же означалась и мысль о Нерожденномъ. Такъ, если кто, приобрѣтя два понятія о хлѣбѣ, что онъ составленъ изъ пшеницы, и что употребляющему служить пищею, станетъ оспаривать говорящаго это, пользуясь противъ него подобнымъ способомъ лжеумствованій, а именно. что иное дѣло составъ изъ пшеницы, и опять иное пища; почему, если будетъ уступлено, что хлѣбъ изъ пшеницы, то сіе же самое не назовется еще въ собственномъ смыслѣ пищею, — таковъ смыслъ и Евноміева умозаключенія. Ибо, «если нерожденность, говоритъ онъ, означается наименованіемъ Отца, то слово сіе не показываетъ еще, что отъ Отца рожденъ Сынъ». Но благовременно, можетъ быть, намъ этотъ достойный уваженія раздѣлительный періодъ обратить противъ говорящаго. Ибо подобное,

конечно, прилично подобнымъ; и Евномій имѣлъ бы болѣе права казаться цѣломудреннымъ, если бы въ совершенномъ молчаніи поставлялъ безопасность. Ибо кому присовокупленіе словъ служить приращеніемъ хулы, лучше же сказать, крайняго безумія, тому молчать, не въ половину, но въ полной мѣрѣ легче, нежели говорить.

Можетъ быть, инаго сказанное о самомъ Евноміи скорѣе приведетъ къ истинѣ того, о чемъ у насъ рѣчь. И подлинно, оставивъ извѣстность сплетенія лжеумствованій, побесѣдуемъ о своемъ предметѣ, держась понятій болѣе простыхъ и общихъ. Твой отецъ, Евномій, конечно, былъ человѣкъ, но онъ самый сталъ виновникомъ и твоего бытія. Ужели и въ разсужденіи его пользовался ты этою мудростію, а именно, что отецъ твой, если взять опредѣленіе его природы, тѣмъ, что онъ человѣкъ, не можетъ еще означать отношенія его къ тебѣ? Ибо, конечно, надобно быть одному изъ двухъ: или что онъ человѣкъ, или что отецъ Евноміевъ. Послѣ сего и тебѣ непозволительно не по свойству значенія произносить имена свойственниковъ; но хотя, какъ на оскорбленіе, будешь жаловаться на инаго, кто, смѣясь надъ тобою, въ шутку измѣняетъ имена; самъ ты не содрогнешься, и смѣясь надъ таинственными догматами, смѣешься ненаказанно? Ибо названіе: твой отецъ, показываетъ

и свойство́ его съ тобою, и это вимало ему не препятствуетъ быть человѣкомъ. И никто изъ здравомыслящихъ вмѣсто того, чтобы родившаго тебя назвать отцемъ твоимъ, не станетъ составлять опредѣленія, что такое человѣкъ, и опять, будучи спрошенъ о родѣ, и признавшись, что онъ человѣкъ, не скажетъ, что сіе самое признаніе возбраняетъ ему быть и отцемъ твоимъ. Такъ и о Богѣ всяческихъ благочестивый не будетъ отрицать, что наименованіе Отцемъ означаетъ и нерожденное Его бытіе, свойство́ же съ Сыномъ показывается другимъ значеніемъ. А кто смѣется надъ истинною, тотъ говоритъ, что наименованіе Отцемъ не значить еще, что рожденъ Сынъ, хотя и научаемся симъ словомъ бытію нерожденнаго.

Въ обличеніе нелѣпости сказаннаго возьмемъ еще и то, что знаетъ, какъ утверждаю, даже малый ребенокъ, который у грамматика и приставника начинаетъ только обучаться именовательному искусству. Ибо кому неизвѣстно, что изъ именъ одни отрѣшенны и неотносительны, другія же даются въ какомъ либо отношеніи? Опять изъ сихъ именъ иныя, по изволенію пользующихся ими, способны къ тому и къ другому, и произносимыя сами по себѣ показываютъ въ себѣ простую силу, а въ приложеніи къ чему либо не рѣдко заимствуютъ силу отъ того, къ чему прилагаются.

И чтобы не продлить слова, приводя примѣры изъ чего либо далекаго отъ предмета нашихъ разсужденій, изъ самыхъ догматовъ объяснит-ся утверждаемое мною.

Богъ называется и Отцемъ, и Царемъ, и въ святомъ Писаніи именуется тысячами иныхъ именъ. Поэтому изъ именъ сихъ иное, упоминаемое такъ просто само по себѣ, можно употреблять отрѣшенно, таковы напримѣръ: *нетлѣнный* (1 Тим. 1, 17.), *вѣчный* (Римл. 14, 25.), *безсмертный* (1 Тим. 6, 16.), и всякое другое симъ подобное имя. Они, хотя и не подразумѣвается никакого другаго понятія, заключаютъ въ себѣ совершенную нѣкую мысль о Богѣ. Другія же имена означаютъ только полезное для чего нибудь, какъ то: *помощникъ*, *защититель*, и *заступникъ* (Пса. 17, 3.), и всѣ прочія, сколько ихъ найдется подобнаго значенія, которыя таковы, что, если не будетъ имѣющаго нужду въ помощи, въ бездѣйствіи останется выражаемая именемъ сила. Но есть и такія, какъ сказано прежде, имена, которыя и сами по себѣ, и въ отношеніи къ чему либо употребляются, напримѣръ: Богъ, благій и всѣ сему подобныя. Ибо мысль не всегда остается при отрѣшенномъ ихъ значеніи. И Богъ всяческихъ не рѣдко дѣлается собственнымъ Богомъ призывающаго, какъ можно слышать отъ святыхъ, что себѣ собственно присвояютъ Естество неподвластное.

Святъ Господь Богъ, доселѣ сказанное не относительно, но присовокупившій къ сказанному: *нашъ* (Пса. 38, 9.), даетъ уже разумѣть имя не въ немъ самомъ по себѣ, но относительно къ себѣ, своею собственностію признавъ означаемое. И еще *Авва Отче* (Рим. 8, 15.) зываетъ Духъ: вотъ изреченіе отрѣшенное отъ частнаго отношенія. Но и нашимъ Отцемъ повелѣно намъ называть Отца сущаго на небесахъ (Матѣ. 6, 9.); вотъ опять значеніе относительное. Посему, какъ Бога всяческихъ содѣлавшій своимъ Богомъ нимало не унижилъ этимъ Его надъ всѣми превысшаго достоинства; такъ нѣтъ никакого препятствія указавшему на Отца и на Сущаго изъ Него, первожденнаго всей твари (Кол. 1, 15.), наименованіемъ Отца означить вмѣстѣ, что родилъ Онъ Сына, и тѣмъ же словомъ объяснить, что Самъ Онъ не отъ высшей причины. Кто наименовалъ перваго Отца, тотъ указалъ умопредставляемаго прежде всего. Это — Тотъ, Кто за предѣлами всего, — Тотъ, для Кого нѣтъ ничего, что видѣлъ бы Онъ прежде Себя; Кто не имѣетъ Себѣ конца, которымъ бы прекратилось Его бытіе, но равно всегда отвсюду сый, и какъ конечный предѣлъ, такъ и понятіе начала, преступая безпредѣлностию жизни, во всякомъ своемъ именованіи даетъ подразумѣвать вѣчность.

Но сильный въ умозрѣніяхъ непостижимаго
Гр. Нисск. Ч. I.

Евномій не принимаетъ простаго сего ученія, и не полагаетъ, что означаемое словомъ: Отецъ, двояко: одно его значеніе, что все отъ Отца, и прежде всего едиnorodный Сынъ. Которымъ все; другое же значеніе, что нѣтъ ни одной высшей Его причины. Но хотя съ презрѣніемъ отвергаетъ наше слово Евномій, въ ничто вмѣняя исполненный прѣзорства смѣхъ, мы смѣло отвѣчаемъ, что говорили уже, а именно: слово: Отецъ то же, что и Нерожденный, и значить, что Онъ родилъ Сына, и подтверждаетъ, что Онъ не отъ инаго кого имѣеть бытіе.

Но Евномій вступаетъ въ споръ съ сказаннымъ, начинаетъ рѣчь, и слово снова дѣлаетъ оборотъ къ противоположному. «Если Богъ есть Отецъ, потому что родилъ Сына, а по тому же значенію Отецъ есть и Нерожденный; то Богъ, потому что родилъ Сына, есть Нерожденный». Итакъ рассмотримъ и основаніе извращенія, сдѣланнаго Евноміемъ, почему составъ перваго лжеумствования разлагая въ противоположное, и этимъ ставить насъ опять въ неизбѣжныя затрудненія. Первое умозаключеніе представляло сію несообразность: «если слово: Отецъ означаетъ, что Богъ не отъ инаго кого имѣеть бытіе, то симъ не показывается еще, что необходимо родилъ Онъ Сына». Это же умозаключеніе, извращеніемъ въ противоположное, извѣщаетъ

насъ о другой несообразности въ нашемъ ученіи. Посему какое же рѣшеніе показаннаго тамъ? «Если, говоритъ Евномій, Богъ есть Отецъ, потому что родилъ Сына». Этого не представляло намъ первое умозаключеніе; напротивъ того хотя слѣдствіе умозаключенія именно показало бы возможность именемъ Отца, если бы оно означало нерожденность Отца, означить и отношеніе Его къ Сыну; однакоже этимъ, что Богъ есть Отецъ, потому что родилъ Сына, нимало не опредѣляло построеніе перваго умствованія. Посему что же значить это извращеніе съ діалектическою и искусственною тонкостію, сего еще не до-разумѣваю.

Но всмотримся по крайней мѣрѣ въ смыслъ сказаннаго. «Если Богъ есть Нерожденный, потому что родилъ Сына, то до рожденія Сына не былъ нерожденнымъ». Опять на сказанное готово и при томъ простое слово истины, а именно: названіе Отцемъ показываетъ, что родилъ Онъ Сына, какъ нами показано это въ сказанномъ прежде, и что Родившій представляется происшедшимъ отъ какой либо причины. Ибо если обратишь вниманіе на сущее отъ Него; то съ наименованіемъ Отца познается Упостась Единороднаго. Если же изслѣдуешь, что прежде Него, то названіе Отца показываетъ безначальность Того, Кто родилъ Сына. Утверждать же, что Богъ до

рожденія Сына не былъ нерожденнымъ, — сіе то два обвиненія готовитъ писателю въ клеветѣ на насъ и въ оскорбленіи догмата. Ибо охуждаетъ онъ, что и учителемъ нашимъ не сказано, и нами теперь не выдается за признаваемое, и говоритъ: Богъ въ послѣдствіи когда-то содѣлался Отцемъ, бывъ прежде чѣмъ-то инымъ, а не Отцемъ. Ибо чѣмъ осмѣиваетъ Евномій несообразность нашего ученія, тѣмъ самымъ провозглашаетъ свое беззаконіе въ разсужденіи догмата. Ибо полагая признаваемымъ, что Богъ, будучи прежде чѣмъ-то инымъ, послѣ того по преуспѣянію содѣлался и наименованъ Отцемъ, Евномій говоритъ слѣдующее: «пока не родилъ Сына и не названъ за то Отцемъ, не былъ нерожденнымъ, если нерожденность дѣлается познаваемою изъ понятія: «Отецъ». Сколько въ этомъ неразумія, не должно, думаю, и говорить о семъ обличающему; потому что достаточно сіе само собою представляется для имѣющихъ умъ. Ибо если Богъ, пока не содѣлался Отцемъ, былъ чѣмъ-то инымъ, то что скажутъ защитники сего ученія? Въ какомъ состояніи, по ихъ словамъ, представлялся Богъ? Какое имя дадутъ тогдашнему образу жизни? Имя ли отрока, младенца, новорожденнаго, или юноши? Или не скажутъ ничего такого, стыдятся, можетъ быть, явной несообразности, не будутъ же отрицать, что Онъ изъ начала совер-

шенъ? Послѣ этого какъ же совершенъ, если не могъ еще быть Отцемъ? Или не лишать Его сей возможности, но скажутъ, что не прилично Ему вмѣстѣ съ бытіемъ быть и Отцемъ? И если не хорошо и не прилично Ему изъ начала быть Отцемъ такого Сына; то почему, поступая впередъ, приобрѣлъ, что не хорошо? Но теперь хорошо, и величію Божію прилично стать Отцемъ такого Сына. Итакъ еретики ведутъ къ той мысли, что Богъ въ началѣ не имѣлъ доли въ хорошемъ; они скажутъ, что, пока Богъ не имѣлъ Сына (да не прогнѣвается Богъ за это слово!), не было у Него ни премудрости, ни силы, ни истины, ни всего другаго, чѣмъ въ разныхъ понятіяхъ нашихъ и есть и именуется Единородный Сынъ.

Но да обратится сіе на голову виновныхъ! А намъ должно еще возвратиться къ тому, съ чего начали. «Если, говорить Евномій, Богъ— Отецъ, потому что родилъ, а Отецъ означаетъ нерожденность; то пока Онъ не родилъ, не былъ нерожденнымъ». Если бы говорилось это сообразно съ тѣмъ, что обыкновенно для людей, когорымъ невозможно за одинъ разъ приобрѣсти какіи либо навыкъ ко многимъ занятіямъ, не изучивъ cadaго изъ предметовъ занятія въ порядкѣ и послѣдовательности съ теченіемъ какаго либо времени; если бы такъ должно было разсуждать и о Богѣ всяческихъ,

что теперь имѣть нерожденность, послѣ же сего воспріемлетъ силу, потомъ нетлѣніе, потомъ разумѣніе, а поступая далѣе, дѣлается Отцемъ, и еще правдивымъ, и въ слѣдъ за симъ вѣчнымъ, и въ нѣкоторой послѣдовательности приобрѣтеть и все то, что умопредставляется свойственнымъ Богу; то, можетъ быть, было бы не очень полезно думать объ именахъ Божіихъ, что одно предшествуетъ другому, и сперва именовался Богъ нерожденнымъ, а послѣ того содѣлался Отцемъ. Теперь же кто столько бѣденъ смысломъ, такъ мало свѣдуешь въ величій божественныхъ догматовъ, что, объявъ мыслію Причину существъ, не объемлетъ вмѣстѣ и связно совокупнымъ разумѣніемъ всего благочестиво умопредставляемаго о Богѣ, но думаетъ, что одно произошло въ Немъ въ послѣдствіи, другое въ началѣ, иное же по какому-то послѣдовательному порядку въ срединѣ? Кто постигъ помысломъ что нибудь благочестиво сказуемое о Богѣ,—тому не встрѣтить какой либо вещи, или какого либо понятія, которыя бы могли древностію превзойти сказанное. Напротивъ того, всякое имя Божіе, всякая велелѣпная мысль, всякое реченіе и мнѣніе, сообразное съ понятіями о Богѣ, между собою связаны и соединены; и всѣ представленія о Богѣ, Его отчество, нерожденность, могущество, нетлѣніе, благость, власть и все прочее постигаютъ

ся неразрывно связанными и евокупленными между собою; потому что каждое изъ нихъ, не особо въ отдѣльности отъ прочихъ само по себѣ представляется въ какомъ-то временномъ разстоянїи, какъ предшествующее или послѣдующее другому; но какое бы ни нашлось велегѣнное и благочестивое именованїе, оно появляется вмѣстѣ съ вѣчностью Божіею. Посему, какъ нельзя сказать, что Богъ когда нибудь не благъ, или не могущественъ, или не нетлѣненъ, или не безсмертенъ: точно также нечестиво не всегда приписывать Ему отчество, но говорить, что оно привзошло въ послѣдствїи. Ибо кто дѣйствительно отецъ, тотъ отецъ всегда. Если же къ исповѣданїю не будетъ присоединено это *всегда*, по какое нибудь напередъ понапрасну придуманное понятїе усѣчетъ и убавитъ сверху мысль объ Отцѣ, то не будетъ уже исповѣдуемо, что Онъ подлинно Отецъ въ собственномъ смыслѣ, такъ какъ оное, придуманное понятїе о нерожденномъ еще Сынѣ, уничтожаетъ вѣчность и непрестанное бытїе отчества. Ибо какъ возможно, чтобы то, что совершилось когда либо послѣ, было представляемо умомъ подъ тѣмъ именемъ, которымъ называется нынѣ? Посему, если, сперва будучи нерожденнымъ, послѣ того содѣлался и наименованъ Отцемъ; то, конечно, не всегда былъ тѣмъ, чѣмъ именуется теперь. Но Богъ, Который и

теперь, и всегда существуетъ, не дѣлаясь ни худшимъ, ни лучшимъ отъ приращенія, не пріемлетъ отъ инаго чего либо инаго, не измѣняется, но всегда самъ съ Собою тождественъ. Посему, если не былъ въ началѣ Отцемъ, то не содѣлался имъ и послѣ. Если же исповѣдуемъ, что Онъ—Отець; то опять повторю тоже слово, — что, если Отець теперь, то и всегда былъ Отцемъ; и если былъ всегда, то и за всегда будетъ. Слѣдовательно Отець всегда Отець, и какъ вмѣстѣ съ Отцемъ умопредставляется, конечно, и Сынъ: потому что невозможно стать твердымъ названію Отець, если не оправдываетъ наименованія Сынъ; то все, умопредставляемое въ Отцѣ, усматривается и въ Сынѣ. Ибо все, что имѣетъ Отець, принадлежитъ Сыну, и все принадлежащее Сыну имѣетъ Отець. Отець имѣетъ принадлежащее Сыну, сказалъ Сынъ, не для того, чтобы клеветнику пришло на мысль въ насмѣшку надъ всѣмъ совокупить во едино, что и Сынъ нерожденъ, по сказанному: все, принадлежащее Отцу, имѣетъ Сынъ, или еще, что и Отець рожденъ, потому что все, принадлежащее Сыну, усматривается въ Отцѣ. Ибо если все, что у Отца, имѣетъ Сынъ, то не Отець ли Онъ? И обратно, если все, что у Сына, усматривается въ Отцѣ, то не Сынъ ли Онъ?

Итакъ, если, что принадлежитъ Отцу, все

то въ Единородномъ, а Онъ въ Отцѣ, отчество же неотдѣльно отъ нерожденности; то объ Отцѣ прежде понятія о Сынѣ можетъ ли что быть представляемо отдѣльно само по себѣ въ нѣкоемъ разстояніи? Не вижу сего. Посему не боязненно должно отважиться и вступить объ этомъ въ борьбу съ возраженіями, какія намъ дѣлаеть лжеумствованіе, и нимало не пугаясь ужаснаго умозаключенія, измышленнаго для приведенія въ трепеть дѣтей, сказать, что Богъ и святъ, и безсмертенъ, и Отець, и нерожденъ, и вѣченъ, и все это въ совокупности; и если предположительно уступить, что нѣтъ чего либо одного изъ утверждаемаго о Немъ благочестиво, то однимъ уничтожается все. Ибо, если не безсмертенъ, то невозможно быть и прочему. Но что сказано о части, то разумѣй о цѣломъ. Посему нѣтъ въ немъ ничего ни старшаго, ни младшаго; или иначе окажется, что Онъ Самъ себя и старше и моложе. Ибо, если Богъ не всегда есть все, но въ нѣкоемъ порядкѣ и послѣдовательности однимъ Онъ есть, а другимъ дѣлается; сложности же нѣтъ въ Немъ никакой, но чѣмъ Онъ есть, тѣмъ есть весь; а по словамъ ереси, будучи прежде нерожденнымъ, послѣ сего дѣлается Отцемъ: то, поелику не представляется въ Немъ никакой множественности дѣйствованій, не иное что происходитъ, а только то, что весь Онъ дѣлается старше и

моложе всего Себя, по нерожденности предваря Себя, а по понятію объ Отцѣ дѣлаясь вторымъ по Себѣ. Если же Богъ, какъ говорить о Немъ пророкъ, *тойжде* есть (Иса. 101, 28.), то неразумень утверждающій, что пока не родилъ, не былъ Онъ нерожденнымъ, потому что ни которое изъ сихъ именъ, ни имя Отца, ни имя нерожденного не встрѣчается одно безъ другаго, но два сіи понятія въ совокупности и одно съ другимъ появляются въ умахъ благочестиво разсуждающихъ; потому что Богъ отъ вѣчности Отець и вѣчный Отець, и все, что благочестиво сказуется о Богѣ, именуется вмѣстѣ; такъ какъ временная эта послѣдовательность и временный порядокъ, какъ сказали мы, въ разсужденіи превѣчнаго естества не имѣютъ мѣста.

Посмотримъ и на остатки діалектической изворотливости, которые и самъ онъ осмѣиваетъ, и вмѣстѣ называетъ жалкими. И хорошо говорить онъ это; потому что дѣйствительно неудержимый смѣхъ возбуждается сказаннымъ, лучше же сказать, великій плачь одержавшимъ душу оболъщеніемъ. Послику слово: Отець по нѣкоторому значенію заключаетъ въ себѣ понятіе нерожденного, какъ утверждаетъ наше ученіе; то Евномій, превращая собственное значеніе слова: Отець въ понятіе нерожденности, говоритъ слѣдующее: «если одно и тоже сказать: Нерожденный или Отець, то намъ оста-

вивъ слово Отець, и вмѣсто его взявъ названіе: Нерожденный, можно будетъ сказать: Нерожденный есть Нерожденный Сына; ибо какъ Нерожденный есть Отець Сына, такъ наоборотъ Отець есть Нерожденный Сына». Приходится мнѣ наконецъ дивиться благоискусному мужу, его многовидной и разнообразной учености въ разсужденіи догматовъ, и почесть его превышающимъ силою многихъ. Сказанное учителемъ нашимъ выражено кратко однимъ словомъ, а именно: и наименованіемъ Отца можно означить нерожденность; а Евноміемъ наговорено такъ много, и множество состоитъ не въ разныхъ мысляхъ, а въ оборотѣ и превращеніи подобныхъ реченій. Ибо какъ съ закрытыми глазами бѣгающіе около жернова, по совершеніи длиннаго пути, остаются на одномъ и томъ же мѣстѣ: такъ и Евномій всегда обращается около того же, и стоитъ въ томъ же.

Однажды въ насмѣшку сказалъ онъ, что слово: отецъ значить не то, что раждать, но не быть отъ кого либо другаго; опять ведетъ подобную же цѣпь: если слово: Отець значить Нерожденный, то пока не родилъ, не былъ Онъ нерожденнымъ. Потомъ въ третій разъ возвращается къ тому же; ибо говорить: намъ, принимающимъ слово Нерожденный въ такомъ смыслѣ, можно сказать: Нерожденный есть Нерожденный Сына; и тотчасъ повторяетъ,

что изрыгалъ уже многократно, и говорить: какъ Нерожденный есть Отецъ Сына, такъ наоборотъ, опять Отецъ есть Нерожденный Сына. О, сколько разъ возвращается на изрыгнутое имъ! Сколько разъ берется за прежнее! Сколько разъ оказываетъ обиліе въ томъ же! И не сдѣлаемъ ли и мы обременительными для многихъ, пустотою предлагаемаго Евноміемъ позволяя увлекаться своему слуху? Въ подобныхъ случаяхъ приличнѣе, можетъ быть, молчать. Но чтобы не подумалъ кто, будто бы по бесилію въ словѣ прекращаемъ слово, отвѣтимъ на сказанное слѣдующимъ: не можешь сказать, что Отецъ есть Нерожденный Сына, хотя бы наименованіе Отца и означало, что родившій не—отъ причины. Какъ по представленному нами примѣру, услышавъ о царскомъ санѣ, изъ имени царя уразумѣваемъ двѣ вещи, и именно, что преимуществующій властію никому не подчиненъ, и что обладаетъ онъ подчиненными: такъ и наименованіе Отцемъ относительно къ Богу представляетъ намъ двоякое значеніе, одно разумѣемое о Сынѣ, и другое, что Богъ не зависитъ ни отъ какой предварительно уопределяемой причины. Посему, какъ о царѣ невозможно сказать, что, если однимъ симъ названіемъ означается и обладаніе подданными, и неимѣніе надъ собою начальника, то можно называть его не княземъ народа, но не имѣющимъ надъ

собою царя между подданными; не согласимся также сказать о царѣ такимъ образомъ: какъ называется онъ царемъ народа, такъ можетъ быть названъ и не имѣющимъ надъ собою царя въ народѣ; такимъ же образомъ къ слову: Отецъ, которое указываетъ на Сына, и даетъ понятіе о нерожденномъ, переложивъ значеніе не по надлежащему, — невозможно къ свойству съ Сыномъ смѣшнымъ образомъ привязать понятіе о нерожденномъ, говоря: Нерожденный Сына.

Но выразившись такимъ образомъ, какъ бы достигнувъ истины, и изблотивъ нелѣпость сопротивныхъ, Евномій горделиво произносить: «кто когда изъ здравомыслящихъ признавалъ справедливымъ умолчать объ естественномъ понятіи и уважилъ неразуміе»? Никто, о премудрый; посему не виновно въ семь и наше слово, утверждавшее, что именованіе «Нерожденный» согласно съ понятіями, и что должно содержать его въ сердцахъ неподвижнымъ, вмѣсто же извращеннаго у насъ слова достаточно именованіе: Отецъ, и ведетъ къ оному же понятію. Ибо, помнишь, какія слова приводилъ ты самъ. А именно, Василій не признавалъ справедливымъ умалчивать естественное понятіе, а уважилъ, какъ самъ называешь, неразуміе; напротивъ того одно именованіе: Нерожденный, то есть произношеніе слоговъ, какъ дурно выбранное и притомъ

неупотребительное въ Писаніи, совѣтуеть безопасно умалчивать, а объ означаемомъ имъ говорить, что оно всего болѣе согласно съ нашими понятіями.

Но утверждаемое нами таково; а онъ клеветуещій, что мы софисты, вооружающій слово истинною, осуждающій наши прегрѣшенія, не краснѣеть при разсужденіи о догматахъ, рядясь лжеумствованіями, и подражая тѣмъ, которые на пирахъ какими-то сладкими рѣчами извлекають смѣхъ. Посмотрите на это страшное и обработанное сплетеніе умозаключенія; ибо опять припоминаю тѣже: «ежели сказать: Нерожденный и Отець, есть одно и то же, то намъ, оставивъ слово: Отець и принявъ вмѣсто него слово: Нерожденный, можно сказать: Нерожденный есть Нерожденный Сына; потому что, какъ Нерожденный есть Отець Сына, такъ наоборотъ Отець есть Нерожденный Сына». А сіе походить на то, какъ если бы кто, по справедливому и здравому разумѣнію, сказалъ объ Адамѣ: иѣтъ разности, называть ли его отцемъ всѣхъ людей, или первымъ человѣкомъ, созданнымъ отъ Бога, потому что тѣмъ и другимъ означается одно и тѣже; потомъ кто либо изъ подобныхъ Евномію діалектиковъ вставъ началъ бы подражать такому ухищренію въ сказанномъ: если одно и то же сказать объ Адамѣ, или что первый созданъ онъ Богомъ, или что онъ отецъ послѣ

него происшедшихъ людей, то намъ, оставивъ слово: отецъ и замѣнивъ оное словомъ: первозданный, можно будетъ сказать: Адамъ не отецъ, но первозданный Авеля; потому что, какъ первозданный есть отецъ сына, такъ наоборотъ, отецъ есть первозданный сына. Если бы это сказано было въ корчмѣ, то сколько рукоплесканій и смѣха раздалось бы у пьющихъ, обрадованныхъ изяществомъ находки! Въ таковыхъ разсужденіяхъ находить себѣ подкрѣпленіе противъ насъ премудрый богословъ, и нападаетъ на догматъ, подлинно имѣя нужду въ какомъ нибудь пѣступѣ и желѣ, чтобы научиться, что не все, о чемъ нибудъ сказуемое, непременно относится къ одному означаемому, какъ показываетъ это въ представленномъ нами примѣрѣ объ Авелѣ и Адамѣ; ибо объ Адамѣ справедливо сказать, что одинъ и тотъ же - и отецъ Авеля, и дѣло Божіе; но поелику онъ то и другое, то не слѣдуетъ изъ сего, что и въ разсужденіи Авеля имѣетъ два значенія. Такъ и о Богѣ всяческихъ наименованіе Отцемъ дастъ видѣть и собственно означаемое таковымъ словомъ, то есть, что Онъ родилъ Сына, и показываетъ, что никакая причина не умопредставляется прежде Отца, взятаго въ истинномъ смыслѣ. Однако же когда упоминаемъ о Сынѣ, нѣтъ необходимости, Отца не Отцемъ именовать, но называть нерожденнымъ Сына; и еще, если

бы въ отношеніи къ Сыну умолчано было о безначальности, нѣтъ необходимости въ нашемъ разумѣніи отрицать у Бога нерожденность. Но Евномій отвергаетъ такое употребленіе именъ, и подобно шутамъ смѣется надъ сказаннымъ нами, странностію лжеумствованія производя смѣхъ надъ догматами.

Ибо опять приведу на память сказанное имъ: «если одно и тоже сказать: Нерожденный, или Отецъ, то намъ, оставивъ слово: Отецъ, и принявъ вмѣсто него слово: Нерожденный, можно будетъ сказать: Нерожденный есть Нерожденный Сына, потому что какъ Нерожденный есть Отецъ Сына, такъ наоборотъ Отецъ есть Нерожденный Сына». Но если угодно, и мы отвѣтимъ ему смѣшнымъ, лжеумствованіе это обративъ ему въ противоположное. Если не одно и тоже Отецъ съ Нерожденнымъ, то Сынъ Отца не будетъ Сыномъ Нерожденнаго; потому что, къ одному Отцу имѣя сіе отношеніе, конечно, чуждымъ по естеству будетъ Тому, Кто есть нѣчто иное, и по понятію не сходствуетъ съ Отцемъ, такъ что, если Отецъ есть что либо иное съ Нерожденнымъ, и именованіе: Отецъ не объемлетъ собою и означаемаго словомъ: Нерожденный, то Сынъ, будучи единымъ, не можетъ дѣлиться на отношенія къ двоимъ, что бы одному и тому же быть Сыномъ и Отца и Нерожденнаго. И какъ признано нелѣпымъ

назвать Бога Нерожденнымъ Сына, такъ, безъ сомнѣнія, въ превращенной рѣчи окажется равною нелѣпостію наименовать Единороднаго Сыномъ Нерожденнаго. Посему что либо одно изъ двухъ, или Отець есть одно и тоже съ Нерожденнымъ, чтобы Сыну Отца быть Сыномъ и Нерожденнаго, и напрасно осмѣивается наше ученіе; или, если Отець есть вѣчто другое съ Нерожденнымъ, то Сынъ Отца чуждъ отношенія къ Нерожденному. И если одержить верхъ эта мысль, что Единородный не отъ Нерожденнаго, то, конечно, въ слѣдствіе сего ученія окажется, что у Него Отець рожденъ; потому что сущее, но сущее не нерожденно, безъ сомнѣнія, имѣетъ рожденную вностасть. Посему, если Отець, какъ что-то иное съ Нерожденнымъ, по мнѣнію ихъ, рожденъ, то гдѣ же эта пресловутая нерожденность? Гдѣ основаніе и опора еретическаго столпотворенія? Исчезли и обратились въ ничто по нетвердости лжеумствованій; у думавшихъ, что, повидимому, держатся пока за рукоятку, ускользнула нерожденность; и доказательство неподобія, подобно чьему-то сновидѣнію разсѣявшись, бѣжало отъ прикосновенія слова, улетѣвъ вмѣстѣ съ нерожденностію. Такъ, когда какая нибудь ложь почитается за истину, хотя въ слѣдствіе обмана имѣетъ она силу на малое время, но скоро сама собою падаетъ, и разоряется собственными своими построеніями.

Это предложено нами, чтобы посмѣяться только надъ тонкостями, какими награждаетъ Аномей. Но время опять привести слово въ должный порядокъ.

39. Евномій не хочетъ, чтобы въ словѣ: Отецъ заключалось и значеніе слова: Нерожденный; ему нужно приготовить ту мысль, что Единороднаго нѣкогда не было. Ибо у его учениковъ часто повторяется вопросъ: какъ рождается сущій? Причиною же сего полагаю то, что имъ не желательно, и помышляя о Божественномъ, отступить отъ человѣческаго употребленія именъ. Но мы доброхотно погрѣшительное это мнѣніе выведемъ на прямой путь, сказавъ, что знаемъ о семъ.

Иное, Евномій, означаютъ имена у насъ, другое же значеніе представляютъ о превысшей силѣ. Ибо и во всемъ прочемъ Божеское естество великимъ средостѣніемъ отдѣлено отъ человѣческаго; и опытъ не показываетъ здѣсь ничего такого изъ всего, о чемъ дѣлаются въ ономъ заключенія по какимъ-то догадкамъ и предположеніямъ. Такимъ же образомъ и въ означаемомъ именами хотя есть нѣкая подобоименность человѣческаго съ вѣчнымъ, но по мѣрѣ разстоянія естество и означаемое именами раздѣльно. Такъ на примѣръ Господь въ притчѣ именуется Богомъ *человькомъ доловитымъ* (Мате. 20, 1.); но это именованіе часто употребляется и въ жизни. Посему одинаково ли

достоинство человѣка. подобнаго намъ, и человѣка разумѣемаго въ притчѣ, и таковъ ли нашъ домъ, каковъ оный великій домъ, въ которомъ, какъ говоритъ Апостоль, *сосуди злати и серебряни*, и какія еще перечисляются изъ прочихъ веществъ (2 Тим. 2, 20.)? Или инаковы тѣ, которые иному не легко и познать, умопредставляемые въ нетлѣнн и блаженствѣ, и инаковы тѣ, которые у насъ сдѣланы изъ земли, и въ землю разлагаются? Точно такъ же и во всѣхъ почти прочихъ вещахъ есть нѣкая подобоименность Божественнаго съ нашимъ, при тожествѣ именъ показывающая большую разность означаемаго. Почему и именованія членовъ и чувствилищъ можно находить сходно распределенными, какъ у насъ, такъ и для Божественной жизни, которую всѣ люди признають свѣрхчувственною. Персты, мышца, рука, око, вѣжди, слухъ, сердце, ноги, сапоги, кони, *яжденіе* (Авв. 3. 8.), колесницы, и тысячи подобныхъ словъ изъ человѣческой жизни внесены Писаніемъ къ гадательному выраженію Божественнаго. Посему, какъ изъ сихъ именъ каждое говорится по человѣчески, но не человѣческоѣ имъ означается: такъ и имя отецъ, хотя одинаково говорится и о нашемъ и о Божіемъ естествѣ, но по мѣрѣ разности именуемыхъ предметовъ и означаемое словами различно: потому что иначе представляемъ себѣ рожденіе у людей, и иначе

гадаемъ о рожденіи Божественномъ. Человѣкъ рождается во времени, и, конечно, какое либо мѣсто принимаетъ въ себя жизнь его, а безъ этого и естество его состоять не можетъ. Поэтому въ жизни человѣческой необходимо находятъ временные отдѣлы, разумью. что прежде него, что вмѣстѣ съ нимъ, и что послѣ сего. Ибо о комъ бы то ни было изъ рожденныхъ вѣрно можно сказать, что, не бывъ нѣкогда, теперь онъ существуетъ, и также оный нѣкогда перестанетъ существовать: а о предвѣчномъ рожденіи эти временныя понятія, какъ съ онымъ естествомъ не имѣющія никакого сродства, рассуждающимъ трезвенно не приходятъ и на мысль. Ибо рассуждающій о Божественной жизни, ставъ выше реченій: нѣкогда, въ послѣдствіи, прежде, и всѣхъ другихъ, которыми означается временное это протяженіе, съ высоты обзрѣвать будетъ превъспреннее, и что видить въ рожденіи человѣческомъ, тому не почтитъ порабощеннымъ и роженіе неподвластное.

Въ здѣшнемъ естествѣ происхожденію человека предшествуетъ страданіе, для устройства живаго существа полагаются тѣлесныя нѣкія основы, и по изволенію Божию держится это на совершающемъ таковыя чудеса естествѣ, которое отсюду собираетъ свойственное и приличное усовершенію раждаемаго, изъ стихій міра, изъ каждой сколько достаточно, изъ

содѣйствія времени свою мѣру, и изъ питанія образующихъ раждаемое. сколько сіе бываетъ свойственно образуемому: кратко сказать, естество, которое, проходя все, что служить къ устройству человѣческой жизни, такимъ образомъ несуществующее приводитъ къ рожденію, почему говоримъ, что несуществующее приходить въ бытіе, такъ какъ, чего въ нѣкоторое время не было, то въ другое время начинается бытіе. Понятіе же о Божественномъ рожденіи не допускаетъ ни услужливости естества, ни совершенія времени для сбора приношеній, нужныхъ приводимому въ бытіе, ни всего того, что разумъ усматриваетъ въ долѣнемъ рожденіи, и ни въ одно изъ низкихъ помысленій не впадаетъ приступающій къ Божественному не съ плотскими понятіями. Напротивъ того ищетъ онъ какого либо понятія приличнаго величію означаемого; потому что не представитъ себѣ страданія въ безстрастномъ, не помыслитъ, что Создатель всякаго естества имѣетъ нужду въ естественномъ содѣйствіи, и не допуститъ временнаго протяженія въ жизни вѣчной; напротивъ того, представивъ себѣ Божественное рожденіе чистымъ отъ всего этого, согласится только, что изъ значенія имени: Отецъ открывается не безначальное бытіе Единороднаго, такъ что, хотя въ Отцѣ имѣетъ Онъ причину бытія, однакоже не умопредставляется въ Немъ

начало впостаси, по невозможности представить себѣ какой либо признакъ искомага. Ибо въ представленіи давно бывшаго и новѣйшаго, и во всѣхъ таковыхъ представленіяхъ, имѣющихъ мѣсто во временныхъ разстояніяхъ, если отъймешь мысленно время, вмѣстѣ съ тѣмъ отъемлются всѣ таковыя признаки, и похищаются съ временемъ.

Итакъ, поелику неизреченно прежде вѣковъ Сущій со Отцемъ не допускаетъ сего представленія: «нѣкогда»; то Онъ, хотя существуетъ рожденно, однакоже не начинаетъ когда либо бытія, потому что и не во времени, и не въ пространствѣ имѣетъ жизнь, а по отъятіи и пространства и времени, и всякаго подобнаго представленія объ впостаси Единороднаго, умопредставляемое прежде Него есть единый Отець. Но въ Немъ сущій и Единородный, какъ самъ Онъ говоритъ (Іоан. 10, 38.), невозможнымъ дѣлаетъ допустить предположеніе о небытіи Его когда либо. Ибо, если бы не было нѣкогда и Отца, то небытіемъ Отца необходимо усѣкалась бы свержу и вѣчность Сына. Если же всегда есть Отець, то какъ не быть когда либо Сыну, Который не можетъ быть умопредставляемъ самъ по Себѣ безъ Отца, но даже и умалчиваемый всегда именуется съ Отцемъ? Ибо названіе Отца равно имѣетъ значеніе двухъ лицъ, такъ какъ мысль о Сынѣ при этомъ словѣ привхо-

дить сама собою. Когда не было Сына? Въ чемъ заключено было Его небытіе? Въ пространствѣ ли? Но пространства не было. Во времени ли? Но Господь прежде времени. Посему, если былъ прежде времени и пространства, то когда же не былъ? И если былъ во Отцѣ, то въ чемъ же не былъ, скажите вы, видящіе невидимое, какую среду вообразилъ вашъ помыслъ? Чтò представляете себѣ лишеннымъ Единороднаго? Вещь ли какую, или понятія, которыя, будучи спротяженны съ Отцемъ, показываютъ, что жизнь ихъ долговѣчнѣе Единороднаго? И къ чему говорю это? Ибо и о челоувѣкѣ нельзя сказать въ собственномъ смыслѣ, что рожденъ кто либо несуществующій. Левій за много родовъ до своего рожденія по плоти далъ десятину Мельхиседеку; ибо такъ говоритъ Апостоль: *Левій. пріемлющій десятины, десятины далъ есть* (Евр. 7, 9), и въ доказательство сказаннаго присовокупляетъ, что онъ былъ въ чреслахъ отца своего, когда Авраамъ встрѣтился съ священникомъ Вышняго. Посему, если челоувѣкъ рождается нѣкоторымъ образомъ существующій, по апостольскому свидѣтельству, по общей сущности предсуществовавъ въ родившемъ его; то какъ осмѣливаются о Божіемъ естествѣ произносить это слово, что не существуя Сущій во Отцѣ родился, какъ говоритъ Господь: *Азъ во Отца и Отецъ во Мнѣ*

(Иоан. 14, 11.), именно сказуя симъ, что каждый изъ Нихъ въ другомъ, оливъ по одному, а другой по другому ногляію: Сынъ въ Отцѣ, какъ лѣпота изображенія въ первообразномъ зракѣ, а Отецъ въ Сынѣ, какъ первообразная лѣпота въ Своемъ изображеніи. Но въ рукотворенныхъ изображеніяхъ промежуточное время, безъ сомнѣнія, принятый образъ отдѣляетъ отъ первообраза: а тамъ невозможно отдѣлить одно отъ другаго, ни образъ отъ ипостаси, ни сіяніе отъ Божественной славы, какъ говоритъ Апостолъ (Евр. 1, 3.), ни изображение отъ благодати; но помыслившій о чемъ либо изъ сего приѣмлетъ мыслию умопредставляемое совокупно съ этимъ. Ибо сказано: *Сый сіяніе славы, Сый*, а не содѣлавшійся, такъ что Апостолъ ясно отстраняетъ этимъ все, что есть нечестиваго въ томъ и другомъ предположеніи, и не признаетъ какъ того, что Единородный нерождень, сказавъ: *сіяніе славы*, потому что сіяніе отъ славы, а не наоборотъ отъ сіянія слава, такъ и того, что нѣкогда началъ Онъ бытіе, потому что свидѣтельство слова: *сый* даетъ разумѣть всегдашнее существованіе Сына, Его вѣчность и превосходство надъ всякимъ временнымъ значеніемъ.

Посему благовременно нѣсколько представить этотъ неудачный вопросъ противниковъ, составленный ими во вредъ благочестію, и который, какъ непреоборимый, предлагаютъ

они намъ въ доказательство собственнаго своего ученія. спрашивая: рождается ли Сущій? Имъ отвѣчать можно смѣло, что Сущій въ Нерожденномъ отъ Него рожденъ, въ немъ имѣя причину бытія: ибо говоритъ: *Азъ живу Отца ради* (Іоан. 6, 57.). О началѣ же говорить нельзя, когда нѣтъ ничего посредствующаго. ни представленія, ни временнаго разстоянія, ничего такого, чѣмъ отличается и отдѣляется бытіе Сына отъ Отца, и не представляется признака, показывающаго, что Единородный . отрѣшившись отъ жизни Отца , пріемлетъ какое-то особое начало. Посему, если нѣтъ никакого другаго начала, предвѣщающаго жизнью Сына: напротивъ того ученіе благочестія усматриваетъ, что предъ впостацію Сына неотступно единый Отець, Отець же безначаленъ и нерожденъ, какъ исповѣдуетъ вмѣстѣ и свидѣтельство противниковъ; то какъ пріемлетъ начало бытія созерцаемый въ Безначальномъ?

Какой же вредъ ученію благочестія отъ согласія съ словами противниковъ, которыя выставляютъ они, какъ недѣльныя, говоря: рожденъ ли Сущій? Ибо не то говоримъ, что, по грубому недоумѣнію Никодима, какое высказалъ онъ Господу, и по которому полагалъ, что существующему невозможно придти во второе рожденіе (Іоан. 3, 4.), такъ и Сущій пріемлетъ рожденіе; напротивъ того говоримъ,

что имѣющій свое бытіе соединеннымъ съ всегда и безначально Сущимъ, неотступающій отъ любовѣдѣнія о старѣйшемъ, и предваряющій въ превышающемъ любовѣдѣніе ума, и не отдѣлимый отъ всякой мысли объ Отцѣ, и бытія не начинается, и не рожденъ, но и родился, и всегда былъ, относительно къ причинѣ признавая рожденіе отъ Отца, а по вѣчности жизни не допуская, чтобы когда либо не имѣть бытія.

40. Но сказанному противится до излишества умудряющійся, и сущность Единороднаго отдѣляетъ отъ естества Отца, потому что одинъ родился, а другій нерожденъ; и, когда столько есть именъ, показывающихъ благочестивый взглядъ на естество Божіе, и въ которыхъ не усматривается никакого видоизмѣненія относительно къ Сыну, но все равно приличествуютъ и Сыну и Отцу, Евномій, не упомянувъ ни объ одномъ изъ другихъ именъ, которыми обозначается общность, привязывается къ одному имени: нерожденность, да и то принимаетъ не въ обыкновенномъ и признанномъ значеніи, но вводитъ новое понятіе нерожденнаго, отвергая общія предположенія о семъ словѣ. Какая же причина этому? Ибо не безъ важнаго какого нибудь побужденія отступаетъ въ рѣчи отъ обыкновеннаго смысла именъ, и странничаетъ измѣненіемъ значенія словъ. Въ точности зналъ онъ, что,

если употребленіе именъ будетъ сохранено по обычаю, то не найдетъ онъ никакого подкрѣпленія къ извращенію здраваго ученія; если же реченія не удержатъ при себѣ общихъ и признанныхъ за ними понятій, то симъ извращеніемъ словъ легко будетъ можно извращать и догматы. Напримѣръ (перейдемъ къ самымъ реченіямъ, съ которыми поступлено такъ худо), если бы, по общему разумѣнію догматовъ, Евномій согласился, что Богъ называется нерожденнымъ, потому что не родился, то рушилось бы у нихъ цѣлое зданіе ереси, съ лжеумствованіемъ о нерожденности лишенное своей опоры. Ибо, если бы въ слѣдствіе этого, по сходству почти всего введеннаго въ употребленіе въ церкви Божіей, убѣдился, что сущій надъ всѣми Богъ умопредставляется, какъ невидимымъ, безстрастнымъ и безтѣлеснымъ, такъ и нерожденнымъ, соглашаясь, что каждымъ изъ сихъ именъ означается, чего вовсе нѣтъ у Бога,—какъ-то: тѣла, страсти, цвѣта, и того, чтобы имѣть бытіе отъ причины; если бы призналъ, что это дѣйствительно такъ; то не имѣло бы никакой силы ихъ ученіе о неподобіи; такъ какъ во всемъ прочемъ, что умопредставляется о Богѣ всяческихъ, и противники уступаютъ Единородному равенство съ Отцемъ.

Но чтобы не пронзошло сего, изъ всѣхъ Божіихъ именъ, разумѣю имена, указующія на

верховное могущество, Евноміи предпочитаетъ имя нерожденности, и его дѣлаетъ убѣжищемъ для произведенія нападеній на наше ученіе, противорѣчіе рожденнаго нерожденному въ выговорѣ слова переноса на лица, которымъ приданы имена, и посредствомъ сихъ именъ изъ различія ихъ ухищряется познавать инаковость сущностей. соглашаясь, что рожденнымъ называется кто-либо не потому, что родился, и нерожденнымъ не потому, что не родился, напротивъ того, потому что рожденный, такъ сказать, осуществленъ роженіемъ; не знаю, какою мудростію руководимъ былъ онъ къ такому разумѣнію. Ибо, если кто дознаетъ значеніе именъ, каковы они сами по себѣ, въ отвлеченіи отъ Лиць, отъ которыхъ, по видимому, имѣютъ свой вѣсь, то найдетъ пустоту мысли въ сказанномъ Евноміемъ. Не потому, что Отець, по истинному ученію вѣры, умопредставляется прежде Сына, и порядокъ именъ да признаегъ всякій согласующимся съ достоинствомъ и порядкомъ Лиць, означаемыхъ сими именами; но пусть смотритъ на имена, какое изъ нихъ, взятое само по себѣ, предпоставляется другому относительно къ его составленію (опять разумѣю имя, а не вещь, означаемую именемъ), какое изъ сказанныхъ именъ показываетъ положительную мысль о чемъ-нибудь, и какое—отрицаніе положительной мысли. Напримѣръ (для

ясности, думаю, надобно представить въ словѣ примѣры подобныя), возьмемъ образованность и необразованность, страсть и безстрастіе и прочія такого же рода имена, какія изъ нихъ могутъ быть умопредставляемы прежде другихъ? Тѣ ли, которыя представляютъ отрицаніе положенія, или тѣ, которыя выражаютъ положеніе подлежащаго? Я утверждаю послѣднее: ибо прежде умопредставляется образованность, гнѣвъ и страсть, а потомъ отрицаніе умопредставленнаго; тоже сказать должно о рожденіи и о нерожденности. И никто по самочинному благочестію да не оуждастъ слова сего, будто бы Сынъ предпочитается имъ Родшему: ибо не утверждаемъ, что Сынъ поставляется выше и умопредставляется прежде Отца, если въ словѣ разбирается значеніе имени: рожденный и Нерожденный. Посему рожденіе означаетъ положеніе какой-либо вещи, или мысли, а нерожденность, какъ сказалъ я, отрицаніе положеннаго: такъ что во всякомъ случаѣ имя: рожденіе представляется уму прежде имени: нерожденность. Почему же, что въ числѣ имени по порядку есть второе, то усиливаются, какъ свойственное изъ этихъ понятій, приспособить къ Отцу, а представленіе отрицающее, что бы то ни было, признаютъ указательнымъ и объемлющимъ собою сущность имени, и на обличающихъ нетвердость ихъ ученій негодуютъ и раздражаются?

41. Ибо вотъ какъ злопамятенъ онъ на обличившаго его нетвердость и бесиліе злоухищренія, и какъ мститъ ему, чѣмъ можетъ; можетъ же однимъ злословіемъ и оскорбленіемъ; и богатство такой возможности у него чрезъ мѣру изобильно. Ибо, какъ у искусныхъ переписчиковъ книгъ какіе-то соединительные знаки наполняютъ собою пробѣлы въ строкахъ, собщая собою благозвучіе и стройность складу рѣчи: такъ Евномій въ большей части своихъ произведеній испещряетъ сочиненіе злорѣчіемъ, какъ бы украшаясь преизбыткомъ силы оскорблять; потому что, по словамъ его, опять мы суетны, опять погрѣшаемъ противъ здраваго разсудка, безъ достаточнаго въ нуждѣ приготовленія пристунаемъ къ словопрѣнію, и не постигаемъ смысла въ словахъ говорящаго. Ибо все это и еще большее сего учителю нашему восписуютъ невозмутимыя сіи уста, и можетъ быть, не неразумна причина гнѣва, но справедливо раздражается борзописецъ. Ибо сколько долженъ былъ огорчить его обличающій недуги слова сего, обнажить и сдѣлать явною и для простыхъ хулу, прикрытую вѣроятностію лжеумствованій? Почему же не прикрываетъ онъ молчаніемъ того, что не твердо въ догматѣ, но выставляетъ на позоръ сего жалкаго, когда надлежало бы пожалѣть и прикрыть безмолвіемъ неприличіе слова? А онъ обличаетъ и выводитъ на зрѣ-

лице человѣка, какъ бы то ни было, уважаемаго своими учениками за мудрость и тонкость ума. Евномій гдѣ-то въ словахъ своихъ сказалъ, что за Богомъ слѣдуетъ нерожденность. О семъ изреченіи учитель нашъ замѣтилъ, что слѣдующее есть нѣчто усматриваемое со внѣ, а слово: сущность показываетъ значеніе не чего нибудь внѣшняго, но самаго бытія, поколику вещь существуетъ. Негодуешь на это благодушный и неодолимый Евномій, и обильно источаетъ укоризны; потому что, услышавъ сказанное, ощутилъ и смыслъ. Чѣмъ же погрѣшилъ Василій, если внимательно слѣдовалъ за смысломъ написаннаго? Если неправильно повималъ онъ сказанное, то упреки твои справедливы, и мы забудемъ ихъ. Если же краснѣешь отъ обличенія, то почему не изгладишь въ написанномъ, но злословишь обличающаго?—«Да, говорить, но онъ не постигъ цѣли слова». Въ чемъ же наша неправда, если, какъ люди, по сказанному догадываемся о смыслѣ, не имѣя никакого понятія о сокровенномъ въ сердцѣ? Богу принадлежитъ и незримое видѣть, и черты никонимъ образомъ непостигаемаго разсматривать, и познавать несходство въ невидимомъ: а мы судимъ единственно по тому, что слышимъ.

Посему сказано: «слѣдуютъ за Богомъ», и въ числѣ слѣдующихъ, по гаданію нашему, Евномій разумѣетъ нерожденность; еще ска-

зано: «лучше же сказать. самая нерожденность и есть сущность». Связи этого не въ силахъ мы были уже уразумѣть, представивъ себѣ большую, по видимому, разность и странность въ означаемомъ. Ибо, если слѣдуетъ за Богомъ нерожденность, нерожденность же есть сущность, то, конечно, слово сіе приводитъ къ понятію *Ѹ* двухъ сущностей въ одномъ и томъ же. такъ что Богъ и существуетъ вмѣстѣ, какимъ существовалъ нѣкогда, и какимъ, по вѣрованію нашему, донинѣ существуетъ, но имѣетъ и слѣдующую за Нимъ иную сущность, которую называютъ нерожденностію, и которая есть нѣчто другое съ Тѣмъ, Кому служитъ сопровожденіемъ, какъ говоритъ наставникъ. И если такъ повелѣваетъ разумѣть это, то да проститъ намъ, невѣждамъ, неспособнымъ дойти до этой тонкости взглядовъ.

Если же Евноміи отвергаетъ это ученіе, и не соглашается, что говоритъ о двоякой сущности въ Богѣ, изъ которыхъ одна познается въ самомъ Божествѣ, а другая—по нерожденности, то пусть посовѣтуетъ самъ себѣ этотъ неопрометчивый, и не лукавый мужъ, немного вдаваться въ злорѣчіе въ состязаніи за истину, но объяснить намъ неученымъ, почему не иное чтó есть послѣдующее, а иное предыдущее, но то и другое дѣлается однимъ. Ибо и въ томъ, чтó говоритъ теперь въ за-

щиту своего ученія, остается, какъ и прежде, несообразнымъ и, какъ самъ говоритъ, при-
 совокупленіе оныхъ строго высчитанныхъ ре-
 ченій не поправляетъ разногласія въ сказан-
 номъ; потому что, какое можно найти въ
 нихъ наставленіе, не могъ я донскаться сего.
 Но скажемъ отъ слова до слова, что именно
 написано имъ. «Сказали мы, говоритъ Евно-
 мій: лучше же сказать, само нерожденное есть
 то, что, по доказанному, послѣдуетъ. Сказали,
 не въ бытіе включая это, но прилагая, что
 послѣдуетъ, къ наименованію, а что есть само
 въ себѣ, — къ сущности». Если сложить это
 во едино, то полная рѣчь будетъ такова: по-
 слѣдуетъ имя нерожденность, потому что само
 именуемое есть Нерожденный. Посему кого
 представимъ истолкователемъ сказаннаго? «Не
 въ бытіе включая, что, по доказанному, по-
 слѣдуетъ», говоритъ Евномій. Но слово: вклю-
 чая, скажутъ, можетъ быть, иные изъ люби-
 телей выразаться загадочно, употреблено Евно-
 миемъ въ смыслѣ слова: соединяя. А кто до-
 знается смысла и послѣдовательности прочаго?
 Открывшееся послѣдовательно, говоритъ Евно-
 мій, состоитъ въ связи не съ сущностію, но
 съ наименованіемъ. А что такое наименованіе,
 премудрый? Разногласитъ ли съ сущностію,
 или сходится съ нею по понятію? Если имя
 не въ связи съ сущностію, то какія отличи-
 тельныя черты сущности означаются наиме-

пованіемъ: Нерожденный? Если же, какъ самъ именуешь, сущность естественно соединена съ нерожденностію, то почему отдѣляется здѣсь? «И имя сущности слѣдуетъ за однимъ, а самая сущность за другимъ». Какъ же слагается вся рѣчь? За Богомъ, говорить, слѣдуетъ имя нерожденность, потому что Самъ Онъ нерожденъ. Утверждаетъ ли, что за Богомъ, такъ какъ Онъ нѣчто иное съ нерожденностію, слѣдуетъ это имя? И какъ Божество опредѣляетъ нерожденностію, но говорить, что за Богомъ, существующимъ нерожденно, слѣдуетъ опять нерожденность? И кто разрѣшитъ намъ сѣть этихъ загадокъ? Нерожденность предшествующую и нерожденность послѣдующую, и наименованіе сущности, то естественно приспособленное, то опять послѣдующее, какъ чуждое? А что же это у него за великое изумленіе при имени нерожденность, такъ что ей приписываетъ все естество Божества; и если такъ будетъ оно наименовано, то не окажется никакого недостатка въ благочестіи; если же нѣтъ, то подвергнется опасности все ученіе вѣры. Если не почтетъ кто излишнимъ и непринадлежащимъ къ дѣлу краткаго о семъ разсужденія, то разсудимъ такъ.

42. Вѣчность Божественной жизни, если кто станетъ описывать, заключивъ ее въ нѣкое опредѣленіе, такова: всегда объемлется бытіемъ, не допускаетъ и мысли, что нѣкогда ея

не было, и нѣкогда ея не будетъ. Какъ объ очертаніи круга, поелику черта въ равномъ разстояніи отъ средоточія сама по себѣ изгибается, измѣряющіе земныя плоскости говорятъ, что начало чертежа неопредѣленно; потому что черта не тянется ни къ примѣтному концу, ни къ явному началу, но вездѣ въ равныхъ разстояніяхъ отъ средоточія соединена сама съ собою, избѣгаетъ того, чтобы показать какое либо начало и окончаніе: такъ (и никто да не клеветаетъ, будто бы въ словѣ семь ограниченному очертанію уиодобляемъ безпредѣльное естество), не на окружность круга смотря, но взирая на сходство жизни, повсюду необъятной, говоримъ, что это есть понятіе вѣчнаго. Ибо отъ настоящаго мгновенія, какъ отъ средоточія и какого-то знака, простираясь и пробѣгая повсюду мыслию въ безпредѣльность жизни, и какъ въ кругѣ, равно и одинаково увлекаемся необъятностью, вездѣ встрѣчаясь съ Божественною жизнью, которая не прекращается, и сама съ собою неразрывна, и бываемъ не въ состояніи познать какой либо предѣлъ и какую либо часть. Сіе именно говоримъ о вѣчности Божіей, что слышали и въ пророчествѣ: Богъ — и Царь предвѣчный (Иса. 73, 12.), и царствуетъ *въ вѣкъ и на вѣкъ*, и *еще* (Исх. 15, 18.); потому опредѣляемъ Его древнѣйшимъ всякаго начала, и позднѣйшимъ всякаго конца. Посему, имѣя это понятіе о

Богъ всяческихъ, какъ прилично Ему, умопредставленное нами выражаемъ двумя наименованіями, безпредѣльность, непрекращаемость и вѣчность жизни Божіей изображая словами: нерожденный и безконечный: ибо если которое либо одно изъ нихъ включено въ это понятіе, а прочее умолчано, то, безъ сомнѣнія, и означаемое будетъ хромать въ недосказанномъ; такъ какъ невозможно одному которому либо изъ сихъ именованийъ вполнѣ представить значеніе того и другаго. Кто назоветъ безконечнымъ, тотъ покажетъ только, что чуждъ конца, а ничего не скажетъ о началѣ: и кто наименуетъ безначальнымъ, тотъ покажетъ, что означаемое выше пачала, но вопросъ о концѣ оставитъ нерѣшеннымъ.

Итакъ, поелику имена сін, какъ сказалъ я, равно означаютъ вѣчность Божественной жизни, то кстати намъ изслѣдовать, почему еретики, разсѣкая означаемое словомъ: вѣчный, о томъ умопредставленіи, которымъ отрицается начало, говорятъ, что есть сущность, а не одно изъ свойствъ Вѣчнаго, то же, которое не допускаетъ конца, полагаютъ внѣ сущности, не знаю, по какому разумѣнію дѣлая такое распределеніе, по которому не имѣть начала признается сущностию, а не имѣть конца исключается изъ сущности. Поелику объ одномъ и томъ же имѣемъ два эти представленія; то надлежало, или то и другое принять

въ понятіе сущности, или, если одно признали принадлежащимъ, съ нимъ вмѣстѣ изринуть и остальное. Если же раздѣлившимъ понятіе вѣчности непремѣнно угодно одно отнести къ сущности Божественнаго естества, а другое не полагать въ числѣ существеннаго потому что о подобныхъ вещахъ хотять судить низкимъ разумомъ, подобно птицамъ, утратившимъ перья, не возносясь на высоту умопредставленій о Богѣ); то посоветовалъ бы я имъ превратить ученія свои въ противоположныя, такъ чтобы безконечность причислить къ сущности, безначальность же почитать менѣе уважительною. нежели безконечность, восписуя первенство будущему, исполненному надеждъ, а не прошедшему и тому, чѣмъ уже воспользовались. Ибо (говорю же это для малыхъ душами. произвольно низводя слово до дѣтскаго разумѣнія) такъ какъ прошедшая часть жизни прожившими оную вмѣняется ни во что, и все попеченіе у живущихъ обращено на будущее и ожидаемое, то безконечность должна быть досточествіе безначальности; потому что бессмертное стремится къ будущему и ожидаемому. Поэтому или умопредставленія еретиковъ объ ествѣ Божіемъ пусть будутъ богоугодны и возвышенны, или, если о подобномъ сему судять они человѣческимъ разумомъ, то будущее пусть будетъ для нихъ досточествіе прошедшаго, и имъ пусть опре-

дѣляютъ Божию сущность. Ибо все прошедшее съ истеченіемъ времени уже исчезаетъ; а ожидаемое осуществляется надеждою.

Но хотя это смѣшное и дѣтское предлагаю вамъ, какъ дѣтямъ, которыя сидятъ и забавляются на площади (ибо кто всмотрится въ низость и оземленѣлость еретическихъ ученій, тому невозможно, конечно, не перенестись мыслию въ какую нибудь дѣтскую игру), однакоже утверждаю, что хорошо будетъ присо-вокупить къ слову и это; значеніе слова: вѣчный, по сказанному выше, воспоминается тѣмъ и другимъ, отчужденіемъ какъ начала, такъ и конца. Если сущность Божию ограничатъ однимъ; то половиннымъ и усѣченнымъ окажется у нихъ понятіе сущности, заключаемое въ одно безначальное, но не имѣющее въ себѣ безконечнаго по сущности. Если же, соединивъ то и другое, изъ того и другаго составить понятіе сущности, то увидимъ опять открывающуюся при семъ несообразность въ словѣ. Ибо найдется, что понятіе сіе у нихъ не согласуется не только съ понятіемъ объ Единородномъ, но и само съ собою. Рѣчь же ясна, и не имѣетъ нужды въ большой разборчивости. Ибо понятія начала и конца одно другому противоположны, и означаемое тѣмъ и другимъ различно, какъ имѣетъ сіе мѣсто и въ прочихъ предметахъ, прямо другъ другу противоположныхъ, и между которыми нѣтъ

ничего средняго. Спрошенный о началѣ, что оно такое, не отвѣтитъ на сіе опредѣленіемъ конца, а въ противоположность тому приведетъ опредѣленное понятіе начала. Посему и противоположное каждому изъ сихъ понятій, въ равнойъ противоположенію мѣрѣ, сдѣлается одно съ другимъ различно; и иное нѣчто будетъ признано безначальнымъ, именно же, что противопологается являющемуся съ началомъ, и иное нѣчто—безконечнымъ, именно же, что не допускаетъ конца. Потому, если сущности Божіей припишутъ, соединивъ вмѣстѣ два сіи понятія, разумѣю безконечность и безначальность, то Бога своего представятъ стеченіемъ двухъ нѣкихъ противоположныхъ и несогласныхъ качествъ. Ибо противоположность конца началу самъ собою обнаруживаетъ смыслъ противопологаемый каждому изъ нихъ. Вещи противныя противопологаемымъ, безъ сомнѣнія, и сами взаимно одна другой противны. Справедливо же положеніе, что всѣ вещи, противопоставляемыя другимъ, по естеству между собою противнымъ, и сами взаимно одна другой противны; какъ можно видѣть изъ примѣровъ. Огню противопоставлена вода. Поэтому и силы для нихъ истребительныя будутъ одна другой сопротивляться. Ибо если къ угашенію огня служитъ влажность, а къ истребленію воды — сухость; то сопротивленіе воды огню сохраняютъ въ себѣ и про-

тивополагаемыя имъ качества , какъ влажность признается противоположною сухости. Такъ поелику и начало и конецъ противоположны между собою, то и тивополагаемыя имъ именования, разумью безначальность и безконечность, по понятію состоятъ во взаимной борьбѣ. Итакъ, если по опредѣленію еретиковъ, которое либо одно изъ сихъ наименованій указываетъ на сущность (ибо возвращаюся къ прежней рѣчи); то въ такомъ случаѣ они свидѣтельствуютъ, что бытіе Богу принадлежитъ только въ половинну, утверждая, что сущность Его ограничивается одною безначальностію, и не простирая оной даже до безконечности. Если же то и другое внеся въ понятіе сущности, не инос что сдѣлають, какъ сложать ее изъ противоположностей; то, по сказанному выше, противоположностію конца съ началомъ покажутъ, что сущность раздѣлена безконечностію и безначальностію. И въ такомъ случаѣ Богъ у нихъ окажется чѣмъ-то разнообразнымъ, сложнымъ, составленнымъ изъ какихъ-то противоположностей.

Но вѣтъ и не будетъ такого ученія въ церкви Божіей, по которому бы утверждалось, что простой и несложный не только многовиденъ и разнообразенъ, но даже составленъ изъ противоположностей. Ибо простота догматовъ истины, уча тому, что такое Богъ, предполагаетъ, что не можетъ Онъ быть

объемлемъ ни именованіемъ, ни помышленіемъ, ни нию какою постигающею силою ума; пребываетъ выше не только человѣческаго, но и ангельскаго и всякаго премірнаго, постиженія, неизглаголанъ, неизречень, превъше всякаго означенія словами, имѣеть одно имя, служащее къ познанію Его собственнаго естества, именно, что Онъ одинъ *наче всякаго имене* (Филип. 2, 9.), которое даровано и Единородному, потому что все то принадлежитъ Сыну, *елика и маетъ Отецъ* (Іоан. 16, 15.). А что реченія сіи, разумѣю нерожденность и безконечность, означаютъ вѣчность, а не сущность Божию, сіе исповѣдуетъ ученіе благочестія; и нерожденность показываетъ, что выше Бога нѣтъ ни начала какаго, ни причины каковой, а безконечность означаетъ, что царство Его не ограничится никакимъ предѣломъ. Ибо пророкъ говоритъ: *Ты тойжеде еси, и мѣта Твоя не оскудѣютъ* (Иса. 101, 28.),—словомъ: *еси* означая, что не отъ причины каковой произошло сіе бытіе, а слѣдующею рѣчью показывая непрекращающееся и безконечное блаженство жизни.

Но, можетъ быть, нный даже и изъ числа благоговѣйныхъ, остановившись на томъ, что изслѣдовано нами о вѣчномъ, скажетъ: въ слѣдствіе сказаннаго ученію объ Единородномъ трудно не встрѣтить себѣ преткновенія. Изъ двухъ различно представляющихся догматовъ

необходимо согласиться съ однимъ. Ибо или будемъ доказывать, что и Сынъ нерожденъ, что нелѣпо; или не уступимъ Ему и вѣчности, что свойственно богохульствующимъ. Если вѣчность познается по безначальности и безконечности; то по всей необходимости будемъ или нечестовать, не признавая вѣчности Сына, или въ мнѣніяхъ объ Единородномъ увлекаться въ предположеніе нерожденности. Посему что же сдѣлаемъ? Если призракъ какой времени предпоставитъ вносташи Единороднаго, кто Отца умопредставляетъ прежде Сына только какъ причину: то понятіемъ о вѣчности Сына можетъ у насъ подвергнуто быть опасности понятіе о Сынѣ. Нынѣ сіе, что *никогда* не будетъ, равно и одинаково не признается въ предвѣчномъ естествѣ и о жизни Отца, и о жизни Единороднаго, и объ исповѣданіи Святаго Духа. Ибо гдѣ нѣтъ времени, тамъ исключается вмѣстѣ и *никогда*. Если же Сынъ, умопредставляющійся вмѣстѣ съ мыслию объ Отцѣ, всегда постигается сущимъ въ бытіи; что страшнаго свидѣтельствовать о вѣчности Единороднаго, не имѣющаго ни начала дней, ни конца жизни. Ибо какъ отъ свѣта свѣтъ, отъ жизни жизнь, отъ благаго благій, премудрый, правдивый и сильный, а также и все иное, отъ подобнаго подобный, такъ и отъ вѣчнаго непремѣнно вѣчный.

Но любитель противорѣчій и споровъ хватается за это слово, и говорить: эта связь рѣчи заставляетъ предположить, что и отъ нерожденного нерожденный. Впрочемъ пусть отрезвится сердцемъ и твердо стоитъ въ собственномъ своемъ словѣ этотъ возражающій. Признавая, что Единородный отъ Отца, отдалъ онъ и мысль о нерожденности. И никакого нѣтъ страха, будто бы одного и того же называетъ и вѣчнымъ и не нерожденнымъ; потому что никакимъ промежуткомъ времени не ограничивается бытіе Сына, напротивъ того и прежде вѣковъ и послѣ нихъ безпредѣльность Его жизни лѣтся всюду, и въ собственномъ смыслѣ Сынъ именуется вѣчнымъ. И потому что опять, будучи и называясь Сыномъ, совокупно съ Собою даетъ умопредставлять и Отца, симъ самымъ избѣгаетъ возможности подать о Себѣ мысль, будто бы существуетъ нерожденно, всегда существуя вмѣстѣ съ сущимъ всегда Отцемъ, какъ изрекло и богодухновенное слово нашего учителя: «рожденно будучи соединенъ съ нерожденностію Отца» (м). То же у насъ ученіе и о Святомъ Духѣ, имѣющее разность въ одномъ только порядкѣ. Ибо какъ Сынъ соединяется съ Отцемъ, и отъ Него имѣя бытіе, не позднѣе Его по началу бытія, такъ опять и Духъ

Святый относится къ Единородному, Который только мысленно. относительно къ причинѣ (п), умопредставляется прежде вносташи Духа. Временнымъ же продолженіямъ нѣтъ мѣста въ предвѣчной жизни. такъ что, за исключеніемъ понятія причины, ничего несогласнаго съ собою не имѣетъ Святая Троица; Ей подобаеть слава!

п) То есть къ Отцу

ОПРОВЕРЖЕНІЕ ЕВНОМІЯ.

КНИГА ВТОРАЯ.

СОДЕРЖАНІЕ ВТОРОЙ КНИГИ.

1.) Вторая книга излагаетъ ученіе о воплощеніи Бога Слова и о вѣрѣ, преданной Господомъ ученикамъ, и сказуетъ, что еретики, извращающіе сію вѣру и измыслившіе нныя имена, ведутъ начало отъ отца своего діавола.

2.) Потомъ пространно изъясняетъ ученіе о вѣчномъ Отцѣ и Сынѣ и Святомъ Духѣ.

3.) Послѣ сего объясняетъ не поименованное имя Святыя Троицы, взаимное между собою отношеніе Лиць, а также недовѣдомость сущности, происхожденіе къ намъ Бога-Слова. Его рожденіе отъ Дѣвы, второе пришествіе, воскресеніе изъ мертвыхъ, и воздаяніе.

4.) Послѣ этого весьма разумно обличаетъ пустое и хульное изложеніе Евноміева мнѣнія о сущемъ.

5.) Потомъ чуднымъ образомъ излагаетъ неудобовразумительность Евноміевыхъ разсужденій о томъ, что сущность Отца не можетъ ни отдѣляться, ни дѣлиться, ни дѣлаться чѣмъ либо инымъ.

6.) Послѣ сего доказываетъ единство Сына со Отцемъ, и также Евноміево незнаніе Писаній и незнакомство съ оными.

7.) При семъ доказываетъ, что Единородный не отъ Отца только, но и отъ Дѣвы Духомъ Святымъ рожденный безстрастно, не раздѣлилъ сущности. Да и человѣческое естество раждаемое съ раждающими не дѣлится или отъ нихъ не отдѣляется; какъ весьма умно доказано сіе Адамомъ и Авраамомъ.

8.) Въ слѣдъ за симъ излагаетъ весьма приличное истолкованіе слова: единородный и слова: первородный, четырекратно употребленнаго постоломъ (Римл. 8, 29. Кол. 1, 15. Кол. 1, 18. Евр. 1, 6.).

8.) Потомъ еще разобравъ выраженія: рожденіе Единороднаго, также инья разныя вещественныя и невещественныя рожденія, боголѣпно доказываетъ, что Сынъ есть сіяніе славы, а не тварь.

10.) Потомъ различно изслѣдовавъ, прекрасно истолковалъ изреченіе: *Господь создалъ* (Прит. 8, 22.) и слово о началѣ Сына, также обманъ, сокрытый въ словахъ Евноміе-

выхъ, и изреченіе, въ которомъ сказано: *славы Мояя шолу не далъ* (Иса. 42, 8.).

11.) Потомъ, объяснивъ достоинство Вседержителя, вѣчность Единороднаго и изреченіе: *послушивъ бывъ* (Филип. 2, 8.), доказываетъ неразуміе Евномія въ сказанномъ у него, что не за послушаніе получилъ Христосъ то, чтобы Ему быть Сыномъ.

12. Послѣ сего предлагаетъ прекрасное изъясненіе словъ: Ходатай, подобный, нерожденный и рожденный, также объясняетъ реченія: образъ и печать дѣятельности и дѣлъ Вседержителя.

13.) Послѣ сего толкуетъ евангельское изреченіе: *Отецъ не судитъ николауже* (Іоан. 5, 22.). Еще же, сказавъ о человѣкѣ, воспріятомъ на себя Господомъ съ душою и тѣломъ, объясняетъ Адамово преступленіе, смерть и воскресеніе изъ мертвыхъ.

14.) Сверхъ сего излагаетъ мнѣнія, какія о Святомъ Духѣ имѣютъ церковь и Евномій, и доказываетъ, что не три Бога, но одинъ Отецъ и Сынъ и Святой Духъ. При семъ излагаетъ разныя степени покорности; и здѣсь показываетъ покорность всѣхъ Сыну, и покорность Сына Отцу.

15.) Потомъ показавъ во многомъ невразумительность Евномія, то утверждающаго, что Духъ Святой есть тварь и превосходнѣйшее

произведеніе Сына, то исповѣдующаго, что Онъ по дѣйствованіямъ Своимъ есть Богъ. оканчивается симъ книгу.

1.) Христіанская вѣра, всеѣмъ народамъ, по повелѣнію Господа, проповѣданная учениками, *ни отъ чловѣкъ есть, ни чловѣки, но самимъ Господомъ нашимъ Исусъ Христомъ* (Гал. 1, 1.), Который, будучи Словомъ, и жизнью, и свѣтомъ, и истиною, и Богомъ, и премудростію, и всеѣмъ, что Онъ по естеству, по сему самому иначе *въ подобіи чловѣчествлъ* былъ (Филип. 2, 7.), и причастился естества нашего *по всяческии по подобію, развѣ грѣха* (Евр. 4, 15.); по подобію же, такъ какъ воспріялъ на Себя цѣлаго чловѣка съ душою и тѣломъ; почему тѣмъ и другимъ совершается наше спасеніе. Онъ *на земли явился, и съ чловѣки поживсе* (Вар. 3, 38.), чтобы люди думали впредь о Сущемъ, не своими водясь сужденіями, и по какимъ либо догадкамъ составляющимся у нихъ понятія обращая въ догматъ, а напротивъ того, убѣдившись, что Богъ истинно явился во плоти, увѣровали мы въ ту одну истинную тайну благочестія, которая предана намъ Самимъ Богомъ Словомъ, глаголавшимъ Своими устами апостоламъ. Ученіе же о превышемъ Естествѣ, почерпаемое изъ ветхозавѣтныхъ писаній, изъ закона и пророчествъ,

также изъ приточныхъ наставленій, какимъ-то *зерцаломъ въ заданіи* (1 Кор. 13, 12.), да приемлемъ какъ свидѣтельство открытой намъ истины, благочестно постигая смыслъ реченій, какъ согласный съ вѣрою изложенною Владыкою всяческихъ, которую до буквы хранимъ, какъ приняли, чистою и неизмѣнною, крайнею хулою и нечестіемъ признавая даже малое извращеніе преданныхъ реченій. Посему вѣруемъ, какъ Господь изложилъ вѣру ученикамъ, сказавъ: *шедше научите вся языки, крестяще ихъ во имя Отца и Сына и Святаго Духа* (Матѳ. 28, 19.). Вотъ ученіе таинства, которымъ естество наше въ рожденіи свыше преобразуется изъ тлѣннаго въ нетлѣнное, изъ ветхаго человѣка обновляемое во образъ Создавшаго въ началѣ боговидное подобіе. Поелику сія вѣра предана апостоламъ отъ Бога, то не дѣлаемъ въ ней ни сокращенія, ни измѣненія, ни прибавленія, ясно зная, что осмѣливающійся извращать божественное слово злонамѣренными лжеумствованіями есть отъ отца своего діавола, который, оставивъ слова истины, сталъ отцемъ лжи, и *отъ своихъ малозлетъ* (Іоан. 8, 44.). Ибо все, что говорится не по истинѣ, безъ сомнѣнія, есть ложь и неправда.

Итакъ поелику ученіе сіе излагается самою Истиною, то, если изобрѣтатели лукавыхъ ересей придумываютъ что либо въ опроверженіи
Гр. Нисск. Ч. V.

женіе божественнаго сего слова, какъ напри-
 мѣръ Отца именуютъ не Отцемъ, но Созда-
 телемъ, творцемъ Сына, а Сына не Сыномъ,
 но дѣломъ, тварію и произведеніемъ Отца, и
 Святаго Духа не Духомъ, но дѣломъ дѣла, тво-
 реніемъ твари, и всѣмъ, что угодно сказать о
 Немъ богоборцамъ,—все подобное сему име-
 нуемъ отрицаніемъ открытаго намъ въ уче-
 ніи семъ Божества и преступленіемъ. Ибо
 однажды навсегда научены мы Господомъ, на
 что надлежитъ обращать вниманіе мыслию,
 Кѣмъ совершается претвореніе естества на-
 шего изъ смертнаго въ безсмертное; это есть
 Отецъ и Сынъ и Святой Духъ. Посему утверж-
 даемъ, что страшно и пагубно перетолковы-
 вать божественные сіи глаголы и отыскивать
 придумываемые къ ихъ опроверженію, какъ бы
 въ исправленіе Бога-Слова, узаконившаго намъ
 принимать глаголы сіи съ вѣрою. Ибо каждое
 изъ сихъ названій, понимаемое въ свойствен-
 номъ ему значеніи, для христіанъ служитъ
 правиломъ истины и закономъ благочестія.
 Много и другихъ именованій, которыми озна-
 чается Божество въ исторіи, въ пророчествѣ
 и въ законѣ; Владыка Христосъ, оставивъ
 всѣ тѣ имена, какими могъ привести насъ къ
 вѣрѣ въ Сущаго, предлагаетъ сіи глаголы,
 давая симъ разумѣть, что намъ достаточно
 остаться при названіи Отца и Сына и Святаго
 Духа для разумѣнія дѣйствительно сущаго,

который одинъ и не одинъ. По понятію сущности Сущій—единъ; почему и Владыка узаконилъ взирать на единое имя; а по отличительнымъ свойствамъ, служащимъ къ знанію ипостасей, вѣра въ Него дѣлится на вѣру въ Отца и Сына и Святаго Духа. — неотлучно раздѣляемыхъ и несліянно соединяемыхъ. Ибо, когда услышимъ слово: Отець, дадимъ въ себѣ мѣсто той мысли, что имя сіе не только само въ себѣ разумѣтся, но означаетъ собою и отношеніе къ Сыну; потому что Отець не былъ бы умопредставляемъ отдѣльно Самъ по Себѣ, если бы съ произнесеніемъ слова: Отець, не соединялось съ нимъ понятіе о Сынѣ. Посему, познавъ Отца, симъ самымъ словомъ научены мы и вѣрѣ въ Сына. Посему, такъ какъ Божество по естеству, что Оно есть, и какъ Оно есть, таково же точно и всегда: не когда либо стало тѣмъ, что Оно теперь, и не будетъ когда либо чѣмъ-то такимъ, чѣмъ не есть теперь; Отцемъ же наименованъ въ Писаніи истинный Отець, а вмѣстѣ съ Отцемъ является и Сынъ; то необходимо вѣруемъ, что, не допуская никакого превращенія или измѣненія въ естествѣ, чѣмъ Онъ теперь, тѣмъ непремѣнно былъ и всегда, или если когда не былъ чѣмъ, то непремѣнно не есть тѣмъ и теперь. Посему, такъ какъ истинное Слово именуется Отцемъ, то всегда непремѣнно и былъ Отцемъ, и есть, и будетъ,

какъ былъ. О Божіемъ и пречистомъ ествѣ не позволительно сказать, что Оно не всегда прекрасно. Ибо если не всегда было тѣмъ, что Оно теперь; то, конечно, превратилось или изъ лучшаго въ худшее, или изъ худшаго въ лучшее. Но равно нечестиво въ этомъ тѣ и другое, что ни будетъ сказано о Божіемъ ествѣ. Божество не допускаетъ превращенія и измѣненія. Все, что есть прекраснаго и добраго, всегда умопредставляется въ источникѣ прекраснаго. Прекраснѣе же и выше всего прекраснаго *Единородный Богъ, сый въ лоно Отчи* (Іоан. 1, 18.). А *Сый въ лоно*—не рожденный ли?

2.) Итакъ доказано этимъ, что Сынъ во Отцѣ, въ Которомъ Онъ отъ вѣчности умопредставляется жизнію, свѣтомъ, истиною, всякимъ добрымъ наименованіемъ, и всякою доброю мыслию; а все сіе таково, что утверждать, будто бы Отецъ существуетъ иногда безъ этого Самъ по Себѣ, есть признакъ крайняго нечестія и вмѣстѣ безумія. Ибо если Сынъ, какъ говоритъ Писаніе, есть сила Божія, премудрость, истина, свѣтъ, святость, миръ, жизнь, и подобное сему; то прежде бытія Сына, которое отрицать угодно еретикамъ, конечно, и сего не было у Отца. А если сего не было, то, безъ сомнѣнія, не имѣющимъ таковыхъ благъ признають Отчее лоно. Посему, чтобы и Отецъ не былъ представляемъ ли-

шеннымъ своихъ благъ, и ученіе не впало въ сію несообразность. по слову Владыки, съ вѣчностію Отца необходимо уоупредставляется и вѣра въ Сына. Почему всѣ именованія, употребляемыя для показанія превыснаго естества, отлагаются въ сторону, предлагается же нашей вѣрѣ, какъ всего яснѣе показующее истину, названіе Отца, которое, по сказанному, въ относительномъ смыслѣ показываетъ вмѣстѣ съ собою и Сына. А какъ Сынъ, Который — во Отцѣ, по сказанному въ предыдущихъ словахъ, всегда есть тѣ, чтѣ Онъ есть, потому что Божество по естеству не допускаетъ приращенія до бѣльшаго, и внѣ себя не усматриваетъ какого либо инаго блага, по причастіи котораго пріобрѣло бы большее; но всегда одинаковій не отместетъ того, чтѣ имѣетъ, и не пріемлетъ, чего не имѣетъ,—да и не имѣетъ ничего отнетнаго, и если чтѣ блаженно, пречисто и истинно благо, то непременно уже и окрестъ Его и въ Немъ; необходимо посему видимъ, что не въ слѣдствіе пріобрѣтенія прісущъ Ему Духъ благій и Святый, Духъ правый, владычній, животворящій, содержащій и освящающій всю тварь, Который *вся и во всѣхъ дѣйствуетъ, якоже хочетъ* (1 Кор. 12, 11.), такъ что невозможно и представить какого либо промежутка между помазанникомъ и помазаніемъ, или между царемъ и царствомъ, или между премудростію и духомъ премудро-

сти, или между истиною и духомъ истины, или между силою и духомъ силы; но какъ во Отцѣ отъ вѣчности уопредставляется Сынъ, Который есть премудрость, и истина, и совѣтъ, и крѣпость, и вѣдѣніе, и разумъ, такъ и въ Сынѣ отъ вѣчности уопредставляется Духъ Святый, Который есть Духъ премудрости, и истины, и совѣта, и разума, и все прочее, чѣмъ есть и именуется Сынъ. Посемуто говоримъ, что соединенно и вмѣстѣ раздѣльно предана святымъ ученикамъ сія тайна благочестія, а именно, что должно вѣровать во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Ибо особенность Упостасей ясною и несліянною дѣлаетъ раздѣльность Лиць. Одно же имя, поставленное въ изложеніи вѣры, ясно объясняетъ намъ единство сущности Лиць, въ Которыя вѣруемъ, разумѣю Отца и Сына и Духа Святаго. Ибо по симъ названіямъ дознаемъ не разность естества, но одни свойства, служащія къ познанію упостасей, по которымъ знаемъ, что Отець—не Сынъ, и Сынъ—не Отець, или Отець или Духъ Святый—не Сынъ: но каждое Лице познается по особой отличительной чертѣ упостаси, въ неопредѣлимомъ совершенствѣ само по себѣ представляемое и не отдѣляемое отъ Лица, съ Нимъ соединеннаго.

3.) Посему что же значить не поименованное имя, о которомъ Господь, сказавъ: *кре-*

стяже ихъ во имя, не присовокупилъ того са-
 маго слова, которымъ бы показывалось зна-
 ченіе имени? Мы имѣемъ о немъ слѣдующее
 понятіе: все, существующее въ твари, пости-
 гается по значенію именъ. Кто скажетъ: небо,
 тотъ разумѣніе слышащаго приводитъ къ тва-
 ри, симъ именемъ означаемой; и о человѣкѣ
 или какомъ либо живомъ существѣ упомяну-
 шій по имени, немедленно въ слышащемъ
 отпечатлѣваетъ образъ существа; а также и
 все прочее приданнымъ вещи именемъ живо-
 пишется въ серцѣ того, кто посредствомъ
 слуха принялъ въ себя названіе, какое имѣ-
 етъ вещь. Но одно несозданное естество, въ
 которое вѣруемъ во Отца и Сына и Духа
 Святомъ, выше всякаго въ имени заключеннаго
 значенія. Посему-то Слово, когда научило вѣрѣ,
 изрекши имя, не присовокупило, какое это
 имя. Да и какъ нашлось бы имя тому, что выше
 всякаго имени? Но намъ предоставлена власть,
 сколько достанетъ силъ у нашего благочестно
 подвигнутаго разумѣнія найдти какое-либо имя,
 указующее на превысшее естество, и одина-
 ково приложить оное къ Отцу и Сыну и Свя-
 тому Духу, будетъ ли симъ именемъ благій,
 или нетлѣнный, что только признаетъ каждый
 достойнымъ того, чтобы взять оное для ука-
 занія пречистаго естества. И симъ изложені-
 емъ, кажется мнѣ, законополагаетъ Слово, что
 должно намъ убѣдиться въ неизреченности и

непостижимости Божіей сущности. Ибо ясно, что названіе: Отецъ не сущность выражаетъ, но означаетъ отношеніе къ Сыну. Посему, если бы можно было человѣческому естеству познать сущность Божію; то, *Иже вслѣдъ чловѣкомъ хочетъ спастися и въ разумѣ истинны пріити* (1 Тим. 2, 4.), не умолчалъ бы о вѣдѣніи сего. Теперь же тѣмъ самымъ, что не сказалъ ничего о сущности, показываетъ, что вѣдѣніе оной невозможно; но дознавъ, что вмѣстимо для насъ, не имѣемъ нужды въ невмѣстимомъ, достаточною для спасенія своего имѣя вѣру въ преданное ученіе. Ибо совершеннѣйшее ученіе благочестія дознать, что Онъ есть дѣйствительно Сущій, — Тотъ, въ Комъ по относительному понятію открывається величіе Сына, — Сына, Который, какъ сказано, въ единеніи съ Собою показываетъ Духа жизни и истиннаго; потому что Самъ есть и жизнь и истина.

Представивъ сіе въ такой раздѣльности, и предавая анаѣмъ всякое еретическое предположеніе въ божественныхъ догматахъ, вѣруемъ, какъ научены Словомъ Господнимъ, во имя Отца и Сына и Святаго Духа, исповѣдуя съ сею вѣрою и домоостроительство, совершенное въ родѣ человѣческомъ Владыкою твари, *Иже во образъ Божіи сынъ, не восхитеніемъ нещевы быти равенъ Богу, но Себе истощилъ, зракъ раба пріимъ* (Филип. 2, 6. 7.);

и воплотившись во святой Дѣвѣ, искупилъ насъ отъ смерти, которою *держали блжолъ*, проданные подъ грѣхъ (Римл. 7, 6. 14.), въ замѣнъ на искупленіе душъ нашихъ давъ драгоценную кровь Свою, которую излилъ, претерпѣвъ крестъ, и самимъ Собою проложивъ намъ путь къ воскресенію изъ мертвыхъ. Ибо въ свое время во славу Отца придетъ судить всякую душу по правдѣ, когда *все сущи во грѣхѣхъ услышатъ гласъ Его, и изыдутъ сотвориши блага въ воскресеніе живота: а сотвориши злая, въ воскресеніе суда* (Іоан. 5, 28. 29.). Почему, чтобы еретическое разногласіе, разсѣваемое нынѣ Евноміемъ, кѣмъ либо изъ людей простыхъ будучи принято безъ разслѣдованія, не повредило въ немъ чистоты вѣры, по необходимости предложивъ здѣсь распространяемое еретиками изложеніе, попытаемся обличить негодность ихъ ученія.

4.) Ученіе ихъ читается такъ: «вѣруемъ во единого и единственнаго истиннаго Бога, по ученію самаго Господа, не лживымъ словомъ чувствуя Его; потому что Онъ не лживъ, но какъ дѣйствительно по естеству и по славу сущаго единого Бога, безначально, вѣчно, безконечно единственнаго». Кто обѣщалъ вѣровать по ученію Господа, тотъ изложенія вѣры, сдѣланнаго Владыкою всяческихъ, да не извращаетъ въ другое, ему самому удобное, но да послѣдуетъ глаголамъ истины. По-

сему, когда тамъ ученіе вѣры содержитъ въ себѣ имя Отца и Сына и Святаго Духа, какое согласіе съ глаголами Владыки имѣеть сочиненное нынѣ, такъ чтобы съ ихъ ученіемъ сравнивать такой догматъ? Гдѣ въ Евангеліяхъ сказалъ Господь, что должно вѣровать въ одного и единственнаго истиннаго Бога? Не указать имъ сего, развѣ есть у нихъ какое либо новое Евангеліе. Ибо какія издревле и до нынѣ по преемству читаются въ церквахъ, въ тѣхъ нѣтъ сего изреченія, въ которомъ говорится, что должно вѣровать или крестить въ единого и единственнаго истиннаго Бога, какъ говорятъ еретики; а напротивъ того говорится: во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Мы же, какъ научены Владычнимъ словомъ, утверждаемъ, что слово: единый не Отца только означаетъ, но вмѣстѣ съ Отцемъ показываетъ и Сына; потому что Господь сказалъ такъ: *Азъ и Отецъ едино есма* (Іоан. 10, 30.). Подобно сему и имя: Божество одинаково придается и началу, въ которомъ Слово, и Слово существу въ началѣ; ибо Господь сказалъ: *и Слово бѣ къ Богу, и Богъ бѣ Слово* (Іоан. 1. 1.); такъ что въ означаемомъ именемъ: Божество, вмѣстѣ съ Отцемъ одинаково умопредставляется и Сынъ. Сверхъ же сего и слово: истинный не можетъ быть разумѣемо о чемъ либо иномъ кромѣ истины. А что Господь—истина, никто, безъ сомнѣнія, не будетъ сему противорѣчить,

если не чуждъ онъ истины. Посему, если Слово въ единомъ: и Оно есть Богъ и истина, какъ проповѣдуется въ Евангеліяхъ; то съ какимъ ученіемъ Господа можетъ быть сравненъ догматъ употребившимъ эти отличительныя реченія? Ибо отличие единственнаго отъ не единственнаго есть тоже, что и отличие Бога отъ не Бога, и истиннаго отъ не истиннаго. Посему, если, имѣя въ виду идоловъ, въ отношеніи къ нимъ дѣлаютъ сіе раздѣленіе реченій, то съ этимъ согласны и мы; потому что имя: Божество по одноименности придается и языческимъ идоламъ. Ибо *все бози языкъ бжсове* (Иса. 95, 5.). И еще Писаніе отличаетъ единственнаго отъ множества, и истиннаго отъ ложнаго, и не сущихъ боговъ отъ сущаго Бога. Если же дѣлается отличие отъ Единороднаго Бога, то пусть знаютъ мудрецы, что истина имѣетъ отличіе отъ одной только лжи, и Богъ отличенъ отъ не сущаго Бога. А въ догматъ о Господѣ, Который есть истина сущаго Бога, сущемъ во Отцѣ и сущемъ едино со Отцемъ, отличительныя сіи реченія не имѣютъ мѣста. Ибо дѣйствительно вѣрующій во Единаго во Единомъ видитъ и соединеннаго съ Нимъ во всѣхъ отношеніяхъ, истинною, Божествомъ, сущностію, жизнію, премудростію, однимъ словомъ, всѣмъ. Или, если не видитъ во Единомъ Того, Кто есть все сіе; то вѣра его ни во что; потому

что Отецъ безъ Сына не Отецъ, и не называется Отцемъ, какъ и безъ силы не силенъ, и безъ премудрости не премудръ: ибо Христосъ — *Божія сила и Божія премудрость* (1 Кор. 1, 24.). Посему внѣ силы, или истины, или премудрости, или жизни, или истиннаго свѣта мечтающій видѣть или ничего не видѣть, или непременно видѣть зло. Ибо отъятіе благъ дѣлается положеніемъ и осуществленіемъ зла. «Не лживымъ словомъ чествуя Его, потому что Онъ не лживъ», говоритъ Евномій. Симвъ-то словомъ умоляю его пребывать свидѣтельствующимъ объ Истинѣ, что Она не лжива.

Ибо если будетъ держаться такого образа мыслей, что все, сказуемое Господомъ, далеко отъ лжи: то убѣдится, конечно, что истинствуетъ Сказавшій: *Азъ во Отца и Отецъ во Мнѣ* (Іоан. 14, 11.), безъ сомнѣнія же, цѣлый въ цѣломъ; такъ что ни Отецъ, въ Сынѣ, не имѣетъ избытка, ни Сынъ, во Отцѣ, не умаляется; и Сыну такъ надлежитъ быть чтимымъ, *якоже чтутъ Отца* (Іоан. 5, 23.). Истинствуетъ Сказавшій: *видѣвый Мене, видѣ Отца* (Іоан. 14, 9.), и что *никтоже видѣлъ Сына, токмо Отецъ: ни Отца кто знаетъ, токмо Сынъ* (Матѳ. 11, 27.). Слѣдствіе всего этого принявшими изреченія сии, какъ истинныя, не предполагается никакого различія у Отца и Сына ни въ славѣ, ни въ сущности, ни въ чемъ либо

иномъ. «Дѣйствительно по естеству и по сла-
вѣ сущаго единаго Бога», говоритъ Евномій.
Дѣйствительно сущее отличается отъ не дѣй-
ствительно сущаго. Дѣйствительно же сущимъ
есть каждое изъ существъ, поколику оно су-
ществуетъ. А что, хотя въ какомъ-то призракѣ
и предположеніи кажется имѣющимъ бытіе,
однакоже не имѣетъ, то не существуетъ дѣй-
ствительно, какъ на примѣръ сонная греза,
привидѣніе. или человѣкъ изображенный на
картинѣ. Сии и подобныя симъ призрачныя
существа не имѣютъ дѣйствительнаго бытія.
Посему, если утверждаютъ, согласно съ іудей-
скимъ понятіемъ, что Единородный Богъ во-
все не существуетъ; то хорошо дѣлаютъ, объ
одномъ Отцѣ свидѣтельствуя, что Ему только
дѣйствительно принадлежитъ бытіе. Но если
не отрицаютъ, что существуетъ и Творецъ
вселенной, то пусть убѣдятся дѣйствительнаго
бытія не лишать сего Сущаго, Который при
богоявленіи, бывшемъ Моисею, Самъ Себя
наименовалъ сущимъ, сказавъ: *Азъ есмь Сый*
(Исх. 3, 14.); какъ Евномій соглашается съ
симъ въ слѣдующихъ словахъ, говоря, что Онъ
есть явившійся Моисею. Потомъ называетъ
Отца «по естеству и по славѣ единымъ Бо-
гомъ». Посему, если возможно, чтобы былъ
Богъ, не будучи Богомъ по естеству; то
пусть и вѣдаетъ Его утверждающій это. А
если не—Богъ, Кто не Богъ по естеству, то

пусть дознають отъ великаго Павла, что служащiе *не по естеству сущимъ богамъ* не Богу служатъ (Гал. 4, 8.). Мы же, какъ говоритъ апостоль, *работаемъ Богу живу и истинну* (1 Сол. 1, 9.); Тотъ, Кому служимъ, есть Исусъ Христось. Ибо служенiемъ Ему хвалился и апостоль Павелъ, говоря: *Павелъ рабъ Исусъ Христовъ* (Римл. 1, 1.). Посему мы, не служащiе уже не сущимъ по естеству богамъ, познали сущаго по естеству Бога, Которому *всяко колено поклонится небесныхъ и земныхъ и преисподнихъ* (Филип. 2, 10.). Но не служили бы, если бы не увѣровали, что Онъ есть живой и истинный Богъ, о Которомъ *всякъ языкъ исповѣсть, яко Господь Исусъ въ славу Бога Отца* (11.).

Бога единаго, говоритъ Евномiй, безначально, вѣчно, бесконечно единственнаго. Еще *уразумѣйте незлобиви коварство*, говоритъ Соломонъ (Притч. 8, 5.), чтобы не оболъститься вамъ нѣкогда, и не впасть въ отрицанiе Божества Единороднаго. Не допускающее до себя смерти и тлѣнiя бесконечно. А также и вѣчнымъ называется не временное. Посему, что не вѣчно, и не бесконечно, то умопредставляется непремѣнно въ естествѣ тлѣнномъ и временномъ. Поэтому кто бесконечность усвоаетъ единому и единственному Богу, значенiя же бесконечности и вѣчности не распространяетъ и на Сына; тотъ подобнымъ

сему оборотомъ рѣчи доказываетъ, что Сынъ, отличаемый отъ вѣчнаго и безконечнаго, тлѣненъ и времененъ. Но мы, когда услышимъ, что Богъ *единъ имѣетъ безсмертіе* (1 Тим. 6, 16.), подъ безсмертіемъ разумѣемъ Сына, потому что жизнь есть безсмертіе. И когда говорится, что Богъ *во свѣтъ живетъ неприступнымъ*, опять подъ истиннымъ свѣтомъ, который не доступенъ лжи, не сомнѣваемся разумѣть Единороднаго, въ Которомъ Отецъ, какъ дознали мы отъ самой Истины. Слушатель же пусть самъ изберетъ изъ сего, что болѣе благочестиво, — по сказанному ли теперь боголѣпно славословить Единороднаго, или утверждать, что Онъ тлѣненъ и времененъ, какъ толкуетъ ересь. «Что до сущности, по которой Богъ единъ, нераздѣляемаго на многихъ, продолжаетъ Евномій, или какъ иначе не дѣлающагося инымъ, или не измѣняющаго образъ бытія, какій имѣетъ, и изъ одной сущности не преобразующагося въ тройкую вѣчностъ. Ибо по всему и на всегда есть единъ, въ томъ же самомъ и одинаково пребывая единственнымъ». Но въ сей предложенной здѣсь рѣчи разумному слушателю надлежитъ сперва пустыя реченія, внесенныя въ рѣчь безъ смысла, отличить отъ тѣхъ, которыя кажутся имѣющими смыслъ, а послѣ сего разсмотрѣть смыслъ сказаннаго, открывающійся въ остальномъ, согласенъ ли онъ съ благочестивою мыслию о Христѣ.

5.) Итакъ первая часть предложеннаго вполне далека отъ всякаго и хорошаго и дурнаго смысла. Ибо какой смыслъ въ этомъ: «но что до сущности, по которой Богъ единъ, не раздѣляемаго на многихъ, или какъ иначе не дѣлающагося инымъ, или не измѣняющаго образъ бытія, какой имѣеть»? И самъ Евномій не скажетъ, а думаю, и никто изъ поборниковъ его не будетъ въ состояніи найти въ сказанномъ хотя тѣнь какаго смысла. «Что до сущности, по которой единъ, нераздѣляемаго». Говоритъ ли, что Самъ не отдѣляется отъ своей сущности, или утверждаетъ, что сущность Имъ не дѣлится; эта не имѣющая значенія рѣчь есть какой-то шумъ и пустой напрасно поднятый звонъ. И какая надобность останавливаться на изслѣдованіи сихъ невразумительныхъ реченій? Ибо, кто бы то ни было, какъ останется въ бытіи, отдѣлившись отъ своей сущности? Или какъ чья либо сущность, раздѣлившись, показуется сама къ себѣ? Или какъ возможно исшедшему изъ того, въ чемъ существуетъ, сдѣлаться инымъ, ставъ внѣ себя самаго? Но «изъ одной сущности не преобразующагося въ три востаси», говоритъ Евномій. «Ибо по всему и на всегда совершенно есть единъ, въ томъ же самомъ и одинаково пребывая единственнымъ». Невразумительное въ сказанномъ явно, думаю, всякому и прежде нашихъ замѣчаній. Но пусть

возражаетъ на нихъ, кто думаетъ, что въ предлагаемомъ есть какая нибудь мысль, или какой либо смыслъ. Ибо положившій основательно судить о силѣ рѣчи не удостоитъ и заняться тѣмъ, что несостоятельно. Да и какую силу противъ нашего догмата имѣетъ сказанное: «что до сущности, по которой Онъ единъ, не раздѣляемаго, или нераздробляемаго на многихъ, или какъ иначе не дѣлающагося инымъ, или не измѣняющаго образъ бытія, какой имѣетъ, и изъ одной сущности не преобразующагося въ три вѣпостаси»? Такъ у христіанъ не говорятъ и не вѣруютъ, и на мысль не придетъ сего въ слѣдствіе исповѣдуемаго нами. Ибо кто когда сказалъ, или слышалъ сказавшаго, въ церкви Божіей, что Отецъ или отдѣляетъ или дѣлитъ сущность, или иначе дѣлается инымъ, выходя самъ изъ Себя, или преобразуется въ три вѣпостаси? Евномій говоритъ это самъ съ собою, не съ нами претираясь, но соплетая собственныя свои бредни, и къ нечестию примѣшавъ въ сказанномъ великое неразуміе. Ибо равно нечестивымъ и безбожнымъ называемъ, какъ Владыку твари признавать сотвореннымъ, такъ думать, что Отецъ, поколику Онъ Отецъ, дѣлится, или разсѣкается, или Самъ изъ Себя выходитъ, или въ три вѣпостаси преобразуется, какъ глина какая или воскъ, принимая на Себя разные образы.

Но разсмотримъ слѣдующія за симъ слова. «Ибо по всему и навсегда есть единъ, въ томъ же самомъ и одинаково пребывая единственнымъ». Если говорить объ Отцѣ, то согласны съ этимъ и мы. Ибо Отецъ, какъ и дѣйствительно, единъ, единственный во всемъ и навсегда, тоже самое въ той же мѣрѣ и одинаково имѣеть; и не есть иногда то, чѣмъ дотошъ не былъ, и впредь не будетъ. Посему, если къ Отцу относится подобная рѣчь, то Евномій пусть не препирается съ догматомъ благочестія, согласуясь съ церковію въ этой части. Ибо кто исповѣдуетъ, что Отецъ всегда одинаковъ, единъ и единственъ, тотъ подтверждаетъ ученіе благочестія, во Отцѣ видя Сына, безъ Котораго Отецъ не Отецъ, и не именуется Отцемъ. Если же творить инаго какого Бога, кромѣ Отца, то пусть имѣеть дѣло съ іудеями, или съ такъ называемыми ипсистианами, у которыхъ разность съ христианами въ томъ, что исповѣдуютъ они какого-то Бога, котораго именуютъ высочайшимъ (*ὑψιστον*), или вседержителемъ, но не признаютъ Его Отцемъ. Христианинъ же, если не вѣруетъ въ Отца, уже не христианинъ.

6.) Но что Евномій присовокупляетъ въ слѣдъ за симъ, состоитъ въ слѣдующемъ. «Богъ, говоритъ онъ, не имѣеть сообщника въ Божествѣ, соучастника въ славѣ, соискателя власти, сопредстольника въ царствѣ; по-

тому что Онъ единъ и единственный Богъ Вседержитель, Богъ боговъ, Царь царствующихъ, Господь господствующихъ». Не знаю, кого имѣя въ виду, свидѣтельствуешь Евномій, что Отецъ не допускаетъ до общенія съ Собою въ Божествѣ. Если ведетъ такую рѣчь противъ суетныхъ идоловъ и противъ погрѣшительнаго мнѣнія идолослужителей, какъ и Павелъ взываетъ, что нѣтъ *согласія Христови съ Велиаролъ, ни сложенія церкви Божіей со идолами* (2 Кор. 6, 15. 16.); то согласны съ нимъ и мы. Если же въ сказанныхъ словахъ Единороднаго Бога отлучаетъ отъ Отцаго Божества, то пусть знаетъ, что дилемма ему самому готовить обвиненіе въ его нечестіи. Ибо или совершенно отрицаетъ, что Единородный Божій есть Богъ, чтобы сохранить Отцу несообщимость въ Божествѣ съ Сыномъ, и этимъ изобличаетъ себя, что онъ отступникъ, отрицающійся Бога христіанскаго; или если согласится, что Онъ есть Богъ, по естеству не сходный съ истиннымъ Богомъ, то по всей необходимости признается, что чтить боговъ, по разности естествъ между собою раздѣльныхъ. Пусть изберетъ изъ сего, что угодно ему,—или отрицаетъ Божество Сына, или вводитъ въ ученіе многихъ боговъ: но что ни изберетъ изъ сего, равно это нечестиво. А мы, тайноводствуемые богодухновенными словесами Писанія, въ Отцѣ и Сынѣ

видимъ не общеніе, но единство Божества; чему собственнымъ словомъ Своимъ научилъ Владыка, когда сказалъ: *Азъ и Отецъ едино есма* (Іоан. 10, 30.), и: *видѣмый Мене, видѣ Отца* (14, 9.). Ибо если бы не былъ тогоже естества, то какъ или имѣлъ бы въ Себѣ чуждое, или показывалъ бы на Себѣ не подобное, когда естество стороннее и чуждое не приемлетъ отличительной черты инороднаго? Но Евномій говоритъ, что Богъ «не имѣетъ соучастника въ славѣ». А то, какъ имѣетъ, сказываетъ, хотя и не знаетъ, что говоритъ. Ибо Сынъ не дѣлитъ славы съ Отцемъ, но имѣетъ всю славу Отца, какъ и Отецъ имѣетъ всю славу Сына. Онъ такъ говоритъ Отцу: *Моя вся Твоя суть, и Твоя Моя* (Іоан. 17, 10.). Почему говоритъ еще, что *во славѣ Отца* явится и во время суда, когда *воздастъ каждому по дѣланіемъ его* (Матѣ. 16, 27.). А сими словами показываетъ единеніе естества. Ибо какъ *ина слава солнцу, и ина слава лунѣ* (1 Кор. 15, 41), потому что нѣтъ сходства въ естественныхъ свойствахъ составныхъ частей ихъ, а если бы слава обоихъ была одна и таже; то не полагалось бы никакой разности въ ихъ природѣ: такъ предрекшій о Себѣ, что явится во славѣ Отца, тождествомъ славы показалъ общность естества.

А утверждать, что Сынъ не сопрестолень съ Отцемъ на царствѣ, служить свидѣтель-

ствомъ великой внимательности къ божественнымъ словамъ въ Евноміѣ, который, чрезъ мѣру углубившись въ богодухновенныя Писанія, не слышалъ еще сказаннаго: *горняя мудрствуйте, и днѣже естъ Христосъ одесную Отца сядя* (Колос. 3, 1. 2.) и: *одесную престола Божія сядь* (Евр. 12, 2.), и другихъ подобныхъ снмъ мѣсть, множество которыхъ не легко перечислить, и которыхъ не зная еще, Евноміи воспрещаетъ Сыну быть сопрестольникомъ Отцевымъ. Выраженіе же: соискатель власти лучше преѣйти молчаніемъ, какъ неразумное, нежели избличать, какъ нечестивое. Ибо какій смыслъ имѣетъ реченіе: соискатель (*συζητήρως*), не возможно и найдти изъ общаго словоупотребленія. Объ одеждѣ Господней мещуть жребій (*κλήρον*), какъ говоритъ Писаніе (Іоан. 19, 23. 24.), не захотѣвшіе раздирать хитонъ Владычній, но пожелавшіе сдѣлать оный достояніемъ одного изъ нихъ, кому подарить жребій. Посему мещущіе между собою жребій о хитонѣ всѣ равно могутъ быть названы соискателями (*συζητήροι*). Здѣсь же идетъ рѣчь объ Отцѣ и Сынѣ и Святомъ Духѣ, и власть ихъ въ естествѣ. Ибо *Духъ Святыи, и днѣже хочетъ, дышетъ* (Іоан. 3, 8.), *вся и во всѣхъ дѣйствуетъ, якоже хочетъ* (1 Кор. 12, 6. 11.); и Сынъ, *Которымъ приведены въ бытіе всяческая, видима и невидима, яже на небеси, и яже на земли* (Кол. 1.

16.), *вся елика восхотѣ сотвори* (Пс. 113, 11.), *и иже хощетъ жити* (Юан. 15, 21.); и Отець во Своей власти положи времена (Дѣян. 1. 7.), съ временами же и все происшедшее во времени признаемъ подвластнымъ Отцу. Итакъ если, по замѣченному, доказано, что творить, что хотятъ Отець и Сынъ и Святый Духъ, въ ихъ власти; то какій смыслъ имѣеть выраженіе: соискатель власти? Не возможно усмотрѣть это. Ибо *наследникъ всякъ* (Евр. 1, 2.), Создатель вѣковъ, со Отцемъ сіяющей славою Его, изображающей въ Себѣ уиостась Отца, имѣеть все, что имѣеть Самъ Отець, и есть Господь всякой власти; между тѣмъ какъ достоинство не переносится съ Отца на Сына, но остается у одного, и есть у другаго. Ибо сущій во Отцѣ, безъ сомнѣнія, въ Немъ со всюю Своею силою; и имѣющей въ Себѣ Отца объемлетъ въ Себѣ всю Отчую власть и силу; потому что имѣеть въ Себѣ всецѣлаго Отца, а не часть Его; а имѣя всецѣлаго Отца, безъ сомнѣнія, имѣеть и власть Его. Посему, что разумѣя Евномій утверждаетъ, что Отець не имѣеть соискателя власти? Скажутъ это, можетъ быть, ученики его суетности. Ибо умѣющей понимать слова признается, что не въ состояніи выразумѣть сказанное безъ смысла. Евномій говоритъ, что Отець не имѣеть соискателя власти. Но кто либо скажетъ, что Отець и Сынъ спорятъ между собою о власти,

и рѣшаютъ это жребіемъ: но вотъ священный Евномій, по дружеской снисходительности, вступая между Ними въ посредство, преимуществу власти безъ жребія удѣляетъ одному Отцу!

Смотрите, сколько смѣшнаго и ребяческаго въ этомъ не поднимающемся съ земли изложеніи догматовъ. Кто *носитъ всяческая глаголюль Силы Своя* (Евр. 1, 3.), Кто изъявитъ о чемъ желаніе, чтобы это произошло, и силою повелѣнія творить, что Ему угодно, у Кого сила сопутственна изволенію, и мѣрою силы служить воля Его; ибо сказано: *Той рече, и быша: Той повелъ, и создашася* (Пс. 148, 5.), Кто самъ Собою создалъ, и въ себѣ Самомъ осуществилъ все, безъ Кого ни одно существо не приходило въ бытіе, и не пребываетъ въ бытіи; ужели Тотъ отъ какаго либо жребія ожидаетъ, чтобы возымѣть Ему власть? Судите, слышащіе, состоятеленъ ли у того умъ, кто утверждаетъ это? Единый и единственный есть Богъ вседержитель, говоритъ онъ. Посему, если именованіемъ: вседержитель указываетъ на Отца, то наше, а не чужое, излагаетъ ученіе. Если же кромѣ Отца инаго какаго разумѣетъ вседержителя, то пусть, если угодно, и обрѣзаніе проповѣдуетъ этотъ поборникъ іудейскихъ догматовъ. Ибо вѣра христіанская имѣетъ предъ очами Отца. Отецъ же есть все: Всевышній, Вседержитель, Царь

царствующихъ, Господь господствующихъ, и все, что близко къ высокому значенію, принадлежитъ собственно Отцу. А что принадлежитъ Отцу, все то принадлежитъ и Сыну; такъ что, если дѣйствительно такъ разумѣть Евномій, то принимаемъ его слова. Но если, оставивъ Отца, инаго именуешь вседержителя, то іудейское излагаетъ ученіе, или слѣдуетъ Платоновымъ положеніямъ. Ибо и этотъ философъ, сказываютъ, утверждаетъ, что есть нѣкій верховный творецъ и содѣтель какихъ-то низшихъ боговъ. Посему, тотъ, кто, держась іудейскихъ и Платоновыхъ ученій, не приѣмлетъ Отца, не есть христіанинъ, хотя въ исповѣдуемомъ ученіи и чтитъ какого-то вседержителя, такъ и Евномій обманываетъ наименованіемъ, іудействуя въ своемъ мудрованіи, или чествуя чтимое эллинами, прикрываясь же именемъ христіанина. Но и объ изложенномъ по порядку въ слѣдъ за симъ будетъ тоже слово. Евномій говоритъ: «Богъ боговъ»; присовокупивъ имя: Отецъ, рѣчь сію присвоаемъ себѣ, зная, что Отецъ есть Богъ боговъ. А все принадлежащее Отцу, безъ сомнѣнія, принадлежитъ и Сыну. «И Господь господствующихъ». Тоже и объ этомъ слово. «И всевышній надъ всею землею»; ибо кого ни представишь мысленно, Онъ всевышній надъ всею землею. Подобно надзираютъ надъ земнымъ свѣше и Отецъ и Сынъ и Святой Духъ. Но что и въ

слѣдъ за симъ прилагаетъ Евномій къ сказанному: «Всевышній на небесахъ, всевышній во всевышнихъ, пренебесный, истинно Сущій тѣмъ, что Онъ есть и чѣмъ пребываетъ, истинный въ словахъ, истинный въ дѣлахъ»; все это око христіанское равно усматриваетъ въ Отцѣ и Сынѣ и Святомъ Духѣ. Если же Евномій присвоитъ это только которому либо одному изъ Лицъ, исповѣдуемыхъ по преданію вѣры; то пусть осмѣлится назвать не истиннымъ въ словахъ Изрекшаго: *Азъ есть истина* (Іоан. 14, 6.), или Духа истины, или пусть не соглашается признать истиннымъ въ дѣлахъ Творящаго судъ и правду, или Духа, *дѣйствующаго вся во всѣхъ, якоже хочетъ* (1 Кор. 12, 6. 11.). Ибо если не припишетъ сего исповѣдуемымъ по преданію вѣры Лицамъ, то совершенно отвергается христіанская вѣра. Ибо какъ почтеть кто достойнымъ вѣры того, кто живъ въ словахъ и не истиненъ въ дѣлахъ своихъ?

Но приступимъ къ продолженію рѣчи. Ибо говоритъ: «выше всякаго начала, подчиненія, власти». Наше это ученіе и собственно принадлежащее вселенской Церкви, — вѣровать, что естество Божіе выше всякаго начала, и имѣетъ въ подчиненіи у себя все умопредставляемое нами въ числѣ существъ. Но естество Божіе—Отецъ и Сынъ и Святой Духъ. Если же одному Отцу приписываетъ силу сію,

если Его одного признаеть свободнымъ отъ превратности и преложения; если Его одного называетъ пречистымъ: то очевидно, что симъ готовится, — именно же: Кто не имѣеть сего, тотъ непременно превратенъ, тлѣненъ, прелагаемъ, скорогибнущъ. Итакъ вотъ чему учить Евноміи о Единородномъ Богѣ и о Святомъ Духѣ! Не употребилъ бы онъ противоположенія, отличая тѣмъ Отца, если бы не имѣлъ сей мысли о Сынѣ и о Духѣ. Разсудите наконецъ, братія, не гонитель ли христіанской вѣры, кто держится сего образа мыслей? Ибо кто согласится признать для себя досточтимымъ превратное, удобопрелагаемое, скорогибнущее? Итакъ у доказывающаго подобныя мнѣнія вся цѣль—изгнать изъ Церкви вѣру въ Сына и Святаго Духа, когда доказываетъ, что не пречисты, не непревратны, не непреложны или Сама Истина, или Духъ истины.

7. Посмотримъ же, что еще присовокупляетъ Евномій къ сказанному. «Не раздѣляя въ рожденіи, говоритъ онъ, собственной своей сущности, не одинъ и тотъ же и раждающій и раждаемый, или не одинъ и тотъ же дѣлающійся Отцемъ и Сыномъ: потому что нетлѣненъ». Подобно сему, можетъ быть, что пророкъ говоритъ о нечестивыхъ: *поставъ паучинный ткнутъ* (Иса. 59, 5.). Какъ паутина имѣеть наружный видъ ткани, но подъ этою

наружностію нѣтъ самостоятельности ; ибо прикасающійся къ паутинѣ не касается ничего состоятельнаго , паутинныя нити отъ прикосновенія пальцевъ пропадають: подобна сему и несостоятельная ткань пустыхъ реченій. «Не раздѣля въ рожденіи, говоритъ, собственной своей сущности, не одинъ и тотъ же и раждающій и раждаемый». Словомъ ли надлежитъ назвать сказанное, или скорѣе кускомъ какой-то мокроты, выплевываемой при усилившейся водянкѣ? Ибо что значитъ дѣлать въ рожденіи свою сущность, одному и тому же быть и раждающимъ и раждаемымъ? Кто столько разстроены умомъ, чтобы выговорить слово, съ которымъ, по видимому, борется Евномій? Церковь вѣруеть, что истинный Отецъ есть истинно Отецъ Своего, а не чужаго, Сына, какъ говоритъ апостоль, ибо въ одномъ изъ посланій такъ сказалъ рѣшительно: *Иже Своею Сына не пощадь* (Рим. 8, 33.), при совокупленіемъ слова: *Своего* отличая отъ сподобившихся синоположенія по благодати, а не по естеству. Что же говорить охуждающій сіе наше предположеніе ? «Не раздѣля въ рожденіи сущности Своей, не одинъ и тотъ же и раждающій и раждаемый, или не одинъ и тотъ же дѣлающійся Отцемъ и Сыномъ; потому что нетлѣненъ». И тотъ, кто слышитъ о сущемъ *въ началъ Словъ*, о сущемъ *Богъ Словъ*. о Словѣ, ишедшемъ отъ Отца, такъ

оскверняетъ пречистый догматъ этими срамными и зловонными мыслями, говоря: въ рожденіи не раздѣляетъ сущности! Какая мерзость этихъ гнусныхъ и нечистыхъ понятій! Какъ же выражающійся подобно этому не разумѣть, что Богъ, явившійся во плоти, при составленіи Своего тѣла не допустилъ страсти въ человѣческомъ естествѣ, но *Отроча родися наизъ* (Иса. 9, 6.) отъ Духа Святаго и отъ силы Вышняго (Лук. 1, 35.), и Дѣва не извѣдала страсти, и Духъ не умалился, и сила Вышняго не раздѣлилась? Ибо и Духъ всецѣлъ, и сила Вышняго пребываетъ неумаленною, и Отроча родилось всецѣлымъ, и не-растлѣнность матери не повреждена; потому плоть безъ страсти рождена плотію. Но Евномію не угодно, чтобы сіяніе славы было отъ самой славы; потому что не умалется и не дѣлится слава, родившая Свѣтъ! И человѣческое слово не отдѣлимо отъ ума рождается имъ. А Божіе Слово, если не раздѣлена сущность Отца, не можетъ родиться отъ Отца! Но кто столько малоумень, чтобы не уразумѣть безсмысленности сего ученія? «Не раздѣляя въ рожденіи, говоритъ, собственной своей сущности». Но у кого собственная своя сущность раздѣляется въ рожденіи? Сущность у людей—естество человѣческое, а у безсловесныхъ въ родовомъ понятіи естество безсловесное, въ частности же у воловъ, у овецъ,

у всѣхъ безсловесныхъ—естество, представляемое по разностямъ отличительныхъ свойствъ. Посему какое изъ сихъ существъ раздѣляетъ собственную свою сущность рожденіемъ? У каждаго изъ животныхъ естество раждаемыхъ по преемству не остается ли всегда неизмѣннымъ? Потомъ человѣкъ, раждая отъ себя человѣка, не раздѣляетъ естества; напротивъ того и въ родившемъ и въ рожденномъ оно всецѣло. Не часть отдѣляется и перемѣщается отъ одного къ другому; не терпитъ утраты въ одномъ, когда совершеннымъ дѣлается въ другомъ, — но, все будучи въ одномъ, все также находится и въ другомъ. Ибо человѣкъ, прежде нежели родилъ отъ себя другаго, былъ живое существо, словесное, смертное, способное обладать разумомъ и свѣдѣніями; и когда родилъ такого человѣка, чтобы въ немъ оказались всѣ отличительныя свойства естества, и человѣкъ, родившій отъ себя человѣка, не теряетъ бытія, но чѣмъ былъ прежде, тѣмъ остается и послѣ, рожденіемъ отъ себя человѣка ни въ чемъ не умаливъ своего естества. И хотя человѣкъ раждается отъ человѣка, однакоже естество раждающаго не раздѣляется.

Объ Единородномъ же Богѣ. сущемъ *вз лонѣ Отци*, Евномій не соглашается, что бытіе Его дѣйствительно отъ Отца, боясь вностасію Единороднаго превратить неизмѣнное естество Отца. Но сказавъ: «не раздѣляя сущности въ

рожденіи», присовокупилъ: «не одинъ и тотъ же раждающій и раждаемый, или не одинъ и тотъ же дѣлающійся и Отцемъ и Сыномъ». И думаетъ несвязными реченіями лишить твердости истинное слово благочестія, или доставить какую нибудь силу нечестію, не зная, что чѣмъ придумываетъ доказать нелѣпое, въ этомъ самомъ выказывается смыслящимъ истину. Ибо и мы утверждаемъ, что имѣющій все принадлежащее собственному Его Отцу, всецѣло есть это самос, кромѣ одного, что Онъ не—Отець, и имѣющій все принадлежащее Сыну, показываетъ въ Себѣ всецѣлаго Сына, кромѣ одного, что Онъ не—Сынъ, такъ что построеніе нелѣпости, каковую построиваетъ нынѣ Евномій, спобораетъ истинѣ, по мѣрѣ того, какъ при истолкованіи евангельскаго слова мысль о семъ представляется нами ясно. Ибо, если увидѣвшій Сына видитъ Отца, то Отець родилъ другаго Себя, не переставъ быть Собою, и всецѣлымъ являясь въ рожденномъ, такъ что въ слѣдствіе сего сказанное, по видимому, вопреки благочестію, оказалось споборствующимъ здоровому догмату.

«Но не раздѣляя въ рожденіи собственной своей сущности, говоритъ Евномій, не одинъ и тотъ же есть и раждающій и раждаемый, или не одинъ и тотъ же дѣлающійся и Отцемъ и Сыномъ; потому что нетлѣнень». Какое вынужденное заключеніе! Чтѣ говоришь, о мул-

рѣйшій? Поеліку нетлѣненъ, то не дѣлать собственной своей сущности, ражда Сьна. Не Себя самого раждаетъ, и не самъ отъ Себя раждается, не дѣлается вмѣстѣ и Отцемъ и Сьномъ самага Себя, потому что нетлѣненъ. Слѣдовательно, если кто тлѣннаго естества, то онъ разсѣкаетъ сущность въ рожденіи, отъ самага себя раждается, самъ себя раждаетъ, одинъ и тотъ же дѣлается отцемъ и сьномъ самага себя; потому что не нетлѣненъ. Но если это дѣйствительно такъ; то Авраамъ, какъ тлѣнный, не родилъ Измаила и Исаака, но отъ рабыни и отъ законной супруги имѣлъ чадомъ себя самага, или по другому затѣйливому способу выражаться, раздѣлилъ на рожденныхъ сущность свою, — и сперва при рожденіи отъ Агари раздѣленный на двѣ части, въ одной изъ половинъ дѣлается Измаиломъ, а въ другой остается половиною Авраама, послѣ же этого остатокъ Авраамовой сущности раздѣленъ на двойное порожденіе Исаака, такъ что въ каждомъ изъ внуковъ дѣлается восьмая часть. Какъ же иный, дробя эту восьмую долю, разложить на части въ двенадцати патріархахъ или въ семидесяти пяти душахъ, въ числѣ которыхъ Іаковъ пришелъ въ Египеть? И чтó говорю это? Обличеніе неразумія въ сказанномъ начать должно съ перваго челоуѣка. Ибо если одному нетлѣнному свойственно не раздѣлять естества въ рожде-

ніи, тлѣнень же былъ Адамъ, которому сказано: *земля еси, и въ землю отидеши* (Быт. 3, 19.); то по Евноміеву слову, безъ сомнѣнія, раздѣлилъ онъ сущность свою, усѣкаемый на раждающихся отъ него. При множествѣ же потомковъ, поелику находимая въ каждомъ доля сущности необходимо раздѣлена по числу рожденныхъ; то сущность Адамова, раздробленная неисчетнымъ тысячамъ происшедшихъ отъ Адама въ мелкихъ и недѣлимыхъ оныхъ частицахъ, истощается прежде, нежели появился на свѣтѣ Авраамъ, и не находится уже остатка Адамовой сущности, отдѣленной Аврааму и его потомкамъ, потому что въ нечисленныхъ тысячахъ бывшихъ прежде него раздробленіемъ на мелкія части доль истрачено естество. Видите неразуміе чловѣка, не знающаго *ни яже глаголетъ, ни о нижше утверждаетъ* (1 Тим. 1, 7.)! Ибо сказавъ: поелику нетлѣнень, то не дѣлитъ сущности, не раждаетъ самъ Себя, не дѣлается Себѣ Отцемъ, въ слѣдствіе сего о всемъ подлежащемъ тлѣнію далъ разумѣть, что при рожденіи происходитъ то, чего, по доказанному имъ, не бываетъ у одного нетлѣннаго. Но, когда много есть и инаго, чѣмъ можно доказать пустоту утверждаемаго Евноміемъ; думаю, и сказаннаго достаточно въ доказательство неразумія. Безъ сомнѣнія же, людьми свѣдущими напередъ признано необходимымъ обращать вниманіе на

послѣдствія. Евномій, одному Отцу приписавъ нетлѣніе, о всемъ умопредставляемомъ послѣ Отца, въ отличіе отъ нетлѣннаго, доказываетъ, что оно тлѣнно, чтобы даже и о Сынѣ доказать, что Онъ не свободенъ отъ тлѣнія. Посему если Сына отличаетъ отъ нетлѣннаго, то не только опредѣляетъ, что Онъ тлѣненъ. но доказываетъ, что принадлежитъ Ему и иное, чего, по словамъ Евномія, нѣтъ у одного нетлѣннаго. Ибо если одинъ Отецъ ни Себя Самаго не раждаетъ, ни Самъ отъ Себя не раждается, то необходимо всему, что не нетлѣнно, и самому себя раждать и отъ себя самаго раждаться, и одному и тому же дѣлаться и отцемъ и сыномъ самаго себя, приспособительно къ тому или другому въ сущности. Ибо, если Отцу только принадлежитъ быть нетлѣннымъ, нетлѣнному же свойственно не быть этимъ; то, по словамъ ереси, конечно. Сынъ не нетлѣненъ, и непремѣнно есть въ Немъ все это: то есть и сущность дѣлится, и себя самаго раждаетъ, и самъ отъ себя раждается, одинъ и тотъ же дѣлается Отцемъ и Сыномъ самаго Себя.

8.) Или, можетъ быть, напрасно останавливаться долѣе надъ неразумными рѣчами. Перейдемъ къ продолженію слова; ибо Евномій присовокупляетъ къ сему: «при твореніи не нуждаясь въ веществѣ, или частяхъ, или естественныхъ орудіяхъ, потому что ни въ чемъ

не имѣть нужды». Мысль сію, хотя Евномій буквально выражаетъ ее слабѣе, не исключаемъ однакоже изъ ученія благочестія; ибо дознавъ, что *Той рече, и быша: Той повель, и создашася* (Пса. 148, 5.), знаемъ, что Слово—творецъ веществу, вмѣстѣ съ веществомъ творящій и качества, такъ что Ему принадлежитъ все и прежде всего то, къ чему устремлена всемогущая воля, вещество, орудіе, мѣсто, время, сущность, качество, все умопредставляемое въ тварн. Ибо вмѣстѣ восхотѣль, чтобы пришло въ бытіе, чему должно, и этой мысли сопутствовали сила, производящая существа, изволеніе обращающая въ дѣло. Такъ о божественной силѣ любомудрствуетъ въ міробытіи великій Моисей, каждому повелительному реченію приписавъ сотвореніе появляющихся въ тварн существъ: ибо говоритъ: *рече Богъ: да будетъ свѣтъ: и бысть свѣтъ* (Быт. 1. 3.). а также говоря и о другихъ твореніяхъ. Моисей не упомянулъ ни о веществѣ, ни о содѣйствіи орудій. Съ этой стороны Евноміево слово не заслуживаетъ оужденія; потому что Богъ, творя все, что твореніемъ приведено въ бытіе, для устройства этого не имѣлъ нужды ни въ какомъ либо готовомъ веществѣ, ни въ орудіяхъ. Не нужна чужая помощь Божіей силѣ и Божіей премудрости: а Божія сила и премудрость есть Христосъ; Имъ *вся быша, и безъ Него нѣтъ* ни одного изъ существъ, какъ

свидѣтельствуеть Іоаннъ (Іоан. 1, 3.). Посему, если Имъ приведено въ бытіе все видимое и невидимое, а для сообщенія самостоятельности существамъ достаточно было одного хотѣнія, потому что хотѣніе есть сила; то Евномій, хотя въ слабыхъ выраженіяхъ, но наше высказалъ ученіе. Ибо носящій *всяческая глаголомъ силы Своя* (Евр. 1, 3.) въ какомъ орудіи, или въ какомъ веществѣ возымѣлъ бы нужду, чтобы всемогущимъ глаголомъ носить самостоятельное бытіе существъ? Но если, чему вѣруемъ объ Единородномъ въ разсужденіи твари, то Евномій доказываетъ въ разсужденіи Сына, будто бы Его сотворилъ Отець, подобно тому, какъ Сыномъ приведена въ бытіе тварь; то и теперь повторяемъ опять сказанное прежде слово, а именно, что таковое мнѣніе есть отрицаніе Божества Единороднаго. Ибо великимъ Павловымъ словомъ научены мы, что идолослужителямъ свойственно воздать чествованіе и *послужить твари паче Теорца* (Римл. 1, 25.), и Давидъ говоритъ: *не будетъ тебѣ богъ новъ, ниже поклониши богу чуждему* (Пса. 80, 10.). Будемъ же пользоваться симъ правиломъ и указателемъ въ познаніи достопокланяемаго, и останемся убѣжденными, что дѣйствительно быть Богомъ значить не быть новымъ и чуждымъ. Итакъ, поелику научены мы вѣровать, что единородный Богъ есть Богъ, то вѣруя, что Онъ есть

Богъ, исповѣдуемъ вмѣстѣ, что Онъ не новый и не чуждый. Посему, если Богъ, то не новый; не новый же непременно вѣченъ. Посему не новъ вѣчный, не чуждъ истиннаго Божества Сый отъ Отца, Сый въ лонѣ Отчемъ, въ Себѣ имѣющій Отца. Поэтому, кто отдѣляетъ Сына отъ естества Отцаго, тотъ, или вовсе отмещетъ поклоненіе, чтобы не поклоняться *Богу чуждему*, или чтить идола, тварь, а не Бога, избравъ для своего поклоненія, и идолу придавъ имя Христово.

Что касается до сего разумѣнія Евноміевыхъ предположеній объ Единородномъ, то явственнѣе будетъ изъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ Евномій излагаетъ мысли свои о самомъ Единородномъ, именно же слѣдующимъ образомъ: «вѣруемъ и въ Сына Божія, единороднаго Бога, перворожденнаго *всѣя твари* (Кол. 1, 15.), Сына истиннаго, не нерожденнаго, истинно рожденнаго прежде вѣковъ, именуемаго Сыномъ не безъ рожденія предшествующаго бытію, рожденнаго прежде всякія твари, не несотвореннаго». Достаточно, думаю, прочесть только изложенное здѣсь, и безъ нашего изслѣдованія ясно увидѣть нечестіе ученія; ибо, назвавъ Сына перворожденнымъ, чтобы не оставить слушающихъ въ нѣкоторомъ сомнѣніи, сотворенъ ли Онъ, или нѣтъ, немедленно присоветовали: не несотвореннаго, чтобы иначе значеніе слова: Сынъ, понятаго въ обычномъ

ему смыслѣ, не породило въ услышавшихъ какого либо благочестиваго о Немъ понятія. По этой причинѣ, признавъ сначала Сыномъ Божиимъ и едиnorodнымъ Богомъ, вскорѣ потомъ привносимыми понятіями совращаетъ разумъ слушающихъ къ еретическому пониманію благочестиваго представленія; ибо услышавшій названія: Сынъ Божій и едиnorodный Богъ, руководимый значеніемъ сихъ реченій, необходимо возводится къ высшимъ умопредставленіямъ, такъ какъ именованъ: Богъ и значеніемъ слова: Сынъ не привносится никакой мысли о разности естества. Ибо что иное кромѣ Отцаго естества можетъ быть представляемо въ Томъ, Кто дѣйствительно Божій есть Сынъ, и Самъ есть Богъ? Но чтобы именами сими въ сердцахъ слушающихъ не были предварительно нанечатлѣны благочестивыя мысли, Евномій немедленно говоритъ, что Сынъ перворожденъ твари, именуется Сыномъ не до рожденія предшествующаго бытію, рожденъ прежде всея твари, не несотворенъ: а изъ сего открывается, что и первыя реченія злоухищренный предлагаетъ людямъ вмѣсто приманки, чтобы и ядъ принять былъ ими, какъ бы медомъ какимъ, подслащенный благочестивыми именованіями. Остановимся на семъ не надолго въ словѣ. Кто не видитъ, какая разность въ значеніи словъ: едиnorodный и перворожденный? Ибо не умопредставляемъ,

ни едиnorodный съ братьями, ни первородный безъ братьевъ; напротивъ того первороденный не едиnorodенъ, потому что первороденъ, конечно, въ числѣ братьевъ; а у едиnorodнаго нѣтъ брата, ибо не будетъ едиnorodнымъ-счисляемый однимъ изъ братьевъ; и еще сверхъ сего, какой сущности братья первороденнаго. такой непрсмѣнно будетъ и первороденный. И словомъ симъ означается не только это, но еще, что отъ одного и тогоже имѣють бытіе и самъ первороденный и родившіеся послѣ Него, и что первороденный ничего не привноситъ отъ Себя къ роженію слѣдующихъ; а сіе наводитъ на мысль живымъ признать Іоанново слово, свидѣтельствующее, что *вся Тьма быша*. Ибо если первороденъ, то, безъ сомнѣнія, съ роженными послѣ него разнится одними только временными преимуществами: между тѣмъ какъ есть другій, кѣмъ и ему и прочимъ сообщена сила придти въ бытіе. Но чтобы кому изъ клеветниковъ не подать мысли, будто бы, не принимая богодухновенныхъ изреченій, настаиваемъ въ этомъ, сперва предложимъ, какое наше разумѣніе сихъ именованій, и потомъ уже присовокупимъ для слушателей сужденіе о лучшемъ пониманіи. Великій Павелъ, зная, что едиnorodный Богъ во всемъ первенствующій есть началовождь и виновникъ всего добраго, свидѣтельствуеть о Немъ, что не только Имъ совершено тво-

реніе существъ, но что, поелику древнее сотвореніе въ чловѣкѣ обветшало и дошло до истлѣнія (Евр. 8, 13.), какъ онъ именуеть сіе, произошла же иная новая тварь о Христѣ (Гал. 6, 15.), то и въ семъ не иной кто предводительствовалъ, но во всей твари, совершенной у людей Евангеліемъ, Онъ есть перворожденный. И чтобы мысль о семъ сдѣлалась болѣе ясною, изложимъ рѣчь въ такомъ порядкѣ. Божественный апостоль четырекратно упоминаеть сіе реченіе: однажды сказавъ такъ: *перворожденъ всея твари* (Кол. 1, 15.); еще: *первородный во многихъ братіяхъ* (Римл. 8, 29.); въ третьихъ: *перворожденъ изъ мертвыхъ* (Кол. 1, 18.), и послѣ употребляетъ слово сіе отрѣшенно, не въ сопряженіи съ другими словами, сказавъ: *егда же накі сводитъ Первороднаго во вселенную, глаголетъ: и да поклонятся Ему вси ангели Божіи* (Евр. 1, 6.). Посему въ какомъ смыслѣ разумѣть будемъ сіе имя въ другихъ его сопряженіяхъ, тотъ же самый смыслъ по справедливости приспособимъ и къ выраженію: *перворожденъ твари*. Ибо, какъ слово одно и тоже, то по всей необходимости одно и понятіе, имъ означаемое. Посему какъ дѣлается первороднымъ во многихъ братіяхъ? Почему первороденъ изъ мертвыхъ? Или это, безъ сомнѣнія, явно? Поелику мы стали кровію и плотію, какъ говоритъ Писаніе (1 Кор. 15, 50.), то ради насъ содѣлавшійся намъ по-

добнымъ, приобщившійся плоти и крови, чтобы насъ претворить изъ тлѣнія въ нетлѣніе въ рожденіи свыше водою и духомъ, самъ предшествовалъ въ такомъ рожденіи, собственнымъ своимъ крещеніемъ привлекиши Святаго Духа на воду, такъ что Самъ содѣлался перворожденнымъ всѣхъ возраждаемыхъ духовно, и наименовалъ братьями причастниковъ одинаковаго съ Нимъ рожденія водою и Духомъ. А поелику должно ему было вложить въ естество и силу воскресенія изъ мертвыхъ, то дѣлается еще *начаткомъ у.першихъ* (1 Кор. 15, 20.) и перворожденнымъ изъ мертвыхъ, первый прекратившій Собою болѣзни смертныя, чтобы и намъ проложить путь къ пакыбытію отъ смерти, по прекращеніи Господнимъ воскресеніемъ той болѣзни смертной, которою были мы одержимы. Посему, какъ участникъ въ банѣ возрожденія дѣлается первороднымъ въ братіяхъ, и еще, содѣлавъ себя начаткомъ воскресенія, именуется перворожденнымъ изъ мертвыхъ, и такъ *во всѣхъ первенствуя* (Кол. 1, 18.), послѣ того какъ, по словамъ апостола, *вся древія лимондоша* (2 Кор. 5, 17.), дѣлается перворожденнымъ новой во Христѣ твари—человѣковъ, сугубымъ пакыбытіемъ и воскресеніемъ, какъ по святомъ крещеніи, такъ и изъ мертвыхъ, и въ томъ и другомъ ставъ для насъ начальникомъ жизни, и начаткомъ, и перворожденнымъ. Поэтому

перворожденный сей имѣеть и братьевъ, о которыхъ говоритъ Маріи: *иду ко Отцу Моелу и Отцу вашему, и Богу Моелу и Богу вашему* (Іоан. 20, 17.). Ибо сказаннымъ кратко но вполне изображаетъ цѣль домостроительства о человѣческомъ родѣ. Родъ человѣскій, отступивъ отъ Бога, работалъ не сущимъ по естеству богамъ, и сущіе чадами Божиими стали своими лукавому и лженменному отцу. Посему *Ходатаи Бога и человѣковъ* (1 Тим. 2, 5.), воспріявъ на Себя начатокъ всего естества человѣческаго, не отъ Божія, но отъ нашего лица посылаетъ извѣщеніе братіямъ Своимъ, говоря: пойду, чтобы Мнѣ самимъ Собою содѣлать Отцемъ вашимъ истиннаго Отца, отъ Котораго вы удалились, и чтобы Мнѣ самимъ Собою содѣлать Богомъ вашимъ истиннаго Бога, отъ Котораго вы отступили потому что начаткомъ, который воспріялъ Я на Себя, все человѣчество привожу въ Себя къ Богу и Отцу.

Посему, поелику Начатокъ Богомъ Своимъ содѣлалъ сущаго Бога и Отцемъ благаго Отца то всему естеству заслужено благое, и посредствомъ начатка дѣлается Отцемъ и Богомъ всѣхъ человѣковъ: *еще ли начатокъ святъ* сказано, *то и прилъщеніе* (Рим. 11, 16.). Гдѣ начатокъ Христосъ (а Христосъ дѣйствительно начатокъ), тамъ и Христовы, какъ говоритъ апостолъ (1 Кор. 15, 23.). Посему, гдѣ у апе

стола сдѣлаю упоминаніе о словѣ: перворожденный, поставленномъ въ сопряженіи, при воспоминаніи о мертвыхъ, о твари, о братьяхъ, тамъ внушается разумѣть сказанное предъ симъ и подобное сему; но гдѣ говоритъ безъ такового присовокупленія: *егда же наки вводитъ : производнаго во вселенную, глаголетъ*, то присовокупленіе слова: *наки* предвозвѣщаетъ то пришествіе Владыки всяческихъ, которое будетъ при концѣ. Ибо какъ о имени *Иисусови* всяко колѣно поклонится небесныхъ и земныхъ и преисподнихъ (Фил. 2, 16.), и Сынъ не имѣетъ человѣческаго имени, потому что *наче всякаго имени*: такъ сказуетъ апостоль, что вся премірная тварь поклонится первородному, такъ именуемому ради насъ, наки входящему во вселенную, *судити вселенный въ правду и людемъ въ правоту* (Пса. 9, 9.). Такъ въ словѣ благочестія различается означаемое словами: перворожденный и едиnorodный, съ сохраненіемъ значенія, тому и другому изъ сихъ именъ соответствующаго. Но кто имя первороднаго возводитъ до предвѣчнаго существованія, тому какъ соблюсть понятіе едиnorodнаго? Пусть разумный слушатель разсмотритъ самъ, возможно ли въ именахъ сихъ взаимное соглашеніе, когда ни первороднаго не возможно представить себѣ безъ братьевъ, ни едиnorodнаго при братьяхъ. Когда Евангелистъ сказалъ: *въ началъ бл Слово*, при семъ

представляемъ себѣ Единороднаго. А когда присовокупимъ: *Слово плоть бысть*; раждается у насъ мысль о Перворожденномъ. Такъ слово благочестія пребываетъ неслитнымъ, каждому изъ именъ сохраняя сродное ему значеніе, такъ что въ словѣ: единородный видимъ предвѣчное, а въ словѣ: перворожденъ твари, явленіе предвѣчнаго во плоти.

9.) Возвратимся опять къ буквальному чтенію Евноміева слова. «Вѣруемъ и въ Сына Божія, единороднаго Бога, перворожденнаго всея твари, Сына истиннаго, не нерожденнаго, истинно рожденнаго прежде вѣковъ». Итакъ, что Евномій понятіе рожденія распространяетъ на означаемое словомъ: твореніе, сіе явствуетъ изъ того, что Сына Божія открыто назвалъ сотвореннымъ, сказавъ, что Онъ приведенъ въ бытіе и не сотворенъ. Но чтобы наиболѣе обнаружили его неосмотрительность и нескѣжество въ догматахъ, отложивъ жалобы на явную хулу, изложимъ слово о семъ съ искусственнымъ нѣкимъ разборомъ. Ибо хорошо, кажется мнѣ, будетъ съ тщательнѣйшимъ изслѣдованіемъ разсмотрѣть въ словѣ то самое, что означается реченіемъ: рожденіе. Хотя всякому явно, что имя сіе означаетъ бытіе отъ какой либо причины, и нѣтъ, думаю, надобности спорить объ этомъ; однакоже, поелику разныя бываютъ отношенія состоявшагося отъ причины, то надлежитъ, полагаю,

уяснить это въ словѣ нѣкимъ искусственнымъ разборомъ. Посему въ происшедшемъ отъ какой либо причины примѣчаемъ слѣдующія различія. Иное происходитъ отъ вещества и отъ искусства, какъ-то устройство зданій и прочихъ работъ, производимое изъ пригоднаго къ тому вещества, подъ управленіемъ нѣкоего искусства, дѣлающаго, что предложенное вещество достигаетъ особой цѣли. А иное—отъ вещества и природы, ибо рожденія живыхъ существъ одного отъ другаго устроляетъ природа, совершающая дѣло свое посредствомъ вещественной самодѣятельности въ тѣлахъ. А еще иное—отъ вещественнаго истеченія, причемъ, и производящее остается тѣмъ, что оно есть, и истекающее отъ него само по себѣ видимо, какъ это бываетъ съ солнцемъ и лучемъ, или съ свѣтильникомъ и свѣтлостію, или съ благовонными веществами, съ мурами и издаваемымъ ими отъ себя качествомъ; ибо вещества сіи, сами въ себѣ оставаясь не умаляемыми, въ тоже время имѣютъ сопровождающую каждое изъ нихъ и имъ издаваемую естественную особенность, напримѣръ солнце—лучь, свѣтильникъ—свѣтлость, благовонныя вещества—порождаемое ими въ воздухѣ благоуханіе. Есть и другіи кромѣ сихъ видъ рожденія, котораго причина невещественна и нетѣлесна, хотя самое рожденіе ощутительно и совершается съ помощію тѣла, — разумью

слово, раждающеся отъ ума; ибо умъ, будучи самъ въ себѣ нетѣлесенъ, посредствомъ чувственныхъ орудій раждаетъ слово. Столько разностей въ рожденіяхъ примѣтили мы по нѣкой какъ бы прирожденной намъ способности воззрѣнія.

По такомъ нашемъ разборѣ образовъ рожденія, время обратить взоръ на то, какъ челоуѣколюбивое домостроительство Святаго Духа, преподавая намъ божественныя тайны, посредствомъ вмѣстимаго для насъ научаетъ превышающему всякое слово. Ибо всѣ виды рожденія, какіе знаетъ челоуѣческій разумъ, богодуховенное ученіе беретъ для изображенія неизреченной силы, не принимая съ тѣмъ вмѣстѣ тѣлеснаго значенія именъ. Когда говоритъ объ устроющей силѣ, хотя дѣйствование сіе называетъ рожденіемъ, потому что слово должно спизойти до малости нашей силы, но вмѣстѣ не показываетъ при этомъ того, что усматривается у насъ при семъ устроительномъ рожденіи, ни мѣста, ни времени, ни заготовленія вещества, ни средства орудій, ни цѣли для раждаемаго, но оставляя сіе намъ, величественно и возвышенно приписываетъ Богу приведеніе въ бытіе существъ, когда говоритъ: *яко Той рече, и быша: Той повель, и создашася* (Пса. 148, 5.). Опять когда изъясняетъ неизреченное и превосходящее слово исхождение Единороднаго отъ Отца, тогда.

поелику нищета человѣческая не вмѣщаетъ въ себѣ превосходящихъ слово и понятіе ученій, и здѣсь пользуется нашими названіями, и именуеть Сыномъ (это же имя, по нашему обычаю, дается существу, раждающемуся отъ вещества и природы); но какъ о рожденіи посредствомъ творенія слово Божіе, сказавъ, что оно совершается при посредствѣ нѣкоего вещества, не указало сущности вещества, мѣста, времени, и всего тому подобнаго, опредѣливъ, что есть сила воли Божіей; такъ и здѣсь, сказавъ: Сынъ, оставило все иное, что въ дольнемъ рожденіи видитъ человѣческое естество, разумъ, страсти и расположенія, содѣйствіе времени, потребность мѣста, а прежде всего вещество; такъ какъ безъ всего этого не совершается естествомъ рожденіе дольнее. Послику же всякая таковая вещественная и пространственная сущность не включается въ значеніе слова: Сынъ; то остается одно только естество: и поэтому словомъ Сынъ объясняется близость и вѣрность указанія въ Отцѣ на Единороднаго. И какъ такового вида рожденія не довольно къ тому, чтобы произвести въ насъ достаточное представленіе о неизреченномъ исхожденіи Единороднаго, то слово Божіе къ означенію богословія Сына и другой видъ рожденія заимствуетъ отъ вещественнаго истеченія и называетъ Сына *сіяніемъ славы* (Евр. 1, 39.), и *волею луга* (П. Пѣсн. 1, 3.),

и *парю* Божію (Прем. 7. 25.), чѣмъ, по изложенному нами искусственному словозначенію рожденій, укоренившійся у насъ обычай пмену-еть вещественное истеченіе.

Но какъ въ сказанномъ выше и понятіе о рожденіи твари, и значеніе слова: сынъ, не заключали въ себѣ или времени, или вещества, или мѣста, или страсти: такъ и здѣсь слово Божіе, предпочтительно всякому вещественному понятію взявъ одно значеніе сіянія, или одного изъ прочихъ упомянутыхъ образовъ, боголѣпно представляющихъ подобный видъ рожденія, показываетъ, что должно, по буквальному значенію слова: сіяніе, представлять себѣ изъ Него и вмѣстѣ съ Нимъ. Ибо и *пара* представляетъ не разліяніе какое въ воздухъ предложеннаго вещества, и воня—не переходеніе въ воздухъ чего либо изъ качества мура, и сіяніе—не истеченіе солнечнаго тѣла, совершающееся посредствомъ лучей; но изъ всего, какъ сказано, подобнымъ образомъ рожденія объясняется одно то, что Сынъ отъ Отца и съ Нимъ умопредставляется безъ всякаго разстоянія, посредствующаго между Отцемъ и сущимъ отъ Отца. Поелику же по великому челоуѣколюбію благодать Святаго Духа домоостроительствовала, чтобы многократно сообщаемы намъ были божественныя умопредставленія объ Единородномъ; то Писаніе присовокупило и остальной видъ усматрива-

маго въ рожденіи,—а именно въ рожденіи отъ ума и слова. И въ этомъ большую осторожность наблюдаетъ возвышенный Іоаннъ, чтобы слушатель по безсилію и малодушію не испалъ до обыкновеннаго понятія о словѣ, и не представилъ себѣ Сына звукомъ исшедшимъ отъ Отца. Посему приписываетъ Слову бытіе по сущности въ самомъ первомъ и блаженномъ естествѣ, такъ возгласивъ проповѣдь: *сѣ началъ бы Слово, и бы къ Богу* (Іоан. 1, 1.), и Богъ—свѣтъ и жизнь, и все, чѣмъ есть Начало, и Онъ былъ. Сей-то способъ рожденія всего имѣющаго бытіе отъ причины, познаваемаго обычнымъ для насъ образомъ, и святымъ Писаніемъ представленнаго въ ученіи о превысшемъ, въ каждомъ изъ этого можетъ быть, какъ и слѣдуетъ, благочестно приедемъ къ изложенію божественныхъ умопредставленій.

Время вникнуть, въ какомъ значеніи принимается слово: рожденіе по Евноміеву ученію. «Сына, говоритъ онъ, истиннаго, не нерожденнаго, и истинно рожденнаго прежде вѣковъ». О семъ злоухищренномъ соотвѣтствіи именъ въ различеніи Лиць, какъ примѣтномъ всякому, надлежитъ, думаю, умолчать: пбо кому не извѣстно, что есть противоположность въ именахъ Сына съ Отцемъ и рожденнаго съ нерожденнымъ, а Евномій, умолчавъ объ Отцѣ, противопоставляетъ Сыну нерожденнаго. Должно же было, если только заботился онъ

объ истинѣ, не извращать относительнаго соотвѣтствія въ рѣчи, но сказать: истиннаго Сына, а не Отца. Такимъ образомъ послѣдовательно стію рѣчи спасено было бы и благочестіе, такъ какъ раздѣленіемъ Лицъ не было бы раздѣляемо естество. Но Евномій, измѣнивъ истинное и въ Писаніи принятое въ употребленіе имя: Отець, преданное самимъ словомъ въ ученіи вѣры, вмѣсто Отца наименовалъ Нерожденнаго, чтобы, лишивъ Отца естественной, въ названіи Отца усматриваемой, близости къ Сыну, поставить въ общее отношеніе ко всему видимому въ твари, что равно противопоставляется Нерожденному. «Истинно, говоритъ, рожденнаго прежде вѣковъ». Пусть скажетъ: кѣмъ рожденнаго? Конечно, если не постыдится истины, отвѣтитъ: Стцемъ. Но посліку вѣчному Отцу не свойственно отнимать вѣчность у Сына, такъ какъ значеніе имени Отець, конечно, указываетъ вмѣстѣ и на Сына, то поэтому Евномій, отринувъ названіе Отець, вводитъ въ рѣчь Нерожденнаго, потому что означаемое симъ именемъ не имѣетъ отношенія къ Сыну и общенія съ Нимъ; и чрезъ это приучая слушателей вмѣстѣ съ Отцемъ не умопредставлять Сына, переменною имени даетъ свободный ходъ ухищренію, вставкою имени: Нерожденный, пролагая путь нечестію. Ибо, по заповѣди Владыки, имѣющіе вѣру въ Отца, какъ скоро слышатъ объ Отцѣ, воспріемлютъ умомъ и мысль о Сынѣ, потому что умъ не про-

ходить никакого промежуточного разстоянія между Отцемъ и Сыномъ; когда же отъ имени Отца переходятъ къ названію: нерожденный, получаютъ одно голое понятіе сего имени, научаемые только тому, что Онъ не рожденъ, а не тому, что Онъ и Отецъ. Отъ сего же у слушающихъ разумно и при этой мысли вѣра остается невозмущенною, потому что о несовершенномъ ествѣ говорится также быть порожденнымъ: не сотворены же равно Отецъ и Сынъ и Духъ Святыи; ибо всякая тварь, и чувственная и премірная, какъ вѣруютъ слѣдующіе божественному слову, имѣетъ самостоятельное бытіе отъ Отца и Сына и Духа Святаго. Кто слышитъ, что *Слово* *ль* *Господи* *ль* *небеса* *зтвердиши* *ся*, и *Дух* *ль* *цетъ* *Его* *вся* *сила* *ль*, тотъ не разумѣетъ подъ Словомъ реченія и подъ Духомъ дыланія, но въ слѣдствіе сказаннаго опечатлѣваетъ въ мысли Бога Слово и Духа Божія. Но одно и то же не можетъ и творить и быть творимымъ: напротивъ того существа дѣлятся на двѣ части, на творящихъ и на произведенныхъ, и одна часть отлична отъ другой ествомъ, такъ что не произведенное не можетъ быть не сотвореннымъ, ни то, которымъ совершается ество существъ произведенныхъ, сотвореннымъ. Итакъ, по Владычному изложенію вѣры, увѣровавшіе во имя Отца и Сына и Святаго Духа равно исповѣдуютъ, что ни которое изъ сихъ Лиць не

сотворено, и означаемое словомъ: нерожденный нимаго не вредитъ здоровой пхъ вѣрѣ. Но грубымъ и необразованнымъ имя сіе служитъ началомъ совращенія отъ здраваго ученія; ибо, не понимая истиннаго значенія имени, именно, что слово нерожденный значитъ только не быть приведеннымъ въ бытіе, и что не бытъ приведеннымъ въ бытіе есть общее свойство всего, что выше твари, и оставивъ вѣру въ Отца, имя Отца замѣнили словомъ: нерожденный. И какъ, по сказанному, въ семъ имени не вина упостась Единороднаго, то опредѣляютъ опредѣленное нѣкое начало бытію Сына, говоря то же, что нынѣ Евномій присовокупилъ къ сказанному: «не безъ рожденія предшествоующаго бытію именуемаго Сыномъ».

Какое это опять новое обраченіе! Не знаетъ развѣ, что ведетъ рѣчь о Богѣ? «Въ началѣ сущаго, и въ Отцѣ сущаго, и не возможно представить, когда не сущаго». Не знаетъ, что говорить, и о комъ утверждаетъ: но, какъ бы ниша родословіе кого-либо изъ людей, что собственно говорится о дольномъ естествѣ, того покушается приложить ко Владыкѣ всякаго естества. Ибо, наиримѣръ, Измаила не было прежде рожденія въ бытіе, но, конечно, прежде рожденія ихъ было, какъ разумью, временное разстояніе. Въ разсужденіи же сіянія славы не имѣетъ мѣста ни прежде, ни послѣ.

Ибо прежде сіянія не было, конечно, и славы; но какъ скоро есть слава, вмѣстѣ съ нею озаряетъ, конечно, и сіяніе, и разлучить одно съ другимъ нѣтъ возможности. Не возможно видѣть славу отдѣльно прежде сіянія; кто говоритъ это, тотъ утверждаетъ, что слава сама по себѣ темна и слѣпа, потому что вмѣстѣ съ нею не озаряетъ сіяніе ея. Но въ этомъ и состоитъ злоухищреніе ереси, чтобы тѣмъ самымъ, что представляемъ и говоримъ о чловѣкѣ, едиnorodнаго Бога устранить отъ единенія съ Отцемъ. Поэтому Евномій говоритъ: прежде рожденія въ бытіе не былъ Сыномъ. Но и сыны овновъ, о которыхъ упоминаетъ пророкъ (Иса. 28, 1.), и тѣ не по рожденіи ли называются сынами? Посему, что разумъ усматриваетъ въ сынахъ овновъ; а именно, что прежде рожденія въ бытіе они не сыны еще овновъ, то досточтимый богословъ приписываетъ нынѣ Творцу вѣковъ и всякой твари, Тому, Кто имѣетъ въ Себѣ вѣчнаго Отца, умопредставляемъ нами въ вѣчности Отца, какъ Самъ говоритъ: *Азъ со Отцъ и Отецъ со Мнѣ* (Юан. 14, 10.). Но не способные усмотрѣть злоухищренія въ словѣ и не обученные какому либо уразумѣнію послѣдовательности мыслей соглашаются на сіи несвязныя ученія, принимая за послѣдовательное, что присовокупляется къ сему.

10.) Ибо Евномій говоритъ: «рожденнаго прежде всей твари», и, какъ бы изреченія сего недостаточно было къ показанію нечестія, помѣщаетъ хулу въ слѣдующемъ за тѣмъ словѣ, сказавъ: «не несотвореннаго». Посему какъ же не несотвореннаго называетъ истиннымъ Сыномъ? Ибо если сотвореннаго надлежитъ называть истиннымъ Сыномъ, то, конечно, и небо есть истинный сынъ; потому что и оно не несотворено. Такъ и солнце есть истинный сынъ, и все, что въ твореніи есть малаго и великаго, безъ сомнѣнія, достойно названія истиннымъ сыномъ. Какъ же созданнаго называетъ Единороднымъ? Ибо всѣ созданные, конечно, братья между собою, по самому, какъ разумѣю, понятію: быть созданнымъ. Кѣмъ же и созданъ? Ибо все, что только приведено въ бытіе, конечно, приведено Сыномъ, такъ свидѣтельствуемъ Іоаннъ, говоря: *вся Тьма быша* (Іоан. 1, 3.). Поэтому, если, по словамъ Евномія, и Сынъ приведенъ въ бытіе, то и онъ, конечно, состоитъ въ естествѣ созданныхъ существъ. Итакъ, если все созданное приведено въ бытіе Словомъ, Оно же есть одно изъ существъ созданныхъ; то кто столько несмысленъ, чтобы не видѣть нелѣпости положенія, будто бы, какъ утверждаетъ новый сей догматовводитель, Владыка сталъ произведеніемъ Себя Самаго. Евномій же ясно говоритъ, что Господь, Создатель всей твари, не

несотворенъ. Пусть скажетъ, откуда у него такая смѣлость? Въ какомъ богодухновенномъ изреченіи почерпнута? Какой евангелистъ, какой апостоль изрекъ подобное сему слово? Какой пророкъ, или законодатель, или патріархъ, или иной кто изъ вдохновенныхъ Святымъ Духомъ, и которыхъ рѣчи преданы письмени, былъ вводителемъ такового изреченія? Отца и Сына и Святаго Духа дознали мы въ преданіи вѣры отъ самой Истины. Или надлежало вѣровать, что Сынъ сотворенъ? Почему же истина, предающая намъ тайну, узаконила вѣру въ Сына, а не въ тварь? Почему божественный апостоль, поклоняясь Христу, о служащихъ твари вмѣсто Творца опредѣленно говоритъ, что служить они идоламъ? Или не поклонялся бы самъ апостоль, если бы Христосъ былъ сотворенъ, или служащихъ твари не причислялъ бы къ идолослужителямъ. чтобы, принося поклоненіе сотворенному, и самому не быть признану идолослужителемъ. Но зналъ онъ, что Тотъ, Кому онъ поклоняется, есть надъ всѣми Богъ; ибо такъ въ словѣ къ римлянамъ именуеть Сына (Римл. 9, 5.). Посему не присвояющіе Сыну сущности Отца и называющіе Его сотвореннымъ, для чего въ посмѣяніе уступаютъ Ему жеименное названіе, чуждому истиннаго Божества воснисуя напрасное имя Бога, какъ Вилу, или Дагону, или дракону? Поэтому утверждающіе, что Онъ

сотворень, пусть или не исповѣдуютъ Его Богомъ, чтобы явно быть іудействующими, или если сотвореннаго исповѣдуютъ Богомъ, не отрицаются, что они идолослужители. Но, конечно, представлятъ они приточное изреченіе, въ которомъ сказано: *Господь созда Мя начало путей Своихъ въ дѣла Своя* (Прит. 8, 22.).

Чтобы привести сіе въ возможную ясность, слѣдовало бы изложить пространнѣе; однакоже благомыслящимъ можно передать мысль и не въ многихъ словахъ. Ибо нѣкоторые, въ точности изучавшіе божественныя Писанія, говорятъ слѣдующее: у евреевъ не написано: *созда* (*ѣхтибе*), и въ древнѣйшихъ книгахъ читали мы вмѣсто *созда* *ля* написано: *стяжа* (*ѣхтѣбато*). А твореніе въ приточномъ и загадочномъ смыслѣ означаетъ, конечно, раба, ради насъ пріявшаго на Себя *зракъ раба* (Фил. 2, 7.). Но если кто въ разсужденіи сего мѣста противопоставитъ намъ и преобладающее въ церквахъ чтеніе: то не отвергаемъ и слова *созда*. Ибо и оно служитъ къ означенію раба въ приточномъ смыслѣ, такъ какъ вся тварь въ работѣ, по слову апостола (Римл. 8, 21.). Потому утверждаемъ, что и это слово даетъ благочестивую мысль. Ибо истинно сотворень на послѣдоѣхъ дней Тотъ, Кто ради насъ содѣлался подобенъ намъ, Кто, въ началѣ будучи Словомъ и Богомъ, послѣ сего сталъ плотію и человѣкомъ. Сотворено же естество плоти, ко-

торую Онъ воспринялъ *по всяческииъ по подобію развѣ грѣха* (Евр. 4, 15.); но сотворено по Богу, а не по человѣку, какъ выражается апостоль, новымъ иѣкимъ образомъ, а не какъ обычно у людей. Ибо научены мы, что Духомъ Святымъ и силою Вышняго, однакоже сотворенъ сѣ новый человѣкъ, облечся въ котораго повелѣваетъ и намъ истолкователь неизреченныхъ таинъ Павелъ, двояко называя сѣ одѣяніе, то говоря: *облекитесь въ новаго чловѣка, созданнаго по Богу* (Еф. 4, 24.), то: *облечитесь Господемъ Исусомъ Христомъ* (Римл. 13, 14.); ибо въ такомъ случаѣ для насъ, облечшихся въ Него, дѣлается началомъ путей спасенія Изрекшій: *Азъ есмь путь* (Юан. 14, 6.), да сотворитъ насъ дѣломъ рукъ Своихъ, изъ худаго зданія грѣха претворивъ опять въ собственный Свой образъ. Самъ же дѣлается для насъ и основаніемъ прежде будущаго вѣка, по слову Павла, который говоритъ, что *основанія никтоже можетъ положить паче лежащаго* (1 Кор. 3, 11.), *и прежде неже произыти источникомъ водъ, и прежде неже горамъ водружитися, и прежде неже бездны содѣлати, и прежде всплѣ холмовъ разждаетъ Мя* (Прит. 8, 24. 25.). Каждое изъ сихъ выражений, по обычаю приточной рѣчи понятое, въ переносномъ смыслѣ можетъ быть принаровлено къ Слову. Ибо великій Давидъ *горы Божія* именуетъ правдою, а суды—*бездною* (Пса. 35, 7.), *источ-*

никали же—учителейъ въ церквахъ, говоря: *въ церквахъ благословите Бога, Господа отъ источниковъ Израилевыхъ* (67, 27.), и холмами—незлоте, которое изобразилъ скаканіемъ агнцевъ (113, 6.). Посему прежде нихъ раждается въ насъ ради насъ сотворенный человекъ, чтобы нашло въ насъ мѣсто сотвореніе и того, что подобно Ему. Но отложить, думаю, надлежитъ слово о семъ, такъ какъ для благомыслящихъ достаточно доказана истина въ немногихъ словахъ.

Поступимъ же къ слѣдующимъ словамъ у Евномія. «Въ началѣ сущаго, говоритъ онъ, не безначальнаго». Такъ-то понимаетъ божественныя изреченія думающій о себѣ, что всѣхъ превосходитъ разумѣніемъ! Въ началѣ Сущій, по его толкованію, имѣетъ начало. И не знаетъ онъ, что, если имѣетъ начало въ началѣ Сущій, то непременно и начало имѣетъ у себя другое начало. Ибо что можно сказать о началѣ, то по необходимости признаетъ, безъ сомнѣнія, и о сущемъ въ началѣ. Какъ сущее въ началѣ отдѣлится отъ начала? Какъ то, чего не было, представить себѣ кто-либо прежде того, что было? Что бы кому-либо, возводя мысль свою къ умопредставленію начала, простереть ее далѣе, для сего, безъ сомнѣнія, представить онъ, что сущее въ началѣ Слово не можетъ быть отдѣлено отъ начала, въ которомъ оно, какъ не начинающее и не пере-

стающее быть въ началѣ. Но никто поэтому да не дѣлать догмата на два начала. Ибо одно, какъ и дѣйствительно, есть начало, въ которомъ неотлучно умопредставляется Слово, по всему состоящее въ единеніи со Отцемъ. Держась сего образа мыслей, Евномій не дастъ никакого доступа ереси повредить благочестію новизною имени: нерожденный. Но въ изложенномъ далѣе слово его походить на хлѣбъ, въ которомъ большая примѣсь песку. Ибо, къ сказанному здраво примѣшавъ еретическія понятія, дѣлаетъ и пищу негодною ко вкушенію, по причинѣ примѣшаннаго камня. Называетъ Господа «живою премудростію, дѣйственной истиною, существенною силою, жизнію»; это еще пища, но Евномій влагаетъ въ сказанное и ядъ ереси; ибо, наименовавъ жизнь рожденною, противопоставленіемъ жизни нерожденной даетъ разумѣть нѣчто другое, и не предполагаетъ дѣйствительной жизни—Сына. Потомъ говоритъ: «какъ Сына Божія, животворящаго мертвыхъ, *святъ истинный, свѣтъ просвѣщающій всякаго человека являющію въ міръ*» (Іоан. 1, 9.), благаго и подателя благъ». Все это вмѣсто какого-то меда подавая простодушнымъ, подъ сладостію сихъ словъ скрываетъ отраву. Ибо немедленно присовокупляетъ къ сказанному тлетворную свою мысль, говоря: «не съ Родшимъ раздѣлившаго достоинство, и не съ другимъ кѣмъ отеческую сущность, но отъ

рожденія содѣлавшагося славнымъ, и Господомъ славы, и пріявшимъ славу отъ Отца, а не переявшимъ у Него славу: потому что не сообщима слава Вседержителя, какъ сказалъ Онъ: *славы Моя яному не дамъ*» (Иса. 42, 8.). Вотъ тѣ смертоносные составы, которые распознаются только упражнявшими чувствилица души.

Смертельный вредъ ихъ яснѣе открывается изъ окончательныхъ словъ сказаннаго. «Пріявшимъ, говоритъ онъ, славу отъ Отца, а не переявшимъ у Него славу: потому что не сообщима слава Вседержителя, какъ сказалъ Онъ: *славы Моя яному не дамъ*». Кто этотъ иный, которому, сказалъ Богъ, *славы Моя не дамъ*? Хотя пророкъ говоритъ о противникѣ: однакоже Евномій переноситъ пророчество на Самаго Единороднаго Бога. Пророкъ, сказавъ отъ лица Божія: *славы Моя яному не дамъ*, присовокупилъ: *ниже добродѣтелей Моихъ истукашныиъ*. Послику люди должное Богу служеніе и поклоненіе по обольщенію отдавали противнику, въ храмахъ посвященныхъ истуканамъ чувствуя врага Божія, во многихъ видахъ представляемаго у людей идоламъ; то врачующій недужныхъ, пожалѣвъ о человѣческой гибели, какое челоѣколюбіе оказалъ Онъ нанослѣдкомъ времянь уничтоженіемъ идоловъ, предрекъ о томъ устами пророка, говоря: когда явлена будетъ истина, тогда слава Моя не будетъ воз-

даваема иному, и добродѣтели Мои не будутъ приписываемы истуканамъ; потому что люди, познавъ Мою славу, не станутъ служить не сущимъ по естеству богамъ. Итакъ, что пророкъ отъ лица Господня говоритъ о сопротивной дѣятельности, то самое это богоборецъ относитъ къ Самому Господу, изрекшему сіе чрезъ пророка. Упоминается ли о какомъ мучителѣ, что содѣлался онъ подобнымъ гонителемъ вѣры? Кто навелъ на эту мысль, будто бы явившійся во плоти для спасенія душъ нашихъ не истинный Богъ, какъ мы вѣровали, но противникъ Богу, въ истуканныхъ и въ идолахъ производящій оболъщеніе человѣковъ? Ибо что о семъ противникѣ сказано у пророка, то Евномій перелагаетъ на едиnorodнаго Бога, не уразумѣвъ того самаго, что провѣщавшій это въ пророкѣ есть Самъ Единородный, какъ самъ Евномій говоритъ въ послѣдствіи, что Онъ глагола въ пророкахъ.

11. Надобно ли мнѣ разсуждать о семъ болѣе? Ибо къ той же принадлежитъ хулѣ и сказанное предъ этимъ. «И пріившимъ славу отъ Отца, сказано у Евномія, а не переившимъ у Него славу; потому что несообщима слава Вседержителя Бога». А я, если бы шла рѣчь и о Моисеѣ, прославившемся въ служеніи закону, не такъ произнесъ бы подобное сему слово. Моисей, хотя онъ у себя самаго не имѣлъ никакой славы, по пріятному имъ отъ

Бога дару, вдругъ въ славѣ явился израиль-
тянамъ. Ибо эта, бывшая у законодателя,
слава принадлежала не иному кому, но самому
Богу, и ея Господь въ Евангелии повелѣваетъ
искать всѣмъ, и обвиняетъ погавляющихъ
въ великое славу человѣческую, и не ищущихъ
славы *отъ единого Бога* (Юан. 5, 44.). А тѣмъ
самымъ, что повелѣлъ искать этой *отъ единого
Бога* славы, обѣтовалъ Онъ, что возможно
улучить искомое. Поэтому какъ же несообщима
слава Вседержителя, если надобно просить
славы, *яже отъ единого Бога*, и *всякъ проситъ*,
по Господнему слову, приѣмлетъ (Матѹ. 7, 8.)?
Но утверждающій о Сіяніи славы, что имѣеть
славу пріять, не иное что говоритъ, а то, что
Сіяніе славы само посебѣ не славно; потребно
же Ему пріять славу отъ другаго, чтобы въ
такомъ случаѣ и самому со временемъ стать
Господомъ нѣкоей славы. Посему, гдѣ дадимъ
мѣсто словамъ истины; и когда скажется, что
Христосъ явится въ славѣ Отчей (Филип. 2,
11.), и еще: *вся елика иласть Отецъ, Моя суть*
(Юан. 16, 10.)? Кому долженъ внимать слушаю-
щій? Тому ли, кто говоритъ, что не прича-
ственъ Отчей славы *Наслѣдникъ вслѣдъ* во Отцѣ
(Евр. 1, 2.), какъ называетъ апостолъ? Или
исповѣдующему, что все, что имѣеть Отецъ,
имѣеть и Онъ? Въ числѣ же всего, безъ со-
мнѣнія, заключается и слава. Но Евномій
говорить, что не сообщима Вседержителя

става. Сего не подтверждаютъ ни Ионъ, ни великій Петръ, въ рѣчи къ іудеямъ усвоившіи себѣ сіе пророческое слово. Ибо отъ лица Божія говоритъ и пророкъ и апостолъ: *излію отъ Духа Мою на всяку плоть* (Ион. 2, 26. Дѣян. 2, 17.). Посему ужели непоскупившіися на сообщеніе Духа Своего всякой плоти не сообщаютъ собственной славы своей Единородному Сыну, существу *въ лонѣ Отца*, имѣющему все, что имѣетъ Отецъ? Или, можетъ быть, скажетъ кто нибудь, что Евномій въ этомъ и не хотя говоритъ правду? Ибо о не имѣющемъ у себѣ славы употребляется въ собственномъ смыслѣ слово: сообщеніе: у него обладаніе начинается не по природѣ, но со стороны. Гдѣ одно и тоже естество; тамъ не имѣетъ потребности въ сообщающемъ ему каждый разъ Сущій по естеству тѣмъ, чѣмъ, по нашему вѣрованію, есть Отецъ. Но лучше сказать о семъ яснѣе и прямѣе. Какая потребность въ славѣ Отчей Тому, Кто имѣетъ въ себѣ всецѣлаго Отца, не исключая ничего умопредставляемаго во Отцѣ? Да и какое это достоинство Вседержителя, не причастенъ котораго, по Евноміеву утверженію, Сынъ? Посему пусть скажутъ мудрые въ себѣ *самихъ и предъ собою различные* (Иса. 5, 21.). *изъ земли*, какъ говоритъ пророкъ, глася земныя ученія свои (Иса. 19, 3.); однакоже всѣ мы, которые покланяемся Слову, и пребываемъ учениками истины,

лучше же сказать, о томъ молимся, чтобъ быть ими, и это слово не оставимъ не обозрѣннымъ. Ибо знаемъ, что изъ всѣхъ именованій, которами означається Божество, иныя, сами по себѣ произносимыя и умопредставляемыя, указуютъ на величіе Божіе, а иныя придаются дѣятельностямъ, и насъ и всю тварь превышающимъ. Ибо когда божественный апостоль говоритъ: *нетълишюму. невидилому, единому премудрому Богу* (1 Тим. 1, 17.) и подобное сему, тогда сими именами указуетъ понятія, представляющія превышую Силу. Когда же говорится въ Писаніи: милосердый, милостивый, многомилостивый, истинный, Христось, Господь. врачъ, пастырь. путь. хлѣбъ, источникъ. царь. творецъ. создатель, защитникъ, Тотъ, Кто надъ всѣми и чрезъ всѣхъ, Кто все во всѣхъ; сии и подобныя симъ именованія заключаютъ въ себѣ означеніе дѣйствій въ твари Божія челоуѣколюбія. Посему имя: Вседержитель точныя изслѣдователи находятъ не иное что означающимъ въ разсужденіи божественной силы, какъ слѣдующее: словомъ «Вседержитель» показывается, какая и къ чему относится дѣятельность, державствующая надъ видимымъ въ тварн. Какъ не былъ бы врачомъ, если бы не нужно то было для больныхъ, не именовался бы милосердымъ и милостивымъ и подобными сему именами, если бы не было имѣющаго нужду въ милосердіи и ми-

лости: такъ не былъ бы и вседержителемъ, если бы вся тварь не имѣла потребности въ содержащемъ и соблюдающемъ ее въ бытіи. Посему какъ врачемъ бываетъ для нуждающагося во врачеваніи, такъ и вседержителемъ для требующихъ поддержки. Какъ во врачѣ имѣютъ потребность не здоровые, но чувствующіе себя худо: такъ на семъ основаніи справедливо можно сказать, что и въ поддѣрживающемъ нѣтъ потребности Тому, въ Комъ естество непогрѣшительно и неизмѣнно. Посему, когда услышимъ слово: Вседержитель, будемъ разумѣть, что все, и мысленное, и вещественное по естеству, содержитъ въ бытіи Богъ. Ибо для этого содержитъ *кругъ земли* (Иса. 40 22.), для этого имѣетъ *въ руцѣ концы земли* (Иса. 94 4), для этого объемлетъ *небо пядію*, для этого измѣряетъ *ворстію воду* (Иса. 40, 12.), для этого всю умную тварь въ Себѣ содержитъ, чтобы все содержимое всеобъемлющею силою пребывало въ бытіи.

Посему изслѣдуемъ, кто есть *дѣйствующій вся во всѣхъ* (1 Кор. 12, 7.)? Кто все сотворилъ и ни одно существо не пришло въ бытіе безъ Него? Кто есть Тотъ, въ Комъ все создано, и въ Комъ имѣютъ пребываніе всѣ существа? О Комъ *живелъ и движелся и есмь* (Дѣян. 17, 28.)? Кто имѣющій въ Себѣ все, что имѣетъ Отецъ? Ужели не узнаемъ еще по сказанному сушаго надъ всѣми Бога, такъ именуемаго

у Павла (Римл. 9, 5.), Господа нашего Иисуса Христа, Который, имѣя въ рукѣ все принадлежащее Отцу, какъ Самъ говорить, безъ сомнѣнія, много вмѣщающею Своею дланію объямъ все, и содержитъ объемлемое, и никто не возметъ изъ руки Его, содержащаго рукою все? Посему, если все имѣеть, а чтò имѣеть, то содержитъ; конечно, Содержащій все не иной Кто, какъ Вседержитель? Если же ересь скажетъ, что Отецъ содержитъ и Сына и Духа, то пусть сперва покажутъ, что Сынъ и Духъ Святой измѣняемаго естества, и тогда уже къ превратному приставляютъ Содержащаго, чтобы при помощи, подаваемой свыше, содержимое пребывало непреклоннымъ къ злу. Если же естество Божіе недоступно пороку, не превратно, не измѣнно, всегда одинаково: на чтò ему потребуется Содержащій? Оно по собственной силѣ Своей обладаетъ всею тварею, само же не имѣеть нужды въ содержащемъ по своей непревратности. Поэтому *о илени Христовѣ всяко колено поклонится небесныхъ и земныхъ и преисподнихъ* (Филип. 2, 10.). Ибо не поклонилось бы, если бы не познало несомнѣнно, что Онъ содержитъ во спасеніе. Сказать еще, что Сынъ рожденъ по благодати Отца, не иное чтò значить, какъ представить Его равночестнымъ послѣдней изъ тварей. Ибо чтò не по благодати Сотворившаго пришло въ бытіе? Кому вмѣняется устрой-

ство естества человѣческаго: лукавой силѣ, или благодати Творца? кому рожденіе животныхъ, естество растеній и прозябеній? Нѣтъ ничего такого, что имѣло бы свое бытіе не по благодати Сотворившаго. Посему что разумъ усматриваетъ во всѣхъ существахъ, то Евноміи по человѣколюбію уступаетъ Сыну. А что Сынъ не дѣлитъ съ Отцемъ сущность, или достоинство, или все сему подобное, что Евноміи перечисляетъ шутя, отвергнуто уже нами въ словахъ объ Отцѣ, такъ какъ Евноміемъ брошено сіе ни къ чему и безъ мысли; потому что раздѣленія сущности не бываетъ и у насъ раждаемыхъ другъ отъ друга. Въ каждомъ, въ рожденномъ и въ родившемъ, мѣра сущности остается цѣлою; ни въ раждающемъ умаленія, ни въ раждаемомъ приращенія не пріемлетъ мѣра сущности. Раздѣленіе же достоинства, или царства, имѣющимъ все, что у Отца, не содержитъ въ себѣ никакой мысли, и служитъ только обличеніемъ нечестія. Поэтому излишнимъ будетъ дѣломъ до безмѣрности продолжать рѣчь, толкуя о подобномъ сему.

Поступимъ же къ послѣдующему за симъ. Евноміи говорить: «прежде вѣковъ прославленнаго у Отца». Доказано ученіе истины, поддерживаемое свидѣтельствомъ враговъ. Ибо главизна нашей вѣры въ томъ, что Сынъ отъ вѣчности прославляется у Отца. А выраженіе: прежде вѣковъ, по понятію одно и тоже съ

словомъ: въ вѣчности; такъ пророчество толкуетъ намъ вѣчность Божию, когда говоритъ: *Сый прежде вѣкъ* (Пса. 54, 20.). Посему, если бытъ прежде вѣковъ значитъ бытъ вѣ всякаго начала; то усвоившій Сыну предвѣчную славу гораздо прежде засвидѣтельствовалъ этимъ о бытіи Его отъ вѣчности. Пбо прославляется, безъ сомнѣнія, не то, чего нѣтъ, но чтó существуетъ. Послѣ же сего Евномій полагаетъ себѣ сѣмена чужды на Духа Святаго, не для того, чтобы Сына прославить, но чтобы поругать Духа Святаго; пбо, намѣреваясь доказать, что Духъ Святыи есть часть ангельской силы, прибавилъ это, сказавъ: «прославляемаго въ вѣкъ Духомъ и всякою разумною и рожденною сущностію»: такъ что у Духа Святаго нѣтъ никакой разности со всемъ сотвореннымъ, если только Духъ Святыи такъ прославляетъ Господа, какъ и все иное, перечисляемое пророкомъ: *Ангели, силы, небеса небеса, премірная вода, все, чтó отъ земли, злїе, бездны, ошь, градъ, снѣгъ, юлоть, духъ буренъ, горы и вси холми, дреса плодоносная и вси кедри, зверь и вси скоти, гади и птицы пернаты* (Пса. 148, 2. 5. 7—10.). Посему, если Евномій говоритъ, что съ нами славить Господа и Духъ Святыи, то богоборный языкъ утверждаетъ, что и Онъ, безъ сомнѣнія, въ томъ же состоятъ числѣ.

А что приложено далѣе безъ связи съ

этимъ, о томъ, разсуждаю, не должно (что и хорошо будетъ) и распространяться, не потому, что сіе ни въ чемъ не укоризнено, но потому что можетъ быть читаемо и благочестивыми, если только не будетъ сопряжено съ злонамѣренными намеками. Ибо у Евномія, если и прилагается что относящееся къ благочестію, то все подобное сему предлагается простодушнымъ вмѣсто приманки, чтобы вмѣстѣ съ этимъ поглощена была и уда нечестія. Сказавъ нѣчто такое, что можно было бы сказать и принадлежащему къ церкви, присовокупляетъ онъ: «послушивъ въ созданіи и приведеніи въ бытіе существъ, послушивъ во всякомъ распоряженіи, не въ слѣдствіе послушанія воспріявъ то, чтобы Ему быть Сыномъ Богомъ, но потому, что Сынъ, и родился единороднымъ Богомъ, содѣлавшись послушливымъ въ словахъ, послушливымъ въ дѣлахъ.» И кто изъ занимавшихся Божіимъ словомъ не знаетъ, когда сказано у великаго Павла, и притомъ однажды, о Сынѣ, что *послушивъ былъ? Когда пришелъ исполнить крестную тайну, истощивъ Себе въ рабіемъ зракъ и смиривъ себе въ подобіи человечествлѣ, и образомъ обрѣтется якоже чловѣкъ въ смиренномъ ествѣ чловѣческомъ*, тогда бываетъ *послушивъ* (Фил. 2, 7. 8¹), и наши воспріявъ на Себя немощи, наши понесши болѣзни, преслушаніе чловѣческое врачуя собственнымъ Своимъ

послушаніемъ , чтобы Его язвою исцѣлень былъ нашъ струнь, и собственною Своею смертію уничтожить Ему общую смерть чело-вѣковъ: тогда ради насъ бываетъ послушливъ, какъ по домостроительству о насъ содѣлался *грѣхоль* (2 Кор. 5, 21.) и *клятвою* (Гал. 3, 13.), не по естеству будучи этимъ, но дѣлаясь по челоуѣколюбію. Но изъ какого Писанія Евномій узпалъ этотъ списокъ послушаній? Вопреки сему все богодухновенное Писаніе приписываетъ Ему полную и самодержавную власть, говоря: *Той рече. и быша: Той повесть, и создашася* (Пса. 146, 5.). Ибо явно, что про-рокъ говоритъ это о Носящемъ *всяческая сла-юлююль силы Своея* (Евр. 1, 9.), Котораго власть единымъ движеніемъ воли создала всякую сущ-ность, всякое естество, все умопредставляемое и видимое въ твари. Поэтому чѣмъ подвигну-тый Евномій Царю твари въ тысячи видахъ жалуеть послушаніе, называя послушливымъ во всякомъ созданіи, послушливымъ во вся-комъ распоряженіи, послушливымъ въ словахъ и дѣлахъ; хотя таково положеніе извѣстное всякому: послушливымъ другому въ словахъ и дѣлахъ бываетъ тотъ одинъ, кто не при-обрѣлъ еще себѣ навыка соблюдать въ дѣлахъ точность и въ словахъ непогрѣшительность, но, смотря на своего учителя и руководителя, по его урокамъ учится точности въ словахъ и дѣлахъ. Но думать, что Премудрость имѣеть

нужду въ приставникѣ и учителѣ, который бы въ соблюденіи порядка или справедливости направляя се, къ чему должно, свойственно Евноміевой только сообразительности. И объ Отцѣ онъ говорить, что вѣренъ въ словахъ и вѣренъ въ дѣлахъ; Сыну же не приписалъ вѣрности въ дѣлаемомъ и сказуемомъ, но опредѣлилъ быть Ему послушливымъ, а не вѣрнымъ въ словахъ, чтобы во всемъ, что говоритъ, хула на Сына была равная. Странность же и невразумительность вставленныхъ между симъ реченій прилично, можетъ быть, преидти молчаніемъ, чтобы кто по неосмотрительности не сталъ смѣяться пустословію, когда плакать должно о гибели самыхъ душъ, а не смѣяться странности словъ. Ибо мудрый и осмотрительный этотъ учитель говорить: «не въ слѣдствіе послушанія воспріемлетъ онъ, чтобъ быть ему Сыномъ.» Какая тонкость ума! Какъ необходимо было сказать намъ объ этомъ опредѣленно! Не прежде сталъ Онъ послушливымъ, а потомъ и Сыномъ, не надобно думать, что послушливость старше Его рожденія. А если бы Евномій не опредѣлилъ намъ этого напередъ, кто былъ бы столько глупъ и простъ, что подумалъ бы, будто и роженіе въ награду за послушаніе дано Отцемъ Ему, до роженія еще показавшему благопокорность и послушность? Но чтобы неразуміемъ сказаннаго не былъ кто тотчасъ же вовлеченъ въ смѣхъ,

пусть размыслить, что въ этой странной рѣчи есть нѣчто и достойное слезъ. Ибо Евномію угодно привести этимъ къ такой мысли, будто бы послушаніе—естество Сына, такъ что, если бы и хотѣлъ, не можетъ слѣзаться непослушнымъ.

12. Ибо такимъ уготованъ Сынъ, говоритъ Евномій, «чтобы естество Его было способно только къ послушанію»: какъ и орудіе, получившее наружный видъ для какаго нибудь изображенія, по необходимости на веществѣ, подлежащемъ его дѣйствию, изображаетъ этотъ видъ, какой при уготовленіи орудія придалъ ему мѣдникъ, но невозможно ему на приѣмлющемъ слѣдъ его веществѣ или произвести прямую черту, если дѣйствованіе его будетъ по окружности, или показать въ изображеніи кругъ, если наружный видъ орудія пригоденъ для изображенія прямой черты. Но сколько хульнаго въ этой мысли, надобно ли открывать въ нашемъ словѣ, когда еретическое слово само вопіеть о нецѣлности? Если послушливъ потому, что такимъ рожденъ, то, безъ сомнѣнія, не равняется и съ естествомъ человѣческимъ. У насъ душа свободна, и не имѣетъ надъ собою властелина, самовластно на свободѣ избирая вождѣваемое. А связанный необходимостію естества всегда дѣйствуетъ изъ послушанія, лучше же сказать, страждетъ отъ послушанія; потому что, если бы и не хотѣлъ

сего сдѣлать, не дозволяетъ естество. Въ слѣдствіе того, что Сынъ, и родился такъ, сталъ Онъ послушливымъ въ словахъ, и послушливымъ въ дѣлахъ. Какое малосмысленное учене! Слову послушнымъ дѣлаешь Слово, и прежде сущаго Слова примышляешь инья Слова, и въ началѣ сущему Слову посредникомъ служить другое Слово, сообщающее Ему изволеніе начала. И не одно Слово сіе, напротивъ того многія вѣкія Слова, вставленныя Евноміемъ среди начала и Слова и въ угодность себѣ пользующіяся послушливостію Его. Но какая надобность тратить время надъ этою пустотою сказаннаго Евноміемъ? Ибо всякому явно, что, когда Павелъ сказалъ о Сынѣ, что содѣлался послушливъ, слово: содѣлался употребилъ въ такомъ же смыслѣ, какъ и говоря о Немъ, что ради насъ сталъ плотію и рабомъ, клятвою и грѣхомъ, и что тогда Господь славы, *о срамотѣ* нерадившій (Евр. 12, 2.) и пріявшій страданіе плотію (1 Петр. 4, 1.), не лишилъ Себя полномасштаба, говоря: *разорите церковь сію, и трети дни воздвину ю* (Іоан. 2, 19.); и еще: *никтоже возметъ душу Мою отъ Мене: область и.малѣ положить ю, и область и.малѣ паки пріяти ю* (Іоан. 10, 18.). И когда въ ночь предъ страданіемъ приближались къ Нему вооруженные мечами и дрекольми, всѣхъ ихъ обратилъ *вснять*, сказавъ: *Азъ есмь* (Іоан. 18, 6.). И еще когда разбойникъ просилъ по-

мянуть его, показавъ власть Свою надъ всѣмъ словами: *днесь со Мною будещи въ раи* (Лук. 23, 43.). Посему, если во время страданія не слагаетъ съ Себя власти, когда же ересь вичитъ Царя славы подвластнымъ? Да и что это за многообразное ходатайство, которое провозглашаетъ въ Богъ, называя ходатаемъ въ ученіяхъ, ходатаемъ въ законъ? Не этому обучены мы высокимъ словомъ апостола, который говоритъ, что *законъ заповѣдей учении упраздненъ* (Еф. 2, 15.). Онъ есть Ходатай Бога и человѣковъ. Сказавъ это изреченіе: *единъ есть Богъ, и единъ Ходатаи Бога и человѣковъ, человекъ Христосъ Исусъ* (1 Тим. 2, 5.), апостоль открылъ здѣсь намъ всю цѣль таинства, заключивъ ее въ словъ: ходатай. А цѣль слѣдующая: человечество по злобѣ сопротивника стало нѣкогда отступникомъ, поработившись грѣху, и содѣлавшись чуждымъ дѣйствительной жизни. Послѣ сего снова призываетъ къ Себѣ тварь Свою Господь твари, и дѣлается человекомъ будучи вмѣстѣ Богомъ, и Богомъ будучи всецѣло, и человекомъ дѣлаясь всецѣло; и такимъ образомъ человечество срастворено было Богомъ, когда совершилъ ходатайство человекъ во Христѣ, въ Которомъ отъ воспріятого у насъ начатка все смѣшеніе срастворилось силою. Посему, такъ какъ Ходатай не возможенъ при одномъ, а Богъ одинъ, и нераздѣленъ въ Лицахъ, о Которыхъ предано

намъ вѣрою, ибо одно Божество въ Отцѣ, Сынѣ и Духѣ Святомъ; то Ходатаемъ Бога и человѣковъ однажды на всегда дѣлается Господь, Собою сопрягая человѣка съ Божествомъ. Но и понятіемъ о Ходатаѣ научены мы благочестивому ученію вѣры. Ибо Ходатай Бога и человѣковъ, какъ вступилъ въ общеніе съ естествомъ человѣческимъ, содѣлавшись не мнимымъ, но дѣйствительнымъ человѣкомъ, такъ и будучи истиннымъ Богомъ, не однимъ именованіемъ только почтенъ Божества, какъ это угодно Евномію.

А что прилагаетъ онъ къ сказанному, то отличается тѣмъ же скудоуміемъ, вѣрнѣе же сказать, злоуміемъ. Ибо, назвавъ Сыномъ Того, о Комъ въ сказанномъ не задолго передъ тѣмъ ясно утверждалъ, что Онъ сотворенъ, и наименовавъ едиnorodнымъ Богомъ, Кого причислялъ къ прочимъ посредствомъ творенія приведеннымъ въ бытіе, сказалъ, что Онъ «одинъ подобенъ Родшему преимущественнымъ подобіемъ въ особомъ смыслѣ сего слова». Посему надлежитъ сперва разобрать значеніе слова: подобный, въ какихъ случаяхъ употребляется оно по обычаю не точно: а потомъ уже приступить къ изслѣдованію предложеннаго. Ибо во первыхъ всѣ тѣ вещи, которыя обманываютъ наши чувства, не по природѣ будучи между собою тѣми же, но отъ чего нибудь сопровождающаго. разумію очер-

таніе, цвѣтъ, звукъ, и все, что вкусомъ, обоняніемъ, прикосновеніемъ приводитъ къ ложному заключенію, хотя иное онѣ по природѣ, но не такими почитаются, каковы онѣ по природѣ,—все эти вещи обычаѣ называетъ подобными. Напримѣръ, когда неодушевленному веществу придано подобіе живаго существа искусствомъ, рѣзьбою, живописью. мѣплениемъ; подражаніе называется подобнымъ первообразу. Ибо здѣсь иное естество животнаго, а иное у того, что обманываетъ зрѣніе однимъ цвѣтомъ и очертаніемъ. Того же рода подобіе имѣетъ изображеніе въ зеркалѣ, которое представляетъ ясныя черты первообразнаго вида, не будучи однако по естеству тѣмъ, что есть первообразъ. Такъ же и слухъ можетъ въ равной мѣрѣ подвергнуться этому, когда кто, собственнымъ своимъ голосомъ подражая пѣнію соловья, увѣритъ слухъ въ томъ, что слушаетъ онъ птицу. Въ подобное же обольщеніе впадаетъ и вкусъ, когда сокъ изъ винныхъ ягодъ представляется имѣющимъ пріятность меда, потому что въ сокѣ этого плода есть нѣкоторое сходство съ сладостію меда. Такъ иногда и обонянію можно обмануться подобіемъ, когда запахъ травы ромашки. сходный съ благоуханіемъ самаго благовооннаго яблока, обманываетъ чувство. А такимъ же образомъ въ разныхъ случаяхъ подобіе и для осязанія ложно показываетъ истину. Ибо серебряная

или мѣдная монета, равная съ золотою по величинѣ, и по вѣсу имѣющая съ нею сходство, признается за золотую, погому что зрѣніе не разбираетъ истины.

Сіе сказано вообще въ краткихъ словахъ о случаяхъ, въ которыхъ производится въ чувствилнцахъ ложное представленіе по какому нибудь подобію, и вещь признается чѣмъ-то инымъ, а не тѣмъ. что она въ дѣйствительности. Но по тщательнѣйшемъ изслѣдованіи можно распространить слово и на такія вещи, которыя разнородны между собою, но по чему нибудь сопровождающему ихъ почитаются одна другой подобными. Ужели же Евномій такой родъ подобія приписываетъ Сыну? Но не дойдетъ онъ до такой мѣры туоумія. чтобы видѣть обманчивое подобіе въ истинѣ. Еще иному подобію научены мы въ богодухновенномъ Писаніи Изрекшимъ: *сотворилъ чело-вѣки по образу Нашему и по подобію* (Быт. 1, 26). Но не думаю, чтобы Евномій сей родъ подобія видѣлъ въ Сынѣ и Отцѣ, и тѣмъ еди-нороднаго Бога признавалъ за одно и тоже съ челоукомъ. Знаемъ и другой родъ подобія, какой Писаніе въ книгѣ міробыгія приписываетъ Сноу, а именно, что Адамъ *роди Сноа по виду своелу.* и по подобію (Быт. 5. 3.): и если бы о семъ подобіи говорилъ Евномій, не отринули бы слова сего и мы: потому что здѣсь и естество другъ другу уподобляемъ

не разное, и отличительное ихъ свойство и видъ имѣютъ между собою общеніе. Сіе-то и подобное сему уразумѣли мы касательно разностей подобнаго. Посему посмотримъ, что имѣя въ виду, Евномій свидѣтельствуесть о преимущественномъ ономъ подобіи Сына Отцу, говоря: «одинъ подобенъ Родшему преимущественнымъ подобіемъ, въ особомъ смыслѣ, не какъ Отець Отцу; потому что не два Отца». Обѣщавшись показать преимущественное подобіе Сына Отцу, доказываетъ въ словѣ, что не надлежитъ представлять Его себѣ подобнымъ. Ибо сказавъ, что уподобляется не какъ Отець Отцу, этимъ словомъ привелъ къ мысли, что не уподобляется. И еще присовокупляеть: «и не какъ нерожденный нерожденному», и симъ воспрещаетъ думать о подобіи Сына Отцу. Потомъ прибавляя: «ни какъ Сынъ Сыну», представилъ третіе понятіе, въ слѣдствіе котораго вовсе устраняется мысль о подобіи. Итакъ Евномій слѣдуетъ собственнымъ своимъ законамъ, доказательствомъ подобія дѣлая показаніе неподобія. Однако же изслѣдуемъ его мудрость и простоту, какую высказываетъ въ опредѣленіяхъ. Ибо сказавъ, что Сынъ подобенъ Отцу, обезопасиваетъ слухъ, и прибавляеть: не должно думать, что Сынъ уподобляется, какъ Отець Отцу. Кто же изъ людей столько малосмысленъ, что, дознавъ о подобіи Сына Отцу, увлечется помыслами

къ подобію Отца Отцу? «Ни какъ Сынъ Сыну», продолжаетъ Евномій. Опять въ опредѣленіи—равной мѣры тонкость. Сказавъ, что Сынъ подобенъ Отцу, опредѣляетъ при семъ, что не долженъ быть подобнымъ, какъ другому Сыну. Вотъ тайны досточтимыхъ ученій Евномія, отъ которыхъ ученики его дѣлаются премудрѣйшими другихъ, дознавъ, что Сынъ, уподобившись Отцу, не уподобляется Сыну, потому что Сынъ не Отець, и не уподобляется, какъ нерожденному нерожденный, потому что Сынъ не нерожденный! А наше таинство, когда нарекаетъ Отца, безъ сомнѣнія, повѣлываетъ разумѣть Сыновняго Отца, и когда именуетъ Сына, учитъ представлять себѣ Отца сына. И до нынѣ не имѣли мы никакой нужды въ этой излишней мудрости, чтобы въ Отцѣ и Сынѣ предполагать двоихъ Отцевъ и двоихъ Сыновъ, двоицу Нерожденныхъ.

Но къ чему у Евномія клонится великая тщательность о Нерожденномъ, многократно уже было сіе открываемо, да и теперь еще кратко будетъ о семъ сказано. Поеліку значеніе слова: Отець не показываетъ никакой по естеству разности съ Сыномъ; то, если бы на семъ остановилось слово, не возымѣло бы силы нечестіе, потому что естественный смыслъ именъ не допускаетъ отчужденія въ сущности. Но теперь, говоря: нерожденное и рожденное. поеліку между сими именами есть

непосредственная противоположность, какъ между реченіями: смертный и безсмертный, словесные и безсловесные, и между всѣми, подобнымъ сему образомъ произносимыми, которыя по противоположности означаемого ими одно другому противопоставляются, Евномій сими именами проложилъ путь хулѣ, чтобы въ отношеніи рожденнаго къ нерожденному усматривать разность смертнаго съ безсмертнымъ; и какъ иное естество у смертнаго, и иное у безсмертнаго, и существенныя свойства словеснаго и безсловеснаго не согласны, такъ Евномію угодно доказать, что иное естество нерожденнаго, а иное рожденнаго, чтобы, какъ безсловесное естество создано подручнымъ естеству словесному, такъ доказать, что рожденное по естественной необходимости подчинено нерожденному. Потому съ именемъ: Нерожденный сочетается имя: Вседержитель, подъ которымъ Евномій не разумѣетъ промыслительную дѣятельность. какъ предварительно показало сіе слово, но толкуетъ, что словомъ Вседержитель означается власть самоуправная, чтобы и Сына содѣлать частію и начальствующаго и подчиненнаго естества, вмѣстѣ со всѣми служащимъ Тому, Кто по своей самоуправной власти преобладаетъ равно надъ всѣми. И что, сіе имѣя въ виду, пользуется подобными различеніями слова, объясняется это изъ послѣдующаго. Ибо. сказавъ мудрыя эти

и обдуманная слова, что не уподобляется, ни какъ Отець Отцу, ни какъ Сынъ Сыну (хотя, безъ сомвѣнiя, никакой нѣтъ необходимости уподоблять Отца Отцу и Сына Сыну; ибо одинъ отецъ у зѳіоповъ, а другой у скиѳовъ, и у каждаго изъ нихъ есть сынъ, у зѳіопа черный, а у скиѳа бѣлый съ золотистыми волосами, и при всемъ этомъ, по той причинѣ, что каждый изъ нихъ отецъ, и скиѳъ не дѣлается чернымъ ради зѳіопа, и у зѳіопа немѣняется тѣло на бѣлое ради скиѳа); сказавъ все это въ угодность себѣ, Евномій присовокунилъ: «подобенъ какъ Сынъ Отцу».

Поелику же такое положенiе показываетъ близость по естеству, какъ богодухновенное ученiе свидѣтельствуемъ о Снѣ и объ Адамѣ; то преподаватель догматовъ, мало позаботившись о разумныхъ слушателяхъ, приложилъ пустое истолкованiе именованiя: Сынъ, опредѣливъ его образомъ и печатiю Вседержителевой дѣятельности. Ибо говоритъ: «Сынъ есть образъ и печать Вседержителевой дѣятельности». *Ильиин уши слышати* (Матѳ. 11, 15.) пусть разсмотритъ сперва это самое: какая это печать дѣятельности? Пбо всякая дѣятельность умопредставляется въ трудящемся надъ обрабатываемымъ. по окончанiи же обрабатываемаго сама по себѣ не существуетъ; напримѣръ дѣятельность въ пути есть движенiе ногъ; по прекращенiи же сего движенiя нѣтъ уже и

дѣтельности, отдѣльно въ себѣ самой взятой. Такъ равно можно сказать и о всякомъ занятіи, что съ усиліемъ трудящагося надъ чѣмъ либо оканчивается и дѣтельность. А сама по себѣ не существуетъ она, когда какой либо дѣйствующій или не предположитъ себѣ употребить усиліе, или прекратить усиліе свое. Да и чѣмъ, по словамъ Евномія, будетъ сія дѣтельность, сама по себѣ взятая, не будучи ни сущностію, ни отличительнымъ свойствомъ, ни недѣлимимъ? Слѣдовательно Сына назвалъ онъ подобіемъ не осуществленнаго; а подобіе несуществующаго, конечно, и само не существуетъ. Вотъ странность пустыхъ ученій — вѣровать въ несуществующее! Ибо что подобно несуществующему, того, безъ сомнѣнія, нѣтъ. О, Павелъ, Іоаннъ и прочій ликъ евангелистовъ и апостоловъ! И противъ вашего слова иные вооружаютъ ядоносные языки свои! И противъ небесныхъ вашихъ громовъ возвышаютъ свои лягушечьи голоса! И такъ что говоритъ сынъ громовъ? *Въ началѣ бѣ Слово, и Слово бѣ къ Богу, и Богъ бѣ Слово* (Іоан. 1, 1.). Что же слѣдующій за нимъ, этотъ другой, бывшій внутри небесныхъ святилищъ, посвященный въ неизглаголанная тайны въ раю? *Сынъ*, говоритъ онъ, *сіяніе славы и образъ вѣстности Ею* (Евр. 1, 3.). Что же послѣ нихъ скажетъ этотъ чревоушатель? «Печать дѣтельности Вседержителя». говоритъ онъ; третьимъ дѣлаетъ Его

по Отцѣ, при посредствѣ несуществующей оной дѣятельности, лучше же сказать, мнимымъ отпечатлѣніемъ несуществующаго. Печать есть дѣятельности—Сый въ началѣ, Богъ Слово, умопредставляемый въ вѣчности начала существовъ, едиnorodный Богъ, *Сый въ лонѣ Отчи* (Іоан. 1, 16.), *всяческая носяи глаголомъ силы Своя* (Евр. 1, 3.), Творецъ вѣковъ, изъ Него же всяческая (Римл. 11, 36.), и *Иже всяческая* (Евр. 2, 10.), *содержай кругъ земли* (Іса. 40, 22.), *объявшій небо плдью, измѣряющій горстю воду* (12), *объемлющій дланію всѣ существа, на высокихъ живый, и на смиренныя призираи* (Іса. 112, 5. 6.), вѣрнѣе же сказать, призрѣвшій, чтобы подножіемъ своимъ содѣлать цѣлую вселенную, запечатлѣнную слѣдами Слова! Печать дѣятельности—образъ Божій! Слѣдовательно Богъ—дѣятельность, а не вѣпостась; хотя Павелъ, толкуя сіе самое, говоритъ: *образъ, не дѣятельности, но вѣпостаси* (Евр. 1; 3.). Или *сіяніе славы* есть печать дѣятельности Божіей? Какое нечестивое невѣжество! Какая же среда между Богомъ и вѣчнымъ образомъ? Что посредствуетъ между вѣпостасію и ея образомъ? Чтò умопредставляется въ промежуткѣ славы и сіянія? Но при такихъ и столько многочисленныхъ свидѣтельствахъ, въ которыхъ величіе Владыки твари проповѣдуется увѣровавшими въ проповѣдь, чтò повѣствуетъ о Немъ этотъ

предтеча отступничества? что́ сказуеть онъ? «Какъ образъ, говоритъ, и печать всякой дѣятельности и силы Вседержителя». Почему же извращаетъ слова великаго Павла? Тотъ говоритъ, что *сила Божія* есть Сынъ (1 Кор. 1, 24.), а этотъ называетъ его печатію силы, а не силою.

И опять возвращаясь къ той же рѣчи, что́ присовокупляетъ къ сказанному? Называетъ «печатію дѣлъ и совѣтовъ Отца». Какимъ же дѣламъ Отца подобенъ Онъ? Безъ сомнѣнія Евномій укажетъ на міръ, и на все, что́ въ немъ. Но что́ все это—дѣла Единороднаго, засвидѣтельствовало Евангеліе. Посему, какимъ дѣламъ Отца уподобился Онъ? Какихъ дѣлъ содѣлался печатію? И какое писаніе наименовало Его печатію Отчихъ дѣлъ? Но если кто уступитъ Евномію и это,—невозбранно сочинять слова, какія угодно, хотя Писаніе не соглашается на это: то пусть скажетъ, какія дѣла у Отца, отдѣльныя отъ совершенныхъ Сыномъ,—дѣла, которыхъ печатію, по сказанному Евноміемъ, содѣлался Сынъ? Дѣла Слова—все видимое и невидимое; въ видимомъ цѣлый міръ и все, что́ въ немъ; въ невидимомъ премірная тварь. Посему какія же Отчія дѣла остаются кромѣ видимыхъ и невидимыхъ, усматриваемыя сами по себѣ, которыхъ печатію, говоритъ онъ, содѣлался Сынъ? Или, можетъ быть, въ такой тѣсотѣ снова возвра-

тится къ зловонному изверженію ереси, и скажетъ, что Сынъ есть дѣло Отца? Посему какъ же Сынъ дѣлается печатію свѣдѣнъ дѣлъ, Самъ будучи дѣломъ, какъ говоритъ Евномій? Уже ли одного и того же называетъ и дѣломъ и подобіемъ дѣла? Пусть будетъ уступлено это. Пусть скажетъ прочія дѣла, создателемъ которыхъ называетъ Отца, и которымъ угодился Сынъ, если подѣ печатію разумѣть Евномій подобіе. Какія же иныя слова Отчія зналъ онъ кромѣ Слова, всегда во Отцѣ сущаго, Которое именуется печатію, Слова въ собственномъ смыслѣ истинно и первоначально и сущаго и именуемаго Словомъ? Какіе же разумѣть Евномій совѣты, отдѣльные отъ Божіей премудрости, которымъ угодляется Божія премудрость, дѣлаясь печатію совѣтовъ? Посмотрите на эту безъ разбора и безъ осмотрительности сложенную кучу словъ; къ какому ведетъ таинству Евномій, не зная, и что говоритъ, и о чемъ ведетъ рѣчь? Ибо имѣющій въ Себѣ всецѣлаго Отца, и всецѣло сущій во Отцѣ, какъ Слово, и Премудрость, и Сила, и Истина, и Образъ, и Сіяніе, Самъ во Отцѣ есть все, не дѣлаясь образомъ и печатію, и подобіемъ чего либо инаго, умопредставляемаго во Отцѣ прежде Него. Потомъ Евномій уступаетъ ему истребленіе при Ноѣ людей водою, одожденіе огня на Содомъ, справедливое наказаніе египтянъ, какъ нѣчто великое, усвоя сіе Сoder-

жащему въ дланн концы вселенной, Тому, въ Комъ, какъ говорить апостола, *всяческая состоится* (Кол. 1, 17.): и какъ будто не зная, что все содержащему, ведущему и направляющему, куда Ему угодно, и что уже было, и что будетъ, два или три напоянутыя чуда не сдѣлаютъ такаго приращенія, какое умаленіе и какой ущербъ произведетъ умолчаніе прочихъ чудесъ. Но если и умолчаны они будутъ, то достаточно одинаго Павлова слова, которое, объемля собою все, показываетъ сіе и говоритъ, что Онъ *надъ всеми и чрезъ всѣхъ и во всѣхъ* (Еф. 4, 6.).

13. Потомъ Евномій говоритъ: «узаконяетъ по повелѣнію вѣчнаго Бога». Кто этотъ вѣчный Богъ? И кто служащій Ему въ законоположеніи? Но всякому явно это, что чрезъ Моисея Богъ даетъ законъ приѣмлющимъ его. Поелику же самъ Евномій признаетъ, что Вѣщающій Моисею есть едиnorodный Богъ: то почему настоящее его слово въ чинѣ Моисея поставляетъ вмѣсто него Владыку вселенной? А означаемое словомъ: вѣчный Богъ усвоетъ одному Отцу. разностию съ Вѣчнымъ думая доказать, что Творецъ вѣковъ не вѣчный, а недавній едиnorodный Богъ. Но забывъ, кажется мнѣ, этотъ любовѣдущій и памятливыій, что все это о себѣ самомъ говоритъ Павелъ, возвѣщая людямъ *проповѣданіе* благовѣствованія *по повелѣнію Бога* (Римл. 14, 24. 25.). Посему

что апостоль сказываетъ о себѣ, то Евномій не стыдится приписать Владыкѣ пророковъ и апостоловъ, чтобы Господа представить равночестнымъ Павлу, собственному Его рабу. И какая мнѣ надобность, обличая одно за другимъ подробно, вводить въ слово многое? О чемъ изъ написаннаго Евноміемъ читающій въ простотѣ подумаетъ, что говоритъ онъ согласно съ Писаніемъ; о томъ способный каждую мысль изслѣдовать съ разборомъ докажетъ, что все это нисколько не далеко отъ еретическаго злоухищренія. Ибо и принадлежащій къ церкви и еретикъ говорятъ: *Отецъ не судитъ никомуже, но судъ весь даде Сынови* (Юан. 5, 22.); но тотъ и другій не одинаково разумѣютъ сказанное: принадлежащій къ церкви подъ сими реченіями разумѣетъ власть надъ всѣмъ, а еретикъ доказываетъ ими недостаточность и подчиненность.

Но къ сказанному надлежитъ присовокупить то, изъ чего дѣлаютъ они какое-то основаніе нечестія, въ словѣ о домостроительствѣ опредѣляя, что не цѣлый человѣкъ спасенъ Господомъ, но половина человѣка, разумѣю тѣло. А цѣль таковаго злоухищренія надъ догматомъ у еретиковъ—показать, что унизительныя реченія, которыя Господь заимствуетъ отъ человѣчества, произошли, по видимому, отъ самаго Божества, и чрезъ это придать ббльшую силу хулѣ, подтверждаемой собствен-

нымъ признаніемъ Господа. Для сего-то Евноміи говоритъ, что «въ послѣдніе дни Содѣлавшійся человѣкомъ, не изъ души и тѣла воспріялъ на Себя человѣка». А я, изслѣдовавъ все богодухновенное и святое Писаніе, не вижу, гдѣ было бы написано сіе изреченіе, что Сотворившій все, во время домостроительства о человѣкѣ, воспріялъ на Себя одну плоть безъ души. Посему по необходимости попытаюсь изобличить уготовляемое въ сей части нечестіе, имѣя въ виду цѣль нашего спасенія, отеческіе догматы и богодухновенныя изреченія. *Приде Господь взыскати и спасти погибшаго* (Лук. 19, 10.); погибало же не тѣло, но гибъ всецѣлый человѣкъ, срастворенный душею. И если надлежитъ сказать слово справедливѣе, то прежде тѣла гибла душа; потому что преслушаніе есть грѣхъ произволенія, а не тѣла; произволеніе же, отъ котораго возымѣло начало все бѣдствіе естества, есть собственность души; какъ неложная Божія угроза свидѣтельствуеть, сказавъ: *въ оныяже аще день* коснутся запрещеннаго, за вкушеніемъ безъ замедленія послѣдуетъ смерть (Быт. 2, 17.). Послику же составъ человѣческой двоякъ; то смерть соотвѣтственно тому и другому производитъ лишеніе двоякой жизни, дѣйствующей въ умерщвляемомъ. И какъ есть смерть тѣлесная, угашеніе чувствилищъ и разложеніе стихій на сродное имъ; такъ, по сказанному, *душа со-*

урышающая, та умретъ (Иезек. 18, 20.). А грѣхъ есть отчужденіе отъ Бога, сей истинной и единственной жизни. Посему многія сотни лѣтъ по преслушаніи жилъ первозданный; но не солгалъ Богъ, сказавъ: *въ оныже аще день сплсте, смертію умрете* (Быт. 2, 17.); ибо по причинѣ отчужденія его отъ дѣйствительной жизни, въ тотъ же самый день утверждень надъ нимъ смертный приговоръ, а послѣ сего въ послѣдствіи времени послѣдовала съ Адамомъ и тѣлесная смерть. Посему Пришедшій для того, чтобы разыскано и спасено было погибшее, что Пастырь въ притчѣ именуеть овцею, и находить погибшее, и воспріемлетъ на собственныя рамена цѣлюю овцу, а не одну только кожу овцы (Лук. 15, 3. 4.), да *совершилъ содѣлаеть Божія чловѣка* (2 Тим. 3, 17.), и по душѣ и по тѣлу введеннымъ въ единеніе съ Божествомъ. И такимъ образомъ ничего въ естествѣ нашемъ не оставилъ не воспріятымъ *Искушенный по всяческимъ по подобію, развѣ урла* (Еф. 4, 15.). Но душа не грѣхъ, содѣлалась же пріемлющею грѣхъ по безразсудству. Посему освящаетъ ее Господь единеніемъ съ Собою, да *начаткомъ освятится все прилпшеніе* (Римл. 11, 16.). Посему - то и Ангель, возвѣщая Іосифу о погибелн враговъ Господнихъ, говоритъ: *изопроста ищущи души Отропате* (Матѣ. 2, 20.). И Господь сказуетъ іудеямъ: *ищите Мене уби-ли. чловѣка, иже ис-*

тину вилъ глаголахъ (Іоан. 8, 40.); чловѣкомъ же называется не тѣло чловѣческое, но сложенное изъ того и другаго. И еще спрашиваетъ ихъ: *на Мя ли ильваетея, яко всею чловѣка здрава сотвори хъ въ субботу* (Іоан. 7, 23.)? Понятіе же цѣлаго объяснилъ Господь въ другихъ Евангеліяхъ, снущенному съ одромъ на среду сказавъ: *оставляются ириси* (Лук. 3, 20.), что есть исцѣленіе души, и: *востани и ходи* (23), что относится къ плоти. А въ Евангеліи отъ Іоанна, послѣ того какъ даруетъ здравіе тѣлу, и душу освободилъ отъ свойственной ей болѣзни, когда говоритъ: *здравъ еси: ктому не соиришай* (Іоан. 5, 14.), съ этого времени уврачеванный по тому и другому, разумѣю по душѣ и по тѣлу. Ибо такъ говоритъ и Павелъ: *да оба созиждетъ Собою во единую новаго чловѣка* (Еф. 2, 15.). И такимъ образомъ во время страданія предрекаетъ Господь, что добровольно разлучаетъ душу Свою съ собственнымъ тѣломъ, говоря: *никтоже возметъ душу Мою отъ Мене: но Азъ полагаю ю о Себѣ. Область или азъ положити душу Мою, и область или азъ прияти ю* (Іоан. 10, 18.). Да и пророкъ Давидъ, по изъясненію великаго Петра, провидя о Христѣ, сказалъ: *яко не оставиши душу мою со адъ, ниже да си подобному твоему видѣти истинія* (Дѣян. 2, 20.); такъ апостолъ Петръ протолковалъ изреченіе сіе: *яко не оставися душа Ею во адъ.*

ни плоть Его видь истлѣннѣя (31.); потому что Божество и до плоти и во плоти, и по страданіи, всегда одинаково, какъ неизмѣнно сущее и вѣкъ пребывающее, чѣмъ было по естеству: а во время страданія естества человѣческаго привело въ исполненіе домостроительство о насъ, разлучивъ на время душу съ тѣломъ, но не отдѣлившись ни отъ той, ни отъ другаго изъ принятаго Имъ однажды въ единеніе, и снова сочетавъ разлученное, чтобы всему человѣческому естеству дать возможность и начало къ воскресенію изъ мертвыхъ, да *жлѣнное* все облечется *въ истлѣннѣе*, и *мертвенное* *въ безсмертіе* (1 Кор. 15, 53.); потому что начатокъ нашъ, единеніемъ съ Богомъ, претворенъ въ Божественное естество, какъ сказалъ Петръ, *яко Господа и Христа Его Богъ сотворилъ есть, сею Исуса, Еюже вы распяте* (Дѣян. 2, 36.). И изъ святыхъ Евангелій можно заимствовать многое въ защищеніе такого догмата, а именно какъ Господь, человѣческимъ естествомъ во Христѣ *міръ примирѣя Себѣ* (2 Кор. 5, 19.), совершаемое Имъ людямъ благодѣяніе удѣлилъ душѣ и тѣлу, душею изволяя, и тѣломъ касаясь самага дѣла. Но излишнимъ будетъ, распространяясь о всемъ, производить безпорядокъ въ словѣ.

Но перейду къ дальнѣйшему, приложивъ къ сказанному еще слѣдующее: *разорите церковъ сію, и трети денни воздвигну ю* (Іоан. 2, 19.).

Какъ мы изъ души и тѣла составляемъ собою *церковь* Вселяющагося и Ходящаго въ насъ (2 Кор. 6, 16.): такъ Господь душу и тѣло, взятыя вмѣстѣ, именуеть церковью, разореніе которой означаетъ разрѣшеніе души отъ тѣла. Если же представляютъ изреченіе Евангелія: *Слово плоть бысть* (Іоан. 1, 14.), и тѣмъ, что не упомянуто о душѣ, думаютъ доказать, что плоть воспринята безъ души: то пусть дознаютъ, что святому Писанію обычно подъ частію разумѣть цѣлое. Ибо сказавшій: *къ Тебѣ всяка плоть придетъ* (Пса. 64, 3.), говорить не то, что плоть отрѣшенная отъ душъ представеть Судіѣ. И слыша въ исторіи объ Іаковѣ *въ седмидесяти и пяти душахъ* снисшедшемъ во Египетъ (Второзак. 10, 22), вмѣстѣ съ душами разумѣли мы и плоть. Такъ и Слово, ставъ плотію, воспріяло съ плотію всецѣлое естество человѣческое. Потому и алкать, и жаждасть, и приходитъ въ боязнь и въ страхъ, и вожделѣвать, и спать, и смущаться, и плакать, и быть во всякомъ подобномъ сему состояніи—имѣло въ Немъ мѣсто. Ибо ни Божество по собственному Своему естеству не допускаеть до Себя какаго либо подобнаго страданія, ни плоть сама по себѣ не бываетъ въ ономъ, если съ тѣломъ не сопряжена душа.

14. Вотъ наше слово о хулѣ на Сына; посмотримъ же, что говорить Евномій и о Свя-

томъ Духъ. «Послѣ сего», говоритъ онъ, «вѣруемъ въ Утѣшителя, Духа истины». Но всѣмъ читающимъ, думаю, явно, что имѣя въ виду, въ словахъ о Сынѣ и Отцѣ извращаетъ изложеніе вѣры преданное Господомъ. Хотя несообразность сія обличена; однакоже и теперь попытаюсь въ немногихъ словахъ представить на видъ цѣль этого Евноміева злоухищренія. Какъ тамъ не назвалъ Отца, чтобы вѣчностію Отца не указать и на Сына, не именовалъ и Сына, чтобы этимъ реченіемъ не утвердить вмѣстѣ и свойствá по естеству; такъ и теперь не говоритъ: Святыи Духъ, чтобы симъ именемъ не исповѣдать величія Его славы и единства во всемъ съ Отцемъ и Сыномъ. Поелику въ Писаніи Отцу и Сыну равно прилагается названіе и Духа и Святаго (*духъ есть Богъ* (Юан. 4, 24): и: *духъ* предъ лицемъ нашимъ *помазанный* (и) *Господь* (Плач. Іер. 4, 20.); и: *святъ Господь Богъ* (Лев. 20, 26.); и: *единъ святъ, единъ Господь, Іисусъ Христосъ*); то, чтобы въ слышащихъ о Святомъ Духѣ не произошло отъ этого какаго либо благочестиваго предположенія, пораждаемаго общностію славнаго сего названія съ именами Отца и Сына. Евномій для сего самаго, обольщая слухъ неразумныхъ, переименовываетъ реченія въ преданіи таинства изложенной Богомъ вѣры, какъ

(и) Христосъ.

бы въ слѣдъ за симъ пролагая путь нечестію въ ученіи о Духѣ Святомъ. Ибо если бы сказалъ: вѣруемъ въ Духа Святаго: духъ же есть Богъ: то обученный вѣдѣнію божественнаго подсказалъ бы: если надлежитъ вѣровать въ Духа Святаго, а Духомъ именуется Богъ: то Онъ не иное что по естеству, какъ то самое, что именуется въ собственномъ смыслѣ тѣми же именами. Ибо все то, что не ложно, и не по злоупотребленію, но въ собственномъ смыслѣ представляется подъ одними и тѣми же именами, по всей необходимости должно признавать однимъ и тѣмъ же естествомъ, означаемымъ одними и тѣми же именами. Посемуто, умолчавъ реченіе, узаконенное Господомъ въ изложеніи вѣры, говоритъ: «вѣруемъ въ Утѣшителя». А я дозналъ, что то же самое имя въ богодухновенномъ Писаніи есть общее Отца и Сына и Духа Святаго. Ибо Сынъ равно и Себя и Духа Святаго именуетъ Утѣшителемъ. Отецъ же тѣмъ самымъ, чѣмъ производитъ утѣшеніе, присвоетъ, безъ сомнѣнія, Себѣ имя Утѣшителя: ибо, совершая дѣло Утѣшителя, не отвергаетъ и имени принадлежащаго дѣлу. А Давидъ говоритъ Отцу: *яко Ты Господи положи ми и утѣшил мя еси* (Пса. 85, 17.); и великій апостолъ тоже излагаетъ объ Отцѣ, говоря: *благословенъ Богъ и Отецъ Господа нашего Иисуса Христа, утѣшай насъ о всякой скорби нашей* (2 Кор. 1, 3. 4.). А Сына

Іоаннъ въ одномъ изъ соборныхъ посланій прямо именуеъ *Ходатаемъ* (1 Іоан. 2, 1.) (о); и самъ Господь, когда, говоря о Духѣ, сказалъ, что *многo Утѣшителя* (Іоан. 14, 16.) пошлетъ намъ, безъ сомнѣнія, напередъ призналъ тѣмъ, что имя сіе принадлежитъ и Ему самому. Поелику же значеніе слова: призывать въ помощь (*παρακαλεῖν*) двойко: одно—почтительными реченіями и положеніями тѣла приводитъ въ сострадательность того, въ комъ имѣемъ какую либо нужду, а другое—находитъ врачебное пособіе отъ душевныхъ и тѣлесныхъ страданій; то святое Писаніе свидѣтельствуетъ, что Божію естеству понятіе призваннаго на помощь (*παρακλητος*) въ каждомъ изъ сихъ значеній равно прилично. И Павелъ, то врачующую насъ силу Божію представляетъ намъ подъ видомъ утѣшенія, говоря: *утѣшай смиренныя, утѣши насъ пришествіемъ Титовымъ* (2 Кор. 7, 6.); то опять въ другомъ смыслѣ, ниша къ коринѳянамъ, говоритъ такъ: *по Христу посолствуемъ, яко Богу молящу* (*παρακαλοῦντος*) нами: *молимъ по Христу, примиритесь съ Богомъ* (5, 20.).

Поелику же сіе дѣйствительно такъ; то какъ ни будешь о Духѣ разумѣть именованіе: Утѣшитель, въ томъ и другомъ значеніи, не от-

(о) Въ греческомъ *Παράκλητος*, слово означающее также: *Утѣшитель*.

ступилъ отъ общенія съ Отцемъ и Сыномъ. Посему въ этомъ отношеніи Евномій, если бы и хотѣлось ему, не могъ умалить славу Святаго Духа, приписывая Ему то, что въ святомъ Писаніи присволяется Отцу и Сыну. Но назвавъ Духомъ истины, Евномій самъ, какъ думаю, хотѣлъ таковымъ реченіемъ выразить подчиненность Духа, потому что Христось есть истина, а Духа наименовалъ онъ духомъ истины, какъ бы сказалъ кто: Онъ достояніе истины и ея подчиненный, не зная того, что Богъ называется правдою, и однакоже не разумѣли мы Бога достояніемъ правды. Посему, услышавъ о Духѣ истины, съ симъ реченіемъ пріяли мы боголѣпное разумѣніе, руководясь къ лучшему присовокупленнымъ словомъ. Ибо Господь, сказавъ: Духъ истины, немедленно присовокупилъ: *иже отъ Отца исходитъ* (Іоан. 15, 26.). А сего Господне слово не засвидѣтельствовало ни о чемъ умопредставляемомъ въ числѣ тварей: ни о *видимомъ*, ни о *невидимомъ*, ни о *престолахъ*, ни о *началахъ*, ни о *властяхъ*, ни о *господствіяхъ* (Кол. 1, 16.), ни о другомъ какомъ *имени именуемомъ* и *въ ступи селъ* и *во грядущемъ* (Еф. 1, 21.). Посему чего непричастна вся тварь, то, какъ очевидно, непремѣнно составляетъ свойство и преимуществво естества несозданнаго. А Евномій велитъ вѣровать въ «наставника благочестія». Посему пусть вѣруетъ въ Павла, Варнаву,

Тита, Силуана, Тимофея, и всѣхъ тѣхъ, которые путеваютъ насъ къ вѣрѣ. Ибо надлежитъ вѣровать, какъ въ Отца и Сына, такъ и въ наставляющихъ въ благочестіи; всѣ пророки, законодатели, патріархи, проповѣдники, евангелисты, апостолы, пастыри и учителя должны быть равно чествуемы, какъ и Святой Духъ, потому что содѣлались наставниками благочестія для жившихъ послѣ нихъ. «Получивъ бытіе», говоритъ Евномій о Духѣ, «отъ синаго Бога чрезъ Единороднаго». Въ этихъ словахъ во едино сводится все нечестіе Евномія. Опять Отца именуетъ единымъ Богомъ, употребившимъ Единороднаго въ орудіе къ произведенію Духа. Какую же тѣнь подобной мысли нашедши въ Писаніи, отваживается говорить это? Отъ какаго начала по порядку довелъ онъ нечестіе до такового предѣла? Кто изъ евангелистовъ утверждаетъ сіе? Какій апостоль? Какій пророкъ? Совершенно вопреки сему все богодухновенное Писаніе, написанное по вдохновенію Духа, свидѣтельствуетъ о Божествѣ Духа. Такъ на примѣръ (ибо лучше доказать слово самыми свидѣтельствами). пріявшіе *область чадоу Божіиу быти* (Іоан. 1, 12.) свидѣтельствуютъ о Божествѣ Духа: ибо кто не знаетъ изреченія Господня, что рожденные отъ Духа суть чада Божіи. Господь Духу Святому точными словами приписываетъ рожденіе чадъ Божіихъ, сказавъ: какъ *рожденное отъ*

плоти, плоть есть: такъ и рожденное отъ Духа, духъ есть (Іоан. 3, 6.). Всѣ же, которые родились отъ Духа, наречены чадами Божиими. Такъ и о Господѣ, Который дуновеніемъ даровалъ ученикамъ Духа Святаго, Іоаннъ говоритъ: *отъ исполненія Ею мы вси пріяхомъ* (Іоанн. 1, 16.): *въ Топъ же живетъ исполненіе Божества*, свидѣтельствуемъ великій Павелъ (Кол. 2, 9.). Да еще и чрезъ пророка Исаію о бывшемъ ему богоявленіи, когда видѣлъ онъ *сѣдѣща на престолѣ висоцѣ и превознесеннѣ* (Иса. 6, 1.), древнѣйшее преданіе сказуетъ, что видѣнный имъ есть Отецъ. Евангелистъ же Іоаннъ относитъ пророчество къ Господу, говоря о невѣровавшихъ іудеяхъ словами, изреченными о Господѣ у пророка: *сія рече Исаія, егда видѣ славу Ею. и глагола о Немъ* (Іоан. 12, 41.). А великій Павелъ сіе же самое слово приписалъ Святому Духу, во всенародной рѣчи, произнесенной имъ къ іудеямъ въ Римѣ, когда сказалъ: *добръ глагола о васъ Духъ Святыи: слыхомъ услышите, и не имате разумѣти* (Дѣян. 28, 25. 26.), изъ самаго святаго Писанія, какъ думаю, доказывая, что всякое божественное видѣніе, всякое богоявленіе, и всякое слово, отъ лица Божія произносимое, могутъ быть разумѣемы объ Отцѣ, и о Сынѣ, и о Святомъ Духѣ. Посему-то Давидъ сказалъ: *прогнѣваша Бога въ пустыни и раздражиша Ею въ земли безводныи* (Пса. 77, 40.

41), а апостола къ Духу Святому относить учиненное израильянами противъ Бога, такъ выразивъ сіе словомъ: *тѣмже, якоже млао-летѣ Духъ Святой: не ожесточите сердецъ вашихъ, якоже въ прогнѣваніи въ день искушенія въ пустыни: идѣже искушиша Мя отцы ваши* (Евр. 3, 7—9.), и все прочее, что пророчество относить къ Богу, приписуетъ лицу Святаго Духа. На основаніи же таковыхъ догматовъ толкующія, что три у насъ Бога, должно быть, не научились еще и считать. Ибо если Сынъ и Отецъ не дѣлятся одинъ отъ другаго въ двойственное значеніе, потому что, по гласу Господа, Онъ и Отецъ едино (Іоан. 10, 30.), а не два, едино же и Духъ Святой: то почему по приложеніи къ единому дѣлится на число трехъ боговъ? Или не явно ли, безъ сомнѣнія, что никто не укоритъ насъ въ числѣ трехъ боговъ, не признавая сперва самъ въ собственномъ своемъ догматѣ двоицы боговъ? Одно Божество, прилагаемое къ двумъ, составляетъ троицу боговъ. А которые подъ именемъ Отца и Сына и Святаго Духа поклоняются единому Богу, тѣхъ касается ли обвиненіе въ признаніи трехъ боговъ?

Но повторимъ всю рѣчь Евномія. «Получивъ бытіе», говоритъ онъ и о Духѣ, «отъ еди-наго Бога чрезъ Единороднаго». Посему въ чемъ же доказательство тому, что и Духъ есть одинъ изъ приведенныхъ въ бытіе Единород-

нымъ? Безъ сомнѣнія скажутъ: въ томъ, что *вся Тьма быша* (Юан. 1, 3.), а въ словѣ: *вся* заключается и Духъ. Отвѣтимъ имъ: *вся Тьма быша*; но *быша*, какъ говоритъ Павелъ, *видимая и невидимая, престоли, власти, начала, господствія* (Кол. 1, 16.), силы, изъ сихъ же неисчисленныхъ престолами и силами у Павла названы Херувимы, Серафимы; симъ ограничивается слово: *вся*.—А о Духѣ Святомъ, какъ вышемъ естества приведенныхъ въ бытіе существъ, въ семъ перечисленіи оныхъ Павелъ умолчалъ, не показывая намъ въ словахъ своихъ ни того, что приведенъ Онъ въ бытіе, ни того, что подчиненъ; а напротивъ того, какъ пророкъ именуетъ Духа Святаго *благимъ* (Пса. 142, 10.), *правымъ, владычимъ* (Пса. 50, 12. 14.), словомъ: *владычній* указуя на Его начальство, такъ и апостоль, утверждая, что Духъ *вся* во всѣхъ *дѣйствуетъ, якоже хочетъ* (1 Кор. 12, 11.), достоинству Его приписываетъ самодержавную власть. А Господь о свободной Его силѣ и дѣятельности объявляетъ въ бесѣдѣ съ Никодимомъ, говоря: *Духъ, идѣже хочетъ, дышетъ* (Юан. 3, 8.). Посему какъ же Евномій утверждаетъ, что и Духъ есть одинъ изъ получившихъ бытіе отъ Сына, и осужденъ на вѣчное подчиненіе? «Однажды навсегда, говоритъ онъ, Духъ подчиненъ», не знаю, какимъ родомъ подчиненія связавъ владычественнаго и начальственнаго;

ибо таковое реченіе въ святомъ Писаніи много имѣеть значеній, и многоразлично понимается и употребляется. Ибо и о неразумномъ естествѣ пророкъ говоритъ, что оно *покорено* (Пса. 8, 7.), и тѣхъ, которые одолѣны на брани, подводитъ подъ тоже именованіе (17, 4. 8., и апостоль рабамъ поставляетъ въ законъ *своимъ господемъ повиноватися* (Тит. 2, 9., и предстоятелямъ во священствѣ повелѣваетъ *чада имѣть въ послушаніи* (1 Тим. 3, 4.), потому что производимое ими безчиніе, какъ и чадъ священника Ілія, переходитъ на отцовъ. Да и покорность всѣхъ людей Богу, когда всѣ, соединившись другъ съ другомъ посредствомъ вѣры, дѣлаемся единымъ тѣломъ сущаго во всѣхъ Господа, апостоль называетъ покорностію Сына Отцу (1 Кор. 15, 28.), потому что единодушно всѣми: небесными, земными и преисподними совершаемое поклоненіе Сыну переходитъ въ славу Отца, какъ говоритъ Павелъ, что Сыну *поклонится всяко колѣно небесныхъ и земныхъ и преисподнихъ: и всякъ языкъ исповѣсть, яко Господь Іисусъ Христосъ въ славу Бога Отца* (Филип. 2, 10. 11.). А что по совершеніи сего сущій во всѣхъ Сынъ покорностію всѣхъ, въ комъ есть Сынъ, Самъ покорится Отцу, сіе утверждаетъ великая мудрость Павлова. Посему какую однажды навсегда покорность назначаетъ Духу Евномій? Изъ сказанныхъ имъ напередъ сего словъ

нельзя узнать, покорность ли неразумныхъ, или военнопленныхъ, или домочадцевъ, или цѣломудренныхъ чадъ, или спасаемыхъ за покорность: потому что покорность людей Богу есть спасеніе для покаяющихся, по слову пророка, въ которомъ сказано: *Богу повинется душа*, потому что за повиновеніе бываетъ *отъ Того спасеніе* (Пса. 61, 2.), такъ что повиновеніе есть предохранительное качество отъ гибели. Посему, какъ врачебное искусство уважается больными, такъ и покорность имѣющими нужду во спасеніи. Духъ же Святой всеживотворяющій, въ какой жизни имѣеть нужду, чтобы покорностию пріобрѣтать себѣ спасеніе? Итакъ, поелику Евномій не имѣеть ни одного божественнаго изреченія, на основаніи котораго могъ бы разглашать подобное сему о Духѣ, и въ слѣдствіе справедливыхъ умозаключеній дойти до этой хулы на Духа Святаго: то для имѣющихъ умъ будетъ явно, что онъ изъясляетъ предъ Духомъ ничѣмъ неоправдимое нечестіе, не подтверждаемое какимъ либо свидѣтельствомъ Писанія, ни послѣдовательностию умозаключеній.

Присовокупляетъ къ сему Евномій: «ни по Отцѣ, ни со Отцемъ несочислимъ Духъ, потому что единъ и единственъ Отецъ, сый надъ всеми Богъ; ни съ Сыномъ не сравнимъ, потому что Сынъ единороденъ, не имѣеть ни одного

Ему сроднаго». А я, если бы Евномій присоединилъ къ слову только это, что Духъ Святый не Отецъ Сыну, призналъ бы напраснымъ дѣломъ останавливаться надъ тѣмъ, о чемъ никто не спорить, воспрещая думать о Духѣ, чего не подумаетъ даже никто изъ крайне неразумныхъ. Но поелику Евномій и тѣмъ, что несвойственно и не идетъ къ дѣлу, предприимлетъ утвердить нечестіе, и когда говоритъ, что Духъ Святый не Отецъ Единороднаго, думаетъ симъ доказать, что Духъ подчиненъ и подвластенъ: то посему въ обличеніе сего неразумія его привелъ я на память слова сн. Онъ думаетъ доказать подчиненность Духа Отцу тѣмъ, что Духъ не Отецъ Единороднаго. Какою необходимостію доказывается такая мысль, что, если не Отецъ, то безъ сомнѣнія, подчиненъ? Если бы доказано было, что слова: Отецъ, и самоуправный властитель, значать одно и тоже, слѣдовало бы, умопредставляя въ Отцѣ самоуправство, сказать, что Духъ подчиненъ преимуществующему властію. Но если подъ словомъ Отецъ, разумѣется одно отношеніе къ Сыну, и симъ реченіемъ не приносится никакой мысли о самоуправствѣ и властительствѣ; то какъ изъ того, что Духъ не Отецъ Сыну, слѣдуетъ, что онъ подчиненъ? «Ни съ Сыномъ несравнимъ», говоритъ Евномій. А почему говоритъ онъ это? Подлинно «несравнимъ». Пбо непревратность, непремѣнное предположеніе зиа,

всегда одинаковое пребываніе въ добрѣ ничѣмъ не разнятся и въ Сынѣ и въ Духѣ: и нетлѣніе Духа равно чуждо тлѣнія, и благодать по естеству столько же удалена отъ противнаго ей, и совершенство во всякомъ добрѣ одинаково не имѣеть нужды въ большемъ.

Все же сіе говорить о Духѣ учитъ богодухновенное Писаніе, присвоивъ Духу названіе *благое*, премудраго, *нетлннаго* Прем. Сол. 12, 1.), бсзсмертнаго, и всякое высокое и боголѣпное о Немъ понятіе и имя. Если же ни въ чемъ изъ сего не умаленъ Духъ; то въ чемъ вымѣряеть Евномій неравенство Сына и Духа? «Потому что, говоритъ онъ, Сынъ единороденъ, не имѣеть сроднаго Ему брата». Но о томъ, что Единороднаго не должно представлять имѣющимъ братьевъ, разсуждали мы въ словѣ о Перворожденномъ всея твари. Тсперь же злонамѣренно вставленнаго въ слово Евноміемъ не слѣдуетъ проходить безъ изслѣдованія. Ибо церковный догматъ провозглашаетъ, что во Отцѣ, и Сынѣ, и Святомъ Духѣ—одна сила, одна благодать, одна сущность, одна слава, таково же и все прочее, исключая разность вностаей. А Евномій, когда хочеть сущность Единороднаго обобщить съ тварию, называетъ Его, по предвѣчному бытію, перворожденнымъ всей твари, симъ реченіемъ утверждая, что все умпредставляемое въ твари въ братскомъ родствѣ Господу;

потому что первородный первородень, конечно, не среди иnorodныхъ, но среди однородныхъ. Когда же отдѣляетъ Духа отъ союза съ Сыномъ, тогда называетъ Сына единороднымъ, не имѣющимъ однороднаго брата, не для того чтобы представлять его не имѣющимъ братьевъ, но для того, чтобы доказать симъ о Духѣ, что по сущности чуждъ онъ Сыну. Какъ Духа Святаго не называть братомъ Сыну научены мы Писаніемъ; такъ нигдѣ не показано въ Божіемъ словѣ, что не должно называть Духа и однороднымъ съ Сыномъ. Если животворящая сила, каковая во Отцѣ и Сынѣ, по евангельскому слову, оказывается и въ Духѣ Святомъ (Іоан. 6, 63.); если нетлѣніе, непрерывность, недопущеніе до себя всякаго зла, благость, правота, владычественность, возможность дѣйствовать вся во всѣхъ, *якоже хощетъ* (1 Кор. 12, 11.),—если все сему подобное одинаково можно видѣть въ Отцѣ и Сынѣ и Святомъ Духѣ: то какъ при тождествѣ въ этомъ представить себѣ иnorodность? Поэтому ученіе благочестія соглашается въ томъ, что у Единороднаго не должно видѣть какого либо братства; а послѣдовательностію ученія ясно доказывается, что еретическому злоумію принадлежитъ мысль, будто бы не однородны Духъ съ Сыномъ, правый съ правымъ, благій съ благимъ, животворящій съ животворящимъ.

Посему въ чемъ же чрезъ это терпитъ ущербъ величiе Духа? Ибо ни одно изъ боголѣпныхъ понятiй не можетъ произвести приувеличенiя или умаленiя. Поелику всѣ они въ святомъ Писанiи равно прилагаются къ Сыну и къ Духу: то въ чемъ Евномiй видитъ неравенство? Не можетъ онъ сказать этого. Напротивъ того ничѣмъ не прикрытое, не складное, нисколько не связное ученiе нечестiя произноситъ о Святомъ Духѣ. «Ни съ кѣмъ другимъ», говоритъ Евномiй, «не состоитъ Духъ въ одномъ чинѣ: потому что всякое произведенiе, приведенное въ бытiе Сыномъ, превзошелъ происхожденiемъ, естествомъ, славою, вѣдѣнiемъ, какъ первое и существенное, величайшее и прекраснѣйшее дѣло Единороднаго». Но другимъ предоставляю осмѣивать невѣжественность и грубость сего выраженiя, признавая неприличнымъ для старческой сѣдины невѣжественныя реченiя ставить въ укоръ нечестующему предъ достопоклоняемымъ Словомъ, присовокуплю же къ изслѣдованiю слѣдующее. Если Духъ превзошелъ всѣ произведенiя Сына (употреблю это неправильное и малосмысленное реченiе еретика, лучше же сказать, яснѣе выражу мысль сiю собственнымъ своимъ словомъ); если преимуществуетъ предъ всѣмъ, получившимъ бытiе отъ Сына: то Духъ Святыи не можетъ быть поставляемъ въ одномъ чинѣ съ прочею тварiю. И если, какъ гово-

ритъ Евномій, «преимуществуеъ тѣмъ, что приведенъ въ бытіе прежде другихъ»; то совершенно необходимо признать ему и о другой твари, что предшествующее въ порядкѣ приведенія въ бытіе предпочтительнѣе послѣдующаго. Но устроеніе человѣка предварено естествомъ безсловесныхъ: слѣдовательно, Евномій, конечно, ведетъ симъ къ тому, что неразумная сущность предпочтительнѣе сущности разумной. Такъ и Каинъ, по Евноміеву ученію, окажется лучшимъ Авеля, по рожденію предупреждая временемъ. Такъ покажется и естество звѣздъ ниже и недостаточнѣе всѣхъ произрастеній земныхъ: потому что первыя произошли изъ земли въ третій день, а *свѣтила великая* и всѣ звѣзды, по сказанію Моисееву, сотворены въ день четвертый (Быт. 1, 16. 19.). Однакоже не будетъ никто столько неразуменъ, чтобы по старѣйшинству времени траву земную предпочесть чудесамъ небеснымъ, или Каину отдать верхъ предъ Авелемъ, или безсловеснымъ подчинить человѣка, сотвореннаго послѣ нихъ. Слѣдовательно никакого склада не имѣетъ то, что говоритъ Евномій, будто бы Духъ, потому что приведенъ въ бытіе прежде другихъ, имѣетъ естество, которое предпочтительнѣе пришедшаго въ бытіе послѣ Него.

Но посмотримъ, что приносить въ даръ славѣ Духа отдѣлившіи Его отъ общенія съ

Сыномъ. «И Онъ», говоритъ Евномій, «есть единый первый, единственный, по сущности и естественному достоинству преимуществующій предъ всѣми произведеніями Сына, всякое дѣйствіе и ученіе совершающій въ угодность Сыну, Имъ посылается, отъ Него приѣмлетъ, возвѣщаетъ поучаемымъ, и возводитъ къ истинѣ». По словамъ Евномія, Духъ Святый «совершаетъ всякое дѣйствіе и ученіе». Какое дѣйствіе? То ли, которое, по слову Господа, производятъ Отецъ и Сынъ, *досель* содѣвающій спасеніе людей (Іоан. 5, 17.), или другое какое, кромѣ этого? Если производитъ одно и тоже съ Сыномъ, то, конечно, имѣетъ одну и ту же съ Нимъ силу и тоже естество, и инородное съ Богомъ не имѣетъ мѣста въ Духѣ. Какъ, если что производитъ свойственное огню, также свѣтя и грѣя, то сіе, конечно, есть огонь: такъ, если Духъ творитъ дѣла Отца, то сямъ, безъ сомнѣнія, признается, что Онъ одного съ Отцемъ естества. Если же содѣваетъ Онъ что либо иное, а не спасеніе наше, и если оказываетъ дѣятельность на чемъ либо противоположномъ; то изъ сего будетъ явствовать, что инаго Онъ естества и иной сущности. Но само Слово свидѣтельствуешь, что Духъ животворитъ подобно Отцу и Сыну. Следовательно изъ тождества дѣйствій открывается, что Духъ, безъ сомнѣнія, по естеству не чуждъ Отцу и Сыну. И мы не споримъ,

что Духъ въ угодность Сыну совершаетъ дѣйствіе и ученіе Отца. Ибо одно общее естество свидѣтельствуеетъ, что однохотѣніе у Отца и Сына и Святаго Духа. Посему, если Духъ Святой хочетъ того, что угодно Сыну; то общая воля ясно показываетъ единство сущности. Но Евномій говоритъ: «Имъ посылается, отъ Него пріемлетъ, возвѣщаетъ поучаемымъ, и возводитъ къ истинѣ». Если бы Евномій напередъ не сказалъ сего о Духѣ; то, конечно, слушатель подумалъ бы, что говорится это о какомъ либо учителѣ—человѣкѣ. Ибо посланнымъ быть значитъ то же, что идти съ порученіемъ, не имѣть ничего отъ себя, но получать по милости посылающаго, учащимся служить словомъ, заблуждающихся возводить къ истинѣ. Ибо и нынѣшнимъ пастырямъ и учителямъ свойственно все это: быть посылаемыми, принимать, возвѣщать, учить, внимать истину,—все, что Евномій уступаетъ въ даръ Духу Святому. Но сказавъ передъ этимъ: «и есть единый, первый, единственный, преѣмуществующій предъ всѣми», если бы остановилъ на семъ рѣчь; то показался бы защитникомъ догматовъ истины. Ибо дѣйствительно одинъ, неотлучно созерцаемый въ Единомъ, первый въ первомъ, единственный въ единственномъ. Какъ *духъ чловѣка*, который *въ немъ*, и самъ чловѣкъ суть одинъ чловѣкъ: *также и Духъ Божій* (1 Кор. 2, 11.) - Тотъ,

Который въ Богѣ, и самъ Богъ, единымъ въ собственномъ смыслѣ можетъ быть наименованъ Богомъ, и первымъ, и единственнымъ, такимъ, что не возможно его отдѣлить отъ Того, въ Комъ Онъ. Но теперь присовокупивъ: «преимуществующій предъ всѣми произведеніями Сына», Евномій показалъ, что хульное его ученіе есть мутное извращеніе, въ которомъ Тому, Кто *идяще хочетъ, дышетъ* (Іоан. 3, 8.) и *вся во вселѣ дѣйствуетъ* (1 Кор. 12, 6.), предоставляется предпочтеніе сравнительно съ прочими тварями.

Посмотримъ же, что и еще приложилъ къ этому: «освящаетъ святыхъ», продолжаетъ Евномій. Кто скажетъ это объ Отцѣ и Сынѣ, тотъ скажетъ истину. Ибо въ комъ бываетъ Святый, тѣхъ дѣлаетъ святыми, какъ и Благій дѣлаетъ благими. Но святъ и благъ, по доказанному, и Отецъ и Сынъ и Духъ Святый. «Тайноводствуетъ приступающихъ къ таинству», говоритъ еще Евномій. Это хорошо сказать объ Аполлосѣ, *напаяющемъ* Павлово насажденіе (1 Кор. 3, 6.); потому что апостоль ученіемъ насаждаетъ, а Аполлосъ напаяетъ, крестя таинственнымъ возрожденіемъ, оглашенныхъ Павломъ приводя къ таинству. Итакъ Евномій возводитъ Духа въ равночестіе съ Аполлосомъ, какъ совершающаго людей крещеніемъ. «Удѣляетъ всякій даръ», говоритъ еще. Съ этимъ согласны и

мы: ибо все, что ни есть добраго, составляеть часть даровъ Святаго Духа: «содѣйствуетъ вѣрнымъ», говоритъ далѣе, «къ обзорѣннѣ и уразумѣннѣ установленнаго». Но не присовокупивъ, къмъ установлено, сдѣлалъ онъ рѣчь сомнительною, признать ли ее правильною, или какою иною. Мы же сказанное небольшимъ добавленіемъ приблизимъ къ благочестію. Поелику слово ли прелюдрости, слово ли разула, спрали (1 Кор. 12, 8. 9.), заступленіе ли, прасленіе ли (28.), или другое что причисляется къ спасительному для насъ, *вся сія дѣйствуетъ единъ и тойжде Духъ, раздѣляя властію коемужедо, якоже хочетъ*: то по сему не отвергаемъ слова сказаннаго Евноміемъ, что Духъ содѣйствуетъ вѣрнымъ въ обзорѣннѣ и уразумѣннѣ установленнаго самимъ Духомъ: потому что всѣ добрыя наставленія преподаны намъ Имъ. «Даетъ отголосокъ молящимся», присоединяеть Евномій. Глупо было бы сощщніемъ избличать смыслъ сего изреченія; потому что для всякаго само собою равно видно, какъ смѣшно и бессмысленно сіе выраженіе. Ибо кто столько разстроень въ умѣ и потерялъ смыслъ. чтобы сталъ онъ ждать отъ насъ, не научимъ ли, что Духъ Святый не звонокъ или не пустая бочка, которая голосомъ молящагося, какъ бы ударомъ какимъ. привонится въ содроганіе, и даетъ отголосокъ? «Путеводитъ къ полезному», говоритъ Евномій. Это и Отець и

Сынъ также дѣлаеть: ибо наставляеть на путь, *яко овца Иосифа* (Пса. 79, 2.), и: *наставилъ есть яко овцы люди Своя* (Пса. 76, 21.); и: *Духъ благий* наставляеть насъ на *землю праву* (Пса. 142, 10.). «Укрѣпляетъ», говоритъ, «для благочестія». Божинмъ дѣломъ называетъ Давидъ,—укрѣпляютъ челоуѣка въ благочестіи: ибо пророкъ говоритъ: *утвержденіе (χαρτάωβις) мое и приближище мое еси Ты* (Пса. 30, 4.); и: *Господь утвержденіе людей Своихъ* (Пса. 27, 8.); и Онъ *силу и крѣпость людемъ Своимъ дастъ* (Пса. 28, 11.). Посему, если сказано это въ смыслѣ пророческомъ, то служитъ свидѣтельствомъ Божества Духа. Если же противно пророчеству, то симъ самымъ обвиняется хула, потому что вводитъ мысль противную святымъ пророкамъ. Потомъ Евномій говоритъ: «просвѣщаетъ души свѣтомъ вѣдѣнія». Этотъ благодатный даръ ученіемъ благочестія приписывается Отцу и Сыну и Святому Духу: ибо Господь *просвѣщеніемъ* именуется у Давида (Пса. 26, 1.); и отъ Него *свѣтъ видѣнія* въ просвѣщаемыхъ (Ос. 10, 12.). А также и *очищеніе* помысловъ, какъ говоритъ слово Божіе, свойственно силѣ Господа: потому что Онъ, *сіяніе славы и образъ гностиси, очищеніе грѣховъ нашихъ* сотворилъ (Евр. 1, 3.). «Изгнать демоновъ» Евномій называетъ свойственнымъ Духу: сіе и едиnorodный Богъ, Который говоритъ демону: *Азъ ти повелѣваю* (Марк. 9,

25.), приписываетъ силѣ Духа, говоря: *еще ли азъ о Дусѣ Божіи изложу бисч* (Матѣ. 12, 28.). По этому изложеніе демоновъ служить не уничтоженіемъ славы Духа, но доказательствомъ Его Божественной и превысшей силы. «Врачуетъ болящихъ», говоритъ еще Евномій. «исцѣляетъ недужныхъ, утѣшаетъ скорбящихъ, укрѣпляетъ ослабѣвшихъ, возстановляетъ въ силахъ утружденныхъ». Это изреченія о Святомъ Духѣ благочестивыхъ: ибо каждаго изъ сихъ дѣйствій никто не припишетъ никому иному кромѣ Бога. Посему если ересь утверждаетъ, что силою Духа совершается, чего никто не можетъ сдѣлать, какъ только одинъ Богъ; то, значить, и отъ враговъ имѣемъ свидѣтельство о томъ, что заботимся доказать. Почему у Бога пророкъ ищетъ изцѣленія, говоря: *помилуй мя, Господи, яко неощенъ есмь: исцели мя, Господи, яко смятошася кости моя* (Пса. 6, 3.)? Псаія говоритъ Богу: *роса, яже отъ Тебе, исцѣленіе мнѣ есть* (Пса. 26, 19.). И обращеніе заблуждающихся есть дѣло Божіе; о семъ свидѣтельствуется пророчество, ибо говоритъ: *заблудиша въ пустыни безводный* (Пса. 106, 4.), и присо-вокупило: *и настави я на путь правъ, свити со градъ обительный* (7.), и: *свегда возвратити Господу яльнъ Сіонъ* (Пса. 125, 1.). А также и утѣшеніе скорбящихъ возводится къ Богу, потому что такъ говоритъ Павелъ: *благословенъ Богъ и Отецъ Господа нашего Исуса Христа,*

утпнаяй насѣ о всякой скорби нашей (2 Кор. 1, 3. 4.). и пророкъ отъ лица Божія говоритъ: *въ скорби призвалъ Мя еси, и обрѣлъ я Тебя* (Пса. 80, 8.). А укрѣпленіе ослабѣвшихъ, на что тысячи способовъ показываетъ Писаніе, состоитъ въ силѣ Господней: *отриновенъ превратился пасты, и Господь пріятъ мя* (Пса. 117, 13); и: *егда падетъ, не разбѣется: яко Господь подкрѣпляетъ руку ево* (Пса. 36, 24.); и: *Господь возводитъ низверженныя* (Пса. 145, 8.). И возстановленіе въ силахъ утружденныхъ приводитъ къ исповѣданію Божія челоуѣколюбія, если только Евномій замѣтилъ, чему научены мы пророчествомъ, какъ говоритъ слово Божіе: *положилъ еси скорби на хребтъ нашелъ. Возвелъ еси челоуѣки на гласы наша: проидохомъ сквозь ошь и воду, и извелъ еси ны въ покой* (Пса. 65, 11. 12.).

Такъ доселѣ свидѣтельствомъ враговъ доказывается величіе Духа. Но въ послѣдующемъ за симъ чистота благочестія снова оскверняется еретическою тиною. Ибо Евномій говоритъ о Духѣ: «восклицаціями содѣйствуетъ подвижающимся». За это обвинить должно въ крайнемъ неразуміи и нечестіи. Ибо на поприщахъ иные назначаютъ подвиги намѣревающимся показать подвижническую крѣпость; иные, превосходя другихъ силою и искусствомъ, состязуются о побѣдѣ, вступаая во взаимныя борьбы другъ съ другомъ; про-

чіе же, раздѣляясь мжду собою своими чувствами къ борцамъ, во время борьбы, сколько у каждаго есть усердія и расположенія къ кому либо изъ подвижниковъ, восклицаніями дають ему знать, чтобы или предусматривалъ вредъ, или припоминалъ употребляемые въ борьбѣ хитрости, или искусно сохранялъ себя отъ паденія. Посему уразумѣйте изъ сказаннаго, въ какой разрядъ Духа Святаго поставилъ Евномій? На поприщахъ, гдѣ одни распоряжаются подвигами, другіе оцѣнивають законную борьбу, иные борются, а иные восклицаніями сопровождаютъ борющихся, послѣдніе признаются гораздо низшими борющихся. Евномій смотритъ на Духа Святаго, какъ на одного изъ толпы зрителей, или какъ на кого либо изъ прислуживающихъ подвижникамъ. Онъ ни подвигами не распоряжается, ни побѣды не оцѣниваетъ, ни съ противникомъ не борется, да и восклицаніями нисколько не содѣйствуетъ побѣдѣ; потому что не раздѣляетъ подвига, не придаетъ силъ на это самое, а только хочется Ему, чтобы тотъ, о комъ Онъ заботится, не оказался вторымъ изъ противниковъ. И у Павла борьба *къ началомъ, и ко властемъ, и къ мѣродержителемъ тмы, и къ духовомъ злобы поднебеснымъ* (Еф. 6, 12.). А *Духъ силы* (2 Тим. 1, 7.) не укрѣпляетъ подвижниковъ, не раздаетъ подвижникамъ дарованій, *раздѣляя властію ко служебдо,*

яко жеа хочетъ (1 Кор. 12, 11.), но имѣеть только силу вступившихъ въ борьбу сопро-
вождать восклицаніями.

Говорить Евноміи еще: «придаеть смѣлость тренещущимъ отъ страха». Но хотя еретикъ въ словѣ своемъ продолжаеть предыдущую хулу на Духа, однакоже и въ устахъ врага обнаруживается истина. Ибо придавать смѣлость боящимся не пному кому свойственно, какъ единому Богу, Который говоритъ боящемуся: *не бойся. съ тобою есмь* (Иса. 41, 10.); нмало не приходи въ робость, какъ говоритъ пророкъ о себѣ: *аще бо пойду посредь сѣни смертныя, не убоюся зла, яко Ты со мною еси* (Иса. 22, 4.). Да и Самъ Владыка говоритъ боящимся: *да не смущается сердце ваше, ни устрашаетъ* (Іоан. 14, 27.), и: *чтоъ страшили есте мало-вѣри* (Матѣ. 8, 26.)? и: *держайте, Азъ есмь, не бойтеся* (Марк. 6, 50. ; и еще: *держайте, яко Азъ побѣдихъ міръ* (Іоан. 16, 33.). Посему и противъ воли Евномія самымъ вражескимъ словомъ его даеть о себѣ знать благочестіе. Но съ предыдущимъ Евноміевымъ словомъ согласно и послѣдующее. Еретикъ говоритъ: «о всемъ печется, принагаеть всю заботу и промышленіе». Имѣть о всемъ заботу и попеченіе по истинѣ свойственно единому Богу; потому что такъ говоритъ о семъ великій Давидъ: *азъ нищъ есмь и убогъ, Господь попечется о мнѣ* (Иса. 39, 18.). Если же прочее у Евно-

мія безъ смысла производить только шумъ пустыми реченіями; то пусть никто не винить его, видя безсильнымъ и невѣжественнымъ въ большей части всякаго благоразумнаго понятія. Ибо что разумѣя, говоритъ онъ: «къ приведенію благосмысленнѣйшихъ и охраненію болѣе вѣрующихъ», этого ни самъ онъ не скажетъ, не скажутъ и тѣ, которые неразумно дивятся словамъ его. О Христъ Іисусъ, Ему слава и держава во вѣки вѣковъ! Аминь.

ОПРОВЕРЖЕНІЕ ЕВНОМІЯ.

КНИГА ГРЕТІЯ.

СОДЕРЖАНІЕ ТРЕТЬЕЙ КНИГИ.

1. Третія сія книга показываеь третіе паденіе Евномія, такъ какъ онъ самъ себя обличаетъ, и иногда говоритъ, что Единороднаго, какъ по естеству рожденнаго, должно именовать Сыномъ, что, прибавляетъ онъ, свыше изъявлено святымъ Писаніемъ, а иногда утверждаетъ, что Его, потому что сотворенъ, называть должно не Сыномъ, но тварію.

2. Потомъ прекрасно, складно и стройно изслѣдовавъ, снова излагаетъ изреченіе: *Господь созда мя* (Прит. 8, 22. .

3. Послѣ сего примѣрами, взятыми съ Адама, Авеля и другихъ, доказываетъ, что не чужды по сущности рожденный и нерожденный.

4. А такимъ образомъ даетъ видѣть единство вѣчнаго съ Отцемъ. тожество сущности, общее
Гр. Нисск. Ч. V.

естество, при чемъ излагаетъ естествословіе о рожденіи вина, и говоритъ, что при названіи Единороднаго слова: сынъ и порожденіе имѣють родственную близость.

5. При семъ представляетъ непостижимость Божіей сущности, и толкуетъ сказанное самарянкѣ: *вы кланяетесь, его же не въстѣ* (Іоан. 4, 22.).

6. А послѣ сего объясняетъ названія: сынъ и порожденіе, также показываетъ множество разностей между сынами Божіими, человѣческими, овними, и еще сынами погибели, свѣта, дня.

7. При этомъ объяснивъ Божескія и человѣческія наименованія Единороднаго, изслѣдовавъ слова: рожденный и нерожденный, заключаетъ снмъ слово.

1. Для подвижающагося законно тотъ конецъ подвижническихъ трудовъ, что сопротивникъ или, совершенно отказавшись отъ трудовъ, добровольно уступаетъ побѣду одержавшему верхъ, или, согласно съ подвижническимъ закономъ, троекратно повергается на землю, послѣ чего по суду цѣнителей съ торжественнымъ провозглашеніемъ при вѣнцѣ воздается побѣдившему слава. И такъ, поелику Евномій, дважды уже низложенный въ предшествующихъ кни-

гахъ, не дозволяетъ еще истинѣ воспользоваться плодами побѣды надъ ложью, но и въ третій еще разъ на обычномъ попрещѣ лжи возметаетъ пыль словопренія противъ благочестія, напрягая силы свои устоять въ обманѣ; то по необходимости и нынѣ къ низложенію лжи противопоставляемъ ей слово истины, на самаго Побѣдодавца и Подвигоположника возложивъ надежду побѣдить, и вмѣстѣ почерпая силы въ невѣрныхъ приемахъ борьбы у противника. Ибо безъ стыда признаемся, что къ борьбѣ сей не приготовлено нами ни одного слова изощреннаго риторическимъ искусствомъ, къ преодоленію сдѣланныхъ возраженій не употреблено никакихъ ухищреній діалектической тонкости, которыми неопытные бываютъ нерѣдко заставлены и въ истинѣ подозрѣвать ложь. Напротивъ того въ словѣ, которое у насъ, одна сила стоять противъ лжи. Во первыхъ само истинное Слово, сила нашего слова, повелѣваетъ, чтобы сперва происходило обученіе, но обученіе мудрое, слѣдующее за предварительнымъ обученіемъ, а потомъ имѣло мѣсто наставленіе заимствованное изъ притчи. Ибо говоритъ Писаніе, что притчи суть *слова мудрости*, открывающія цѣль *извѣтій* (Прит. 1, 2. 3.); потому что не прямо разумѣемое для уразумѣнія сокровеннаго имѣетъ нужду въ нѣкоторомъ извѣтіи. И какъ Павелъ, намѣреваясь исторію предложить воззрѣнію въ

видѣ иносказанія, обѣщалъ *изльнвити гласъ свой* (Гал. 4. 20.); такъ и здѣсь обнаруженіе сокровеннаго называется у Соломона *извитіемъ* слова, какъ будто было бы не возможно уразумѣть красоту мыслей, если бы кто не усмотрѣлъ сокровеннаго сіянія мысли, видимое въ словѣ извративъ въ нѣчто другое; какъ бываетъ это съ перомъ, которымъ у павлина убранъ хвостъ. Ибо кто увидитъ у него задъ пера, по некрасивости и безобразію не обратитъ, конечно, и вниманія на сіе зрѣлище, какъ ничего не стоящее. А если кто, оборотивъ его, сдѣлаетъ видною другую сторону, то увидитъ разнообразную живопись природы, половину круга сіяющую посрединѣ багрянымъ цвѣтомъ и около круга златовидный воздухъ, опоясанный по краямъ и блистающій многоцвѣтными радугами. И такъ, поелику въ доступномъ всякому смыслѣ реченій никакой нѣтъ красоты, потому что, по сказанному, *вся слава дочери царевы внутри* (Пса. 44, 14.), въ золотыхъ мысляхъ сіяетъ сокровеннымъ убранствомъ; то Соломонъ читающимъ книгу сію по необходимости предлагаетъ извитіе слова, чтобы изъ него уразумѣли *притчу и телное слово, реченія же прелудрыгъ и гаданія* (Прит. 1, 5.).

А какъ это и содержитъ въ себѣ приточное сіе ученіе, то всякій здравомыслящій ничего предлагаемаго въ этой книгѣ не приметъ безъ

изслѣдованія и безъ разсмотрѣнія, хотя читаетъ что либо съ перваго взгляда всего болѣе ясное и знакомое. Ибо и на то, чтѣ, повидимому, явно, непремѣнно возможно нѣкое высшее воззрѣнїе. Если же и доступныя разумѣнїю мѣста сего писанія необходимо требуютъ тончайшаго изслѣдованія; то кольми паче требуютъ того тѣ мѣста, гдѣ самое уразумѣнїе представляетъ много неяснаго и необозримаго. Почему по связи рѣчи въ семь мѣстѣ изслѣдуемъ, есть ли чтѣ ясное въ подлежащемъ намъ чтенїи. Слово изображаетъ, что премудрость изглашаетъ нѣкоторыя реченїя отъ собственнаго своего лица. А кто любознательнъ, тому, конечно, извѣстно, о чемъ говорится въ томъ мѣстѣ, гдѣ *премудрость вселяетъ совѣтъ, призываетъ разумъ и смыслъ*, говоритъ, что имѣеть у себя *стяжанїе, крѣпость и разумъ*, сама же именуется разумѣнїемъ, умѣеть ходить въ *путехъ правды*, и жить *посредь стезей оправданїя*: говоритъ о себѣ, что ею *царїе царствуютъ, сильнїи нишутъ правду, и властители держатъ землю свою* (Прит. 8, 12. 14. 15. 16. 18. 20.). Ибо для всякаго явно, что разсудительный ничего въ сказанномъ не приметъ безъ изслѣдованія по готовому значенїю словъ. Ибо если ею цари вводятся во владычество, отъ нея имѣеть силу властительство; то по всей необходимости премудрость представится намъ виновницею самовластїя и на себя приметъ укоризны,

заслуженныя дурно правящими царствомъ. Но мы знаемъ царей, которые подъ руководствомъ премудрости дѣйствительно достигаютъ нескончаемо продолжающагося начальства ; это—*миѣи духолъ*, стяжаніемъ которыхъ есть *царствіе небесное*, какъ возвѣщаетъ Господь, Который есть евангельская премудрость (Матѳ. 5, 3.). Таковыми же признаемъ тѣхъ властителей, которые владычествуютъ надъ страстями, не порабощены владычеству грѣха, которые, какъ бы на листѣ какомъ, въ собственной жизни своей нишутъ правду. Такъ и похвальное самовластіе, при содѣйствіи мудрости, многовластіе страстей обративъ въ единовластіе ума, порабощаетъ необузданно стремящееся къ худой свободѣ, разумью всё плотскія и земныя мудрованія. *Плоть бо похотствуетъ на духа* (Гал. 5, 11.), и возстаетъ противъ начальства души. Сію-то землю держитъ таковой самовластитель, поставленный ея начальникомъ при первомъ сотвореніи Словомъ.

2. Посему, какъ, по признанію всѣхъ здравомыслящихъ, лучше читать въ подобномъ смыслѣ, нежели въ смыслѣ представляющемся въ словахъ съ перваго взгляда, такъ на семъ основаніи справедливо здравомыслящимъ не просто и не безъ излѣдованія принимать въ связи съ этимъ оное написанное изреченіе. *Аще возвѣщю вамъ*, говоритъ Премудрость, *бывающая*

на всякъ день, поляну, яже отъ вька, исчести. *Господь созда Мя* (Прит. 8, 21. 22.). Что скажетъ мнѣ на это изреченіе рабъ буквы, по іудейски останавливающейся на звукъ слоговъ? Ужели это словосочиненіе не представляется вносящимъ странность въ слухъ болѣе внимательныхъ? *Аще возвѣщу вамъ бывающая на всякъ день. Господь созда Мя.* Какъ будто, если не возвѣститъ бывающаго на всякъ день, то въ слѣдствіе того непременно будетъ отрицать, что создана. Ибо кто сказалъ: я созданъ, если возвѣщу, тотъ умалчиваемымъ далъ разумѣть: я не созданъ, если не возвѣщу. *Господь созда мя,* говоритъ Премудрость, *начало путей своихъ въ дѣла своя: прежде вькъ основа мя: въ началъ, прежде неже землю сотворити, прежде неже бездны содѣлати, прежде неже произыти источникъ водъ, прежде неже юрамъ водрузитися, прежде же всѣхъ холмовъ раздѣаетъ мя* (22—25.). Какой новый порядокъ въ устроеніи сей твари! Сперва создается, потомъ полагается ей основаніе, и тогда уже раждается. *Господь сотвори,* продолжаетъ Премудрость, *страны ненаселенныя, и концы населенныя поднебесныя* (26.). Какого Господа называетъ творцомъ населенной страны и вселенной? Конечно Сотворившаго и Премудрость; ибо одного и того же лица и то и другое слово, и сказующее: *Господь созда мя;* и присовокупившее: *Господь сотвори*

страны и ненаселенныя. Поэтому Господь равно будет зиждителемъ, какъ самой Премудрости, такъ вселенной и ненаселенной страны. Посему какъ же *вся* Сыномъ *быша*, и *безъ Него ничто же бысть* (Иоан. 1, 3.)? Ибо если одинъ и тотъ же Господь творить и Премудрость, подъ именемъ которой совѣтуютъ разумѣть Сына, и по одиначкѣ все, что имѣеть въ себѣ тварь; то гдѣ же истина возвышеннаго Юанна, который говоритъ: *ося Тьльзъ быша?* На сей гласъ евангелія отзывается само Писаніе, Создавшему Премудрость приписывающее со- твореніе необитаемой и населенной страны. А такъ и все слѣдующее за симъ: описываетъ нѣкій престолъ Божій отлучаемый *на вьтрьхъ*, сказуетъ, что крѣпкими дѣлаются *вышнія облаки*, и твердыми *источники поднебесныя* (Прит. 8, 27. 28.), и много подобнаго содержится въ цѣлой связи рѣчи, что должно имѣть обширный смыслъ, въ сказанномъ предъ симъ находимый нѣкимъ тонкимъ и пронизательнымъ умомъ. Какой это *на вьтрьхъ* отлучаемый престолъ? Какая твердость поднебесныхъ источниковъ? Какъ вышнія облака дѣлаются крѣпкими? Если кто о словѣ семъ судить будетъ по видимому, то найдетъ много несогласнаго между самыми вещами и сказуемымъ о нихъ. Ибо кому неизвѣстно, что крайніе предѣлы поднебесной, или потому, что въ преизбыткѣ пользуются теплотою солнечною, или потому,

что крайне отдалены отъ оной, по несообразности того и другаго не обитаемы? Иное стало сухо и сверхъ мѣры разгорячено; другое изобилуетъ влагой и охлаждено морозомъ, обитаемы же тѣ только мѣста, которыя равно отстоятъ отъ каждаго изъ сихъ двухъ противоположныхъ предѣловъ. Если же середина земли населена людьми; то почему притча говорить, что населены концы поднебесной? Какая крѣпость можетъ быть усмотрена въ облакахъ, чтобы, по смыслу, представляющемуся съ перваго взгляда, истинно было слово, по которому крѣпкими сдѣлались *вышнія облаки*? Ибо природа облака есть нѣкій разрѣженный парь, разлитый въ воздухъ, который, по великой утонченности сдѣлавшись легкимъ, носится воздушнымъ вѣтромъ. Отъ сгущенія же слившись самъ въ себѣ, падаетъ онъ изъ поддерживающаго воздуха, ставъ тяжелою каплею. Посему какая же крѣпость въ томъ, чѣмъ не производится никакого ощущенія въ прикасающемся? Ибо разрѣженность и текучесть воздуха можно видѣть и въ облакѣ. Какъ же еще на непостоянномъ естествѣ вѣтровъ *отлучается Божій престолъ*? А сказанному: быть сперва созданнымъ, подъ конецъ быть рожденнымъ, и въ срединѣ между тѣмъ быть основаннымъ, укажетъ ли кто какое либо основаніе, согласное съ понятіями общими и представляющимися съ перваго взгляда? И прежде

сего сомнительно въ словѣ, почемѹ возвѣщеніе бывающаго *на всякъ день*, напоминаніе объ изочтеніи, *яже отъ вѣка*, дѣлается какъ бы нѣкою причиною тому, что премудрость сказывается сотворенною отъ Бога.

Итакъ послѣду сказанное ясно даетъ видѣть, что въ представленныхъ выраженіяхъ нѣтъ ничего такого, что безъ разсмотрѣнія и безъ изслѣдованія могло бы принято быть въ словѣ; то хорошо было бы, подобно прочему, и сіе: *Господь созда мя*, истолковать не въ томъ смыслѣ, какой самъ собою представляется намъ въ изреченіи, но со всѣмъ вниманіемъ и тщаніемъ поискать благочестиво разумѣмаго въ сказуемомъ. Но въ точности постигнуть смыслъ предложеннаго свойственно тѣмъ однимъ, которые Духомъ Святымъ испытуютъ глубины, и о божественныхъ тайнахъ умѣютъ глаголатъ духовно. Наше же слово займется предложеннымъ въ такой мѣрѣ, въ какой нужно, чтобы не вовсе осталась не разсмотрѣнною невидимая ясно въ этомъ цѣль. Посему какое же наше слово? Невозможно, думаю, чтобы Божественнымъ просвѣщеніемъ сообщенная кому либо премудрость пребывала одна безъ прочихъ дарованій духа; напротивъ того непремѣнно надобно придти съ нею вмѣстѣ и пророчественной благодати. Ибо если премудрости собственно принадлежитъ постиженіе истины существъ, а пророчество содер-

жить въ себѣ уясненіе будущаго; то не будетъ обладать полнымъ дарованіемъ премудрости, кто и будущаго не будетъ обнимать вѣдѣніемъ при содѣйствіи пророчественнаго дара. Итакъ, поелику не о человѣческой какой премудрости свидѣтельствуемъ въ себѣ Соломонъ, сказавшій: *Богъ научи мя премудрости* (Прит. 30, 3.), и всякое слово имъ произнесенное восписавшій Богу, когда говорить: *моя словеса рекошася отъ Бога* (31, 1.); то хорошо будетъ изслѣдовать въ этой части притчей къ премудрости примѣшанное пророчество. Посему утверждаемъ, что Соломонъ, въ предыдущихъ словахъ сказавъ: *Премудрость созда себѣ домъ* (Прит. 9, 1.), даетъ въ словѣ семъ гадательно разумѣть устроеніе плоти Господней. Ибо не въ чуждомъ зданіи обитала истинная премудрость, но сама изъ дѣвическаго чрева создала себѣ обитель. А здѣсь Соломонъ придаетъ Слову, чтò соединено изъ того и другаго, разумѣю домъ и премудрость, создавшую домъ, то есть человѣчество и срастворенное съ человѣкомъ Божество; къ каждому же изъ нихъ припоровляетъ соответствующія и приличныя реченія, чтò, какъ можно видѣть, дѣлается и въ евангеліяхъ, гдѣ приспособленіе слова примѣнительно къ подлежащему высшимъ и боголѣпнѣйшимъ значеніемъ указываетъ на Божество, а низкимъ и неподъемлющимся отъ земли—на человѣчество.

Такъ можно видѣть, что Соломонъ и въ этой части подвигнуть пророчески, и всецѣло предалъ таинство домостроительства. Ибо сперва представляетъ предвѣчную силу и дѣятельность премудрости, при чемъ нѣкоторымъ образомъ и въ самыхъ словахъ согласуется съ евангелистомъ. Ибо какъ евангелистъ многообъемлющимъ реченіемъ одного и того же провозглашаетъ виновникомъ и зиждителемъ всѣхъ; такъ и Соломонъ говоритъ, что Имъ по одиначкѣ приведено въ бытіе все исчисляемое во вселенной. *Богъ*, говоритъ онъ, *премудростію основа землю, уютова же небеса разумомъ* (Прит. 3, 19.), и все, что по порядку за симъ слѣдуетъ сказаннаго въ томъ же смыслѣ. И чтобы не подать мысли, будто бы даръ добродѣтели въ людяхъ оставляетъ не упомянутымъ, опять отъ лица Премудрости описываетъ, говоря упомянутое нами нѣсколько прежде: *вселихъ советъ и разумъ и смыслъ* (Прит. 8, 12.), и все, что свойственно ученію умственному и расширяющему свѣдѣнія.

Изложивъ сіе и подобное сему, Соломонъ присовокупляетъ ученіе о домостроительствѣ касательно человека, для чего *Слово плоть бысть* (Іоан. 1, 14.). Ибо такъ какъ для всѣхъ явно, что сущій надъ всѣми Богъ не имѣетъ въ Себѣ ничего сотвореннаго, или вводнаго, ни силы, ни премудрости, ни свѣта, ни слова, ни жизни, ни истины, ни вообще чего либо

умопредставляемаго въ полнотѣ Божественнаго лона, все это есть *Единородный Богъ, Сый во лонѣ Отчи* (Іоан. 1, 18.); то ни къ чему умопредставляемому въ Богѣ не можетъ по справедливости приложено быть имя твари, такъ что Сыну во Отцѣ, или Слову въ началѣ, или свѣту во свѣтѣ, или жизни въ жизни, или премудрости въ премудрости прилично было бы сказать: *Господь созда мя*. Ибо если создана Богомъ премудрость, Христось же *Божія сила и Божія премудрость* (1 Кор. 1, 24.); то, конечно, Богъ возымѣлъ премудрость ввоную, въ послѣдствіи изъ приуготовленнаго воспріявъ то, чего не имѣлъ съ начала. Но однако же Тотъ, Кто въ лонѣ Отчемъ, не позволяетъ намъ представлять себѣ Отчее лоно когда либо празднымъ отъ Него; слѣдовательно не есть нѣчто приходящее въ лоно совнѣ. Напротивъ того Сущій въ началѣ, будучи полнотою всякаго блага, конечно, представляется во Отцѣ, не ожидающимъ придти въ Немъ въ бытіе посредствомъ сотворенія, потому что Отецъ не можетъ быть представляемъ не имѣющимъ когда либо въ себѣ благъ. Но представляемый сущимъ въ вѣчности Отчаго Божества, всегда въ Немъ, какъ сила и жизнь, и истина, и свѣтъ, и премудрость, и тому подобное. Поэтому изреченіе: *сзда мя*, не Божествомъ и нетлѣннымъ изглаговано, но тѣмъ, что, по сказанному, срастворено по до-

моостроительству съ нашимъ тварнымъ естествомъ.

Посему, какъ же одно и то же, такъ называемое премудростию и разумомъ и божественнымъ чувствомъ, и полагаетъ основаніе земли, и уготовляетъ небеса, и разверзаетъ бездны, и здѣсь создается въ начало дѣлъ? Не безъ важной причины, сказано, пріемлется въ содѣйствіе такое домоостроительство. Напротивъ того, поелику люди, пріявъ заповѣдь о томъ, что надлежитъ намъ соблюдать, изринули изъ памяти благодать, по причинѣ преслушанія пребывая въ забвеніи благъ; то поэтому, да *возвѣщу вамъ снова бывающая на всякъ день къ вашему спасенію и помяну, яже отъ вѣка*, исчисливъ, что вы забыли (потому что не новое какое евангеліе возвѣщаю теперь, но тружусь надъ восстановленіемъ вашимъ въ первобытное состояніе); поэтому-то создана я, всегда сущая, и для того, чтобы имѣть бытіе, ни мало не имѣющая нужды въ созданіи, чтобы стать мнѣ началомъ *путей въ дѣла* Божіи, разумѣю людей. Поелику поврежденъ былъ путь первый; то должно было для заблудшихъ обновиться опять пути новому и живому, мнѣ самой, которая есмь путь. А что смыслъ словъ: *созда мя* относится къ человѣчеству, яснѣе представляетъ намъ это Божественный апостоль въ собственныхъ словахъ своихъ, въ которыхъ повелѣваетъ: *облечитесь Господомъ*

Иисусъ Христосъ (Римл. 13, 14.), и сверхъ этого, гдѣ, повторяя тоже самое слово, говорить: *облецытеся въ новаго человека, созданнаго по Богу* (Еф. 4, 24). Ибо если спасительное облаченіе одно, и это есть Христось; то никто не скажетъ, что новыйъ человекъ, созданный по Богу, есть кто другой, кромѣ Христа; напротивъ того явно, что облекшійся во Христа облекся въ новаго человека, созданнаго по Богу. Ибо тотъ единъ въ собственномъ смыслѣ справедливо именуется человекомъ новымъ, Кто явился въ человѣческой жизни не извѣстными и обычными путями естества. Напротивъ того въ Немъ одномъ обновлено какое-то отличное и особенное создание. Посему-то апостоль одного и того же, имѣя въ виду необычайность рожденія, именуетъ новымъ человекомъ, созданнымъ по Богу, а взирая на Божеское естество, срастворенное въ твореніи сего новаго человека, называетъ его Христомъ; такъ что одному и тому же приданы два наименованія, разумѣю наименованіе Христа, и наименованіе новаго человека, созданнаго по Богу.

Итакъ поелику Премудрость есть Христось, то разумный слушатель пусть разберетъ слово и противоборствующихъ намъ и наше, и рѣшить, чье благочестивѣе. Кто въ изреченіи паче сохраняетъ боголѣпныя понятія: тотъ ли, кто утверждаетъ, что Творецъ и Господь все-

ленной сотворенъ, и доказываетъ, что Онъ равночестенъ служебной твари, или тотъ, кто взираетъ наче на домостроительство, и сохраняетъ приличествующее понятію о Божествѣ и понятію о человѣчествѣ. Ученіе сіе подтверждаетъ и великій Павелъ, который въ новомъ человѣкѣ видитъ тварь. а въ истинной Премудрости обладаніе тварию. Съ симъ воззрѣніемъ на ученіе согласенъ и порядокъ слова. Ибо, если бы не создано было въ насъ начало путей, то не было бы положено основанія ожидаемымъ вѣкамъ; Господь не содѣлался бы для насъ отцемъ *будущаго вѣка*, если бы, по слову Исаи, *отроча на нѣ* не родилось (Иса. 9, 6.), и не было наречено имя Его, и не наречены были всѣ другія имена, какія нарекъ пророкъ, вмѣстѣ же со всѣми и имя отца *будущаго вѣка*. Посему сперва совершились таинство дѣвства и домостроительство страданія; потомъ мудрые здатели вѣры положили основаніе вѣры. А это есть Христось, *отецъ будущаго вѣка*; на Немъ домостроительствуется жизнь нескончаемыхъ вѣковъ. По велику же совершается сіе, чтобы въ каждомъ изъ увѣровавшихъ пришли въ исполненіе Божественныя изволенія евангельскаго закона, и воздѣйствовали многоразличныя дарованія Святаго Духа (все же это Божественное Писаніе въ сродномъ нѣкоемъ значеніи иносказательно именуеть горами и холмами, горами

Божіими именуя правду, безднами же называя суды, а землю—землю, засѣваемую Словомъ и приносящую обильный плодъ; или, какъ въ другомъ мѣстѣ у Давида подъ именемъ горъ узнаемъ миръ, а подъ именемъ холмовъ правду (Пса. 71, 3.); то въ вѣрныхъ необходимо рождается премудрость и истинное слово. Ибо Сущій въ пріившихъ Его не родился еще въ невѣрныхъ. Посему, чтобы произошло сіе и въ насъ, необходимо въ насъ родиться Жидителю сего. Такъ и слѣдующее за симъ будемъ разумѣть по связи съ этимъ. Ибо если рождена въ насъ премудрость, то въ каждомъ уготовляется тогда Богомъ *страна* и страна *не населенная*, страна—сердце, пріемлющее всѣяніе и воздѣланіе слова, страна *ненаселенная*—сердце лишаемое лукавыхъ обитателей. И такимъ образомъ вселеніе наше будетъ на концахъ земли. Поелику на землѣ иное есть глубина, а иное поверхность; то, когда кто не дѣлается ни подземнымъ, ни пещернымъ по мудрованію о дольномъ (какова жизнь живущихъ во грѣхѣхъ, погрязшихъ въ зыбкой тинѣ глубины, для которыхъ жизнь настоящая дѣйствительно есть кладязь, по слову псалмопѣнія, которое говоритъ: *ниже сведетъ о мнѣ ровеникъъ устъ своихъ* (Пса. 68, 16.)), поэтому, если кто послѣ рожденной въ немъ премудрости начинаетъ держаться горняго образа мыслей, столько касаясь земли, сколько это

необходимо; тогда онъ вселяется на концахъ поднебесной, не углубляясь въ земное мудрованіе. Ему, вмѣсто земли уготовляющему въ себѣ небо, соприсуща премудрость. И когда ученіе *вышнихъ облаковъ* творить онъ для себя *кряжкимъ*, приводя въ исполненіе заповѣди, а великое и пространное море порока ограничивая строгимъ житіемъ, какъ бы брегомъ какимъ, препятствуетъ возмущенной водѣ идти мимо *устъ*, и если дарованіемъ ученія низведенъ къ источникамъ, съ осторожностію изливая струю слова, чтобы вмѣсто чистой воды въ питіе кому не подать мутной смѣси; и если, ставъ выше всякаго земнаго шествія, сдѣлается по жизни воздушнымъ, поживъ духовнымъ жительствомъ, которое въ словѣ наименовано *вътрами* (27.), чтобы отлученнымъ быть въ престолъ возсѣдшему на немъ, какимъ былъ отлученный въ благовѣстіе Павелъ, чтобы стать сосудомъ избраннымъ *пронести илѣ Божіе* (Дѣян. 9, 15.); то какъ бы новымъ престоломъ для Слова содѣлался носящій на себѣ возсѣдшаго на немъ. Когда съ успѣхомъ достигнуто сіе и подобное сему, такъ что веселится уже *совершившій* въ себѣ *вселенную* (31.) Божію, веселясь, что сталъ отцемъ не звѣрей какихъ и безсловесныхъ, но чловѣковъ, ими же будутъ Божественные помыслы, по Божіему образу образуемые вѣрою въ созданнаго въ насъ и рожденнаго; а подъ именемъ вѣры,

по слову Павлову, разумѣется основаніе; при ней вѣрнымъ раждается премудрость и производится все сказанное: тогда-то дѣйствительно блаженною дѣлается жизнь преуспѣвашаго. Съ нимъ согласна премудрость и *веселится на всякое время* о немъ, на *всякъ день* веселящемся о ней одной. Ибо Господь веселится о преподобныхъ своихъ, и *радость бываетъ* на небеси о спасаемыхъ (Лук. 15, 10.); и Христосъ отецъ празднуетъ при спасеніи сына. Послѣ же сего кратко нами сказаннаго, трудолюбивый читатель, вникнувъ въ основанія Божественнаго Писанія, къ симъ воззрѣніямъ да приспособляетъ загадочныя изреченія, разсудивъ, не гораздо ли лучше думать, что смыслъ загадокъ заключается въ этой мысли, а не въ той, какая представляется съ перваго взгляда. Ибо невозможно признать истиннымъ Іоаннова богословія, провозгласившаго, что все созданное есть дѣло Слова, если повѣримъ, что именуемый здѣсь создавшимъ премудрость и все прочее сотворилъ вмѣстѣ съ нею; ибо тогда не все уже будетъ чрезъ нее, но и она причислится ко всему пришедшему въ бытіе.

А что къ сему клонятся загадочныя рѣчи, сіе ясно открывается въ продолженіи слова, которое говоритъ: *нынѣ убо сыне послушай мене* (Прит. 8, 32.), и: *блаженъ, иже пути Моя сохранитъ* (34.), путями, очевидно, называя стези къ добродѣтели, началомъ которыхъ бы-

ваеть приобрѣтеніе премудрости. Посему кто же, взирая на Божественное Писаніе, не согласится, что враги истины и нечестивы и вмѣстѣ клеветники? Нечестивы, потому что, сколько имъ возможно, уничививъ неизреченную славу едиnorodнаго Бога, ставятъ Его въ одинъ рядъ съ тварию, усиливаясь доказать, что одинъ изъ приведенныхъ имъ въ бытіе есть Самъ Господь, едиnorodность Котораго есть владычество надъ всѣмъ. Клеветники же потому, что, когда Писаніе не подаетъ имъ никакого предлога къ такимъ предположеніямъ, они, какъ будто изъ Писанія приводятъ свидѣтельство, вооружаются противъ благочестія. Итакъ, поелику ни въ одномъ изъ святыхъ Писаній не могутъ показать какого либо реченія, которое на предвѣчную славу едиnorodнаго Бога совѣтовало бы взирать, какъ и на славу подчиненной твари; то, когда доказано сіе уже нами, хорошо будетъ слову благочестія приписать побѣду надъ ложью, и отвергнувъ всѣ сіи ухищренныя ихъ именованія, которыми приводятъ въ сходство тварь съ Сотворшимъ и созданіе съ Создавшимъ, исповѣдать, какъ учитъ небесное Евангеліе, Сына возлюбленнаго, неложнаго, не подкинутаго, и подъ словомъ: сынъ, разумѣя всякое естественное сродство, Того, Кто отъ истиннаго Бога, назвать Богомъ истиннымъ, и вѣровать, что и въ Немъ также есть все, что усматри-

вается во Отцѣ; потому что оба суть едино, и въ единомъ умопредставляется и другой непревосходящимъ и неумаленнымъ, ни по одному боголѣпному и доброму отличительному качеству не отмѣннымъ и неинаковымъ.

Итакъ, поелику явною сдѣлалась борьба Евномія съ самимъ собою, когда онъ обличенъ въ противорѣчіи самому себѣ (разумѣю же противорѣчіе въ томъ, что одному и тому же должно то, какъ рожденному по естеству, именовать Сынѣмъ, то опять, какъ созданному, называться уже не Сынѣмъ, но тварію); то разумно и основательно понимающему дѣло, такъ какъ при двухъ противорѣчащихъ одно другому понятіяхъ не возможно равно находится истинѣ въ томъ и другомъ, прилично, думаю, отринуть въ обоихъ нечестивое и хульное, разумѣю слова: созданіе и тварь, остановиться же на одномъ, имѣющемъ въ виду благочестіе и признающемъ, что наименованіе Сына по естеству приличествуетъ едиnorodному Богу, чтобы и по словамъ враговъ ученіе благочестія имѣло состоятельность.

3. Говорю же опять, повторяя Евноміево слово, которое предложилъ я въ началѣ: «Сына, какъ рожденнаго, говоритъ Евномій, не отказываемся назвать и рожденіемъ, потому что сама рожденная сущность и наименованіе Сынъ требуютъ такого соотношенія именъ». Посему, кто съ разсужденіемъ слушаетъ слова сн,

пусть помнить, что Евномій говоритъ пока о рожденной сущности, какъ еще не принимающій вмѣстѣ слова: сущность, ни слова: нерожденность, ни слова: рожденіе; но отдѣльно беретъ сущность, и отдѣльно по усматриваемымъ въ ней свойствамъ разумѣть, что она рождена, или не рождена. Выразумѣемъ же тщательнѣе сказанное о семъ слово. Евномій говоритъ, что сущность рождена, а Сынъ есть имя рожденной сущности. Но наше о семъ ученіе обличить слово его двумя возраженіями, изъ которыхъ одно есть обвиненіе въ злонамѣренномъ предпріятіи, а другое—обличеніе въ безсиліи сего противъ насъ предпріятія. Ибо злонамѣренно поступаетъ, говоря о рожденіи сущности, чтобы доказать противоположность сущностей, рожденнымъ и нерожденнымъ раздѣленныхъ между собою до инаковости естества. А безсиліе предпріятія обличается тѣмъ самымъ, чѣмъ пользуется злонамѣренность. Ибо сказавшій, что сущность рождена, ясно тѣмъ опредѣляетъ, что рожденіе есть нѣчто иное съ сущностію, такъ что значеніе рожденія непримѣнимо къ понятію о сущности. Ибо въ разсужденіи сего не сдѣлалъ онъ того же, что доказалъ во многомъ другомъ; не сказалъ, что рожденіе есть самая сущность, напротивъ того признаетъ, что сущность рождена, чтобы въ слушающихъ составилось раздѣльное понятіе о каждомъ реченіи. Ибо иная нѣкая мысль

происходить въ слышащемъ, что нѣчто рождено, и иная при имени: сущность. Но яснѣе будетъ для насъ слово сіе изъ примѣровъ. Господь сказалъ въ Евангеліи, что женщина, когда приближаются муки рожденія, бываетъ въ скорби; а послѣ сего радостію радуется, *яко родися чловѣкъ во міръ* (Іоан. 16, 21.). Посему какъ въ этомъ случаѣ узнаемъ изъ евангелія два разныя понятія, одно чадорожденіе, которое разумѣемъ подъ словомъ: рожденіе, а другое то самое, чтó бываетъ слѣдствіемъ чадорожденія (ибо чадорожденіе — не чловѣкъ, напротивъ того чловѣкъ произведеніе чадорожденія); такъ и здѣсь, поелику Евномій призналъ, что сущность рождена; то предшествующимъ реченіемъ научены мы, что рождена отъ чего-то, а изъ слѣдующаго уразумѣли самое подлежащее, происшедшее отъ чего-то. Поелику, если иное есть означаемое словомъ: сущность, а иное предполагаемъ разумѣть подъ словомъ: рожденіе; то распадутся внезапно мудрыя ихъ ухищренія, какъ глиняные сосуды, одинъ съ другимъ сведенные и одинъ о другой сокрушенные; потому что имъ, разность рожденнаго съ нерожденнымъ переносящимъ на сущность Сына и Отца, не будетъ уже дозволено взаимное разногласіе именъ переносить и на самыя предметы. Ибо, когда Евномій призналъ, что сущность рождена; то, какъ подобную сему мысль

изъясняетъ евангельскій примѣръ, изъ котораго дознавъ, что рожденъ человѣкъ, не признали мы человѣка тождественнымъ съ рожденіемъ, но при каждомъ имени составили себѣ особое понятіе; такъ, безъ сомнѣнія, не будетъ имѣть мѣста ересь, учащая на основаніи подобныхъ реченій, признавать инаковость сущностей.

Но чтобы гораздо яснѣе раскрылось для насъ понятіе о семъ, разберемъ еще подлежащее такъ: въ началѣ человѣческое естество сотворилъ вмѣстѣ со всѣмъ прочимъ Устроитель всего; и послѣ того, какъ приведенъ въ бытіе Адамъ, тогда уже узаконилъ людямъ рожденіе одного отъ другаго, сказавъ: *раститеся и множитесь* (Быт. 1, 28.). Поэтому, такъ какъ Авель произошелъ рожденно, кто изъ здравомыслящихъ не скажетъ, что, по самому значенію человѣческаго рожденія, Адамъ произошелъ нерожденно? Но первый человѣкъ имѣлъ въ себѣ всецѣлую мѣру человѣческой сущности, и также и рожденный отъ него состоитъ въ томъ же соотношеніи сущности. А если бы кромѣ нерожденной сущности была создана какая нибудь другая рожденная; то не приличествовало бы обонимъ одно и тоже соотношеніе сущности. Ибо у кого сущности разныя, у тѣхъ и соотношеніе сущности не одно и тоже. Поэтому, такъ какъ сущность Адама и Авеля означается одними и тѣми же

отличительными свойствами; то по всей необходимости должно согласиться, что хотя сущность обоихъ одна, однакоже въ одномъ и томъ же естествѣ видимъ то одинъ, то другой. Ибо Адамъ и Авель, два человѣка, въ разсужденіи естества суть нѣчто единое, но по отличительнымъ свойствамъ, усматриваемымъ въ каждомъ изъ нихъ, имѣютъ неслитное между собою различіе. Посему нельзя сказать въ собственномъ смыслѣ, будто бы Адамъ родилъ другую кромѣ себя сущность; но справедливѣе будетъ говорить, что Адамъ родилъ отъ себя другаго себя; и въ этомъ другомъ рождено вмѣстѣ все то, чтò есть въ сущности родившаго. Посему, чтò дознали мы о человѣческомъ естествѣ тѣмъ путемъ, какой напередъ послѣдовательно указанъ намъ разумомъ, то самое, думаю, должно признать намъ въ путеводство и къ непогрѣшному уразумѣнію Божественныхъ догматовъ. Ибо отринувъ всякое плотское и вещественное понятіе о Божественныхъ и высокиихъ догматахъ, въ оставшемся умопредставленіи, когда оно будетъ очищено отъ подобныхъ представленій, найдемъ самое безопасное руководство къ высокому и недоступному. И противники исповѣдуютъ, что Сущій надъ всѣми Богъ и есть и именуется Отцемъ Единороднаго: да и единороднаго Бога, сущаго изъ Отца, называютъ рожденнымъ, потому что рожденъ. Итакъ, по-

елику у людей имя: отецъ имѣеть въ себѣ нѣкія сопряженныя съ нимъ значенія, чуждыя Естеству пречистому; то, оставивъ всѣ вещественныя представленія, какія входятъ въ плотское значеніе слова: отецъ, надлежитъ напечатлѣть въ себѣ нѣкую боголѣпную мысль, показывающую одну близость къ Богу Отцу. Поэтому, такъ какъ въ понятіи о человѣческомъ отцѣ заключается не только то, къ представленію чего даетъ поводъ плотъ, но въ человѣческомъ отцествѣ непремѣнно подразумѣвается вмѣстѣ понятіе о какомъ-то промежуткѣ; то хорошо будетъ въ разсужденіи о Божественномъ рожденіи вмѣстѣ съ тѣлесною скверною отринуть и понятіе о промежуткѣ, чтобы превысшее рождество, будучи очищено во всемъ отъ свойственнаго веществу, стало чисто отъ всякаго умопредставленія не только о страстномъ, но и о промежуточномъ. Посему кто Бога называетъ Отцемъ, тотъ въ понятіи, что Богъ есть, сообщемлетъ и то, что такое Онъ есть. Ибо кому бытіе принадлежитъ съ какого либо начала, для того, конечно, и быть чѣмъ либо начинается съ чего либо. А въ разсужденіи чего не началъ онъ бытія (если и иное что умопредставляется въ Немъ), то не съ чего либо имѣеть начало. Напротивъ того, Богъ есть Отецъ: слѣдовательно отъ вѣчности Онъ то, чѣмъ есть; потому что не сталъ Отцемъ, но есть Отецъ. У Бога. что

было, то и есть, и будетъ; а если чего когда либо не было, того и нѣтъ и не будетъ; потому что признаемъ Его Отцемъ не чего либо такого, безъ чего сущимъ когда либо въ самомъ себѣ было бы благочестиво представить Бога. Ибо Отецъ есть Отецъ жизни, и истины, и премудрости, и свѣта, и святыни, и силы, и всего тому подобнаго, что есть и чѣмъ именуется Единородный. Посему, когда противники доказываютъ, что нѣтъ иногда свѣта; не знаю, кому болѣе ущерба, самому ли свѣту, когда Онъ не свѣтъ, или не имѣвшему когда либо у себя свѣта. Такъ должно сказать и о жизни, и объ истинѣ, и о силѣ, и о всемъ прочемъ, чѣмъ наполняетъ Отчее лоно Единородный, сущій всѣмъ этимъ въ собственной своей полнотѣ; въ разсужденіи того и другаго одинаковая открывается несообразность, и хулѣ на Сына равносильно нечестіе предъ Отцемъ. Сказавъ, что когда нибудь нѣтъ Господа, не просто допустишь, что нѣтъ силы, но выразишь симъ, что нѣтъ силы Божіей, нѣтъ силы Отчей. Слѣдовательно утверждаемое въ твоёмъ словѣ о небытіи нѣкогда Сына, не иное что утверждаетъ, какъ отсутствіе всякаго блага у Отца. Смотри, къ чему обращается остроуміе мудрыхъ, и сколько истины въ Господнемъ о семъ словѣ, которое говорятъ: *отлетаяйся Мене, отлетается пославшаго Мя* (Лук. 10, 16.). Ибо чѣмъ отвергаютъ вѣчное

бытіе Единороднаго, тѣмъ самымъ безчестятъ Отца, словомъ своимъ отъемя у славы Отчей всякое доброе именованіе и представленіе о ней.

Посему сказаннымъ ясно обнаружено безсиліе злоухищренія у писателя, который, намѣреваясь доказать противоположность сущности Единороднаго и сущности Отца наименованіемъ одной нерожденною, а другой рожденною, изобличаетъ себя въ томъ, что усиливается утверждать несостоятельное. Ибо изъ словъ его явствовало вопервыхъ, что иное есть имя сущности, а иное — рожденія, а потомъ, что сущность въ Сынѣ не какая либо новая и отличная отъ сущности Отца. Напротивъ того, что есть Отецъ въ отношеніи къ естеству, то же есть и Тотъ, Кто отъ Него; потому что, по доказанной уже нами истинѣ сего слова, естество въ лицѣ Сына не измѣнилось въ инаковость. Сущность Авеля не произвела перемѣны естества: такъ, по чистому ученію, Единородный Богъ, исшедши отъ Отца и во Отцѣ пребывая, какъ говоритъ евангеліе (Іоан. 16, 28. 17, 21.), рожденіемъ Своимъ нимало не измѣнилъ въ Себѣ сущности нерожденнаго, но, по простому и не хитрому слововыраженію нашей вѣры, есть свѣтъ отъ свѣта, Богъ истинный отъ Бога истиннаго, Сущій всѣмъ тѣмъ, чѣмъ есть Отецъ, кромѣ сего единаго, что Тотъ—Отецъ. О цѣли же, съ которой Евномій

разсуждаетъ о семъ такъ утонченно, не должно, думаю, и говорить въ настоящемъ случаѣ. Дерзко и опасно, или позволительно и безопасно превращать изъ одного въ другое реченія, означающія естество Божіе, и Рожденнаго называть рожденіемъ;—оставляю это безъ изслѣдованія, чтобы слово наше, сверхъ должной мѣры занявшись споромъ о мелочахъ, не вознерадѣло о важнѣйшемъ.

Но должно, какъ разсуждаю, въ точности выразумѣть, естественно ли то отношеніе, которымъ вводится употребленіе сихъ именованій; ибо Евномій, безъ сомнѣнія, утверждаетъ, что съ свойствомъ именованій вводится вмѣстѣ и существенное свойствѣ. Онъ, конечно, не скажетъ, что одни именованія, сами по себѣ взятая отдѣльно отъ представленія означаемого ими, имѣютъ какое либо соотношеніе и свойствѣ между собою; напротивъ того въ значеніяхъ выражаемыхъ реченіями различаемъ, что сродно и что чуждо въ именованіяхъ. Посему, если Евномій признаетъ, что Сынъ имѣетъ естественное отношеніе къ Отцу; то, оставляя именованія, выразумѣемъ силу, заключающуюся въ означаемомъ, что подразумѣвается при этомъ свойствѣ: то ли, что Они чужды по сущности, или то, что сродны и свои между собою. Сказать, что Они чужды, — признакъ явнаго безумія. Ибо какъ соблюсти связный и сродный порядокъ

въ именахъ того, что одно другому чуждо и одно съ другимъ не имѣеть общенія, когда сама рожденная сущность, какъ говоритъ Евномій, и наименованіе Сына усвояютъ себѣ такое отношеніе именъ? Если же скажетъ, что сродное означается сими именованиями: то по свойству именъ необходимо окажется защитникомъ общей сущности. И доказывая, что сими именами означается связь подлежащихъ, многократно дѣлая это въ своемъ сочиненіи, не умѣеть сего сдѣлать. Ибо чѣмъ предпріемлетъ испровергнуть истину, тѣмъ самымъ противъ воли увлекается часто къ защищенію противныхъ ему догматовъ. Подобное вѣчто знаемъ и изъ исторіи о Саулѣ, а именно, что, движимый гнѣвомъ на пророчествующихъ, былъ нѣкогда преспобѣжденъ благодатію, и сталъ однимъ изъ богодвижимыхъ; потому что, думаю, пророческій Духъ восхотѣлъ самъ собою наставить отступниковъ. Почему необычайность событія въ послѣдующее время стала притчею для живущихъ, когда исторія на удивленіе рассказывала подобное: *еда и Саул во пророцѣхъ* (1 Цар. 10, 1.)?

4. Посему въ чемъ же Евномій соглашается съ истиною? Въ томъ, что говоритъ: «Самъ Господь, Сынъ Бога живаго, не стыдился рожденія отъ Дѣвы, въ рѣчахъ Своихъ часто именуеть Себя Сыномъ человѣческимъ». Слово это приводимъ и мы въ доказательство общей

сущности; потому что имя Сына указывает на одинаковую общность естества съ тѣмъ и другимъ: какъ Сыномъ человѣческимъ называется по сродству плоти Его съ тою, отъ которой рожденъ; такъ, конечно, и Сыномъ Божіимъ умопредставляется по связи сущности Его съ тою, отъ которой Онъ происходитъ. И это слово есть величайшее оружіе истины. Ибо *Ходатая Бога и человекѡвъ*, какъ наименовалъ великій апостолъ (1 Тим. 2, 5.), ничто столько не указываетъ, какъ имя Сына, равно прилагаемое къ тому и другому естеству, и къ Божескому и къ человѣческому. Ибо одинъ и тотъ же и есть Сынъ Божій, и по домостроительству содѣлался Сыномъ человѣческимъ, чтобы общеніемъ съ тѣмъ и другимъ связать Собою, чтб разстоитъ по естеству. Посему если бы, содѣлавшись Сыномъ человѣческимъ, былъ Онъ непричастенъ человѣческаго естества: то справедливо было бы сказать, что Онъ, будучи Сыномъ Божіимъ, не имѣетъ общенія съ Божіею сущностію. Если же было въ Немъ все сраствореніе человѣчества (потому что искушенъ былъ *по всяческима по подобію, развѣ рѣха* (Евр. 4, 15.)); то по всей необходимости должно вѣровать, что въ Сынѣ (такъ какъ слово Его одинаково приписуетъ Ему то и другое: въ *человѣкѣ* — *человѣческое*, и въ *Богѣ*—*Божеское*) есть всякое отличительное свойство превысшей сущности.

Итакъ , если наименованія, какъ говорить Евномій, показываютъ свойствó, свойствó же усматривается въ предметахъ, а не въ простыхъ звукахъ именъ (подъ именемъ же предметовъ, которые умопредставляются сами по себѣ, если не дерзко такъ выразиться, разумью Сына и Отца): то станетъ ли кто оспаривать, что самъ защитникъ хулы едва не увлеченъ, не примѣчая того, въ защитники благочестиваго ученія, самъ собою опровергая собственныя свои слова, и проповѣдуя въ божественныхъ догматахъ общность сущности? Ибо не жетъ въ этомъ, неволью въ пользу истины брошенное Евноміемъ слово, что не назывался бы и Сыномъ, если бы не оправдывало названія естественное значеніе именъ. Ибо скамья не называется сыномъ художника, и никто изъ здравомыслящихъ не скажетъ, что зодчій родилъ домъ; и виноградъ не называемъ рожденіемъ виноградаря; напротивъ того, какъ сдѣланное человѣкомъ зовемъ дѣломъ его, такъ сыномъ чловѣка называемъ рожденнаго имъ, чтобы, какъ думаю, именами означалось въ подлежащихъ свойственное имъ. Такъ и Единороднаго Божія наученные именовать Сыномъ, въ слѣдствіе сего наименованія стали умопредставлять не твореніемъ Божиимъ, но тѣмъ, что дѣйствительно указываетъ въ означаемомъ слово: Сынъ. Если же въ Писаніи и вино именуется порожденіемъ винограда; то

отъ этой подобоименности не потерпитъ вреда ученіе о догматахъ благочестія. Ибо не называемъ вина порожденіемъ дуба, или желудя порожденіемъ виноградной лозы ; напротивъ того такое названіе имѣеть мѣсто, ежели у порожденія съ тѣмъ, изъ чего оно, есть что либо общее по естеству. Ибо влага въ виноградной лозѣ, основаніемъ корня извлекаемая въ сердцевину растенія, по силѣ своей есть вода; но въ нѣкоторомъ порядкѣ проходя естественными путями, и съ нижнихъ путей переливаясь въ верхнія части, качество влаги прелагаетъ въ вино при нѣкоемъ содѣйствіи солнечнаго луча, который, теплотою извлекая влагу изъ глубины въ растеніе, свойственнымъ и приличнымъ перевариваніемъ жидкости дѣлаетъ изъ нея вино, такъ что заключающаяся въ виноградной лозѣ влага естественно не имѣеть никакой инаковости съ виномъ, ею порожденнымъ; потому что изъ одной влаги происходитъ другая влага, и никто не скажетъ, что иная какая либо причина винной жидкости, а не влажность, естественно находящаяся въ вѣтвяхъ; разности же качествъ происходятъ не отъ видоизмѣненій влаги, но, поелику нѣкое особое свойство винную влагу отличаетъ отъ сгущенной въ вѣтвяхъ, или сладостію или водянистостію сопровождаая ту или другую влажность, такъ что въ подлежащемъ влаги суть одно и то же, различаются же разностями

качествъ. Слѣдовательно, какъ слыша, что въ Писаніи Единородный Богъ называется Сыномъ человѣческимъ, по отношенію имени дознали мы близкое средство съ истиннымъ человѣкомъ; такъ, если Сынъ, по ученію противника, названъ будетъ рожденіемъ, тѣмъ не менѣе и изъ сего дознаемъ средство Его въ сущности съ Родшимъ: потому что вино, называемое порожденіемъ виноградной лозы, относительно къ влагѣ найдено не чуждымъ естественной силѣ, заключающейся въ виноградной лозѣ. Но утверждаемое противниками, если кто здраво изслѣдуетъ это, клонится къ нашему ученію; смыслъ словъ ихъ противорѣчитъ собственнымъ ихъ доказательствамъ, какъ ни стараются они повсюду утверждать разность по сущности. И вовсе не легко отгадать, чѣмъ приведены они къ подобнымъ понятіямъ. Ибо если наименованіе: Сынъ означаетъ не просто бытіе отъ кого нибудь, но означаемымъ указываетъ собственно на естественную близость, какъ говоритъ самъ Евномій; и вино не называется порожденіемъ дуба, и *порожденія ехиднова*, какъ говоритъ евангеліе, суть *змія* (Матѣ. 23. 33.), а не овцы: то явно, что и въ разсужденіи Единороднаго, наименованія: Сынъ и рожденіе имѣютъ свойство не съ ипороднымъ. Но если, по словамъ противниковъ, называется и рожденіемъ, и названіе Сыномъ, какъ и они признаютъ, со-

гласно съ естествомъ: то, конечно, Сынъ изъ сущности Родшаго, а не изъ чего либо инаго, представляющагося внѣ естества. Если же дѣйствительно изъ сущности: то, конечно, не чуждъ Того, изъ чего Онъ, какъ доказано и другими примѣрами, а именно, что всякое существо, отъ чего бы рождено ни было, непременно однородно съ тѣмъ, отъ чего получило бытіе.

5. Если же кто потребуеть какого либо истолкованія, описанія и изложенія Божіей сущности: то не отречемъ, что несвѣдуци въ такой премудрости, исповѣдуя только то, что безпредѣльное по естеству не можетъ быть объято какимъ либо примышленіемъ реченій. А что Божіе величіе не пмѣеть предѣла, о семъ ясно гласить пророческое слово, проповѣдуя, что *великолпнїю, славь, святїиъ Елю илсть конца* (Пса. 144, 3. 5.). Если же свойства Его безконечны; то гораздо паче Самъ Онъ по сущности во всемъ, что Онъ есть, не объемлетъ ни какимъ предѣломъ и ни въ какой части. Посему если истолкованіе посредствомъ именъ и реченій значеніемъ своимъ объемлетъ сколько либудь подлежащее; безпредѣльное же объято быть не можетъ: то несправедливо сталъ бы кто обвинять насъ въ невѣжествѣ, когда не отваживаемся, на что и отваживаться не должно. Ибо какимъ именемъ объять мнѣ необъятное? Какимъ рече-

нiемъ высказать неизглаголанное? И такъ поелику Божество превосходитъ и выше всякаго означенiя именами: то научились мы молчанiемъ чувствовать превъннающее и слово и разумнiе. И если на сiю осторожность въ словѣ и нападаетъ мудрствующiй паче, нежели должно мудрствовать, и обращая въ смѣхъ наше невѣднiе непостижимаго, въ неизобразимомъ, неограниченномъ, неопредѣлимомъ по величинѣ и количеству, разумiю Отца и Сына и Святаго Духа, познаетъ разность въ несходствѣ, и представляетъ въ обличенiе нашего невѣжества это, всегда указуемое учениками прелести, изреченiе: *вы кланяетесь Божю не вѣсте* (Юан. 4, 22.), если не знаете сущности Покланяемаго: то, по совѣту пророка, не убоимся *укоренiя* безразсудныхъ, по причинѣ *похуленiя* ихъ (Иса. 51, 7.) не отважимся на неизглаголанное, учителемъ превъншающихъ вѣднiе таинъ дѣлая простца въ словѣ Павла, который столько далеку отъ мысли естество Божiе признать доступнымъ человѣческому постиженiю, что *и судоу* Божiи называетъ *неиспытанными* и *путiе неизслѣдованными* (Римл. 11, 33.), и утверждаетъ, что обѣщанное Богомъ любящимъ Его за преслѣбнiя въ настоящей жизни выше постиженiя, почему не возможно сего ни окомъ объять, ни слухомъ прiять, ни въ сердцѣ вмѣстити (1 Кор. 2, 9.). Посему, дознавъ отъ Павла, смѣло утвержда-

емъ, что не только суды Божіи выше силы покушающихся изслѣдовать ихъ, но и пути вѣдѣнія донинѣ остаются непроложенными и непроходимыми. Ибо сіе, какъ думаемъ, намѣреваясь означить, апостолъ сказалъ, что *неизслѣдовани путіе*, ведущіе къ Непостижимому, показывая симъ выраженіемъ, что оное вѣдѣніе недоступно человѣческимъ помысламъ, и никто еще не направлялъ своего разумѣнія къ такому разумному шествію, и не показывалъ какого либо слѣда и признака, что постиженіемъ своимъ приступилъ онъ къ непостижимому.

Итакъ, дознавъ отъ великой апостольской души, заключаемъ изъ сказаннаго, что, если суды не могутъ быть испытываемы, и пути не изслѣдываются, и обѣтованіе благъ превосходитъ всякое гадательное представленіе: то въ какой паче сего мѣрѣ по неизглаголанности и недоступности само Божество превосходнѣе и выше всего умопредставляемаго окрестъ Его, о чемъ никакого нѣтъ вѣдѣнія, какъ утверждаетъ наученный Богомъ Павелъ?—И поэтому твердо содержимъ въ себѣ самихъ осмѣиваемое ученіе, исповѣдуя, что по вѣдѣнію мы ниже превышающаго вѣдѣніе, и говоримъ, что дѣйствительно кланяемся, *Ею же вѣны*. Вѣдаемъ же высоту славы Покланяемаго, изъ того самаго, что не можемъ обнять помыслами, заключая о несравнимомъ величій; и сказанное

Господомъ самарянкѣ, врагами же прилагаемое къ намъ, да будетъ скорѣе въ собственномъ смыслѣ сказано имъ. Ибо сіе: *вы кланяетесь, Еюже не вѣсте*, Господь говоритъ самарянкѣ. въ мнѣніяхъ о Богѣ предзанятой плотскими понятіями; и чувствительно касается ея рѣчь, потому что самаряне, думая поклоняться Богу, и потомъ полагая, что Божество тѣлесно пребываетъ на мѣстѣ, чтутъ Бога только на словахъ, поклоняясь чему-то иному, а не Богу. Ибо Божество не есть что либо умопредставляемое въ очертаніи. Напротивъ того Божееству свойственно—быть вездѣ, все проникать и ничѣмъ не ограничиваться. Посему въ обвиненіе христорбцовъ обращается слово, приводимое ими противъ насъ. Ибо какъ самаряне, думая, что Божество объемлетъ мѣстнымъ вѣкинмъ очертаніемъ, укорены были тѣмъ, что слышали: *вы кланяетесь, Еюже не вѣсте*; и служеніе, вами совершаемое предъ Богомъ, дѣлается бесполезнымъ, потому что Богъ, почитаемый пребывающимъ на какомъ либо мѣстѣ, не есть Богъ: такъ въ собственномъ смыслѣ можно сказать и новымъ самарянамъ: именемъ нерожденности предполагая объять Божественную сущность какъ бы мѣстомъ какимъ, *вы кланяетесь, Еюже не вѣсте*, совершая служеніе какъ Богу, но не зная, что безпредѣльность Божія не подходитъ ни подъ какое значеніе и ни подъ какій объемъ именованій.

Но рѣчь наша, слѣдуя всегда за представляющимся по связи, далеко уклонилась отъ предполагаемаго. Посему опять возвратимся къ порядку; потому что представленное Евноміемъ изреченіе достаточно, думаю, объяснено въ сказанномъ, какъ противорѣчащее не только истинѣ, но и самому себѣ. Ибо если по словамъ еретиковъ наименованіемъ: Сынъ устанавливается естественное отношеніе Сына къ Отцу, рожденія къ родшему, такъ какъ, по какой-то грамматической вольности въ словѣ, мудрость ихъ выраженія, означающія естество Божіе, легко преобразуетъ въ видъ именъ: то никто уже не усумнится, что взаимное отношеніе именъ, естественно составившееся, дѣлается доказательствомъ ихъ близости, лучше же сказать, тожества по сущности. Но слово наше да не извращаетъ реченія противоположнаго, чтобы не показалось, будто бы ученіе благочестія почерпаетъ силу въ одномъ безсиліи противоположающихся, а не въ себѣ самомъ наипаче имѣть силу. Поэтому, сколько можно, усильнѣйшею защитою пусть будетъ съ нашей стороны подкрѣплено нами противопоставленное намъ слово, чтобы превосходство силы могло быть дознано изъ великой увѣренности, когда и опущенное противниками употребимъ въ дѣло при точномъ испытаніи истинны. Ибо утвердившійся въ противномъ мнѣніи, можетъ быть, скажетъ, что на-

званія: Сынъ и рожденіе, конечно, не доказываютъ непременно естественнаго сродства. И въ Писаніи называется иный *чадомъ тивса* (Еф. 2, 31.), *сыномъ погибели* (2 Сол. 2, 3.), рожденіемъ ехидны (Матѳ. 3, 7.), и въ такихъ наименованіяхъ не видно еще какой либо общности естества. Ибо не одно и тоже въ подлежащемъ Іуда, названный сыномъ погибели, и самая, по умопредставленію, погибель; иное означается словомъ: Іуда, и иное словомъ: погибель. Подобно сему такое же доказательство найдетъ себѣ рѣчь и отъ противнаго. Ибо называемые сынами какаго-то свѣта и сынами дня въ отношеніи къ естеству не одно и тоже съ свѣтомъ и съ днемъ; и камни содѣлываются чадами Авраама (Лук. 3, 8.), когда вѣрою и дѣлами усвоятъ себѣ сродство съ нимъ; и *Духомъ Божиимъ водимые*, какъ говоритъ апостолъ, называются *сынове Божіи* (Римл. 8, 14.), не будучи однимъ и тѣмъ же съ Богомъ по естеству. И много подобнаго собрать можно въ богодухновенномъ Писаніи, чѣмъ прикрывшись, обольщеніе, подобно какой-то картинѣ, испещренными свидѣтельствами Писанія, ложно представляетъ изъ себя образъ истины.

6. Итакъ что же скажемъ на это мы? Божественное Писаніе умѣетъ въ обоихъ значеніяхъ употреблять реченіе: сынъ, такъ что у иныхъ наименованіе сіе отъ естества, а иными

оно приобрѣтено и усвоено. Когда Писаніе говоритъ о сынахъ человѣческихъ и сынахъ овнихъ, означаетъ отношеніе по сущности рожденнаго къ тому, къ кому онъ рожденъ. Когда же называется сынами силы или члдами Божіими, представляетъ близкое сродство состоявшееся по произволенію. И даже въ противоположномъ смыслѣ одни и тѣже наименованы и *сынове Иліи* и *сынове пошибельніи* (1 Цар. 2, 12.), такъ какъ названіе сыновей весьма сообразно было съ каждымъ изъ сихъ понятій. Названіе: *сынове Иліи* свидѣтельствовало объ естественномъ ихъ родствѣ съ Иліемъ; а наименованіемъ: *сынове пошибельніи* обвиняемы они были въ дурномъ произволеніи, въ томъ, что не отцу соревновали въ жизни, но произволеніе свое сроднили съ порокомъ. Посему въ отношеніи къ дольному естеству и къ дѣламъ нашимъ, по одинаковой склонности челоѣчества къ тому и другому, разумью къ пороку и къ добродѣтели, отъ насъ зависитъ сдѣлаться сынами или ночи, или дня, между тѣмъ какъ природа наша относительно къ главному въ ней остается въ собственныхъ своихъ предѣлахъ. И сдѣлавшійся чадомъ гнѣва за свою порочность не сталъ чуждымъ челоѣческаго рожденія, и по произволенію сроднившій себя съ добромъ благопристойностію своихъ поступковъ не отвергъ того, что происходитъ отъ людей. Напротивъ того природа

остаётся тою же въ томъ и другомъ, но разности въ произволеніяхъ приѣмлютъ на себя свойственныя тому именованія; одни за добродѣтель дѣлаются чадами Божиими, другіе за порочность — чадами противника.

Въ разсужденіи же божественныхъ догматовъ сохраняющій естественный порядокъ, Евномій (употребляю собственныя реченія сочинителя, оставаясь на читанномъ выше, и Рожденнаго не переставая называть рожденіемъ, потому что, по словамъ Евномія, рождена самая сущность, и именованіе: сынъ, усвояетъ себѣ такое отношеніе именъ, почему дѣлаетъ Рожденнаго чуждымъ средства съ Родшимъ по сущности? Ибо объ именуемыхъ сынами или порожденіями въ обвиненіе, или еще о тѣхъ, кому таковыми наименованіями сопровождается какая либо похвала, нельзя сказать, что такой-то называется чадомъ гнѣва, потому что дѣйствительно рожденъ гнѣвомъ; или также, что своею матерью по тѣлу имѣлъ свѣтлость дня и потому наименованъ ея сыномъ; напротивъ того разность произволеній производитъ имена такового родства. Здѣсь же Евномій говоритъ: рожденнаго, дѣйствительнаго сына не отказываемся наименовать рожденіемъ: потому что, по словамъ его, «рождена сущность, и названіе: сынъ, усвояетъ себѣ такое отношеніе именъ». Итакъ, если признаетъ, что Сынъ, какъ дѣйствительное рожденіе, усвояетъ себѣ такое

отношеніе именъ: то имѣеть ли какой поводъ подобную причину наименованій прилагать къ называемымъ въ смыслѣ переносномъ, по несобственному словупотребленію, и тамъ, гдѣ, какъ говоритъ Евномій, естественное отношеніе присволяетъ себѣ такое названіе? Итакъ дѣйствительно возможно этому подобное въ разсужденіи тѣхъ однихъ, у кого естество сопредѣльно и добродѣтели и пороку, отъ чего иный не рѣдко принимаетъ на себя противоположныя именования, дѣлаясь чадомъ то свѣта, то опять тмы, по сродненію своему съ хорошимъ, или съ противоположнымъ тому. А гдѣ не имѣеть мѣста противоположное, тамъ никто не скажетъ, что реченіе: сынъ употребляется въ переносномъ смыслѣ, какъ и о томъ, чему названіе это усвоится по произволению. Ибо не дойдетъ до того, чтобы сказать: какъ чловѣкъ, отложившій дѣла темныя, въ слѣдствіе благообразной жизни дѣлается чадомъ свѣта: такъ и едиnorodный Богъ за перемѣну изъ худшаго воспріемлетъ предпочтительнѣйшее. Ибо кто, будучи чловѣкомъ, дѣлается сыномъ Божиимъ, тотъ посредствомъ духовнаго рожденія вступаетъ въ единеніе со Христомъ; а кто самъ собою дѣлаетъ чловѣка сыномъ Божиимъ, тотъ самъ не имѣеть нужды въ иномъ сынѣ, дарующемъ Ему сыноположеніе; но что Онъ есть по естеству, тѣмъ и именуется. Чловѣкъ самъ себя измѣняетъ, изъ ветхаго

превращаясь въ новаго; Богу же во что превратиться, чтобы приобрѣсть, чего не имѣеть? Человѣкъ, совлекаясь себя самаго, облачается въ естество божественное; а Кто всегда одинаковъ, Тому что отложить, или что воспріять? Человѣкъ дѣлается сыномъ Божиимъ, воспріавъ, чего не имѣеть, и отложивъ, что имѣеть; но Кто никогда не имѣлъ порока, Тому нечего ни воспріять, ни оставить. Еще человѣкъ можетъ быть названъ чѣмъ либо сыномъ, иногда дѣйствительнымъ, когда называетъ его кто, смотря на естество, иногда по неточному словоупотребленію, когда произволеніе жизни налагаетъ на него имя. Но Богъ, какъ единое благо, въ простомъ и несложномъ ествѣ, имѣеть всегда одну и ту же цѣль и никогда не измѣняется въ стремленіяхъ своего произволенія; но всегда хочетъ тѣмъ быть, что Онъ есть, и всегда есть то самое, чѣмъ хочетъ быть. Въ слѣдствіе сего въ собственномъ смыслѣ и дѣйствительно именуется Сыномъ Божиимъ по тому и по другому, и по тому, что естество въ Себѣ самомъ имѣеть благо, и по тому, что произволеніе не отступаетъ отъ лучшаго: а посему и названіе сіе придается ему не по неточному словоупотребленію. Слѣдовательно и возраженіе, какое сдѣлали мы сами себѣ отъ лица противниковъ о сродствѣ по естеству, и ими будто бы произносимое на основаніи Писанія, никакого не имѣеть мѣста.

Но не знаю, почему, или за что, ненавидал истину, и отвращаясь отъ нея, хотя именуя Единороднаго Сыномъ, однакоже, какъ будто симъ реченіемъ не можетъ быть засвидѣтельствовано, что имѣеть съ Отцемъ общее по сущности, и лишая слово значенія, заключающагося въ имени, оставляютъ Единородному пустое и ничего незначащее именованіе Сына, уступая Ему одинъ звукъ реченія. И что говорю это справедливо, и не ошибаюсь въ намѣреніи противниковъ, сіе ясно можно дознать изъ того самаго, что противопоставляютъ истинѣ. Ибо вотъ что представляютъ они въ сложеніе хулы: узнали мы изъ божественнаго Писанія много именъ Единороднаго, каковы: камень (*λίθος*, 1 Пет. 2, 7.), сѣкира (Матѹ. 3, 10.), камень (*πέτρα* 1 Кор. 10, 4.), основаніе (1 Кор. 3, 10.), хлѣбъ (1 Кор. 10, 17.), виноградная лоза (Іоан. 15, 1.), дверь (Іоан. 10, 9.), путь (Матѹ. 7, 14.), пастырь (Іоан. 10, 11.), источникъ (Іоан. 4, 14.), древо, воскресеніе (Іоан. 11, 25.), учитель (Матѹ. 23, 8.), свѣтъ (Іоан. 1, 4.), и многія иныя имъ подобныя; но ни одного изъ сихъ именъ, взятаго въ его значеніи, представляющемся съ перваго взгляда, не будетъ благочестиво употреблять, разумѣя о Господѣ; ибо весьма нелѣпо было бы думать, что безплотное, невещественное, простое, не имѣющее вида можетъ быть изображено какими либо видимо представляемыми значеніями

именъ, такъ что, услышавъ о сѣкирѣ, не желѣзо опредѣленнаго вида представляемъ, или не разлитый въ воздухѣ свѣтъ, или не виноградную лозу среди вѣтвей растенія, или иное что, какъ предлагаетъ представлять себѣ обычай, напротивъ же того значенія этихъ именъ перенося на боголѣпнѣйшее, хотя такъ именуемъ, но представляемъ себѣ нѣчто иное, не потому, что дѣйствительно таково что либо изъ этого относительно къ естеству, но потому что, хотя и называется это, однакоже разумѣемое есть нѣчто иное съ называемымъ. Если же таковы имена, и они дѣйствительно придаются едиnorodному Богу, и не заключаютъ въ себѣ указанія на естество: то слѣдуетъ, говорятъ еретики, и значеніе именования: сынъ, не принимать, согласно съ преобладающимъ обычаемъ, въ показаніе естества, но искать въ этомъ словѣ какого либо другаго значенія, кромѣ общаго и представляющагося съ перваго взгляда. Такъ и подобно сему любомудрствуютъ они для доказательства, что Сынъ не то, что Онъ есть и чѣмъ именуется. Но къ иному близка была наша рѣчь, и именно готова была доказать, что новое сочиненіе Евномія живо и несостоятельно, несогласно ни съ истиною, ни само съ собою. Но поелику тѣмъ самымъ, чѣмъ обвиняемъ ихъ ученіе, внесена въ рѣчь какъ бы нѣкая защита хулы: то хорошо будетъ сначала кратко разсудить объ этомъ, а потомъ уже возвратиться къ порядку написаннаго.

7. Посему, что же сказавъ на подобное сему, можно не погрѣшить противъ надлежащаго? То, что именъ, которыя Писаніе придаетъ Единородному, какъ и они говорятъ, много; но ни одно изъ прочихъ именъ, какъ утверждаемъ, не сродно такъ по отношенію къ Родшему. Ибо не въ томъ отношеніи къ Богу всяческихъ называемъ какъ Сыномъ Отца, такъ ни камнемъ, ни воскресеніемъ, ни пастыремъ, ни свѣтомъ, ни чѣмъ либо инымъ. Напротивъ того какъ бы съ нѣкимъ искусствомъ и правиломъ Божескія имена по ихъ значенію дѣлать должно на двѣ части. Ибо одни содержатъ въ себѣ указаніе высокой и неизреченной славы, а другія указуютъ на многообразность промыслительнаго домостроительства, такъ что предположительно, если бы не было пользующихся благодѣянiями, то не приличны были бы въ этомъ случаѣ и сіи реченія, указующія на благодѣянiе. Тѣже реченія, которыя выражаютъ боголѣпное, и безъ отношенія къ состоящимъ подъ домостроительствомъ съ полнымъ приличіемъ, и въ собственномъ смыслѣ, прилагаются Единородному Богу. Но чтобы въ большей ясности раскрылось намъ такое ученіе, бросимъ взглядъ на самыя имена. Господь наименованъ виноградною лозою не ради чего иного, какъ ради возвращенія въ Немъ укорененныхъ; не именовался бы пастыремъ, если бы не гибли овцы дома

Израилева; и врачомъ названъ не ради чего, какъ ради болящихъ; не принялъ бы на Себя и прочихъ именъ, если бы по нѣкоей промыслительной дѣятельности не присвоилъ Себѣ сихъ реченій къ пользѣ благодѣтельствуемыхъ. Ибо должно ли, говоря о каждомъ реченіи отдѣльно, дить рѣчь о томъ, что признается всѣми? Сыномъ же, десницею, Единороднымъ, Словомъ, Премудростию, силою, и всякимъ подобнымъ реченіемъ, какимъ нарицаемъ, имѣя что либо въ виду, нарицается какъ бы въ нѣкоемъ относительномъ сопряженіи съ Отцемъ всѣхъ, съ Нимъ вмѣстѣ именуемый. Ибо именуется силою Божіею, десницею Божіею, Премудростию Божіею, Сыномъ Отчимъ, Единороднымъ, Словомъ у Бога, и подобными сему именами. Поэтому слѣдуетъ видѣть соответственное и приличное подлежащему значеніе каждаго изъ сказанныхъ именъ, чтобы уклоненіемъ отъ праваго разумѣнія не погрѣшить намъ въ ученіи благочестія. Посему, какъ въ другихъ именахъ, перелагая каждое изъ нихъ въ что либо боголѣпное, отмещемъ первоначальное о нихъ понятіе, такъ что и свѣтъ разумѣемъ не какой либо вещественный, и путь не ногами протоптанный, и хлѣбъ не изъ земли произращенный, и Слово, не изъ реченій составленное, напротивъ того вмѣсто сего разумѣемъ все то, что представляетъ величіе силы Слова Божія: такъ, если кто отри-

нетъ обычное и естественное значеніе слова Сынъ, изъ котораго дознаемъ, что Именуемый изъ сущности Родшаго, то, конечно, предложитъ имя сіе въ какое либо боголѣпнѣе толкуемое. Ибо какъ дѣлаемое предложеніе всякаго пнаго имени въ другое славнѣйшее служило къ показанію Божеской силы: такъ, конечно, слѣдуетъ и означасмому смъ именемъ предлагаться въ болѣе возвышенное. Посему какой же долженъ боголѣпнѣйшій смыслъ заключаться въ наименованіи Сыномъ, если, по ученію противниковъ, отринуто будетъ естественное отношеніе къ Родшему? Ибо, можетъ быть, никто не будетъ столько дерзокъ на нечестіе, чтобы въ понятіяхъ о Божіемъ естествѣ низкое и по землѣ пресмыкающееся почестъ болѣе приличнымъ, нежели возвышенное и великое. Посему, если находятъ какой либо болѣе величественный смыслъ сего имени, такъ что кажется имъ недостойнымъ Единороднаго представлять себѣ о Немъ, что Онъ отъ Отчаго естества: то пусть скажутъ, знаютъ ли они, по невыразимой своей мудрости, что либо высшее Отчаго естества, чтобы до сего превознести Единороднаго Бога, поставитъ Его выше отношенія къ Отцу. Если же величіе Божія естества превышаетъ всякую высоту, и превосходитъ всякую удивительную силу: то остается ли еще какое понятіе, которымъ бы истолкованіе названія: Сынъ возводилось къ

высшему еще смыслу? И такъ, поелику признаетъ Евпомій, что всякое выраженіе, означающее Еднороднаго, хотя именованіе сіе берется изъ дольнаго обычая, въ понятіяхъ преложенное въ высшее значеніе, говорится въ собственномъ смыслѣ; доказывается же, что невозможно найти какаго либо понятія, которое было бы возвышеннѣе именованія Сынъ, представляющаго естественную связь съ Родшимъ: то нѣтъ, думаю, надобности замедлять долѣе на этомъ мѣстѣ, достаточно доказавъ сказаннымъ, что не надлежитъ толковать по подобію прочихъ именъ и наименованіе Сынъ.

Но взгляды свой снова должно обратить намъ на книгу. Не одно и то же, не отказываться Рожденнаго называть рожденіемъ (ибо употреблять буду собственныя ихъ реченія), потому что сама рожденная сущность и наименованіе Сыномъ присвояютъ себѣ таковое отношеніе именъ; и еще естественныя именованія прелагать въ переносныя замѣненія, такъ что выходитъ одно изъ двухъ, или первый рядъ доказательствъ у нихъ распадается, и напрасно прибѣгаютъ къ естественному чину въ подтвержденіе того, что Рожденнаго должно называть рожденіемъ, или если утверждается это по надлежащему, разрушится другое основаніе доказаннаго прежде. Ибо именуемому у нихъ рожденіемъ, по тому что рождень, не естественно по сему самому называться про-

изведеніемъ и тварію. Весьма большая разность въ означасомъ каждымъ изъ сихъ именъ, и съ разсудительностію пользующемуся реченіями надлежитъ употреблять слова, имѣя въ виду подлежащее, чтобы не произошло у насъ слитности понятій, когда одни реченія измѣнять станемъ въ другія, несвойственныя ихъ значенію. Посему дѣломъ художника именуемъ произведенное искусствомъ, а сыномъ чело-вѣка называемъ рожденнаго чело-вѣкомъ. Но никто изъ здравомыслящихъ не назоветъ дѣла сыномъ, ни сына дѣломъ: ибо сливающему и смѣшивающему истинное значеніе въ погрѣшительномъ употребленіи именъ свойственно это. По сему одно изъ сихъ двухъ понятій по необходимости справедливо въ разсужденіи Единороднаго. Если Онъ Сынъ, то не можетъ называться тварію; а если одинъ изъ тварей, то чуждо Ему названіе Сына; какъ и небо, и земля, и море, и каждая по порядку тварь не пріемлетъ на себя имени: сынъ. А поелику Евномій свидѣтельствуеть, что Единородный Богъ рожденъ, свидѣтельство же враговъ сильнѣе другихъ въ утвержденіи истины; то сказавъ, что Онъ рожденъ, симъ самымъ засвидѣтельствовалъ, что не сотворенъ. Но о семъ довольно. Поелику много притекаетъ у насъ рѣчей, то чтобы множество ихъ не дошло до безмѣрности, удовольствуемся сказаннымъ о предложенномъ.

ОПРОВЕРЖЕНІЕ ЕВНОМІА.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ.

СОДЕРЖАНІЕ ЧЕТВЕРТОЙ КНИГИ.

1. Четвертая книга содержит въ себѣ изслѣдованіе о происхожденіи слова: порожденіе, и о безстрастномъ рожденіи Единороднаго; ясно истолковываетъ сказанное: *въ началѣ бы Слово* (Юан. 1, 1.), и еще рожденіе отъ Дѣвы.

2. Послѣ сего, обличивъ Евноміа, что имъ объ Единородномъ сказано приличное земному существу, показываетъ намѣреніе его доказать, что Единородный измѣняемъ и сотворенъ.

3. Потомъ чудесно излагаетъ еще понятіе о Первородномъ, четырекратно упомянутое апостоломъ.

4. Послѣ этого излагаетъ опять безстрастіе Господня рожденія и неразуміе Евноміа, какъ онъ сказать, что рожденной сущности при-

надлежить названіе: Сынъ, и оная забываетъ сіе, и отрицаетъ отношеніе Сына къ Отцу; между этимъ идетъ рѣчь о Цирцетѣ и о врачевствѣ: Мандрагоры.

5. Еще доказываетъ, что Евномій, вынужденный истинною, дѣлается защитникомъ праваго догмата исповѣдующимъ въ самомъ собственномъ смыслѣ такъ именуемую и первую сущность не только Отца, но и Единороднаго.

6. Потомъ входитъ въ разсужденіе о рожденномъ, о произведеніи, и о твари, и показываетъ у Евномія и Θεогноста печестиво сказанное о непосредственности и недѣлимости сущности и объ отношеніи къ Сотворшему и произведшему.

7. При семъ показываетъ, что приведенное въ бытіе послѣ Сына съ Нимъ несравнимо, явственно и искусно обличаетъ скрытное идолопоклонство, злонамѣренно придуманное Евноміемъ къ обольщенію слушающихъ именованіемъ Единороднаго Сына.

8. А послѣ сего доказываетъ, что сущность Отца и Сына не измѣняема; при чемъ объясняетъ многіе виды различія и согласія, а также образъ, и печать, и отличительное свойство.

9. Послѣ этого, объяснивъ реченія: сущность и рожденіе. Евномія суесловіе и пустословіе называетъ положимъ на гремушку. За симъ сказанное великимъ Василиемъ о рожден-

ніи Единороднаго, и подвергнутое худому отзыву Евноміемъ, представивъ въ ясномъ видѣ, заключаетъ тѣмъ слово.

1. Полезно будетъ изслѣдовать происхожденіе слова: порожденіе, съ такимъ любомудріемъ тщательно изложенное въ сочиненіи Евномія. Итакъ, говоритъ Евномій (передаю буквально изукрашенное имъ слово противъ истины): «кто столько нерадивъ и такъ мало вникалъ въ естество существъ, что о тѣлахъ, которыя изслѣдуются на землѣ, когда рождаются и рождаются, дѣйствуютъ и страдаютъ, не знаетъ, что раждающія передаютъ собственную сущность, а раждаемыя воспріемлютъ обыкновенно сію сущность: посему, такъ какъ вещественная причина общая, и отвиѣ притекаетъ содѣйствіе, и раждаемое рождается по страсти, и рождающее по естеству не имѣетъ чистой дѣятельности, потому что естество сопряжено со страстями всякаго рода». Смотрите, какъ благоприлично представляетъ въ своемъ взглядѣ предвѣчное рожденіе сушаго въ началѣ Бога Слова, со тщательностію обозрѣвающій естество существъ, тѣла на землѣ и вещественную причину, и страсть раждающихъ и раждаемыхъ, и все подобное тому, чего нинѣ изъ имѣющихъ умъ постыдился бы, если бы говорилось сіе и о насъ, въ словѣ выставлялось на позоръ

наше страстное естество. Но блистательно подобное разсужденіе писателя объ естествѣ едиnorodнаго Бога! А мы, отложивъ въ сторону негодование (ибо степеніе поможетъ ли намъ сколько нибудь къ изложенію злобы враговъ?), сколько будемъ въ силахъ, раскроемъ смыслъ сказаннаго.

На какое рожденіе предлежитъ взглядъ, на рожденіе ли, происходящее по плоти, или на рожденіе едиnorodнаго Бога? Послику взглядъ двоякій и на жизнь Божественную, простую и невещественную, и на существо вещественное и страстное, и въ обоихъ случаяхъ рѣчь идетъ равно о рожденіи; то необходимо сдѣлать ясное и неслитное опредѣленіе означаемаго, чтобы подобоименность слова: рожденіе не превратила истины въ ложь. Посему такъ какъ плотское вступленіе въ бытіе есть какое-то вещественное, и сопровождается страстями; а безплотное, не осязаемое, не имѣющее вида, свободное отъ вещественнаго смѣшенія, чуждо всякаго страстнаго расположенія: то надлежитъ разсмотрѣть, о какомъ рожденіи былъ вопросъ, о чистомъ ли и Божественномъ, или о страдномъ и нечистомъ. Но никто не станетъ спорить, что обзорѣнію слова предлежало предвѣчное осуществленіе едиnorodнаго Бога. Посему для чего же Евномій останавливается на семъ тѣлесномъ естествословіи, украшая слово мерзостями, оскверняя естество, и описывая

страсти, дѣйствующія при человѣческомъ рожденіи, а между тѣмъ оставляя подлежащій ему предметъ? Нужно намъ было изучить не это скотское, при посредствѣ плоти совершаемое, рожденіе. И кто столько простъ, что, смотря на самаго себя, и разумѣя въ себѣ человѣческое, станетъ искать инаго объясненія своему естеству, и возымѣетъ нужду дознать всѣ тѣ необходимыя страданія, какія усматриваются при рожденіи тѣла; потому что, хотя раждаетъ кто иначе, однакоже и иначе раждаемое бываетъ въ страданіи, такъ что изъ сего ученія человѣкъ дознаетъ, что и самъ раждаетъ съ страданіемъ, и страданіе началось у него съ рожденія? Ибо умолчано ли это, или сказано, слѣдствіе одно и то же: напишетъ ли кто, разглашая сокровеннос, или прикроетъ молчаніемъ, о чемъ не должно говорить, не остаемся въ невѣдѣніи, что естество наше происходитъ путемъ страданій. Но мы домогаемся, чтобы объяснило намъ слово то возвышенное и неизреченное осуществленіе Единороднаго, какимъ, какъ вѣруемъ, Онъ отъ Отца.

Итакъ изслѣдованію подлежитъ это, и новый богословъ предлагаетъ въ словѣ и теченіе, и страданіе, и вещественную причину, и какое-то дѣйствованіе, не очищенное отъ скверны, и содѣйствіе, притекающее отвнѣ, и все тому подобное. Не знаю, въ какомъ состояніи по

преизбытку мудрости утверждающій о себѣ, что внѣ его вѣдѣнія не остается ничего не постижимаго, и общающій объяснить неизреченное рожденіе Сына, отступивъ отъ предложеннаго, подобно угрю, погружается въ грязную тину помысловъ, по примѣру онаго ночью приходившаго Никодима, который, когда Господь училъ о рожденіи свыше, увлекался помыслами въ нѣдра матерняго чрева, и недоумѣвалъ, какъ можно въ другой разъ быть опять внутри ложеснъ, говоря: какъ можетъ быть сіе? Думая, что старцу невозможно быть снова зачатымъ въ матерней утробѣ, духовное рожденіе обличалъ въ несостоятельности. Но погрѣшительное мнѣніе Никодима исправляетъ Господь, говоря, что свойства плоти и духа не должны быть смѣшиваемы. Пусть и Евномій, если угодно, исправится въ подобныхъ мысляхъ. Ибо думаю, что заботящемуся объ истинѣ должно разсматривать предложенное въ свойственномъ ему, а не по сужденію о вещественномъ клеветать и на невещественное. Ибо, если человекъ, или вошь, или другое чтó изъ раждаемаго по плоти, нечисто отъ страстей, когда рождаетъ или рождается; то сіе значить ли чтó для естества безстрастнаго и чистаго? Тѣмъ, что мы смертны, не отвергается безсмертіе Единороднаго; удобопревратностію людей въ порокъ не подвергается сомнѣнію непревратность естества Божественнаго; и ничто

другое свойственное намъ не переносится и на Бога. Напротивъ того особенныя свойства человѣческой и Божественной жизни суть нѣчто несмѣшиваемое и несообщимое, и отличительныя свойства во всемъ различны, такъ что ни человѣческія не заключаются въ божественномъ, ни обратно божественныя въ человѣческомъ.

Итакъ почему же Евномій, когда предположено говорить о Божественномъ рожденіи, оставивъ предположенное, описываетъ земное, хотя о семъ нѣтъ у насъ съ нимъ нисколько спора? Но цѣль искusstника очевидна—оужденіемъ за страсть уничтожить рожденіе Господа. И въ этомъ, не говоря о хулѣ, дивлюсь тонкости ума въ человѣкѣ, какъ помнить, о чемъ у него забота, и сказаннымъ прежде приводя къ заключенію, что Сыну должно быть и называться рожденіемъ, теперь спорить, что рожденія о Сынѣ и представлять себѣ не надлежитъ. Ибо если всякое рожденіе, какъ думаетъ Евномій, тѣсно связано съ страстнымъ расположеніемъ; то по всей необходимости въ слѣдствіе сего признается, что чуждое страданію вмѣстѣ съ тѣмъ непремѣнно чуждо и рожденію. Если и страданіе и рожденіе представляются въ мысли соединенными между собою, то непричастный одного изъ нихъ не можетъ имѣть общенія съ другимъ. Посему какъ же въ слѣдствіе рожденія называетъ порожденіемъ Того, о Комъ, на основаніи свя-

заннаго теперь, самимъ же доказано, что Онъ не рожденъ? Изъ за чего же Евномій спорить съ нашимъ учителемъ (а), который совѣтуетъ не осмѣливаться на составленіе именъ въ Божественныхъ догматахъ, но хотя признавать, что Сынъ рожденъ, понятіе сего однакоже не превращать въ видъ имени, такъ чтобы рожденнаго называть порожденіемъ, такъ какъ слово сіе въ Писаніи употребляется собственно о вещахъ неодушевленныхъ, или взятыхъ въ образъ злости? Но когда говорится у насъ, что слово: рожденіе должно быть умалчиваемо, Евномій употребляетъ въ дѣло несодому оную реторику, взявъ въ споборничество и грамматическую холодность рѣчи, и съ помощію искусственнаго или производства, или подбора именъ, или, не знаю, какъ прилично назвать сіе должно, дѣлаетъ изъ сего умозаключенія, не запрещаая Рожденнаго называть порожденіемъ. Когда же, принявъ это, подвергнемъ разсмотрѣнію понятіе имени, чтобы доказывать изъ сего общность сущности; опять беретъ именованія въ особенномъ смыслѣ, и утверждаетъ, что рожденіе не рождено, срамнымъ естествословіемъ тѣлеснаго рожденія уничтожая чистое, божественное и безстрастное рожденіе Господа, какъ будто въ Богѣ не возможно сойдтись вмѣстѣ тому и другому,

(а) Василиемъ Великимъ.

и истинному рожденію отъ Отца, и безстрастію естества; напротивъ того, если рожденіе безстрастно, то не будетъ сіе рожденіемъ; если же кто признаетъ оное истиннымъ, то вмѣстѣ съ рожденіемъ допускается непремѣнно и страданіе.

Не такъ таинство богословія проповѣдуетъ возвышенный Іоаннъ, не такъ эготъ громовый гласъ, который и Сыномъ называетъ Божиимъ, и проповѣдь очищаетъ отъ всякой страстной мысли. Ибо вотъ какъ предуготовляетъ слухъ въ началѣ Евангелія! Сколько предупредительности въ учителѣ, чтобы кто либо изъ слушающихъ не впалъ въ низкія мысли, и по невѣжеству не поползнулъ въ какія либо нелѣпныя предположенія! Чтобы не приобученный слухъ, сколько можно, далѣе отвести отъ понятія: страсть, не упомянулъ онъ въ началѣ ни Сына, ни Отца, ни рожденія, съ тою цѣлію, чтобы кто, въ первыхъ словахъ, или услышавъ объ Отцѣ, не увлекся ближайшимъ значеніемъ имени, или дознавъ о проповѣдуемомъ Сынѣ, не понялъ имени по здѣшнему обычаю, или не палъ при словѣ: рожденіе, какъ при камнѣ преткновенія. Но вмѣсто Отца именуетъ *начало*, вмѣсто родился—*бъ*, вмѣсто Сына—*Слово*, и говоритъ: *въ началѣ бѣ Слово* (Іоан. 1, 1.). Скажи мнѣ, какая страсть въ силѣ реченіяхъ: *бѣ*, и *Слово*? страсть ли—*начало*? въ страсти ли *бѣ*? отъ страсти

ли Слово? Или, поелику нѣтъ страсти въ сказанномъ, то не выражается проповѣдію и родственнаго? Впрочемъ какъ же иначе, а не сими реченіями, выразится лучше общность и близость сущности и совѣчность Слова съ Началомъ? Іоаннъ не сказалъ: отъ Начала родилось Слово, чтобы понятіемъ какого либо протяженія не разъединить Слова съ Началомъ; но проповѣдалъ о Словѣ совокушно съ Началомъ, вообще сказавъ о Началѣ и о Словѣ: *бъ*, чтобы Слово не опоздало противъ Начала, но коснулось слуха проповѣдію прежде, нежели принято имъ одно начало, войдя съ вѣрою въ начало. Потомъ говоритъ: *и Слово бѣ у Бога*. Еще ѹбоялся евангелистъ нашей неопытности; еще боится нашего младенчества и невѣжества, еще не вѣряетъ слуху названія: Отець, чтобы кто изъ болѣе плотскихъ, узнавъ объ Отцѣ, въ слѣдъ за симъ не вообразилъ мысленно и о матери. Но не пменуетъ еще въ проповѣди и Сына; потому что подозрѣваетъ еще въ насъ привычку къ дольному естеству, чтобы иный, услышавъ о Сынѣ, и божественнаго не превратилъ въ человѣческое по страстному образу мыслей. Посему-то евангелистъ, продолжая проповѣдь, опять наименовалъ Слово, такъ естествослова о семъ тебѣ невѣрному: какъ твое слово является изъ ума, и не требуетъ въ посредство страсти: такъ и тамъ, услышавъ Слово, ни чьей не примѣ-

тишь страсти. Посему-то Иоаннъ, возобновляя опять проповѣдь, говоритъ: *и Слово бѣ у Бога*. О, какъ съ Богомъ соразмѣряетъ Слово! Лучше сказать, какъ съ Безпредѣльнымъ распрости-раетъ безпредѣльное! *Слово бѣ у Бога*, у всецѣлаго Бога, конечно, всецѣлое Слово. Посему сколько неизмѣримъ Богъ, столько же именно неизмѣримо и Слово сущее у Него; а если объемлетъ предѣлами Богъ, то, безъ сомнѣнія, имѣетъ предѣлъ и Слово. Если же безпредѣльность Божія престапаетъ предѣлъ, то и Слово, уоупредставляемое у Бога, не объемлетъ предѣлами и мѣрами. Ибо никто не скажетъ, что не во всемъ Божествѣ Отца уоупредставляется Слово, такъ что въ Богѣ иное будетъ съ Словомъ, а другое окажется лишеннымъ Слова. Снова отеческій слышенъ гласъ Иоанна, снова евангелистъ напоеваетъ проповѣдію слухъ младенчествующихъ; при первыхъ звукахъ не возрасли еще мы до того, чтобы, услышавъ слово: Сынъ, не поползнуться намъ, увлекшись обычнымъ значеніемъ. Посему-то проповѣдникъ, еще въ третій разъ возобновляя рѣчь, провозгласилъ: Слово, а не Сынъ, сказавъ: *и Богъ бѣ Слово*. Сперва сказавъ, гдѣ *бѣ Слово*, потомъ у Кого *бѣ*, теперь уже сказуетъ чтó Оно такое. Троекратнымъ повтореніемъ достигаетъ цѣли проповѣди. Говоритъ евангелистъ: не какое либо слово, въ обыкновенномъ смыслѣ разумѣемое, но Бога проповѣдую подѣ

наименованіемъ Слова. Сіе-то Слово, Которое было въ началѣ, было у Бога, и было не иное чтò, кромѣ Бога, но самъ Богъ. И повтореніемъ непрестанно усиливая громогласныя воззванія, проповѣдникъ сказуетъ, что сей есть Богъ открываемый въ проповѣди, сей самый, Кѣмъ *вся быша; и животъ бы, и свѣтъ челоукоу,* и свѣтъ истинный во тмѣ сіяющій, и тмоу не помрачаемый, во своя приходящій, и своими не приемимый, содѣлавшійся плотію, и плотію вселившійся въ челоуческомъ естествѣ (Іоан. 1, 3—14.). Перечисливъ все сіе и подобное сему, тогда называетъ Отца и именуетъ Единороднаго, когда уже не было никакой опасности очищенному столькими предвареніями, при значеніи слова: Отецъ, поползнуться въ какое либо нечистое разумѣніе.

Видяхоу, сказано, *славу Ею, славу яко Единороднаго отъ Отца* (Іоан. 1, 14.). Скажи на это евангелисту, скажи, Евномій, сіи мудрыя твои положенія, какъ въ словѣ именуешь Отца, какъ именуешь Единороднаго, когда всякое тѣлесное рожденіе совершается со страстію? Конечно, за него отвѣчаетъ тебѣ истина: иное дѣло—богословское таинство, и иное—естествословіе бранныхъ тѣлъ; великой средою раздѣлены они между собою. Для чего въ соприкосновеніе приводишь словомъ несмѣшиваемое? Для чего нечистымъ словомъ оскверняешь чистоту Божественнаго рожденія? Для

чего тѣлесными страстями объясняешь безтѣлесное? Не по дольному толкуй и о горнемъ. Господь—Сынъ Божій, проповѣдую вамъ. Евангеліе съ небесъ изъ свѣтлаго облака проповѣдало такъ; ибо говоритъ: *Сей есть Сынъ Мой возлюбленный* (Матѣ 3, 17.). Но когда преподаю мнѣ, что Онъ Сынъ; тогда симъ именемъ не былъ я увлеченъ къ земнымъ значеніямъ слова: сынъ, напротивъ того знаю, что Онъ родился отъ Отца, но не знаю, чтобы по страсти. Присовокуплю еще къ сказанному и то, что знаю и тѣлесное нѣкое рожденіе, чистое отъ страсти; почему Евноміево естествословіе тѣлеснаго рожденія и въ этомъ уличается, что оно ложно, если найдется только рожденіе тѣла не пріившее страсти. Скажи: правда ли, что *Слово плоть бысть* (Юан. 1, 14.), или нѣтъ? Не можешь сказать, что не было. Слѣдовательно *бысть*, и нѣтъ отрицающаго это. Посему какъ *Богъ явился во плоти* (1 Тим. 3, 16.)? Конечно, скажешь: въ рожденіи. Какое же припомнивъ рожденіе? Очевидно, припомнивъ рожденіе отъ Дѣвы, и припомнивъ, что *рождавшая въ ней было отъ Духа Свята* (Матѣ. 1, 20.), и что, когда исполнились дни родить ей, родила, и тѣмъ не менѣе въ рожденіи сохранилась нѣрастлѣнность. Потомъ, что рожденіе со стороны жены чисто отъ страсти, сему вѣруешь (если только вѣруешь), но рожденія Божественнаго и пречистаго отъ Отца не до-

пускаешь, не уопределяя при рожденіи и страсти. Но ясно знаю, что не избѣжна въ догматѣ страсть для того, кто не обращаетъ вниманія на начало въ Божественномъ и пречистомъ естествѣ; напротивъ того, къ отрицанію однороднаго Бога употребивъ въ содѣйственники лицемѣрное опасеніе допустить страсть, доказываетъ то, чтобы Творецъ всей твари признаваемъ былъ частию твари.

2 И это явственно показываетъ въ томъ, чѣмъ снова оспариваетъ сказанное, говоря: «отъ Отца рождена сущность Сына, не въ слѣдствіе растяженія изринутая, не въ слѣдствіе истеченія или отдѣленія отъ естественной связи съ Родшимъ отторгшаяся, не въ слѣдствіе приращенія достигшая совершенства, не въ слѣдствіе измѣненія принявшая на себя образъ, но по одному изволенію Родшаго получившая бытіе». Ибо не всякій ли, у кого не вовсе оглушены чувствилща души, познаетъ изъ этого, что, по доказываемому въ Евноміевыхъ словахъ, Сынъ есть часть твари? Что препятствуетъ все это, отъ слова до слова, сказать и о всякой другой вещи, усматриваемой въ твари? И если угодно, приложимъ рѣчь къ чему либо видимому въ твари: ежели не то же будетъ слѣдствіе, всю рѣчь обратимъ въ осужденіе себѣ самимъ, какъ злонамѣренно, а не съ надлежащею заботливостію объ истинѣ, изслѣдующимъ слово. Посему, измѣнивъ

имя: Сынъ, Евноміеву рѣчь прочитаемъ буквально. Скажемъ: отъ Отца рождена сущность земли, не въ слѣдствіе растяженія или отдѣленія отторгшаяся отъ естественной связи съ Родшимъ, не въ слѣдствіе приращенія достигшая совершенства, не въ слѣдствіе измѣненія изринутая, но по единому изволенію Родшаго получившая бытіе. Есть ли въ сказанномъ какая несообразность съ существомъ земли? Никто, думаю, не скажетъ, что есть; потому что Богъ не въ слѣдствіе растяженія изринулъ землю, не источивъ, илиотдѣливъ Себя самаго отъ связи съ Собою, составилъ сущность земли, не постепеннымъ возвращеніемъ изъ малаго въ великое довелъ до совершенства, не какому либо подвергнувъ Себя превращенію и измѣненію, преобразился въ видъ земли, но изволенія достаточно Ему было для составленія сущности Имъ произведеннаго. Ибо *Той рече, и быша* (Пса. 32, 2.); такъ что имя: рожденіе не разногласитъ съ выраженіемъ: составленіе земли. Посему, если можно справедливо сказать сіе о частяхъ міра, то какое еще остается сомнѣніе объ ученіи противниковъ? А именно, что, именуя на словахъ Сыномъ, доказываютъ, что Онъ одинъ изъ приведенныхъ въ бытіе твореніемъ, преимуществуетъ предъ другими тварями однимъ старшинствомъ въ порядкѣ происхожденія; какъ можно сказать и о кузницѣ, что всѣ ея произведенія изъ желѣза, но

производству прочихъ предшествуютъ орудія: щипцы и молотъ, которыми желѣзо обдѣлывается, смотря по потребности. Но потому только, что орудіе предшествуетъ произведенію, нѣтъ уже какой либо разности въ веществѣ у обдѣлывающаго орудія и у обдѣлываемаго орудіемъ желѣза. И то и другое желѣзо, но по наружности одно старше другаго.

Таково богословіе ереси о Сынѣ. Евномій думаетъ, что по сущности ни чѣмъ не разнятся и Самъ Господь, и приведенное Имъ въ бытіе, исключая одну разность въ порядкѣ происхожденія. Посему кто же изъ принадлежащихъ, сколько нибудь, къ христіанамъ согласится, что одно и то же достоинство сущности и у частей міра и у Сотворившаго міръ? Ужасаюсь хулы, зная, что у кого одно достоинство, у тѣхъ, конечно, и естество не разное. Какъ у Петра, у Іоанна и у прочихъ людей и достоинство сущности общее, и естество одно, такимъ же образомъ, если Господь по естеству въ равномъ достоинствѣ съ частями міра; то, если примѣтятъ что въ разсужденіи сихъ частей, по необходимости должны признать, что и Господь подлежитъ тому же. Но міръ не навсегда пребудеть; значитъ, по мнѣнію ихъ, вмѣстѣ съ небомъ и землею перейдетъ и Господь, если однороденъ Онъ съ міромъ. А если Его исповѣдуемъ вѣчнымъ, то по всей необходимости признается и міръ не лишен-

нымъ доли въ Божественномъ естествѣ, если только сходенъ съ Единороднымъ, какъ съ тварію. Видишь, куда, по прекрасному этому слѣдствію, стремится слово, подобно какому-то камню, оторвавшемуся отъ вершины горы, и собственной своею тяжестію гонимому по склону. Ибо необходимо или стихіямъ міра оказаться, по еллинской суетности, досточтимыми, или не поклоняться и Сыну. Но посмотримъ на сіе такъ. Мы утверждаемъ, что тварь, и умопостигаемая, и вся принадлежащая къ чувственному естеству, приведена въ бытіе изъ ничего; они тоже проповѣдуютъ и о Господѣ. Мы говоримъ, что все существующее Божіею волею приведено въ бытіе; они тоже разглашаютъ и объ Единородномъ. Мы вѣруемъ, что не изъ сущности Сотворшаго — тварь и въ ангельскомъ и въ этомъ мірѣ; они и Его подобно отчуждаютъ отъ Отчей сущности. Мы исповѣдуемъ, что все служебно волѣ Сотворшаго; они понятіе сіе имѣютъ и объ Единородномъ. Посему необходимо и все иное, что только представляютъ себѣ о твари, прилагаютъ и къ Единородному, и чему бы ни повѣрили въ разсужденіи Единороднаго, предполагаютъ сіе и о твари, такъ что, если Господа исповѣдуютъ Богомъ, то обоготворятъ и прочую тварь; и если утверждаютъ, что тварь непричастна Божественнаго естества, не будутъ отрицать того же мнѣнія и объ Единор-

родномъ. Но ни одинъ здравомыслящій не будетъ приписывать божества твари. Не умолчать ли мнѣ остальнаго, чтобы не употреблять языка на хулу противниковъ? Чтѣ, какъ слѣдствіе, присовокупляется къ прежнему, пусть скажутъ тѣ, у кого уста обучены къ хулѣ. Слово же и смалчивающихъ явно. Ибо необходимо будутъ два противныя слѣдствія: или явно отвергнуть едиnorodнаго Бога, утверждая, что у нихъ Его и нѣтъ и не именуется; или, если припишутъ Ему божество, то равно припишутъ оное и всей твари. Или напоследокъ,—избѣгая нечестія, обнаруживающагося въ томъ и другомъ, прибѣгнутъ къ благочестивому слову, и безъ сомнѣнія согласятся, что Единородный не сотворенъ, чтобы исповѣдывать, что Онъ дѣйствительно Богъ.

3. Должно ли продолжать рѣчь, повторяя всѣ другія хулы, какія Евномій, въ слѣдствіе сего начала, необходимо помѣстилъ въ словѣ? Ибо кто смотритъ на послѣдствіе, тотъ изъ сказаннаго уразумѣетъ, что отцу жи, виновнику смерти, изобрѣтателю порока, сотворенному естествомъ умнымъ и безплотнымъ, естество сіе не воспрепятствовало по превращеніи стать тѣмъ, чтѣ онъ есть. При пребратности сущности, свободно движимой туда и сюда, сила естества послѣдуетъ наклонности произвола, такъ что естество дѣлается тѣмъ, къ чему поведетъ его произволъ. Поэтому и о

Господь полагаетъ, что можетъ принимать въ Себя противоположности, чтобы въ слѣдствіе сотворенія низвести Его до равночестія съ Ангелами. Но пусть выслушаютъ великое слово Павла: какъ говорить, что одинъ Онъ названъ Сыномъ, потому что не ангельскаго, но лучшаго естества? *Кому бо рече когда отъ Ангелъ: Сынъ Мой еси Ты? И егда наки вводитъ Первороднаго во вселенную, глаголетъ: и да поклонятся Ему вси Ангели Божіи. И ко Ангеломъ убо глаголетъ: творяи ангелы Своя души, и слуги Своя оныя палачи: къ Сыну же: престолъ Твой, Боже, въ вѣкъ вѣка: жезлъ правости жезлъ царствія Твоего* (Евр. 1, 5—8.). Такъ апостоль продолжаетъ, и что нное послѣ сего изрекло богословствующее пророчество. Присовокупляетъ же относящееся сюда и изъ другаго пѣснопѣнія: *въ началъ Ты, Господи, землю основалъ еси, и дѣла руку Твою суть небеса, и все слѣдующее до словъ: Ты же тойжде еси, и лѣта Твоя не оскудѣютъ* (10—12), гдѣ описываетъ неизмѣняемость и вѣчность естества. Поэтому, если Божество Единороднаго на столько выше естества ангельскаго, на сколько обладающій разнится отъ рабовъ; то почему обобщаютъ или съ чувственною тварію Господа твари, или съ естествомъ ангельскимъ Того, Кому поклоняются Ангелы? Такъ о способѣ существованія Единороднаго еретики употребляютъ выраженія, которыя въ собственномъ смыслѣ

приличествовать будутъ каждой вещи, усматриваемой въ твари, какъ уже показали мы, что изреченное ересію слово о Господѣ сродно и свойственно устройству земли. Но чтобы въ трудахъ нашихъ не оставалось чего либо сомнительнаго для читающихъ, и то изъ богодухновеннаго Писанія, въ чемъ заключастся нѣкоторое оправданіе еретическихъ ученій, достойно будетъ присовокупленія къ изслѣдованному нами.

Ибо на основаніи упомянутыхъ нами апостольскихъ словъ спросить, можетъ быть: почему названъ первороднымъ твари, если Онъ не то же, что тварь? Всякій первородный перворожденъ не между инокродными, но между однородными, какъ Рувимъ, по рожденію первенствуя предъ счисляемыми послѣ него, былъ первородный человекъ въ числѣ другихъ людей, и многіе другіе называются первородными между счисляемыми вмѣстѣ съ ними братьями. Посему еретики говорятъ: «какою представимъ себѣ сущность всей твари, и о Первородномъ ея говоримъ, что Онъ той же сущности. Поэтому, если вся тварь еднокродна Отцу всяческихъ, то не отрицаемъ, что таковъ же и Первородный твари. Если же Богъ всяческихъ различенъ отъ твари по сущности, то совершенно необходимо и о Первородномъ твари сказать, что не имѣетъ ничего общаго съ сущностію Божіею». Такова сила возраже-

нія, противопоставляемаго нами слову, и оно, думаю, ничѣмъ не ниже того, какое борющимся съ нами и слѣдовало намъ сдѣлать. Но что надлежитъ для сего знать, сколько въ нашихъ силахъ, объяснено теперь будетъ въ словѣ. У апостола во всѣхъ его посланіяхъ четырекратно употреблено имя: первородный, но упоминаніе сего имени дѣлается различно, а не однимъ и тѣмъ же способомъ. Ибо то говоритъ о Первородномъ *всѣя твари* (Кол. 1, 15.); еще сказано о Первородномъ *во многихъ братіяхъ* (Римл. 8, 29.); потомъ о Перворожденномъ *изъ мертвыхъ* (Кол. 1, 18.). Въ посланіи же къ Евреямъ имя первородный упомянуто само по себѣ не въ связи съ другими. Ибо говоритъ такъ: *егда же пакы вводитъ Первороднаго во вселенную, глаголетъ: и да поклонятся Ему вси Ангели Его* (Евр. 1, 6.). Такъ раздѣливъ мѣста сіи, хорошо разобрать каждое изъ нихъ само въ себѣ порознь: почему Онъ перворожденъ твари, почему перворожденъ во многихъ братіяхъ, и почему упомянуть безъ каждаго изъ сихъ прибавленій Самъ по себѣ, когда снова вводится во вселенную, и пріемлетъ поклоненіе отъ всѣхъ своихъ Ангеловъ? Посему, если угодно, рассмотримъ предложенныхъ мѣстъ начнемъ съ послѣдняго.

Егда же пакы вводитъ Первороднаго во вселенную, говоритъ апостоль. Прибавленіе слова:

наки, по буквальному значенію показываетъ, что происходитъ сіе не въ первый разъ. Ибо такое реченіе употребляемъ о возобновеніи бывшаго уже однажды. Слѣдовательно словомъ симъ означаетъ апостолъ страшное явленіе Единороднаго въ концѣ вѣковъ, когда узрять Его, не въ образѣ раба, но велебѣнно возсѣдающимъ на престолѣ царствія, и приѣмлющимъ поклоненіе отъ всѣхъ окрестъ Его Ангеловъ. Посему единожды Вошедшій во вселенную, ставъ первороднымъ изъ мертвыхъ, въ братіяхъ и всея твари, когда снова войдетъ во вселенную, судя *вселенный въ правду*, какъ говоритъ пророчество (Пса. 9, 9.), не сложитъ съ Себя имени: Первородный, которос единожды принялъ за насъ. Но какъ *о имени Иисусовъ, еже паче всякаго имени, всяко колѣно поклонится* (Фил. 2, 9—10.), такъ и Пришедшему подъ именемъ Первороднаго поклонится полнота всѣхъ Ангеловъ, радующаяся призванію человекъ, какимъ, въ слѣдствіе того, что сдѣлался нашимъ первороднымъ, снова призвалъ опять въ первоначальную благодать. Поелику радость будетъ у Ангеловъ о спасаемыхъ отъ грѣха (потому что она *тварь даже до нынѣ совоздыгаетъ и собользнуетъ* нашей суетѣ, почитая собственнымъ своимъ ущербомъ нашу гибель), когда послѣдуетъ *откровеніе сыновъ Божиихъ*, котораго за насъ всегда чаютъ и востерпѣливо ждутъ (Римл. 8, 19. 22.),

и когда спасется овца въ горней сотнѣ (овцу же сію составляемъ всѣ мы, все естество человѣческое, и ее-то спасъ благій Пастырь тѣмъ, что сдѣлался Первороднымъ): тогда-то особенно въ усиленномъ благодареніи за насъ совершится поклоненіе Богу, первородствомъ призвавшему удалившагося отъ отческаго дома.

Поелику разумѣемъ сіе такъ, то никто уже да не сомнѣвается о прочемъ, почему дѣлается первороднымъ изъ мертвыхъ, или перворожденнымъ твари, или перворожденнымъ во многихъ братіяхъ. Ибо все сіе клонится къ одной и той же цѣли, хотя въ каждомъ выраженіи выказывается какая нибудь особенная мысль. Первороднымъ изъ мертвыхъ дѣлается, кто первый на Себѣ Самомъ разрѣшилъ болѣзни смерти, чтобы и всѣмъ проложить путь къ рожденію чрезъ воскресеніе. Перворожденнымъ въ братіяхъ дѣлается опять первородившійся въ водѣ новымъ рожденіемъ пакибытія, въ болѣзняхъ котораго оказываетъ помощь пареніе голубя. Посредствомъ онаго участвующихъ съ Нимъ въ подобномъ рожденіи дѣлаетъ Своими братіями, и Самъ дѣлается первороднымъ раждаемыхъ послѣ Него отъ воды и Духа. Короче сказать, поелику три у насъ рожденія, которыми приводится къ жизни естество человѣческое: рожденіе тѣлесное, рожденіе въ таинствѣ пакибытія, и рожденіе въ

ожидаемомъ еще воскресеніи изъ мертвыхъ, то во всѣхъ трехъ дѣлается первороднымъ. Поелику наквбытіе двояко совершается двумя способами: крещеніемъ и воскресеніемъ; то Самъ, ставъ вождемъ обоихъ, дѣлается перво-рожденнымъ во плоти, потому что первый и одинъ обновилъ Собою невѣдомое естеству рожденіе отъ Дѣвы, въ чемъ никто не предшествовалъ Ему въ столькихъ родахъ человѣческихъ. Поэтому если понято сіе разумомъ, то не останется неизвѣстнымъ значеніе твари, въ разсужденіи которой Онъ перворожденъ. Ибо знаемъ двоякое твореніе естества нашего: первое, которымъ созданы, и второе, которымъ възсозданы. Но во второмъ твореніи не было бы для насъ потребности, если бы перваго не обратили въ ничто преслушаніемъ. Итакъ, поелику первая тварь обветшала и уничтожена, должна произойдти во *Христѣ нова тварь*, какъ говоритъ апостоль (2 Кор. 5, 17.). Ничего обветшавшаго не желаетъ онъ видѣть во второй твари, говоря: *сobleкшеса ветхаго челоуѣка съ дьянми и похотми ею, облещытеса въ новаго, созданнаго по Богу* (Кол. 3, 10. Еф. 4, 24.). И *еще кто во Христѣ*, говоритъ апостоль, *нова тварь: древяя милоидоша, се быша нова* (2 Кор. 5, 17.). Ибо одинъ и тотъ же Творецъ естества челоуѣческаго и въ началѣ и въ послѣдствіи. Тогда, взявъ персть отъ земли, сотворилъ челоуѣка; и опять, взявъ

персть отъ Дѣвы, не просто сотворилъ чело-
вѣка, но создагъ на Себѣ. Тогда сотворилъ,
а послѣ сего сотворенъ; тогда Слово содѣлало
плоть, а послѣ Слово стало плотію, чтобы пре-
творить въ духъ нашу плоть, сообщившись съ
нами плотію и кровію. По сей-то новой во
Христѣ твари, въ которой Самъ предшество-
валъ, наименованъ первороднымъ, сталъ на-
чаткомъ всѣхъ: и раждаемыхъ въ жизнь, и
мертвыхъ, оживотворяемыхъ воскресеніемъ,
чтобы господствовать надъ мертвыми и жи-
выми, и начаткомъ въ Себѣ соосвятить все
смѣшеніе. А что не по предвѣчному бытію
придается Сыну имя первороднаго, свидѣтель-
ствуетъ названіе едиnorodнымъ. Ибо дѣйстви-
тельно едиnorodный не имѣетъ братьевъ. Какъ
будетъ едиnorodнымъ признаваемый состоя-
щимъ въ числѣ братьевъ? Но какъ называется
Богомъ и челоѣкомъ, Сыномъ Божиимъ и Сы-
номъ челоѣческимъ, образомъ Божиимъ и зра-
комъ раба, будучи однимъ по дѣйстви-
тельному естеству, и сдѣлавшись другимъ по че-
лоѣколюбивому домостроительству: такъ, бу-
дучи и Едиnorodнымъ Богомъ, дѣлается Пер-
ворожденнымъ всея твари, едиnorodнымъ бу-
дучи въ нѣдрахъ Отчихъ, а перворожденнымъ
твари и дѣлаясь и называясь въ спасаемыхъ
новою тварію. Если же, какъ угодно ереси,
первороднымъ называется потому, что сотво-
ренъ прежде прочей твари, то имя сіе несо-

гласно съ доказаннымъ ими самими объ Единородномъ Богѣ. Ибо не говорятъ того, что Сынъ и все одинаково приведены въ бытіе Отцемъ; но Единороднаго Бога называютъ произведеніемъ Отца, все же иное произведеніемъ Единороднаго. Посему на какомъ основаніи уча, что Сынъ сотворенъ, Бога именуютъ Отцемъ твари: на томъ же, конечно, основаніи говоря, что все создано Единороднымъ Богомъ, именуютъ Его не первороднымъ, но въ болѣе собственномъ смыслѣ Отцемъ созданныхъ Имъ, потому что отношеніе обоихъ къ тварямъ одно и тоже, а слѣдовательно одно производитъ и названіе. Ибо если Сый надъ всѣми Богъ собственной своей твари въ собственномъ смыслѣ называется не первороднымъ, но Отцемъ; то на семъ же, конечно, основаніи и Единородный Богъ въ собственномъ смыслѣ именоваться будетъ Отцемъ, а не первороднымъ собственныхъ Своихъ тварей, такъ что названіе первороднымъ по всему не точно и излишне, и въ еретическомъ смыслѣ не имѣетъ мѣста.

4. Но возвратиться должно къ тѣмъ, которые Божественному рожденію приписываютъ страсть, и потому, чтобы не подразумѣвать страсти, отрицаютъ, что Господь дѣйствительно рожденъ. Ибо говорить, что съ рожденіемъ всего сопряжена страсть, и посему думать о Сынѣ, что чуждымъ для Него надле-

жить признавать понятіе о рожденіи, чтобы Божество пребывало чистымъ и вѣкъ страсти, можетъ быть имѣть, по видимому, нѣкоторое основаніе для людей легко вдающихся въ обманъ; но для обученныхъ божественнымъ таинствамъ готово обличеніе въ исповѣдуемомъ. Ибо кто не знаетъ, что въ истинную и блаженную жизнь вводитъ насъ рожденіе, которое не одно и то же съ происходящимъ *отъ крове и отъ похоти плотскія* (Іоан. 1, 13.), съ имѣющимъ теченіе, преложеніе, постепенное усовершенствованіе, и все иное, что усматривается въ плотскомъ рожденіи; но инаково, отъ Бога и небесно. О семъ-то рожденіи, какъ говоритъ Евангеліе (Іоан. 1, 13.), вѣруемъ, что оно свыше, и не допускаетъ страданія плоти и крови.

Пусть отважатся противники утверждать одно изъ двухъ: что или нѣтъ рожденія свыше, или ежели и есть, то по страсти. Но они соглашаются, что сіе рожденіе есть, и не находятъ въ немъ страсти. Слѣдовательно не всякое рожденіе соединено со страстію; напротивъ того вещественное страстно, а невещественное чисто отъ страсти. Посему какая необходимость свойственное плоти приписывать пречистому рожденію Сына, и поелику дальнее рожденіе осмѣивается въ непристойномъ описаніи, и Сына не допускать до близости съ Отцемъ? Если же наше рожденіе ве-

детъ къ той и другой жизни, но рожденіе плотское страстно, а духовное чисто, то (можетъ ли кто изъ причисляющихся, какъ ни есть, къ христіанамъ противорѣчить сему?) представляющій себѣ мысленно рожденіе пречистаго естества какъ предположить страсть? Но сверхъ сказаннаго изслѣдуемъ еще слѣдующее. Если по страсти плотскаго рожденія не вѣрятъ безстрастію рожденія Божественнаго, то по тѣмъ же примѣрамъ, какіе, разумѣю, у насъ, пусть не вѣруютъ, что безстрастный Богъ есть Создатель. Ибо если по нашему судятъ о Божественномъ, то признаютъ, что Богъ и не рождаетъ, и не творитъ, потому что въ насъ ни то, ни другое не производится безстрастно. Посему пусть или оба сіи дѣйствія, и твореніе и рожденіе, устранятъ отъ Божественнаго естества, чтобы тѣмъ и другимъ сохранить безстрастіе въ Богѣ, и изъ догмата своего совершенно выбросятъ вѣру въ Единороднаго, чтобы Отецъ сохраненъ былъ отъ страсти, не очерняемый и рожденіемъ; или уступятъ, что Божественная сила въ одномъ дѣйствуетъ безстрастно, да и о другомъ не спорятъ. Ибо если творитъ безъ труда и вещества, то и рождаетъ конечно, безъ труда и истеченія.

И въ этомъ опять словѣ имѣю своимъ защитникомъ Евномія. Но выражусь, обсѣкши немного его пустословіе и вкратцѣ повторивъ

всю мысль, а именно, что люди не вещества приготовляют у насъ, но придумываютъ только видъ одинъ веществу. Вотъ содержаніе съ великимъ пустословіемъ сказаннаго еретиками. Посему Евномій, если въ дольномъ рожденіи представляя себѣ зачатіе и образованіе раждаемаго, отрицаетъ по этому возможность чистаго понятія о рожденіи; то въ слѣдствіе сего, поелику здѣшнее твореніе трудится надъ однимъ видомъ, а не можетъ доставить вещества для вида, пусть на томъ же основаніи отрицаетъ поэтому и мысль, что Отецъ есть Создатель. Если же творенія въ Богѣ не хочетъ разумѣть по человѣческой мѣрѣ силы, то повидимому въ человѣчествѣ да не оуждаетъ и Божественнаго рожденія. Но чтобы болѣе явными стали Евноміевы точность и осмотрительность въ томъ, что говоритъ онъ, снова повторимъ немногое нѣчто изъ сказаннаго еретиками.

Евномій говоритъ: «дѣйствующее и страждущее имѣютъ между собою общеніе въ естествѣ», и послѣ рожденія отъ тѣлъ перечисляетъ искусственныя произведенія изъ веществъ. Посему проницательный слушатель пусть усмотритъ изъ сего, какъ блуждающій всегда по встрѣчающемуся случайно теряетъ путь къ собственной своей цѣли. Дѣйствующее и страждущее въ раждаемыхъ по плоти Евномій видитъ при той же сущности, такъ что одно

сообщаетъ сущность, другое приобщается оной. Такъ умѣетъ онъ въ естествѣ существъ съ точностію усматривать истину, чтобы отдѣлнить отъ сущности и сообщающаго и приобщающагося, и о каждомъ изъ нихъ утверждать, что само по себѣ оно иное съ сущностію. Ибо принимающій или сообщающій, безъ сомнѣнія, инаковъ съ принимаемымъ или подаваемымъ. Почему сперва долженъ быть представляемъ кто либо самъ въ себѣ усматриваемый въ собственной своей уюности: а потомъ уже можно сказать о семъ, что или даетъ, или имѣетъ, или принимаетъ, чего еще не имѣетъ. И такимъ смѣшнымъ образомъ изрыгнувъ это слово, мудрецъ не чувствуетъ, что въ послѣдующемъ опять самъ себя опровергаетъ. Ибо кто подлежащее вещество съ помощію искусства приводитъ въ какій ему угодно видъ, тотъ, конечно, творитъ нѣчто своею дѣятельностію и вещество отъ дѣйствующаго съ искусствомъ сообщаемый видъ пріемлетъ съ страданіемъ. Ибо, не безстрастнымъ и нимало не противодѣйствующимъ пребывая, вещество принимаетъ образъ огъ искусства. Посему, если въ томъ, что производится искусствомъ, не произойдетъ ничего, пока къ производимому не стекутся совокупно одно съ другимъ страданіе и дѣйствіе: то какъ же можно думать, что въ слѣдствіе сего въ словахъ своихъ устоятъ писатель, который, утверждая общность

сущности въ страданіи и дѣйствіи, отваживается рожденному не только приписать сколько ни есть общей сущности съ родившимъ, но и всю тварь сдѣлать односущною съ Сотворившимъ, если только опредѣляетъ и дѣйствующее и страждущее однородными между собою по естеству? Слѣдовательно чѣмъ доказываетъ, что ему хотѣлось, тѣмъ ниспровергаетъ, что домогался доказать, усиливая оспориваніемъ своимъ мысль объ единосущіи. Ибо если роженіе отъ кого либо въ рожденномъ показываетъ сущность родившаго, а искусственно устроеніе, совершаемое съ дѣйствіемъ и страданіемъ, по слову Евномія, дѣйствующее и производимое ведетъ къ общенію сущности: то писатель, во многихъ мѣстахъ собственныхъ своихъ писаній доказывая, что Господь рожденъ, тѣмъ самымъ, чѣмъ отчуждаетъ онъ Господа отъ Отчей сущности, приписываетъ Ему единеніе съ Отцемъ. Ибо если, по слову еретика, ни въ слѣдствіе роженія, ни въ слѣдствіе устроенія, не усматривается отдѣленія сущности, то, чѣмъ ни предоставитъ быть Господу, тварию или роженіемъ, въ обоихъ случаяхъ припишетъ сродство по сущности, кто въ дѣйствующемъ и страждущемъ, въ родившемъ и рожденномъ, по наукѣ призналъ общность естества. Но обратимся къ продолженію слова.

Прошу читающихъ не огорчаться точностію изслѣдованія, неволью многорѣчиваго. Ибо не

маловажная грозитъ бѣда, опустивъ изъ вида нѣчто требующее тщательнѣйшаго обозрѣнія, потерпѣть ущербъ въ маломъ; напротивъ того подвергаемся опасности въ томъ, что есть главнаго въ упованіи. Намъ предстоитъ или быть христіанами, не вдаваясь въ еретическую пагубу, или непремѣнно увлечься въ іудейскія и еллинскія мнѣнія. Посему, чтобы не потерпѣть ни того, ни другаго изъ запрещеннаго, то есть, ни отрицаніемъ дѣйствительно рожденнаго Сына не изъявить согласія на іудейскія догматы, ни поклоненіемъ твари не доказать, что пали вмѣстѣ съ идолослужителями, по необходимости продолжимъ рѣчь объ этомъ, остановившись на самомъ реченіи Евномія, читающемся слѣдующимъ образомъ: «въ слѣдствіе сего раздѣленія понятій, иный справедливо скажетъ, что въ самомъ собственномъ смыслѣ такъ называемая, первая и единая, дѣйствіемъ Отца произведенная сущность принимаетъ на себя названія рожденія, произведенія и твари». И чрезъ нѣсколько словъ Евномій продолжаетъ: «единственный же Сынъ, произведенный дѣятельностію Отца, имѣетъ несообщимое естество и отношеніе къ Родшему». И въ написанномъ предъ симъ говоритъ, что «рожденнаго не отказывается называть порожденіемъ, потому что самая рожденная сущность, и названіе: Сынъ дѣлаютъ свойственнымъ себѣ такое отношеніе именъ».

Итакъ, по причинѣ столь явнаго противорѣчія въ сказанномъ, остается мнѣ дивиться остроумію хвалящихъ сіе ученіе. Ибо всегда останется неизвѣстнымъ, къ чему изъ сказаннаго Евноміемъ обратившись, не погрѣшаютъ въ остальномъ. Первое слово у него доказывало, что рожденная сущность и названіе: Сынъ дѣлаютъ свойственнымъ себѣ такое отношеніе именъ; а настоящее его словоупотребленіе говоритъ тому противное, а именно, что Сынъ имѣетъ несообщимое отношеніе къ Родшему. Если повѣрятъ первому, то, конечно, не допустятъ втораго. Если же будутъ склоняться на послѣднее, то противостанутъ первому мнѣнію. Кто рѣшитъ у нихъ споръ? Кто будетъ посредникомъ въ междоусобной брани? Кто это разногласіе приведетъ въ согласіе, когда самое желаніе, въ слѣдствіе сказаннаго, дѣлится само съ собою, и догматы доходятъ до противорѣчія? Или, можетъ быть, это пророческое гаданіе, сказанное объ іудеяхъ Давидомъ: *раздѣлишася, и не умилишася* (Пса. 34, 15.). Ибо вотъ раздѣляемые до противорѣчія догматовъ не чувствуютъ своего заблужденія, но, подобно сосудамъ носимымъ за уши, переводятся, куда угодно переставляющему. Угодно было ему сказать, что рожденной сущности естественно названіе: Сынъ; и тотчасъ, какъ засыпающіе, поникли головою, соглашаясь на сказанное. Перемѣнилъ опять рѣчь въ противную,

и отрицаетъ отношеніе Сына къ Родшему; опять и на сіе весьма любезно отвѣчаютъ поклономъ, какъ тѣни отъ тѣлъ, въ самодвижномъ подражаніи примѣняются къ движенію идущаго. впереди, склоняясь къ тому, къ чему онъ пожелаетъ, и хотя бы сталъ бороться самъ съ собою, принимаютъ и это. Вотъ нѣкое новое Омирово питіе, не тѣла врачуемыхъ измѣняющее въ видъ безсловесныхъ, но въ душахъ производящее ихъ превращеніе въ нѣчто безсловесное. Ибо о тѣхъ говоритъ баснь, что твердымъ оставался у нихъ умъ и по измѣненіи ихъ вида въ звѣриный; а здѣсь, когда тѣла у нихъ остаются въ естественномъ состояніи, души претворяются въ безсловесныя. И какъ тамъ чудодѣйствующая поэзія говоритъ, что напоенные измѣняются въ различные виды звѣрей, въ угодность претворяющей естество; то же самое и нынѣ бываетъ отъ этой Церцейной чаши. Ибо упоенные чарующею прелестію Евноміева сочиненія измѣняются въ образы различныхъ догматовъ, преобразуясь нынѣ въ тотъ, а потомъ въ другой. И при этомъ наиболѣе услажденные, по складу басни, любятъ еще доведшаго ихъ до такого безсловесія, и подобно какому-то плоду дерена, или желудямъ, разсѣваемыя имъ слова, припавъ къ землѣ, собираютъ, какъ свиньи, съ жадностію прибѣгая къ ученіямъ, не восходящимъ отъ земли, и не имѣютъ способности возвести

взоръ къ догматамъ высшимъ и небеснымъ. Поэтому не смотря на превращеніе рѣчи въ противоположную, но за встрѣтившееся имъ хватаются безъ изслѣдованія. Подобно тому, что, какъ говорятъ, бываетъ съ усыпленными мандрагоромъ, у когорыхъ тѣла приходятъ въ безчувственность, сонъ и неподвижность, въ такомъ же точно расположеніи бываютъ у нихъ чувствлища души, усыпленные и неспособныя уразумѣть прелесть. Хотя тяжело въ слѣдствіе какаго либо лжеумствования подвергаться скрытому обману, не примѣчая того, однакоже несчастіе сіе извинительно, когда бываетъ невольно; но съ какою-то предусмотрительностію и со тщаніемъ привлекаться къ испытанію зла не незнающему этого бѣдствія; это превосходитъ всякую мѣру злосчастія. Ибо не достойно ли негодованія, когда слышимъ, что и изъ рыбъ жадныя бѣгутъ отъ приближающагося къ нимъ голаго желѣза, обольщаемыя же приманкой, въ надеждѣ найти пищу, тянутъ къ себѣ уду? Но гдѣ зло очевидно, тамъ произвольно бросаться на сію гибель—это бѣдственнѣе и неразумія рыбъ. Ибо тѣ къ скрытой отъ нихъ гибели привлечены прозорливостію; а эти глотають голую уду нечестія, по какому-то неразумному пристрастію любя гибель. Ибо что можетъ быть очевиднѣе сего противорѣчія—утверждать, что одинъ и тотъ же и рожденъ и есть тварь, что сродно Ему

названіе: Сынъ и названію сему чуждо значеніе: Сынъ? Но о семъ довольно.

5. Полезно же будетъ, можетъ быть, видѣть въ связи полную мысль предложеннаго намъ Евноміева изреченія, обратившись къ началу рѣчи. Ибо изслѣдованное тсперь явнымъ противорѣчіемъ въ сказанномъ подвигло насъ немедленно начать опроверженіе съ послѣднихъ словъ. Итакъ Евноміемъ сказано слѣдующее: «въ слѣдствіе сего раздѣленія понятій, иный справедливо скажетъ, что въ самомъ собственномъ смыслѣ такъ называемая, первая и единая, дѣйствіемъ Отца произведенная сущность принимаетъ на себя названія рожденія, произведенія и твари». Посему внимательнымъ къ слову намѣреваюсь сначала напомнить, что въ первомъ сочиненіи Евномій говоритъ: въ самомъ собственномъ смыслѣ называемая сущность есть сущность Отца, и ведетъ рѣчь сими словами: «все наше догматическое ученіе ограничивается превысшею и въ самомъ собственномъ смыслѣ такъ называемою сущностію». И здѣсь въ самомъ собственномъ смыслѣ такъ называемою и первую сущностію признаетъ сущность Единороднаго. Посему Евноміевы реченія изъ этой и другой книги сведя во едино, самага Евномія представимъ свидѣтелемъ объ общей сущности, утверждавшимъ гдѣ-то въ другомъ мѣстѣ нѣчто подобное сему: кому принадлежать одни и тѣже

названія, у тѣхъ и естество не разное; ибо не означалъ бы тождествомъ названій разъединенное по естеству вступающій въ споръ съ самимъ собою. Но поелику въ Отцѣ и Сынѣ сущность по понятію одна, то посему, конечно, говорить, что такъ называется въ самомъ собственномъ смыслѣ одна, и въ самомъ же собственномъ смыслѣ другая. Подтверждается же слово сіе и обычаемъ человѣческимъ, не придающимъ значенія въ собственномъ смыслѣ ничему такому, чему имя не оправдывается естествомъ. Такъ по неправильному словоупотребленію подобіе называемъ человѣкомъ, но собственно словомъ симъ называемъ живое существо, показываемое въ естествѣ; а также слово Писанія называетъ иногда богомъ и идола, и бѣса, и даже чрево; но не однимъ и тѣмъ же образомъ оно употребляетъ и собственное названіе, и всѣ другія. Объ иномъ говорится, что въ сонномъ мечтаніи онъ ѣлъ, но мечту нельзя назвать въ собственномъ смыслѣ пищею. Поэтому если какіе либо два человѣка равно существуютъ въ естествѣ своемъ, то каждаго изъ нихъ въ собственномъ смыслѣ называемъ человѣкомъ. Если же кто и неодушевленный образъ станетъ причислять къ человѣку въ дѣйствительности существующему, и дѣйствительно существующаго и подобіе его назоветъ двумя человѣками, то не возможно засвидѣтельствовать, что то и другое

называетъ въ собственномъ смыслѣ. Такъ если бы естество Единороднаго разумѣлось чѣмъ-то инымъ съ сущностію Отца, то писатель не назвалъ бы каждую сущность въ самомъ собственномъ смыслѣ такъ именуемою. Ибо почему бы кто либо различное по естеству означилъ тожествомъ именъ? Но истина по обычаю обнаруживается и враждующими съ нею, потому что ложь даже и во вражескихъ рѣчахъ не можетъ совершенно пересилить истину. Посему-то устами сопротивныхъ, и незнающихъ, что говорятъ, проповѣдуется слово благочестія, какъ и спасительное страданіе за насъ Господа предсказано Каіафою, ненавшимъ, что говорить. Посему если выраженіе: въ самомъ собственномъ смыслѣ, есть общее сущности того и другаго, разумѣю Отца и Сына: то какое право имѣетъ Евномій говорить, что сущности между собой различны? Или почему усматривается въ нихъ разность съ тѣмъ, что могущественнѣе, важнѣе, и предпочтительнѣе, когда въ самомъ собственномъ смыслѣ называемая сущность не допускаетъ никакаго умаленія? Ибо несовершенное, что бы то ни было, не есть въ собственномъ смыслѣ: ни естество, ни сила, ни достоинство, ни что либо другое, усматриваемое отдѣльно. Поэтому превосходство Отца по сущности, какъ угодно ереси, обличаетъ несовершенство сущности Единороднаго. Итакъ если несовер-

шенна, то и не въ собственномъ смыслѣ именуется; если же въ самомъ собственномъ, то конечно и совершенна. Ибо недостаточному называться совершеннымъ не естественно; даже и сравнительно, при сопоставленіи совершеннаго съ совершеннымъ, невозможно представлять себѣ какую либо разность, происходящую отъ избытка или недостатка; потому что совершенство у обоихъ совершенныхъ, какъ у правіла, одно, недопускающее ни углубленій у недостающаго, ни выпуклостей у избыточествующаго. Посему въ сказанномъ достаточно можно видѣть защищеніе нашего догмата Евноміемъ, впрочемъ не попеченіе о насъ, но борьбу съ самимъ собою. Ибо чѣмъ въ словахъ своихъ утверждаетъ нашъ догматъ, тѣмъ на себя обращаетъ свои ухищренія. Но мы опять буквально послѣдуемъ за написаннымъ, чтобы всякому стало явно, что слово ихъ не имѣетъ никакой силы дѣлать зло, кромѣ одного желанія повредить.

Посему выслушаемъ сказанное. «Справедливо иной скажетъ, что въ самомъ собственномъ смыслѣ такъ называемая, первая и единая, дѣйствіемъ Отца произведенная сущность принимаетъ на себя названія рожденія, произведенія и твари». Кто не знаетъ, что отдѣляющее церковь отъ ереси есть слово: тварь, употребляемое о Сынѣ? Итакъ поелику разность въ догматѣ признана всѣми; то какъ по-

ступить согласіе съ разумомъ намѣревающемуся доказать, что собственныя его понятія справедливыѣ нашихъ? Очевидно не составить ли собственное свое слово, сколько возможно, доказывающее необходимость той мысли о Господѣ, что Онъ сотворенъ? Или оставивъ это, поставить въ законъ слушающимъ сомнительное называть какъ бы всѣми признаннымъ? Я утверждаю первое. Но можетъ быть, и всѣ, у кого есть разумъ, потребуютъ сего отъ противорѣчущихъ, — начало слова утвердивъ сперва на какомъ либо непререкаемомъ основаніи, потомъ уже подвизаться въ послѣдующемъ. А Евномій, оставивъ доказательство надобности почитать Его сотвореннымъ, раскрываетъ дальнѣйшее, прилагая рядъ умозаключеній къ неутвержденному еще положенію. Подобное нѣчто бываетъ съ тѣми, которые углубляются душою въ суетныя пожеланія, развлекаясь мыслями или о царствѣ, или о чемъ либо иномъ, для нихъ вождѣнномъ. Помышляютъ не о томъ, чтобы исполнилось съ ними что либо изъ желаемаго, но о томъ, какъ располагать имъ собою, имѣя это въ рукахъ, и въ удобность себѣ воспользоваться успѣхомъ, съ какимъ-то удовольствіемъ обольщая себя неосуществившимся. Такъ и мудрый нашъ писатель, не знаю гдѣ, усыпивъ пресловутую свою діалектику, прежде чѣмъ доказалъ, что требовалось, какъ бы дѣтямъ какимъ передаетъ

намъ въ видѣ басни обманчивое и нескладное пустословіе о своемъ догматѣ. Ибо говорить: «дѣйствіемъ Отца произведенная сущность принимаетъ названія рожденія, произведенія и твари». На какомъ же основаніи доказано, что Сынъ произведенъ какимъ-то предуготовительнымъ дѣйствіемъ, а естество Отца пребывало недѣятельнымъ въ разсужденіи впосташи Сына. Ибо подлежало сомнѣнію и составляло вопросъ слѣдующее: сущность ли Отца родила Сына, или Его произвело нѣчто отвнѣ послѣдовавшее за естествомъ? Церковь, по Божественному ученію, вѣруеть, что Единородный дѣйствительно есть Богъ, гнушается же многобожнымъ суевѣріемъ, и посему не допускаетъ разности естествъ, чтобы при различіи сущностей Божества не подпали счисленію. А сіе не иное что значить, какъ снова ввести въ міръ многобожіе. Итакъ поелику церковь въ простотѣ сему учитъ, а именно, что отъ сущности истиннаго Бога истинный Богъ по сущности есть Единородный Богъ: то вступающему въ противорѣчіе съ признаннымъ какъ было должно опровергать предзанятое мнѣніе? Не долженъ ли въ опроверженіе составить онъ слово, въ которомъ бы на основаніи какого либо признаваемаго начала доказывалось подлежащее сомнѣнію? Не думаю, чтобы кто изъ имѣющихъ умъ потребовалъ чего либо другаго кромѣ сего? Но Евномій

начинаетъ подлежащимъ спору, и это, какъ доказанное, полагаетъ въ начало послѣдующему слову. Если бы напередъ было доказано, что Сынъ произведенъ какимъ-то дѣйствіемъ: то былъ ли бы возможенъ какій споръ о слѣдующемъ, о сказанномъ, что какимъ то дѣйствіемъ произведенная сущность принимаетъ на себя названіе произведенія? Пока же не доказано предыдущее, почему имѣетъ силу слѣдующее за тѣмъ, пусть скажутъ защитники сего обмана. Ибо если кто допускаетъ, что человѣкъ по предположенію сдѣлался крылатъ, то не допуститъ ли уже и дальнѣйшаго; потому что сдѣлавшійся крылатымъ будетъ, какъ ни есть, летать, поднимется надъ землею вверхъ, превысренно носясь на крыльяхъ по воздуху. Но должно вникнуть, какъ можно сдѣлаться летающимъ не получившему воздушнаго естества. Поелику же сіе невозможно, то напрасно разсуждать и о послѣдующемъ.

Поэтому и Евномій пусть сперва докажетъ слѣдующее: церковь напрасно увѣровала, что дѣйствительно есть Единородный Сынъ, не по усыновленію усвоенный лжесименному Отцу, но рожденно по естеству отъ Сущаго Сущій, не отчужденный отъ естества роднаго. Пусть сперва это пзобличитъ, какъ ложное, и тогда уже, разсуждая о послѣдующемъ, будетъ заслуживать вѣроятіе. Но пока не доказано первое, останавливаться на второмъ есть дѣло

пустословія. И пусть никто отъ меня не требуетъ и признаваемое нами подтверждать доказательствомъ; ибо въ доказательство нашего слова достаточно имѣть отъ отцевъ дошедшее къ намъ преданіе, какъ наслѣдство какое, сообщаемое по порядку отъ апостоловъ чрезъ послѣдующихъ святыхъ. Но прелагающіе догматы въ сей новый видъ возимѣютъ нужду въ великомъ пособіи умствованій, если вознамѣряются приводить на свою сторону людей не мятущихся, какъ прахъ, и не постоянныхъ, но степенныхъ и твердыхъ умомъ. А пока предлагается имъ не утвержденное и не доказанное слово, кто будетъ столько простъ и несмысленъ, чтобы ученіе евангелистовъ, апостоловъ и послѣ нихъ просіявшихъ въ церкви мужей признать слабѣйшимъ недоказаннаго пустословія.

Но посмотримъ на отличѣйшую ловкость писателя, какъ легко по преизбытку діалектической опытности малоопытныхъ увлекаетъ въ противоположное. Къ названіямъ: произведеніе и тварь прикинулъ онъ слово: рожденіе, сказавъ, что принимаетъ на себя имена сія сущность Сына. И какъ бы разглагольствуя въ сборищѣ упившихся, думаетъ, что худое его обращеніе съ догматомъ никому не будетъ въ тягость. Ибо, слово: рожденіе примкнувъ къ словамъ: тварь и произведеніе, думаетъ сопряженіемъ несообщимаго скрасть разность

именъ по значенію. Вотъ мудрыя ухищренія діалектики! Но мы, невѣжды въ словѣ, хотя не отрицаемъ, что въ рѣчи и въ языкѣ есть то самое, что показываетъ о насъ слово, однакоже признаемъ, что и у насъ, какъ говорить пророкъ, уши устроены для разумнаго слышанія (Иса. 50, 4). Посему сочетаніемъ именъ, не имѣющихъ ничего общаго, не приводимся къ слянію означаемаго. Но если и великій апостоль вмѣстѣ именуеть *дрова, сѣно, тростіе, злато, сребро, каменіе честное* (1 Кор. 3, 12.), то и число упоминаемыхъ вещей совокупляемъ во едино, и въ отдѣльности познаемъ естество каждой поименованной вещи. Такъ и теперь, поелику рожденіе и произведеніе упомянуты вмѣстѣ, то, отъ реченій переходя къ означаемому, не одинъ и тотъ же смыслъ усматриваемъ въ каждомъ имени. Ибо иное нѣчто значить слово: тварь. и иное — слово: рожденіе: такъ что Евномій смѣшиваетъ несмѣшиваемое. Смысленный слушатель выслушаетъ раздѣльно, и докажетъ, что названіямъ: рожденіе и тварь невозможно заключать подъ собою какое либо одно естество. Ибо если одно изъ нихъ истинно, то необходимо будетъ ложно другое: такъ что, если тварь, то не рожденіе, и на оборотъ, если названо будетъ рожденіемъ, то чуждымъ сдѣлается наименованію: тварь. Напротивъ того Евномій говоритъ: «сущность Сына принимаетъ на себя названія и рожденія, и произведенія, и твари».

Но въ остальномъ не подтвердилъ ли чѣмъ этого слова, не имѣющаго ни головы, ни корня, тотъ, кто въ началѣ бросилъ это слово, безъ всякой въ немъ силы, въ основаніе доказываемаго? Или и остальное отличается тою же пустотою, не приобрета кърѣпости ни отъ какого содѣйствія разсужденій, но оставаясь пространнѣмъ и нескладнѣмъ изложеніемъ хулы, похожимъ на расказъ о сонной грезѣ? Ибо Евномій говорить, присовокупивъ къ сказанному слѣдующее: «имѣющая непосредственное рожденіе, не раздѣльно сохраняющая отношеніе къ родшему, произведшему и сотворшему». Ибо если, отложивъ въ сторону слова: непосредственное и нераздѣльное, разсмотримъ смыслъ прочихъ реченій въ самомъ себѣ, то найдемъ, что всюду бросается въ слухъ обольщаемыхъ произвольность реченія, не поддерживаемая никакимъ основаніемъ. Сказано: родшему, сотворшему, произведшему. По видимому, три здѣсь имени имѣютъ значеніе двухъ представленій, потому что два слова по понятію равносильны между собою. Одно и тоже значить произвести и сотворить, иное же съ сказаннымъ значить рожденіе. Итакъ при значеніи словъ, по общему разумѣнію людей дѣлимомъ на различныя понятія, на какомъ основаніи докажутъ намъ, что произведеніе есть одно и тоже съ рожденіемъ, чтобы одну сущность приспособить намъ къ разнымъ реченіямъ? Ибо пока

одерживаетъ верхъ обыкновенное значеніе словъ, не находится никакого основанія къ превращенію знаменованія реченій въ противное; невозможно раздѣлить одно какое либо естество по понятію на произведеніе и рожденіе. Поелику каждое изъ нихъ, само по себѣ названное, имѣетъ особенно ему свойственное толкованіе; то совершенно необходимо собственнымъ и сродственнымъ съ именами представлять себѣ и относительное сопряженіе. Ибо и остальное изъ сказуемаго относительно къ чему либо состоитъ въ свойствѣ не съ чуждымъ и не съ разногласнымъ. Напротивъ того, хотя бы и умолчано было, къ чему относительно говорится, однакоже само собою съ первообразнымъ слышится и сопряженное. Таковы напримѣръ слова: создатель, рабъ, другъ, сынъ, и подобныя симъ. Ибо все то, что входитъ въ разсмотрѣніе по отношенію къ иному высшему, въ наименованіи каждый разъ представляетъ близкое и неразрывное сродство съ означаемымъ, при которомъ общеніе съ инокорднымъ несомнѣстно, потому что съ именемъ: сынъ не сопрягается имя: создатель, и слово: рабъ не возводится къ слову: создатель, и слово: другъ не означаетъ раба, и слово: сынъ—владыку. Напротивъ того познаемъ явное и раздѣльное сочетаніе каждаго изъ сихъ названій одного съ другимъ, при имени друга разумѣя инаго друга, при имени раба—госпо-

дина, при имени создателя—дѣло, и при имени отца—сына. Такъ и слово: рожденіе имѣеть собственно къ чему либо относящееся значеніе. Поэтому съ словомъ: рожденіе сопрягается слово: родшій, и съ словомъ: тварь, слово: сотворшій. И если не намѣрены мы переменною имень произвести какой либо слитности въ предметахъ, непременно должно при каждомъ относительномъ реченіи сохранять собственное его значеніе.

Посему, когда явенъ смыслъ сихъ реченій, къ чему относится каждое, то почему по правиламъ діалектики излагающей догматы не вырази́мъ въ сихъ именахъ собственнаго ихъ въ относительномъ употребленіи значенія; но думаетъ приспособить къ произведшему рожденіе и къ родшему—произведеніе, говоря, что сущность Сына приемлетъ на себя наименованія рожденія, произведенія и твари, нераздѣльнымъ же сохраняетъ отношеніе къ Родшему, произведшему и сотворшему? Ибо не въ естествѣ вещей одному и тому же дѣлиться въ разныхъ отношеніяхъ; напротивъ того какъ Сынъ въ свойствѣ съ Отцемъ и рожденное съ родшимъ, такъ произведеніе возводится къ произведшему, развѣ кто [при безразличномъ какомъ употребленіи словъ иное ихъ злоупотребленіе почтетъ болѣе свойственнымъ, нежели употребленіе въ естественномъ ихъ значеніи.

Какими же и какого свойства доводами по

оной неодолимой діалектикѣ, мнѣнія многихъ превративъ въ противное, полновластно подтверждаетъ это, а именно, что, поелику сущій надъ всѣми Богъ разумѣется и именуется и Творцемъ и Отцемъ, то Сынъ имѣеть право на оба именованія, равно называемый и тварью и рожденіемъ? Ибо по обычному и съ надлежащею точностію различающему подобныя имена словоупотребленію, имя: рожденіе придается рождающемуся отъ самой сущности, а имя: тварь происходящему отъ того, что внѣ естества, устрояющаго это. И посему-то божественные догматы въ преданномъ ими боговѣдѣніи предали намъ имена Отца и Сына, а не Творца и дѣло, чтобы не было какого либо поползновенія къ хулѣ, когда такое наименованіе отстраняетъ Сына въ нѣчто для Него чуждое и странное, и не нашли себѣ доступа безбожныя ученія, отдѣляющія Единороднаго отъ существеннаго сродства со Отцемъ. Кто утверждаетъ, что Сыну прилично названіе: тварь, тотъ, конечно, въ слѣдствіе сего скажетъ и о твари, что ей принадлежитъ названіе: сынъ, такъ что если Сынъ—тварь, то небо—сынъ, и каждая сотворенная вещь, по ученію этого писателя, въ собственномъ смыслѣ называется именемъ сына. Ибо если Сынъ имѣеть имя сіе не по общности естества съ Родшимъ, но поелику сотворенъ, потому и именуется Сыномъ; то по той же самой причинѣ именемъ сына

можно будетъ назвать и агнца, и пса, и лягушку, и все, что существуетъ по волѣ Сотворшаго. Если же каждое изъ сихъ существъ, потому что не принадлежитъ къ естеству Сына, не есть Сынъ, и не называется Богомъ; то, конечно, въ слѣдствіе сего въ собственномъ смыслѣ Сынъ есть Сынъ и исповѣдуются Богомъ, потому что Онъ одного и тогоже естества съ Родшимъ. Но гнушается еретикъ понятіемъ рожденія и гонитъ оное изъ божественныхъ догматовъ, оуждая имя по плотскому его объясненію. Впрочемъ о семъ достаточно сказано выше, а именно, что, по слову пророка, *убояшася страха, идъже не бѣ страхъ* (Иса. 13, 5.); ибо доказано, что и у людей не всякое рожденіе совершается по страсти, но вещественное въ слѣдствіе страсти, а духовное чисто и непорочно, потому что раждаемое отъ духа бываетъ духъ, а не плоть, въ духѣ же не усматривается никакого страстнаго расположенія. Поелику въ слѣдствіе представленныхъ нами примѣровъ писателю сему казалось необходимымъ принять во вниманіе божественную силу; то пусть убѣдитъ себя рожденіе божественное по другому способу рожденія разумѣть безстрастнымъ. Напротивъ того, сливая между собою три сіи названія, изъ которыхъ два равносильны, думаетъ онъ общимъ значеніемъ двухъ реченій увлечь съ собою слушателей, чтобы тоже самое думали и о третьемъ. Поелику на-

звание произведенія и твари показываетъ, что произведенное внѣ естества произведшаго, то присоединяетъ къ симъ реченіямъ и слово: рожденіе, какъ будто и оно толкуется одинаково съ предыдущими. Но такой видъ рѣчи именуется злонамѣренностію, и обольщеніемъ, и обманомъ, а не обдуманнымъ и искуснымъ какимъ доказательствомъ; потому что доказательствомъ называется то одно, что посредствомъ общепризнаннаго приводитъ въ извѣстность неизвѣстное. Злонамѣренно же вводитъ въ обманъ, утаивать обличеніе, и явными обманами приводитъ въ замѣшательство смыслъ людей, какъ говоритъ апостоль, *растльнныхъ умолѣ* (2 Тим. 3, 6.), сего никто изъ цѣломудренныхъ не назоветъ искуснымъ доказательствомъ.

6. Но перейдемъ къ слѣдующему по порядку. Евномій говоритъ, что рожденіе сущности непосредственно и нераздѣльно сохраняетъ отношеніе къ родшему, произведшему и сотворшему. Если бы, сказавъ о нераздѣлимости въ сущности и о неимѣніи ея посредственнаго, остановилъ на этомъ рѣчь, то не уклонился бы отъ благочестивой мысли; потому что и нами исповѣдуется неразлучное и непосредственное единеніе Сына съ Отцемъ, такъ что нѣтъ ничего входящаго въ среду ихъ, что оказалось бы связію между Сыномъ и Отцемъ, нѣтъ представленія о какомъ либо промежуткѣ, даже самомъ маломъ, и недѣлимомъ, который,

по разсѣченіи времени на двое, на прошедшее и на будущее, въ настоящемъ представляется нераздѣльнымъ самъ по себѣ, чѣмъ-то такимъ, что не можетъ стать частию ни прошедшаго, ни будущаго, потому что совершенно непротяженно и недѣлимо, и къ чему ни было бы приложено, незамѣтно. Посему что вовсе не имѣетъ среды, о томъ говоримъ, что ничего такого посредствующаго у него нѣтъ; потому что раздѣляемое какою либо средою, не было бы еще не имѣющимъ среды. Посему, если бы Евномій, сказавъ, что рожденіе Сына непосредственно, не привнесъ ничего изъ утверждаемаго имъ, то училъ бы благочестиво разумѣмой связи Сына съ Отцемъ. Но поелику, какъ бы раскаявшись въ сказанномъ, немедленно присовокупилъ, что сохраняетъ отношеніе къ Родшему, произведшему и сотворшему, то послѣднимъ осквернилъ первое, къ чистому слову изрыгнувъ хульное реченіе, ибо явно, что и тамъ слово: непосредственное не къ благочестивой клонится мысли, но значить тоже, какъ если бы сказалъ кто: между гвоздемъ и кузнецомъ посредствуетъ молоть, и устроеніе послѣдняго непосредственно; потому что до изобрѣтенія искусствомъ орудій, какимъ-то промышленіемъ, при помощи другаго какаго-то орудія, сдѣланъ художникомъ прежде всего молоть, а такимъ образомъ съ помощію его и другое. Что тоже разумѣетъ сей писатель и объ

Единородномъ, показываетъ выраженіе, непосредственно. И не одинъ Евномій вводится при этомъ въ заблужденіе несообразностію ученія; равное сему можно найдти и въ трудахъ Θεогноста, который говоритъ, что Богъ, намъреваясь устроить вселенную, сперва какъ бы правило какое къ созданію предпоставилъ себѣ Сына. И Евномій не понялъ нелѣпости въ этомъ словѣ; что бываетъ не ради себя самаго, но ради чего либо другаго, то, безъ сомнѣнія, цѣнится меньше того, для чего имѣеть оно бытіе; какъ земледѣльческое орудіе устроаемъ ради жизни; но не наравнѣ съ жизнію цѣнимъ плугъ: такъ если и Господь ради міра, а не вселенная ради Его, то предпочтеннѣ Господа будетъ вселенная, ради которой, какъ они говорятъ, и самъ Господь. Къ этой мысли и теперь ведутъ рѣчь, когда усиливаются утверждать, что Сынъ непосредственное имѣеть отношеніе къ сотворшему и произведшему.

7. Но Евномій снисходительнѣе поступаетъ въ остальномъ, и говоритъ: «не сравнивается ни съ чѣмъ, происходящимъ отъ нея и послѣ нея». Вотъ чѣмъ враги истины услуживаютъ Господу—такими словами, изъ которыхъ очевиднѣйшая устроается хула! Ибо, скажи мнѣ, что изъ остальнаго, сколько касается это твари, имѣеть сравненіе съ другимъ, потому что вездѣ въ каждой вещи видимо свойство, недопускающее общности съ инороднымъ? У неба

нѣтъ сравненія съ землею, у земли съ звѣздами, у звѣздъ съ моремъ, у воды съ камнемъ, у животныхъ съ деревьями, у живущихъ на сушѣ съ пернатыми, у четвероногихъ съ плавающими, у словесныхъ съ безсловесными. И кто станетъ тратить время, говоря о всемъ подробно и доказывая, что то же самое можно сказать о каждой вещи видимой въ твореніи? И сіе-то самое — не имѣть сравненія ни съ чѣмъ послѣ Него и отъ Него происшедшимъ, какъ преимущество какое кинуту Единородному. Ибо явно, что все, что только можешь разумѣть, какъ само по себѣ сущее, не сравнимо ни со всѣмъ вообще, ни съ каждою вещію порознь, и что дѣйствительно можно сказать о какой бы то ни было твари, то врагами истины, какъ достаточное и вседовольное, удѣляется въ честь и славу Единородному Богу. Доведа до подобной мысли, Евномій въ остальномъ снова величаетъ Его почестями безъ значенія, привѣтствуя Господомъ и Единороднымъ; но чтобы отъ сихъ именъ не родилась въ слушателяхъ какая либо благочестивая мысль, къ благочестному тотъ часъ примѣшиваетъ хульное. Слово же въ слово читается такъ: «поелику рожденная сущность», говорить Евномій, «не оставляетъ мѣста для общности чему либо другому (ибо единородна); то и дѣйствованіе содѣлавшаго не усматривается общимъ». Какое оскорбленіе! Какъ

будто обращая слово къ безсловеснымъ и несмысленнымъ, у которыхъ нѣтъ разумѣнія, свободно ведетъ рѣчь исполненную противорѣчій; или, лучше сказать, допускаетъ до себя тоже, что бываетъ съ лишенными зрѣнія; и они часто поступаютъ непристойно въ глазахъ зрячихъ, предполагая, что ихъ не видятъ, потому что сами не видятъ. Ибо можно ли кому не увидѣть противорѣчія въ сказанномъ? Сущность, такъ какъ рождена, говоритъ Евномій, не оставляетъ другимъ мѣста къ общенію (ибо едиnorodна). Сказавъ это, какъ бы дѣйствительно или не видя самъ, или полагая, что его не видятъ, къ сказанному, какъ связанное съ нимъ, прилагаетъ не имѣющее ничего съ общимъ, къ сущности Единороднаго приспособивъ дѣйствование Сотворшаго; потому что рожденный къ родшему, и Единородный къ Отцу по связи непремѣнно имѣетъ отношеніе, и кто имѣетъ въ виду истину, тотъ въ отношеніи Сына усматриваетъ не дѣйствование Сотворшаго, но естество родшаго. А онъ, какъ будто припомнивъ растенія, или сѣмена, или иное что тварное, дѣйствование Сотворшаго прилагаетъ къ вѣпостаси Единороднаго. Ибо, если бы воззрѣнію нашему предлежали камень, или дерево, или что другое подобное, то слѣдовало бы предварительно представить себѣ въ мысли дѣйствование Сотворшаго. Если же и противники исповѣдуютъ,

что Единородный Богъ есть Сынъ и рождень, то какъ одни и тѣже реченія приличествуютъ и Ему и самымъ послѣднимъ частямъ творенія? И что справедливо можно сказать о муравьѣ, или о комарѣ, то, думаютъ они, благочестиво говорить и о Господѣ. Ибо, если кто изучилъ естество муравья, чѣмъ оно отличается отъ состава прочихъ животныхъ, то онъ, не удаляясь отъ правды, можетъ сказать, что дѣйствование сотворшаго на муравья не усматривается общимъ съ дѣйствованиями на другихъ животныхъ. И такъ что говорится о подобныхъ симъ тваряхъ, то утверждаютъ и объ Единородномъ. И какъ говорятъ о ловцахъ, что какими-то ямами пересѣкаютъ путь, которымъ проходятъ животныя, но скрываютъ свой умыселъ, заставляя отверстія ямъ чѣмъ нибудь гнилымъ и не твердымъ, чтобы яма приближающемуся казалась гладкимъ мѣстомъ; на подобное нѣчто ухищряется ересь противъ людей, доброзвучными этимъ и благочестивыми именами, какъ бы нѣкимъ сверху наложеннымъ покровомъ, заставляя яму нечестія, чтобы меньше разумныхъ, которые, проповѣдь ихъ по сходству реченій почти за одно и то же съ истинною вѣрою, стеклись на одно имя Сына и Единороднаго, низринуть въ яму, потому что значеніе названій не поддерживаетъ ихъ въ шествіи, но ведетъ въ бездну отреченія отъ Христа. Посему-то Евномій упоминаетъ

о рожденной сущности, не оставляющей ничему мѣста для общенія, и именуешь ее единоводною; это покровы на ямѣ. Но когда иный ставъ при ней, прежде нежели поглотенъ бездною, къ слову сему, какъ бы руку какую, приложить испытаніе словомъ, тогда увидитъ въ этомъ ученіи гибельный подкопъ идолослуженія; ибо, приступая, какъ къ Богу, и къ Сыну Божию, находитъ въ покланяемомъ тварь Божию. Поэтому туда и сюда носятся съ именемъ Единороднаго, чтобы обольщеннымъ и гибель стала не отвратительна, какъ иный, примѣшавъ къ хлѣбу отраву, будетъ угощать смертію имѣющихъ нужду въ пищѣ, которые безъ видимой приманки не согласились бы принять чистую тлетворную отраву. Поэтому премудро съ пользою для себя не опускаетъ Евномій изъ виду предположеннаго имъ. Ибо, если бы изъ ученія своего вовсе исключилъ слово: Сынъ; никто изъ людей не принялъ бы его обмана, когда въ явной проповѣди открыто провозглашалось бы отрицаніе. А теперь, оставивъ одно имя, означаемое же низводя до понятія твари, и возстановляетъ идолослуженіе, и укрываетъ его отъ обличенія. Но поелику не устами заповѣдано намъ чествованіе Бога, и благочестіе оцѣнивается не по звуку голоса, напротивъ того надлежитъ сперва *сердцемъ* увѣровать въ Сына *въ правду*, и тогда уже *усты* исповѣдать *во спасеніе* (Римл. 10,

10.), а тѣ, которые говорятъ въ сердцѣ: *ижесть Бога*, хотя устами исповѣдуютъ Господа, *растлѣшиа* (Пса. 13, 2.), какъ говоритъ пророкъ: то посему утверждаю, что надобно смотрѣть на мысль предлагающихъ слова вѣры, а не увлекаться звуками. Если кто, говоря о Сынѣ, имѣетъ при семъ реченіи въ виду не тварь; то онъ нашъ, а не изъ противниковъ нашихъ. Если же кто имя Сына придаетъ твари, то будетъ онъ причисленъ къ идолослужителямъ; потому что и тѣ Дагона и Вила и Змія именовали Богомъ, но въ слѣдствіе этого поклонялись не Богу, ибо и дерево и мѣдъ и животное—не Богъ.

8. Но какая нужда, догадываясь о смыслѣ, обнаруживать обманъ, сокрытый въ словѣ, и доставлять, можетъ быть, слушателямъ предлогъ думать, будто бы несправедливо возражаемъ въ этомъ врагамъ. Ибо вотъ Евномій открытую хулу предлагаетъ намъ, никакого покровя не палагая на свою ложь, но съ свободною рѣчью смѣло вдаваясь въ нелѣпость. Написано же у него такъ: «поэтому», говоритъ онъ, «кромѣ сущности не находя въ Сынѣ ничего инаго допускающаго рожденіе, думаемъ, что этой же сущности должно придать сіи названія, на словахъ ли только будемъ именовать Сыномъ и рожденнымъ, или отдѣлимъ слова отъ сущности, и на этомъ основаніи даже увѣримся, что сущности различны

одна съ другою». Нимало, думаю, не нужно намъ въ словѣ своемъ обличать нелѣпость, заключающуюся въ сказанномъ. Одно чтеніе написаннаго достаточно выставляетъ на позоръ хулу. Но посмотримъ на сіе такъ. Евномій говоритъ, что различны одна съ другою сущности Сына и Отца. Чтѣ означается словомъ: различны? Сперва изслѣдуемъ самую выразительность сего реченія, чтобы въ истолкованіи слова всего лучше открылась хула. Въ обычномъ словоупотребленіи реченіе: различіе (*παράλλαξις*) говорится о тѣлахъ, когда отъ расслабленія (паралича), или отъ другой какой болѣзни, который либо членъ выходитъ изъ естественной стройности; ибо, за противоположность больнаго члена здоровому, перемѣну подвергшагося болѣзни въ худшее называемъ: различіемъ (*παράλλαξις*). А въ различающихся нравственно по добродѣтели и пороку, когда невоздержная жизнь противопоставляется чистой и цѣломудренной, или не праведная правдивой, или кроткой, мирной и безмолвной раздражительная и бранчивая и не удерживающая гнѣва,—вообще все то, чтѣ при сравненіи съ лучшимъ заслуживаетъ обвиненія въ пороки, называется приходившимъ въ разность, потому что признаки того и другаго, разумѣю хорошаго и худаго, не сходятся между собою взаимно. Еще и о качествахъ, усматриваемыхъ въ стихіяхъ, говоримъ, что разнятся всѣ тѣ,

которыя одно другому противоположны, одно для другаго имѣя истребительную силу, какъ напримѣръ теплота и холодъ, сухость и влажность, или вообще, если что состоитъ въ противоположности съ другимъ; и несходное въ нихъ означаемъ реченіемъ: разность. И вообще все разногласящее съ другимъ по усматриваемымъ признакамъ, принадлежитъ къ числу предметовъ разнящихся, какъ здоровье и болѣзнь, смерть и жизнь, миръ и война, добродѣтель и порокъ, и все тому подобообразное.

По такомъ различеніи понятій, обратимъ вниманіе на писателя, въ какомъ смыслѣ говоритъ онъ, что у Отца и у Сына сущности между собою различны? Что разумѣеть онъ, говоря это? То ли, что Отецъ таковъ по естеству, а Сынъ отличенъ естествомъ? Или этимъ реченіемъ выражаетъ уклоненіе отъ добродѣтели, подъ именемъ разности отдѣляя худое отъ лучшаго, такъ что одну сущность усматриваетъ въ хорошемъ, а другую въ противномъ? Или по понятію о противоположности стихій Евномій усиливается утверждать, что одна божественная сущность разнится съ другою? Или въ какомъ отношеніи война къ миру, и жизнь къ смерти, такимъ же образомъ и въ сущностяхъ видитъ борьбу со всѣмъ подобнымъ, такъ что онѣ не сходятся одна съ другою, потому что смѣсь противоположностей имѣеть силу истребляющую вошедшее въ смѣсь, какъ

объ ученіи этомъ говоритъ приточная премудрость, что *вода и огнь не рекутъ: довьметъ* (Притч. 30, 16.), выражая сею загадкою равности естества въ борьбѣ, и сопротивленіе и взаимное истребленіе противоположностей.

И ни по чему этому, какъ говорить, не видить онъ разности въ оныхъ сущностяхъ. И такъ пусть скажетъ разумѣемое сверхъ этого? Но нечего будетъ сказать ему; хотя и говорить обычное, что Сынъ разнится съ Родшимъ; ибо симъ паче изобличается нелѣпость утверждаемаго имъ. Чтò такъ сродно, и другъ съ другомъ согласно сочетается и соглашается, какъ относительное къ Отцу значеніе Сына? А доказательствомъ сему то, что, хотя и не произнесены два сіи имени, однимъ изъ нихъ означается и умалчиваемое; такъ одно въ другомъ заключается, одно съ другимъ связуется, въ одномъ усматриваются оба, и ни которое изъ нихъ не можетъ быть понимаемо само по себѣ безъ другаго. Различнымъ же и разумѣется и называется что либо непременно по противоположности со сходнымъ; такъ напримѣръ шнуръ ложится по прямой чертѣ, а изогнутое, будучи приложено къ прямой чертѣ, не сходится съ нею. И музыкантамъ обычно согласіе тоновъ называть стройностію, а рознящее и не согласное нестройнымъ. Посему одно и тоже сказать: различно и несогласно. И такъ, если, по еретическому ученію, естество

Единороднаго Бога различно съ сущностію Отца, то, безъ сомнѣнія, и не согласно, а согласнымъ не можетъ быть въ томъ, съ чѣмъ не можетъ быть согласовано, какъ если на воску и на вырѣзкѣ, какая на печати перстня, изображеніе одно, то, когда на печать перстня налагается опять воскъ съ отпечатаннымъ ею изображеніемъ, тогда сходствуетъ онъ съ очертаніемъ печати, удерживая свои образы въ начертаніи, и входя въ пустоты, а выпуклости на печати перстня принимая въ собственные свои углубленія. Если же на вырѣзку, какая на печати перстня, наложенъ будетъ какой либо чуждый и инаковый оттискъ, то, принимая на себя изображеніе въ несвойственныхъ чертахъ, сдѣлаетъ не равнымъ и слитнымъ собственнѣй свой образъ. Но *во образъ Божіи сый* (Фил. 2, 6.), не въ иныхъ какихъ чертахъ изображается Отцемъ, какъ *образъ ипостаси* Отчей (Евр. 1, 3.); образъ же Божій, безъ сомнѣнія, одно и тоже съ сущностію. Какъ пришедшій въ образъ раба, сталъ имѣть на себѣ образъ сущности раба, воспріявъ не простой только образъ, несопряженный съ сущностію, напротивъ того образомъ обозначается сущность; такъ, конечно, сказавшій о себѣ, что Онъ *во образъ Божіи*, словомъ: образъ указалъ на сущность. Посему, если Онъ *во образъ Божіи*, и будучи *во Отцѣ*, имѣетъ на себѣ знаменіе Отчей славы, какъ

говорить евангельскій гласъ, вѣщая: *сею Отецъ знамена Богъ* (Іоан. 6, 27.), почему и *видѣвый Сынъ видѣ Отца* (Іоан. 14, 9.); то наименованія: образъ благодати, и сіяніе славы, и всѣ другія сему подобныя свидѣтельствуютъ, что сущность Сына не имѣетъ въ себѣ ничего не приличнаго Отцу.

Такъ сказаннымъ явно обнаруживается несостоятельность хулы сопротивныхъ. Ибо если различное не согласуется между собою, а назменованный Отцемъ, показующій въ Себѣ Отца, во Отцѣ сущій и въ Себѣ имѣющій Отца, всѣмъ доказываетъ и сродство и согласіе: то этимъ сильно обличается нелѣпость противниковъ. Ибо, какъ доказано, что различное несогласно, такъ на оборотъ безъ спора признается, что согласное непременно неразлично; какъ различное не согласуется, такъ согласующееся не различается. Кто говоритъ, что естество Единороднаго различно съ благою сущностію Отца, тотъ, конечно, видитъ различіе въ самомъ благѣ. Но что такое различное съ благомъ? *Уразумѣйте незлобивіи коварство*, говоритъ притча (Притч. 8, 5.).

Но минуя въ словѣ все это, какъ явно нелѣпое; изслѣдуемъ же предшествующее сему. «Кромѣ сущности Сына, говоритъ Евномій, не находится ничего инаго приѣмлющаго рожденіе». Что разумѣя. говоритъ это? Различивъ одно отъ другаго два имени, и раздѣливъ такъ

же въ словѣ означаемое ими, каждое изъ нихъ полагаетъ само по себѣ,—одно имя—рожденіе, а другое имя—сущность. Сущность, говоритъ, пріемлетъ рожденіе, очевидно, будучи чѣмъ-то инымъ отъ рожденія. Ибо если бы рожденіе было сущностно (что впрочемъ часто утверждаетъ Евномій), такъ что два названія равносильны между собою по выразительности; не сказалъ бы онъ, что сущность пріемлетъ рожденіе; ибо значило бы сказать: сущность пріемлетъ сущность, или рожденіе пріемлетъ рожденіе, если рожденіе тождественно съ сущностію. Посему иное нѣчто разумѣется подъ рожденіемъ, и иное подъ сущностію, которая пріемлетъ рожденіе; ибо пріемлющему невозможно быть однимъ и тѣмъ же съ пріемлемымъ. Итакъ вотъ что говоритъ мудрая ухищренность въ словѣ писателя! Но заключается ли какой смыслъ въ сказанномъ,—пусть изслѣдуетъ слово искусный въ сужденіи; а я опять возвращусь къ тому, что было говорено.

Евномій говоритъ: «кромѣ сущности Сына не находится ничего инаго пріемлющаго рожденіе». Что въ сказанномъ не заключается никакого смысла, явно это всякому, сколько нибудь вникнувшему въ слово. Остается вывести наружу ту хулу, которую готовить въ сихъ невразумительныхъ реченіяхъ. Ему хочется, хотя и не можетъ по недостатку силъ истолковать сіе, внушить слушателямъ ту

мысль, что значеніе слова: Сынъ показываетъ Его осуществленіе, рожденіемъ же именуется Евномій сіе осуществленіе, самымъ благоприличнымъ словомъ прикрывая ужасъ хулы, чтобы незатруднительнымъ стало согласіе на мысль, что Господь сотворенъ, какъ скоро осуществленіе выражается словомъ: рожденіе. Посему говорить, что сущность пріемлетъ рожденіе, чтобы, какъ и во всякой вещи, усматривалось какое бы то ни было осуществленіе. Никто не скажетъ, что осуществлено, чего нѣтъ. Такъ Евномій естество Единороднаго Бога, какъ бы нѣкое искусственное произведеніе, представляетъ въ словѣ: сотвореніе. Поэтому если пріемлетъ сіе за рожденіе, то говоритъ это съ намѣреніемъ означить, что Его не было, пока не осуществленъ. Чтѣ же иное изъ усматриваемаго въ твари не было приведено въ бытіе? Небо, земля, воздухъ, море,—все, чтѣ ни есть, конечно, приведено въ бытіе: ничего бы этого не было, если бы не было приведено въ бытіе. Итакъ почему Евномій, какъ нѣчто преимущественное въ естествѣ Единороднаго, усмотрѣлъ то, что въ самую сущность пріемлется Имъ рожденіе (такъ Евномій именуется осуществленіе), какъ будто шмель и комаръ пріемлютъ рожденіе не въ себя самихъ, но во чтѣ-то иное съ собою? Итакъ въ написанномъ признается, что у еретиковъ сущность Единороднаго обобщается съ малѣйшими

частицами твари, и весь рядъ умозаключеній, которымъ доказывается инаковость Сына со Отцемъ, имѣеть равную силу и въ разсужденіи чего бы то ни было отдѣльно взятаго. Посему какая нужда Евномію въ этойъ разнобразной утонченности при доказательствѣ инаковости по естеству? Должно было обратиться на краткій путь отрицанія, явно отказаться отъ признанія имени: Сынъ, и Единороднаго Бога не проповѣдать въ церквахъ, но іудейское служеніе признать предпочтительнѣйшимъ христіанскому исповѣданію, Отца исповѣдуя единымъ Творцемъ и Создателемъ, все же прочее подводя подъ имя и понятіе твари; а въ ряду тварей предпоставленное инымъ дѣло называть произведеніемъ, приведеннымъ въ бытіе какою-то осуществляющею дѣятельностію, вмѣсто единороднаго Бога и истиннаго Сына нарекая Его первозданнымъ.

Поселку сіи понятія у еретиковъ одержали верхъ; то большое для нихъ удобство привести догматъ къ цѣли, такъ какъ на основаніи подобнаго начала всѣ направляемы были, къ чему по надлежащему слѣдовало, а именно. что невозможно имѣть общей съ Богомъ сущности тому, кто не рожденъ, и не Сынъ, но какимъ-то дѣйствованіемъ приведенъ въ бытіе. Но доколѣ имѣють силу евангельскія изреченія, въ которыхъ Сынъ проповѣдуется и Единороднымъ и сущимъ отъ Отца и отъ Бога

и тому подобнымъ; то напрасно будетъ безумствовать Евномій, подобнымъ пустословіемъ оглашая и обольщая и себя и своихъ. Поелику названіе : Сынъ вопіеть о дѣйствительномъ отношеніи къ Отцу: кто столько простъ, что, когда Іоаннъ и Павелъ и прочій сонмъ святыхъ провозглашаютъ сіи подлинныя и показывающія родство именованія, не на нихъ обратитъ вниманіе, но на ученіе состоящее въ пустыхъ бряцаніяхъ Евноміевыхъ лжеумствованій, и правдивѣе тѣхъ, которые Духомъ глаголютъ тайны и имѣютъ въ себѣ Христа, почтеть Евномія? Какого же это Евномія? Откуда подъявшася до того, чтобы ему быть руководителемъ христіанъ? Но оставимъ это. Пусть забота о предлежащемъ, сколько можно, успокоитъ наше сердце, по ревности къ вѣрѣ мятущееся противъ хулителей. Ибо какъ не подвигнуться на гнѣвъ и вражду, когда эти презрѣнные безчестятъ нашего Бога и Владыку, Жизнеподателя и Спасителя? Если бы кто сталъ злословить отца моего по плоти, или непріязненно обходиться съ моимъ благодѣтелемъ, то возможно ли было бы безстрастно перенести оскорбленіе любимыхъ? Если же Господь души моей, Который создалъ ее и^н существовавшую, искупилъ порабощенную, далъ ей вкусить жизни настоящей, уготовалъ для нея жизнь будущую, призываетъ ее въ царствіе, и научаешь, какъ избѣжать намъ осу-

жденія въ геенну (признаю это мало важнымъ и недостойнымъ еще величія общаго нашего Владыки): если Тотъ, Кому поклоняется всякая тварь: небесная, земная и пренеподпая, Кому предстоятъ тьмы служащихъ на небѣ, къ Кому обращено все, что обитаетъ здѣсь и имѣетъ любовь къ прекрасному; если Онъ подлежитъ злословію людей, для которыхъ недостаточно самимъ только раздѣлять долю отступника, напротивъ того, которые признаютъ для себя утратою, если и другихъ не вовлекутъ съ собою въ бездну своимъ писаніемъ, чтобы и для потомковъ не было недостатка въ руководствѣ къ пагубѣ: то ужели кто будетъ отрицать нашъ на нихъ гнѣвъ? Но возвратимся къ слѣдующему по порядку.

9. Въ сказанномъ далѣ Евномій осуждаетъ онять насъ за то, что безчестимъ будто бы рожденіе Сына человѣческими уподобленіями, и припоминаетъ написанное объ этомъ отцемъ нашимъ, именно то мѣсто, гдѣ говоритъ онъ: поелику словомъ: сынъ означаются два понятія: происхожденіе по страсти, и естественная связь съ родшимъ, то неличное и плотское не согласуется съ Божіимъ словомъ, а что служитъ свидѣтельствомъ славы Единороднаго, то одно приемяется въ высокихъ догматахъ⁶. Посему кто безчеститъ рожденіе Сына человѣческими предположеніями: тотъ ли, кто изъ божественнаго рожденія исключаетъ страстное

и человѣческое, и безстрастно сочетаваетъ Сына съ родшимъ, или тотъ, кто Приводящаго все въ бытіе обобщаетъ съ дольною тварию? Но подобное, кажется, относящимся къ безчестію признаетъ новая эта мудрость; именно безчестнымъ признаетъ приобщить Сына къ величеству Отца, а великимъ и высокимъ низвести Его въ одно достоинство съ тварию, служебною, какъ и мы. Какое пустое обвиненіе! Василій чтитъ Сына, какъ чувствуется Отець, и на него клеветуютъ, что безчеститъ онъ Сына; а Евномій борется за честь Единороднаго, и лишаетъ Его благаго Отчаго естества! Подобной винѣ подвергался нѣкогда у аѳинянь, Павелъ, обвиняемый ими, будто бы возвѣщаетъ новыхъ боговъ, когда обличалъ онъ погрѣшительное вѣрованіе въ боговъ у аѳинянь, до безумія преданныхъ идолопоклонству, и руководилъ къ истинѣ, въ ареопагѣ благовѣствуя воскресеніе. Это же и нынѣ подражателю Павла возражаютъ новые стоики и эпикурейцы, которые, какъ исторія говоритъ объ аѳинянахъ, *ни во что же ино упражняются, разве глаголати что или слышати новое* (Дѣян. 17, 21.). Ибо найдется ли что новѣе сихъ выраженій: Сынъ дѣятельности, Отець твари, новоявленный Богъ происходящій изъ не сущаго, и благо различное отъ блага? Это выраженія тѣхъ, которые, поелику утверждаютъ, что Сынъ не то, что составляетъ есте-

ство родшаго, притворяются воздающими Ему подобающее чествованіе. Ужели Евномій уважаетъ родъ подобнаго чествованія, если кто скажетъ, что Сынъ не съ Отцемъ близокъ по естеству, но имѣетъ общеніе съ чѣмъ либо инопороднымъ? Ибо если о томъ, кто Господа твари обобщаетъ съ тварію, утверждается, что онъ этимъ чествуетъ Господа; то пусть чествуетъ и Евномій обобщающій Его по естеству съ безсловеснымъ и безчувственнымъ. Но если общеніе съ худшимъ, по мнѣнію его, есть дѣло трудное и обидное, то почему же Владычествующему *силою Своею въкомъ*, какъ говоритъ пророкъ (Иса. 65, 6.), служить въ честь быть поставлену въ одинъ рядъ съ естествомъ подчиненнымъ и рабскимъ? Но о семъ довольно.

СОДЕРЖАНІЕ

СОРОКЪ ПЕРВАГО ТОМА

ТВОРЕНІЙ СВ. ОТЦЕВЪ.

ТВОРЕНІЯ СВ. ГРИГОРІЯ НИССКАГО

(ЧАСТЬ V.)

	стр.
<u>Посланіе св. Григорія Нисскаго къ брату его, Петру,</u>	
<u>епископу севастійскому</u>	1
<u>Посланія Петра Севастійскаго къ брату его, св. Гри-</u>	
<u>горію Нисскому</u>	5
<u>Опроверженіе Евномія</u>	
книга первая	8
книга вторая	261
книга третья	381
книга четвертая	432
